

ОБЩЕСТВЕННАЯ
КОМПАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ИСКРА И ВЕТЕР

Annotation

Когда суровая зима на исходе, южный ветер из-за гор несет на своем хвосте перемены. Но к добру ли? Пламя войны пылает над равнинами и городами севера. Три армии Проклятых рвутся к Корунну. По хребтам заиндевевших гор, сквозь ядовитый туман Оставленных болот, через горький пепел Брагун-Зана, по пустынным красным холмам, мимо выжженных городов и деревень те, кого называют Искателями ветра, должны дойти до последней черты. Им предстоит решить, что важнее в мире Хары – «искра», ветер или, быть может, любовь...

- [Алексей Пехов](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глоссарий](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Алексей Пехов

Искра и ветер

*Не всегда ураган гасит искры.
Иногда он может превратить их в пожар.*

Глава 1

– Не холодно, красавица? – улыбнувшись, спросил широкоплечий жрец, и его низкий глухой голос эхом загулял по ущелью.

– Немного, – улыбнулась Альга, стараясь не дрожать уж слишком заметно.

Шубка, купленная в какой-то безымянной лавке по ту сторону Катугских гор, несмотря на свой жалкий вид и кажущуюся тонкость, оказалась на удивление теплой, чего нельзя сказать о сапожках и рукавицах. Пальцы стыли, и девушка очень жалела, что не знает плетений, дарующих тепло.

Брат Лерек посмотрел на спутницу из-под густых, светлых, словно выгоревших на солнце бровей, участливо вздохнул и натянул вожжи:

– Спаси тебя Мелот, дочь моя! Так и заболеть недолго!

Он начал рыться в телеге, перекладывая вещи. Альге пришлось подвинуться к краю, чтобы не быть задавленной ящиком, в котором что-то глухо стукнуло.

– Вот. Держи. Это поможет, – жрец протянул ей свернутую в тугой валик ослиную шкуру. – В Лоска досталась даром. Думал выбросить, но Мелот остановил мою руку. Как видно – не зря. Укройся. Будет теплее.

– Спасибо.

– Пустяки.

Жрец грузно сел на место, взял вожжи, чмокнул губами:

– Н-но!

Телега вновь тяжело поползла по горному серпантину. Последние несколько наров у Альги все чаще возникало впечатление, что они стоят на одном месте. Путники были в дороге с самого утра, но до сих пор так и не смогли достичь перевала.

Тащивший телегу серый в яблоках мерин еле плелся, ступая медленно и осторожно, часто останавливаясь, чтобы набраться сил.

Но в любом случае это было лучше, чем идти пешком.

– А что бы ты делала, если бы я не поехал? – глухо прогудел брат Лерек.

– Вернулась назад.

– Не уверен, – проворчал он. – Ты упрямая. Это сразу видно. Пошла бы дальше да замерзла где-нибудь.

– Не так уж и холодно.

– По тебе это очень заметно, дочь моя! – рассмеялся жрец. – Ну-ну. Не сердись. Я не хотел тебя обидеть. Просто знай, что пешком до перевала не дойти. Ночь будет холодной. Погода здесь совсем другая. Не как внизу.

Он был прав. На равнинах даже сейчас было сравнительно тепло, и все еще шли затяжные дожди. А здесь... На глазах Альги осень превратилась в зиму всего лишь за несколько наров.

– Вы не знаете, как долго нам добираться до крепости?

– Как Мелот распорядится. До темноты не успеем. Наверное, только завтра.

– Тут есть, где заночевать?

– Чуть дальше стоит трактир для путников. Будем надеяться, он открыт.

Девушка поплотнее завернулась в шкуру. Отвесные горы сжимали поднимающийся к Клыку Грома тракт в тесных объятиях. Серо-коричневые скалы со скудным кустарником, цепляющимся за склоны, оказались засыпаны свежим снегом и вызывали у Ходящей страшное уныние. Она не помнила более тоскливой и однообразной дороги за всю свою жизнь.

Во время подъема им не встретилось больше ни одного человека. Тракт оставался пустым. С севера к Лоска никто не ездил, а последние беженцы из долины прошли еще неделю назад. Остались лишь самые глупые, упрямые, считающие, что их не тронут. И те, кому нечего было терять.

Альга добралась до предгорий слишком поздно, чтобы уйти вместе со всеми. И ей, в отличие от обычных людей, которые в большинстве своем, действительно, совершенно не нужны набаторцам, было чего опасаться. Некроманты не оставляют в покое тех, в чьем сердце горит «искра».

– Откуда ты? С юга? – спросил ее спутник.

От матери-южанки Альга унаследовала прекрасную золотистую кожу и пушистые черные ресницы, поэтому многие думали, что родина девушки возле границ с Маркой.

– Нет, – улыбнулась она. – Я родилась в Корунне.

– А я из Альса.

– Далеко вы забрались.

– Не люблю Набатор. Через месяц южане будут здесь, а я не хочу встречать их в Лоска. Не страшишься путешествовать одна, красавица? Дороги сейчас опасны.

– Я не боюсь людей, – ровным голосом ответила Альга.

Это было правдой. После случившегося в Радужной долине она почти перестала бояться. Во всяком случае, Ходящая пыталась себя в этом

убедить хотя бы днем.

– Очень зря. Люди иногда даже хуже мертвецов, что нападают на одиноких путников.

Ходящая вздрогнула, и продолжать разговор ей расхотелось.

Быстро стемнело, и мерин пошел еще медленнее. Было видно, что он страшно устал. В конце концов жрец спрыгнул на землю, взял его под уздцы и повел вперед, бормоча что-то утешительное. Девушка еще какое-то время посидела, затем неохотно выбралась из нагретого гнездышка.

– Перестань. Ты вешишь не больше пушинки!

– Ноги затекли, – солгала она.

Жрец хмыкнул, но больше не стал убеждать вернуться на насиженное место, решив, что она сделает это сама, как только устанет. Альга между тем создала плетение, восстанавливающее лошадиные силы, и нежными, чуткими пальцами коснулась бока животного. Эффект не заставил себя долго ждать.

– Смотри-ка! – ахнул жрец. – У старичка словно второе дыхание открылось! Верно почувствовал жилье! Спасибо Мелоту!

Девушка улыбнулась про себя и забралась обратно в телегу.

Она немного жалела, что не может подарить такую же бодрость своему спутнику и себе.

Ночь спустилась на горы, не приведя за собой ни месяца, ни звезд. Жрецу и Альге пришлось целый нар ползти вверх в почти кромешной тьме. Когда очередной отрезок пути, повернувший под совершенно невыносимым углом, был преодолен, они увидели впереди теплое сияние огня.

– Добрались, – обрадовался Лерек, и девушка через силу улыбнулась в ответ. Страшная усталость сжала ее в крепких, отнюдь не нежных объятиях. Она желала лишь одного – уснуть.

Дорога разошлась в стороны, превратилась в большую каменистую площадку. На ней в окружении нескольких сосен стоял большой дом с заснеженной крышей, тремя сараями, вместительной конюшней и скотным двором.

– Посиди здесь, красавица, – попросил жрец. – Пойду посмотрю, что там к чему.

Он вытащил из-под вьюков сучковатую палку, очень похожую на самодельную дубинку и поймал вопросительный взгляд Альги.

– Так. На всякий случай, – смущенно улыбнулся слуга Мелота.

Ходящая не стала задавать лишних вопросов, но быстро перебрала в уме доступные ей боевые плетения. Лерек тем временем заколотил в дверь, и, к его радости, она довольно быстро распахнулась. Открывший мужчина

оказался помощником трактирщика, пригласил войти, кликнул служанку и, пообещав позаботиться о мерине, набросив на плечи тулуп, вышел в ночь.

Трактир оказался большим, чистым, светлым. Возможно, такое впечатление создавалось из-за сосновой, отливающей янтарем древесины, а быть может потому, что не было посетителей.

Заспанная служанка усадила путников поближе к камину, принесла горячего шафа. Алья отказалась и попросила теплого молока.

– С клиентами, видно, совсем туго, раз они столь проворны, – отметил жрец, осторожно отхлебнув напитка. – Никогда не видел здесь такой пустоты. Обычно свободного места днем с огнем не сыскать, не говоря уже о вечере.

Девушка без раздражения слушала его бесконечную болтовню, истории и воспоминания о прошлых путешествиях, пила молоко и старалась не заснуть. Со двора вернулся помощник трактирщика, сказал, что все сделано. Сам хозяин заведения, тощий, суетливый, но довольный или, во всяком случае, желавший таким казаться, принес гостям по тарелке гречневой каши с утиным мясом, масла, сметаны и кислой моченой ягоды, названия которой ученица Галир не знала.

Трактирщик узнал жреца, душевно с ним поздоровался, лишь мельком посмотрев на его спутницу. Благодаря обычной одежде никто не узнавал в Алье Ходящую, что ее полностью устраивало. Она очень быстро сообразила – оставаться собой слишком опасно. Пускай набаторцы не так близко, но их шпионы повсюду. К тому же, среди простого народа было много недовольных тем, как складывается война. В неудачах они винили носителей «искр», и встреча с такими людьми не могла привести ни к чему хорошему.

– Уже три недели почти никого... – рассказывал жрецу хозяин заведения. – Случайные путники, вроде вас – не в счет. Выручки нет. Больше себе в убыток. Да и мало кто останавливается. Все спешат к крепости, укрыться за стенами.

– Ворота не заперты?

– Неделью назад еще были открыты. А теперь кто его знает, брат Лерек?

– Сам-то не собираешься уходить?

– А на кого я все это оставляю? – хозяин тоскливо обвел рукой таверну. – Слишком много сил вложено, чтобы бросать на растерзание воронья.

– Набаторцев не опасаясь?

– Нет. Есть и спать всем надо. Думаю, меня не тронут. Хотя и противно

мне их будет кормить. Распугали всех клиентов.

Альга неодобрительно нахмурилась. Она не любила людей, которые и нашим готовы услужить, и ваших спать уложить. Но ничего не сказала, лишь сильнее уткнулась носом в тарелку, почувствовав на себе взгляд жреца. Тот, казалось, читал ее мысли.

– Тогда тебе стоит опасаться не южан, а северян. Вернутся наши солдаты – могут и вздернуть за то, что чужакам помогаешь. Быть может, в равнинах на тебя и не обратили бы внимания, но не здесь. Крепость слишком близко. Уходил бы ты лучше. Мелот говорит – негоже держаться за добро, когда оно не приносит тебе ни счастья, ни искупления.

– Мелот, прости меня, далеко. А добро близко. Вот оно. Так что я никуда не пойду. Да и набаторцев, возможно, здесь не будет. Слышал ведь – их интересуется Лестница на востоке, а не Клык на западе. До нас, может, не доберутся. Пойду, посмотрю, что там с вашими комнатами.

– Больше постояльцев нет?

– Один путник. Гонец. Уже спит.

Он ушел, Альга доела кашу, выслушала молитву Лерека и встала из-за стола.

– Спокойной ночи, красавица, – попрощался с ней жрец. – Постарайся выспаться. Завтра надо отправиться пораньше.

Служанка проводила девушку в комнату на втором этаже. Здесь было тепло и очень уютно – в очаге горело пламя, на большой кровати лежала целая гора толстых одеял. Кто-то успел нагреть воды, за что Ходящая была безмерно благодарна. Заперев дверь, она с наслаждением вымылась, забралась под теплые одеяла и, высунув из-под них только нос, свернулась клубочком. Несмотря на страшную усталость, неприятную тяжесть в голове и пульсирующую в мышцах тупую боль, ученица Галир никак не могла заснуть. Она ворочалась с бока на бок, смотрела на тускнеющее в очаге пламя, следила за его отблесками на стенах, видела, как оживают тени. В какой-то момент со вздохом села на кровати, потом спрыгнула на пол и подкинула в огонь еще несколько поленьев, положив, их друг на друга.

Девушка не была готова признаться даже самой себе, что страшится снов. Некоторые из них были незваными гостями, которых оказалось не так-то просто прогнать. В грезах она вновь оказывалась в Радужной долине в тот самый день, когда там появились некроманты.

Ноздри щекотал запах гари, крови и предгрозового воздуха. Ученица Галир слышала крики друзей, таких же перепуганных и бледных, как она сама. Видела людей в белых мантиях, бегущих по пустым запыленным

коридорам. Ее Дар чувствовал, как колдуны касаются темной «искры», и это причиняло сильную физическую боль, словно кто-то проводил по костям Альги грубым наждаком.

Каждый раз она слышала голос полной старухи, выискивающей ее цепким взглядом среди заваленной ящиками комнаты:

– Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра.

Каждый раз молодой Ходящей приходилось, сцепив зубы, сражаться с отчаяньем обреченной кошки. И в каждом сне ей надо было победить женщину с посохом некроманта новым способом, потому что старый больше не действовал.

Альга убивала колдунью раз за разом. Перепробовав десятки вариантов плетений и отвергнув сотни. Порой девушке казалось, что в этих снах она тренируется гораздо больше, чем за все время обучения под началом Старшей наставницы Радужной долины. Попавший в ловушку кошмара мозг создавал безумные плетения, все время совершенствуя их. И, просыпаясь, Альга лишь ошеломленно хлопала глазами.

Большинство из придуманного никогда бы не сработало в реальной жизни, или же полностью выжгло ее «искру», столь мощными были эти плетения. Девушке, всего лишь несколько месяцев назад окончившей школу и ставшей полноправной Ходящей, пока еще не хватало опыта. Некоторые из созданных ею узоров могла воссоздать, возможно, лишь Цейра Асани и ее самые опытные приближенные.

Порой Альге снилось детство, дом в Корунне, отец с матерью, старшая сестра. Все было как прежде – до того, как она попала в Долину. Вот только ее любимый персиковый сад отчего-то оказывался вырублен, а на месте вишневых деревьев росли бесконечно-старые каштаны с льдисто-огненными листьями. Девушка не могла отследить тот момент, когда вновь оказывалась в бесконечных коридорах, чувствовала, как от ударов содрогается пол, и слышала за спиной голос с приятным восточным акцентом:

– Лучше бы тебе выйти самой. И тогда, возможно, я буду добра...

Часто, просыпаясь, Ходящая думала о Даге и Мите. Удалось ли им спастись? Она ничего не знала об их судьбе и лишь надеялась, что друзья смогли уцелеть. Два дня Альга пряталась на окраине города, возле лесопилки, где они договорились встретиться, еще когда их вел Рельт. Но никто так и не пришел.

О госпоже Галир девушка старалась не думать. Ходящая сердцем чувствовала, что учительница погибла.

Больше не в силах ждать друзей, Альга покинула долину и

направилась на запад, к Лоска. Дорога заняла много времени, и ее нельзя было назвать легкой. Когда девушка добралась до города, то узнала, что все Ходящие ушли за Клык Грома. Башня оставила проигранный юг, решив сражаться за север.

Оставаться в Лоска было слишком опасно. Слухи ходили самые разные, в том числе и о том, что несколько полков набаторцев движутся к Устричному морю, чтобы захватить последний южный порт Империи. Альга знала, что болтовне нельзя верить, но не желала рисковать и, покинув город, направилась к горам.

Ходящая не теряла надежды догнать своих.

– Завтра все закончится, – сонно прошептала она. – Завтра я буду не одна.

Через несколько ун она спала, и ей снились пустынные коридоры Радужной долины.

Глава 2

Деликатный стук в дверь разбудил Альгу, и несколько ун ученица Галир не могла понять, где находится.

– Госпожа! – позвала служанка. – Брат Лерек велел вас разбудить. Завтрак уже готов.

– Я не сплю! – ответила та. – Сейчас спущусь!

Быстро одеваясь, девушка гадала, почему сложное плетение, в которое она так бережно и ловко вплатила воздушные нити, не смогло убить сдису на этот раз. Ведь были соблюдены все каноны школы, и допущена лишь одна вольность, которая ни в какой мере не должна была повлиять на результат. Но она повлияла. И Альга проиграла.

Уже покинув комнату и спускаясь по лестнице, девушка продолжала размышлять над задачей, чувствуя себя немного глупо. Возможно, ей не стоило так много думать о снах. От этого все равно нет никакого толку, одни переживания.

Лампы в зале все еще горели – бледный рассвет за окном пока не давал достаточно света. За столом, кроме Лерека, спиной к Альге сидел незнакомец в потрепанном времени плаще гонца с эмблемой в виде сапога и облака.

– Доброе утро, красавица, – поприветствовал девушку жрец. – Садись скорее, еда остывает. Это мастер Матен.

Гонец оказался высоким, статным, улыбчивым молодым человеком. Он счел нужным встать из-за стола и поклониться.

– Очень рад, госпожа...

В его словах звучал вопрос, и девушка ответила:

– Альга.

И тут же увидела, как поднялись светлые брови Лерека. Ей понадобилась уна, чтобы понять, что ему она назвала иное имя. К счастью, жрец промолчал, а Ходящая, сгорая от стыда, обругала себя за излишне болтливый язык. Она еще толком не проснулась, и вот результат – выдала свое имя первому встречному!

Стараясь справиться с неловкостью, девушка налила себе молока, слушая, как молодой гонец рассказывает последние новости:

– Я из Лоска, так что знаю не так много. На юг из наших никто не едет, а те немногие, кто возвращается оттуда, говорят, что все города и деревни в руках набаторцев. Держатся лишь Альсгара да Гаш-шаку, но к ним не

пробиться. В лесах полно крестьян. Многие пытаются сопротивляться и бьют южан, но силы не равны.

– Вы направляетесь в Корунн? – поинтересовалась Альга.

– Совершенно верно, госпожа, – улыбнулся Матен. – А вы?

– Она путешествует со мной, – сказал Лерек прежде, чем девушка успела открыть рот. – Отец Альги попросил сопроводить ее до дома тетушки.

– Очень разумная предосторожность, – одобрил гонец, вставая из-за стола. – Тракты нынче недружелюбны к одиночкам. Удачной вам дороги. Возможно, я вас еще нагоню.

– Я думал, вы отправляетесь немедленно, – удивился жрец.

– Нет! – рассмеялся Матен. – Я неправильно выразился. Прежде чем двигаться дальше, мне следует дождаться посыльного с письмом. Он опаздывает.

Попрощавшись, молодой человек поднялся наверх, и Альга негромко спросила у жреца:

– Зачем надо было врать?

Он улыбнулся и щелкнул пальцами:

– Опередила, красавица. Я хотел спросить то же самое.

Брат Лерек наклонился к ней через стол, дружелюбно улыбнулся и тихо сказал:

– Давай поговорим об этом в пути.

Ходящая с сожалением расставалась с уютной таверной, ей до слез не хотелось продолжать путешествие. Было бы здорово остаться здесь на неделю и хорошенько отоспаться, вместо того чтобы мерзнуть в телеге и бороться с усталостью.

Когда таверна скрылась за поворотом, дорога вновь сузилась и крутым серпантинном начала забираться наверх, к снежным пикам, ярко выделяющимся на фоне чистого неба.

– Нам туда? – после недолгих колебаний спросила Альга.

– Что? – не понял задумавшийся Лерек, затем проследил за ее взглядом. – А-а-а... Нет, красавица. Такая высота нам ни к чему.

– Разве это не Клык Грома?

– Мелот не настолько жесток, чтобы заставлять нас забираться выше неба. Клык во-о-он за теми склонами. Скоро увидишь. Так как тебя на самом деле зовут?

– Альга, – неохотно ответила девушка.

– Очень приятно, красавица, – в его голосе не слышалось ни обиды, ни издевки. – Прячешься от кого-то?

– Нет, – солгала она. – Не прячусь и не бегу.

– Ну, тебе виднее, – пожал плечами жрец. – Я направляюсь в Корунн. Если ты туда же, то можем продолжить путь вместе.

– Спасибо, – поблагодарила Ходящая, – но я еще не уверена, куда мне надо.

– Помолись Мелоту, дочь моя. Возможно, он укажет тебе путь, – и вновь в голосе Лерека не было насмешки. Он говорил совершенно серьезно и с искренней заботой. – Не знать своей цели в такие времена – слишком самонадеянно.

Она знала. Следует найти кого-нибудь из Ходящих, рассказать о том, что случилось в Радужной долине, а дальше будет так, как решат старшие.

– Что ты делала на юге?

– Училась, – ее не раздражали и не тревожили вопросы жреца.

– Грамоте?

– Да. Отец отправил, – и это тоже не было ложью.

– И что? Читать, писать и считать умеешь?! – изумился он.

– Умею.

Лерек посмотрел на нее с уважением:

– Книгу Созидания читала, красавица?

– Конечно, – Альга сдержала улыбку.

– Хорошо. Не все девушки в наше время думают, что им надо уметь читать. Я рад, что ты не из таких. Твои стремления к знаниям достойны уважения, а твой отец умный человек, раз понимает это.

Она не стала говорить, что родители умерли, еще когда она училась на второй ступени, и из родных у нее осталась лишь старшая сестра, о судьбе которой она теперь ничего не знает. На душе тут же сделалось тягостно, и Ходящая, спрятав руки в карманы шубки, принялась следить за дорогой.

На склонах появились запорошенные снегом вековые ели. Многие из них были просто огромными, и Альге, при виде их лохматых, колючих лап, становилось как будто теплее. Девушка любила эти деревья больше всех других и с самого детства была уверена, что они даже в самые лютые холода будут добры к ней и никогда не дадут в обиду. Глупые сказки, услышанные в детстве, оказалось не так-то просто выбросить из головы.

Мерин шел ходко, славно отдохнув за ночь. Поднявшись еще ярдов на четыреста, спутники увидели, как из-за лесистого склона показался острый краешек скалы. Минок через двадцать дорога сделала очередной поворот, и Клык Грома открылся перед Альгой во всей своей красе.

Пик был приметным, хоть и не столь высоким, как остальные. Без снега. И внешне напоминал волчий клык. Скала оказалась темной, как

ночь, словно в вершину ударили сотни молний, и камень обуглился.

– Крепость прямо под зубом, – пояснил Лерек. – Ты приехала на юг через Лестницу?

– Нет. Но я была слишком маленькой и почти ничего не помню... Нас кто-то догоняет.

С края склона открывался завораживающий вид на дорогу, которая змейкой поднималась вверх. На третьей от них петле Альга рассмотрела двух всадников. Жрец приподнялся, глянул вниз:

– Скоро нагонят.

– Я так и не спросила у вас, почему вы солгали обо мне.

Жрец нехотя пожал могучими плечами:

– По той же самой причине, что ты не хотела называть свое имя. Обычная осторожность. Хотя, кажется, человек он неплохой. Но всякое случается. Не стоит все выкладывать первому же встречному. Неизвестно, как он использует твои слова. В добро или во зло.

– Что же? Всех людей считать плохими? Разве Мелот этому учит?

– Мелот учит не быть наивными, красавица. Человек может быть хорошим, но, к сожалению, не слишком дальновидным. Порой сказанные слова, которым он не придает значения, могут попасть в уши к дурным людям и быть использованы против тебя. В жизни все бывает. А гонцы... ты же должна знать. Они как сороки. Разносят новости и сплетни на своих хвостах. Попробуй, успеешь остановить.

Дорога скользнула под двумя каменными арками, созданными самой природой, и прижалась к стене, на которой находилась сторожевая башня. Альга задрала голову и увидела в бойницах какое-то движение.

– Там есть люди?

– Конечно. Это дозорный пункт Клыка Грома. С него тракт просматривается почти на две лиги. При хорошей погоде, разумеется. Так что нас с тобой заметили еще нар назад, если не раньше. Удобное место, сохрани его Мелот.

Альга, услышав совсем близко стук копыт, обернулась. Их нагнали всадники.

– Я же говорил, мы еще встретимся! – приветливо улыбнулся мастер Мартен, придерживая горячую лошадь. – Чудесная погода для путешествия!

Его спутник оказался чуть старше гонца. Симпатичное лицо портил широкий шрам на нижней губе. Мужчина посмотрел на девушку – светло-голубые глаза остались холодны, но кивнул он приветливо и почти тут же напомнил мастеру Мартену о спешном деле.

Всадники поскакали вперед и быстро скрылись за очередным поворотом.

Мерину потребовался еще нар, прежде чем он вывез телегу на прямую дорогу. Впереди во всей красе показался черный Клык Грома в обрамлении ослепительно-снежной короны пиков.

Деревья остались внизу, уступив место каменистым склонам. Несмотря на скорую зиму, распогодилось, и солнечные лучи грели так, что Альга совсем не мерзла. Жрец мурлыкал под нос какую-то незнакомую песню. Он, как и Ходящая, был рад, что вот-вот окажется за стенами оплота северян, подальше от набаторцев.

Сама цитадель, как и многие творения Скульптора, расположенные в горах, была вплавлена в камень и представляла с ним единое целое. Такая же угольно-черная, грозная и неприступная.

Альга различила три кольца стен, каждое ярдов на пятьдесят выше предыдущего, и множество сторожевых башен. Одна из них, с острым шпилем, сразу же напомнила ей постройки в Радужной долине.

Начались узкие каменные мосты с арочными пролетами и грубыми колоннами, уходящими вниз порой на десятки ярдов. Альга насчитала четыре ущелья, протянувшихся перпендикулярно тракту, которые им пришлось миновать. Внизу бесновались белопенные реки, каскадами срывающиеся с базальтовых утесов. Их гул смахивал на гудение рассерженных шершней.

Крепость выросла в размерах, закрыла собой четверть неба, угрожающе нависла над путниками темной глыбой. Сторожевые башни, казалось, шагнули вперед, и их бойницы пристально изучали чужаков.

Последний мост был подъемным. Под ним зияла пропасть, наполненная острыми гранитными зубьями. Низкие ворота больше походили на какой-то лаз. Не слишком удобно для путников, зато очень надежно при обороне.

Солдаты, стоявшие возле моста, встретили их неприветливо. Не задали никаких вопросов, но были хмуры, встревожены и проводили настороженными, цепкими взглядами.

Въехав во внутренний двор – маленький, тесный и голый – жрец натянул повод и тихо присвистнул. Альга охнула. Возле стены лежало истыканное арбалетными болтами, окровавленное тело гонца.

– Знакомый? – тут же спросил один из воинов. Судя по нашивкам – старший.

– Видели в дороге, – ровно ответил брат Лерек, стараясь не делать резких движений. На стенах появились стрелки.

– Что случилось? Почему он убит?! – Альга, не обращая внимания на арбалетчиков, смело прыгнула с телеги. Командир стражников дернул бровью, услышав в голосе незнакомки гневные и повелительные нотки, но не посчитал нужным что либо скрывать:

– Шпион Набатора... – и добавил после недолгого раздумья: – Госпожа.

– Отчего такая уверенность?

– Кто вы, чтобы задавать такие вопросы? – нахмурился солдат.

– Одна из тех, что несет свет «искры» в наш мир, – раздался сверху женский голос.

Девушка резко вскинула голову и увидела говорившую в окне второго этажа. На нее смотрела Тирра. Ходящая.

– Рада видеть тебя живой, Альга.

– И я ва... тебя, Тирра.

Она иногда забывала, что больше не ученица.

– Жрец приехал с тобой?

– Да. Я за него ручаюсь.

– Капрал! Негоже держать Ходящую на пороге.

Солдат, красный от волнения, поклонился и приказал поднять решетку:

– Простите, госпожа. Я не знал, с кем говорю.

– Похоже, я тоже, – пробормотал себе под нос брат Лерек, впрочем, не выглядящий изумленным.

Прежде чем пройти мимо, Альга спросила:

– С гонцом был еще один мужчина. Где он?

Воины удивленно переглянулись:

– Он был один, госпожа.

– Вы уверены?!

– Да.

Она с изумлением посмотрела на жреца, и по его виду убедилась, что спутник Матена ей не приснился.

– В последнее время слишком многие прикрываются гербом сапога и облака. Ведь гонцам всегда открыты дороги и таверны. Да и стража к ним благоволит. Некоторые этим пользуются, – Тирра отхлебнула горячего шафа и осторожно пристроила чашку на край стола. – У этого даже одежда была настоящей, а не подделкой. Видно, что работа гильдии.

Альга держала свою чашку в руках, грея ладони.

Тирра была на тридцать лет младше, чем Старшая наставница долины

– Галир, но слыла ее самой близкой подругой. Высокая, долговязая, с редкими волосами и глубокими морщинами возле рта, она напоминала старое высохшее дерево, хотя год назад ей исполнилось всего сорок.

– Этот шпион – уже третий за месяц. И я уверена, что они не успокоятся.

– Как вы их узнаете?

– Всего лишь опыт. Ты научишься. Со временем.

Шила, вторая Ходящая Клыка Грома, перестала стучать спицами и подняла на собеседниц светлые глаза. На ее бледном лице, несмотря на то, что лето давно закончилось, а солнце перестало быть щедрым, ярко горели крупные конопушки. Миловидная женщина была старше Альги на восемь лет.

Девушка невзлюбила Шилу еще со школы. Какое-то время та преподавала теорию плетений и была слишком требовательна к знаниям учеников. По природе вспыльчивая и упрямая, Альга на дух не переносила эту невысокую зануду, и то и дело они сталкивались лбами. Ученица не желала уступать глупым, как ей казалось, прихотям воспитательницы. И в итоге хорошо потрепала себе нервы и намучалась, сдавая экзамен во время перехода на следующую ступень.

Вся школа вздохнула с облегчением, когда конопатая Ходящая оставила свою должность и уехала на север.

– Мы едва его не упустили, – сказала Шила. – Но он занервничал и попытался убить стражника, который слишком придирчиво выполнял свои обязанности.

Альга вспомнила дружелюбную улыбку гонца и почувствовала внезапную злость:

– Он казался неплохим человеком. Жаль, что я в нем ошиблась.

– Мы все носим маски, – женщина вновь занялась вязанием. – Тебя никто не винит.

– А сколько их прошло мимо нас, и мы об этом не узнали, – вздохнула Тирра. – По счастью теперь, когда поток беженцев иссяк, стало гораздо проще. Но мне не нравится, что спутник этого человека пропал. Чую – быть беде.

– Не согласна, – Шила придирчиво изучила петли. – Возможно, пропавший просто оказался умнее и повернул назад.

– Мы не встретили его, – возразила Альга.

– Это ничего не доказывает. Думаю, он не хотел, чтобы его видели. У дороги много камней, за которыми можно спрятаться. Незнакомец, не решившись войти в нашу цитадель, сохранил жизнь. Его более напористый

приятель – отправился в Бездну.

– А что, если у него был Дар... Тогда он мог стать незаметным на какое-то время, – задумчиво произнесла Тирра, и обе женщины вопросительно посмотрели на девушку.

– Нет. – Без всяких сомнений отмела эту догадку Альга. – У него не было темной «искры». Я бы почувствовала.

– Значит, нам нечего опасаться, – улыбнулась Тирра.

– Я, пожалуй, все же проверю ворота. На всякий случай, – сказала Шила, откладывая пряжу. – И предупрежу капитана крепости. Береженного Мелот хранит.

Ученица Галир мгновенно ощутила волну раздражения, но постаралась остаться спокойной. На этот раз зануда-Шила права. Лучше проявить осмотрительность, чем расплачиваться за ошибки, которых легко можно избежать.

Прежде чем уйти, Альга еще минок двадцать говорила с Тиррой о Галир. Ходящая сожалела о гибели подруги, но нисколько не удивлялась тому, что произошло:

– Она знала, на что шла. Поэтому и осталась. Печально, что ей не удалось убедить уйти тех, кто был с ней. Я не слишком любила Алию Макси, у нас были... трения, еще когда мы учились. Но потеря ее «искры» – так не ко времени! Впрочем, как и утрата Гиланы, Луйи и Ильмы.

– Что-нибудь известно об Альсгаре?

– Осада продолжается.

– А Совет?

– Противостоит некромантам. Если я не ошибаюсь в Цейре Асани, то весной, как только в море утихнут шторма, наши сестры попытаются добраться кораблем до Лоска. А если город будет взят – то через Морассию, в Корунн.

– Но ведь тогда Альсгара останется на произвол судьбы!

– Если за защиту города придется заплатить потерей страны, город отправляется в Бездну, – жестко сказала Тирра, и ее брови сошлись у переносицы. – Можно пожертвовать даже десятью Альсгарами, если это поможет нам выиграть войну. Зимой воевать тяжело, набаторцы обязательно застрянут у Лестницы. У нас есть время подготовиться, хотя его и не так много. Главное сражение будет за Корунн. И, надеюсь, нам поможет Мелот и Колос Скульптора. Если только не случится ничего непредвиденного.

Она нахмурилась еще сильнее, и ее губы сжались в тонкую линию.

Попрощавшись, Альга вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Добралась до лестницы, прорубленной в толще скалы, оказалась в коридоре с ровно горящими факелами и здесь столкнулась с одним из слуг.

Тот с достоинством поклонился и произнес:

– Госпожа, вы просили сообщить, когда ваш спутник соберется в дорогу.

– Хорошо. Ступай.

Пройдя этаж, Альга вышла в галерею второго яруса, опоясывающую большой внутренний двор. Здесь ее окликнули и, обернувшись, она увидела, что к ней спешит невысокий молодой человек. Черноглазый, черноволосый, со смешной челкой, падающей на брови. Правильное, красивое лицо с волевыми губами и аристократическим носом портил лишь заросший неопрятной щетиной подбородок.

– Не верю своим глазам! Райл! – обрадовалась она. – Какими судьбами?! Я думала, ты в Альсгаре!

– Уже год, как нет, – улыбнулся Огонек, обняв и тут же отпустив ее. Он был старше девушки на два года, но это не помешало им водить дружбу еще в Радужной долине. – Год назад меня отправили на север вместе с Тиррой. Теперь торчу здесь. Очень рад тебя видеть!

– Как ты узнал, что я здесь?

– Встретил Шилу, – он скривился прямо как в школе, когда говорил о ней. – Послушай, мне ужасно жаль, что это произошло с Митой и Дагом...

– Постой! Рано их хоронить. Я-то ведь смогла выбраться.

– Ты – особенная, – снова заулыбался Райл, подходя ближе. – Ты им не по зубам.

– Твоя лесть всегда была груба, – Альга, вопреки своему желанию, тоже улыбнулась, легко толкнув его в грудь ладонями и показывая тем самым границу, за которую он не должен заходить. – Я спешу. Давай поговорим чуть позже. Хорошо?

– Конечно! – кивнул Огонек. – Я найду тебя.

– Не сомневаюсь, – сказала девушка и поспешила вниз, совершенно забыв о приличиях и прыгая через несколько ступенек. Она на ходу накрутила на шею шарф, торопливо застегнула шубку и уже спустя две минки оказалась во внутреннем дворе.

– Как пройти к северным воротам? – спросила Альга у одного из солдат.

– Если спешите, то вот через эту калитку, госпожа. Я, с вашего позволения, покажу.

– Спасибо!

Жрец уже собирался уезжать, но, заметив девушку, слез с телеги.

– Я уж думал, что не попрощаемся, кра... госпожа, – поправился он. – Рад, что вы смогли добраться до безопасного места.

– Вы ведь не очень удивились, когда узнали кто я, брат Лерек.

– Верно, – не стал отрицать он. – Я знал, с кем имею дело, как только встретил вас на дороге.

– Но... как вы догадались? – изумилась она.

Жрец щелкнул пальцами:

– Это тяжело объяснить. Приходит с возрастом, наверное. Я имел дела с Башней и научился отмечать женщин с Даром. У вас другой взгляд. В нем чувствуется «искра». Да и осанка слишком горделивая. Мой вам совет, госпожа. Если хотите, чтобы никто не знал, кто вы – меняйтесь. Иначе опытный человек легко догадается о том, что вы желаете скрыть. И не всегда он будет настроен к вам по-доброму.

– Спасибо. Я запомню. Но почему вы так быстро нас покидаете? Скоро ночь.

– Не страшно. Через два нара я буду в городе. Мне, если честно, не нравится это место. Я бы вам не советовал задерживаться здесь надолго.

– Есть причины для беспокойства?

– В том то и дело, что нет, – нахмурился жрец. – Просто хочется отсюда уехать. Глупое предчувствие, и только.

Он неловко улыбнулся, а у Альги по спине пробежала череда ледяных мурашек, и на несколько мгновений Клык Грома перестал казаться надежным и безопасным.

– Извините, что напугал вас. Не хотел.

– Все в порядке, – она уже справилась с собой, в который раз удивляясь, как этот, кажущийся простоватым, человек легко ее «читает». – Я хочу еще раз сказать вам спасибо за помощь. Без вас я бы пропала.

– Берегите себя, госпожа, и будьте осторожны. Времена сейчас суровые. Надеюсь, мы еще встретимся. Прощайте!

Мерин фыркнул, потянув за собой телегу.

Брат Лерек давно уехал, а Ходящая продолжала стоять на холоде и смотреть на пустую, заносимую снегом дорогу.

Альга резко села на постели, прижав руки к шее. Сердце колотилось как сумасшедшее и едва не выпрыгивало из груди. Ночная рубашка намокла от пота, а пальцы дрожали.

На сей раз ей удалось убить гадину, пусть для этого и пришлось рассчитать многоходовую игру, где одно плетение заставляло срабатывать следующее, порой троясь и на ходу выпуская обманки и пустышки. В итоге

у неё получилось отвлечь Белую, смять защиту и победить.

Когда сдиска упала, Альга с победным криком выскочила из-за ящиков, но тут почувствовала, что кто-то еще пробудил темный Дар, и в страхе, что сражение не закончено, проснулась.

– Получилось, заberi меня Бездна! – прошептала она. – Получилось!

Горло пересохло. Очень хотелось пить. Ходящая взяла стоящий на ночном столике графин и слегка трясущейся рукой налила себе воды. Выпила залпом. Затем слезла с кровати, босиком подошла к окну, посмотрела на небо и поняла, что едва минула середина ночи.

Внезапно пальцы обожгло огнем, а кости свело от ноющей боли. Испуганно охнув, девушка бросилась одеваться. Кто-то только что воспользовался темной и светлой «искрой».

Натянув юбку и накинув шаль, Альга выскочила в коридор и, безошибочно определив направление, поспешила к верхним покоям. Коридоры были неприятно-темными, она бежала по ним с гулко стучащим сердцем, вздрагивая от каждой тени и любого подозрительного шороха. Ходящая больше не чувствовала, чтобы касались Дара, и это пугало ее сильнее, чем если бы сражение продолжалось.

Альга едва сдержалась, чтобы не ударить плетением в двух солдат, появившихся из-за угла и мирно беседующих друг с другом. Усилием воли пригасила «искру» и крикнула им, ошеломленным тем, что удалось увидеть госпожу в столь растрепанном и неподобающем ее положению виде:

– Поднимайте тревогу! В крепости некромант!

Оба ничего не спросили и бросились вниз, гремя по лестнице сапогами. Альга побежала в противоположную сторону и увидела Шилу, такую же всклокоченную, едва одетую и босую, как и она сама.

Быстро посмотрев друг на друга, они одновременно выдохнули:

– Тирра!

И бросились к покоям старшей Ходящей.

Дверь была закрыта, Альга повернула ручку, рванула на себя, и ее спутница тут же швырнула внутрь «Ошеломляющее ослепление», которое должно было надолго парализовать всех, кто находился в комнате. Когда шипение и треск стихли, женщины смело вошли в помещение, удерживая на пальцах боевые плетения.

– Свет, – тихо бросила Шила, осторожно двигаясь вдоль книжного шкафа к разбитому окну, и Альга сдула с ладони ярких серебристых светлячков, которые веселой стайкой закружились под потолком.

Во дворе раздался рев рога. Через несколько ун его басовитый голос потонул в колокольном бое. Но носительницы Дара не надеялись на

поднятую тревогу. Солдаты в бою с некромантом – не помощники.

Тирра лежала рядом со столом. Ее голова была повернута под неестественным углом, словно женщина решила посмотреть, что находится у нее за спиной. Альга почувствовала, как в животе разбилась ледяная глыба, теперь остужающая ее изнутри. Девушка вспомнила колдунью из своих снов и едва не умерла от страха. Ужас липкими пальцами сжал голову, вынуждая застыть, спутывая мысли, и лишь величайшим усилием воли юная Ходящая смогла убедить себя, что здесь нет не только ее личного кошмара, но и никакого другого некроманта. Иначе бы они уже обнаружили его парализованное тело на полу.

– Убита голыми руками, – Шила склонилась над Тиррой. – Белый где-то недалеко.

– Ушел по коридору? Тогда не мимо нас, а в другую сторону. На самый верх башни.

– Возможно, – задумчиво сказала Шила, все еще продолжая смотреть на мертвую. – Странные отпечатки. Это не человеческие руки.

Альга краем глаза заметила быстрое движение возле окна, развернулась и, не мешкая, ударила. Но, кто бы это ни был, он оказался слишком быстр, и плетение прошло мимо. Единственное, чего добилась Ходящая – тот, кто хотел броситься на нее, изменил направление и упал сверху на Шилу.

Больше всего это существо напоминало сгусток горячего воздуха. Но как только он обволок жертву, то сгустился и стал человеком.

Враг стоял перед Альгой, держа пленницу перед собой, словно живой щит. Он во всем был человеком, и лишь пальцы на руках больше всего походили на птичьи лапы, заканчивающиеся страшными когтями, которые без труда могли разорвать беззащитную шею заложницы.

Ученица Галир не знала кто или что перед ней, но бить не спешила, чувствуя, как вспыхнула темная «искра», как Шилу отрезают от Дара, и как вокруг пленницы и убийцы разворачивается бледный щит.

Ходящая не могла понять, как раньше она не почувствовала в этом мужчине тьму. Перед ней стоял давешний спутник лжегонца. Господин со шрамом на нижней губе. Он холодно улыбнулся Альге и сказал красивым, спокойным голосом:

– Не делай глупостей, девочка, и все останутся живы.

Страшные когти коснулись кожи, и его жертва едва заметно вздрогнула. Альга увидела, как капелька крови сбегает по шее Шилы.

– Скажи мне, где Целитель, и я уйду, – между тем продолжил мужчина.

Девушка ничем не показала своего удивления странности вопроса и лихорадочно соображала, как потянуть время, одновременно перебирая в голове сотни вариантов плетений, чтобы найти единственное верное, способное помочь Шиле, убить мерзкую тварь и спасти им жизни.

– Не понимаю о чем ты. Отпусти ее!

– Целитель, милочка, – у него был легкий сдисский акцент. Мягкий и почти незаметный для нечуткого уха. – Скажи, где прячется твой друг. Так будет лучше для вас обеих.

Он сжал когти сильнее, и на этот раз пленница не смогла сдержать стоны боли.

– Ты придурок! Целитель в Альсгаре! – прошипела она. – Здесь его нет.

– Я разговариваю не с тобой, девка, – он встряхнул Шилу, словно волкодав кошку. – В последний раз спрашиваю по-хорошему, где Целитель?

И в это мгновение Альга нашла решение! Именно с помощью него она десять дней назад смогла выиграть схватку с колдуньей в своем Бездна знает каком по счету сне! И девушка стала быстро сплести нужный узор, одновременно говоря:

– Отпусти ее. И я уйду с тобой. Мы поговорим.

– Ты мне не нужна.

Узелок. Еще узелок. Пьяный северный лист, перечеркнуть восходящей росой, связать с началом, замкнуть круг, добавить два отвода для лишнего жара, чтобы тот не разрушил плетение раньше времени. То, что прежде занимало у нее несколько минок, теперь, после тренировок в кошмарах, получалось едва ли не в два удара сердца.

– Хорошо. Я скажу, – она немного отступила назад, так как незнакомец начал медленно приближаться, толкая впереди себя Ходящую. – Но ты не боишься, что я совру?

Бездна! Бездна! Бездна! Она может создать плетение, но не в состоянии насытить его должным жаром! Ее «искра» пока еще слишком слаба и неразвита для того, чтобы быть настолько мощной. Что же делать?! Мелот! Что же делать?!

– Я пойму, если ты лжешь.

Риск был огромен, создавать что-то иное бесполезно – оно бы не пробило щит или убило пленницу. И, уже зная, что ничего не получится, девушка все-таки взялась за это безнадежное дело.

– Мое терпение вышло!

Шила захрипела, начала закатывать глаза, и Альга внезапно ощутила, как в нее вливается поток, показавшийся в тот момент просто грандиозным.

«Искра» вспыхнула, как никогда раньше, тело затопило жаром. Она увидела, как расширяются холодные глаза врага и, злорадствуя в душе, ударила, тут же закричав от страшной боли в руках.

С силой отшвырнув пленницу, убийца прыгнул в другую сторону в тот момент, когда поток рубиновой пыли проломил его щит. Мужчина расплылся, превратился в нечто черное, хищное, страшное, в следующее мгновение замерцал... и растворился в воздухе.

По комнате прокатилась волна горячего воздуха, и Альга, несмотря на градом катящиеся слезы, скорректировала направление и ударила вновь. Она услышала у себя над ухом оглушительный вопль, на стену брызнула кровь, раненый противник стал видимым, прыгнул в коридор, едва не сбив человека, стоявшего в дверях, и исчез.

– Ты жива?! – Райл склонился над плачущей от боли девушкой. – Мелот! Что с твоими руками?!

– Шила... Посмотри...

– Держись! – сказал он и устремился к лежащей без движения Ходящей.

Рубиновый песок медленно оседал на пол и мебель. Альга, пошатываясь, подошла к двери и, захлопнув ее, закрыла на засов, но не почувствовала себя в большей безопасности. Ее ногти посинели и уже начали слезать, на пальцах появились волдыри от ожогов. Каждое движение причиняло боль.

– Она жива! – крикнул Райл. – Кровь пустяки. Царапины!

– Что это было?! – Альга уже сидела на коленях перед потерявшей сознание Шилой.

– О каком Целителе шла речь? – в свою очередь спросил Огонек.

– Не знаю. Спасибо, что отдал жар своей «искры». Без тебя бы я не справилась.

Он улыбнулся.

– Ты просто молодец! Я ничего подобного не видел, – молодой человек, подняв с пола, поднес к глазам рубиновую песчинку. – Эта штука нападает только на тех, кто сотрудничает с Бездной? Кто тебя этому научил?

Девушка лишь покачала головой.

Не время сейчас что-то объяснять. Они, по-прежнему, в опасности.

А еще юная Ходящая думала, почему спутник гонца не напал на нее по дороге, когда у него была такая возможность, а рискнул влезть в Клык Грома, где несравнимо опаснее.

Глава 3

Проклятое тело преподнесло Тиф очередной «сюрприз» и решило испытать новую хозяйку болезнью.

Последний раз Дочь Ночи хворала Бездна знает сколько веков назад и уже успела напрочь забыть отвратительные ощущения. Она чувствовала себя старой развалиной, по костям которой галопом проскакал кавалерийский полк. Убийца Сориты беспрерывно кашляла и чихала, но это было мелочью по сравнению со страшной ломотой в висках и бесконечным ознобом. Ей хотелось забиться в какую-нибудь нору и умереть там, в покое, тепле и уюте.

Вместо этого приходилось трястись в седле, терпеть порывы ледяного ветра, прятать лицо от ледяных снежинок, делающих кожу на щеках бесчувственной, и проклинать недружелюбные горы, которые вызывали у нее отвращение, с каждым днем все больше и больше превращающееся в ненависть.

Проклятая ползла по долинам и перевалам, жалея себя и едва не плача. Скачущая на Урагане хлюпала носом, надсадно кашляла и продолжала страдать, злясь на никчемную оболочку, не способную выдержать жалкую болезнь. Она не желала просить помощи у мальчишки-Целителя и лечилась самостоятельно горькой дрянью, выпрошенной у жреца.

Уставшая, раздражительная и резкая в общении Тиа мечтала, чтобы ее оставили в покое. Заматавшись в гору теплых тряпок, она едва держалась в седле, то и дело, проваливаясь в тяжелую полудрему.

Ночью Убийца Сориты придвигалась поближе к огню и старалась, чтобы никто не видел, как ее колотит. От сильного озноба к утру мышцы болели так, что ей вновь страшно хотелось плакать, а еще лучше – умереть. Но ни за что не влезать на лошадь и не мучиться следующие нары в бесконечной, утомительной дороге.

Поэтому когда отряд остановился на два дня перед началом серьезного подъема – людям было необходимо время, чтобы привыкнуть к высоте – Тиф вздохнула с облегчением. Эта передышка дала ей возможность отлежаться и почувствовать себя лучше. Температура спала, горло перестало обжигать болью, вернулся аппетит. Она вновь начала здраво мыслить и могла держать себя в руках, не рыча, словно запертая в клетку львица, на каждую обращенную к ней невинную фразу.

После того, как Нэсс убил Рована, отряд без остановок скакал по Лестнице целые сутки. Предупрежденные об опасности разведчиками йе-арре, они успели свернуть в смежный туннель и избежали встречи с большой группой набаторцев, спешивших на юг. Никто их не заметил.

Но творение Кавалара перестало быть безопасным – впереди три дороги сливались в одну и превращались в серпантин ступеней, ведущих к крепости. Продолжить путь по Лестнице незамеченными стало невозможно. Поэтому, миновав центральный хребет, отряд сошел с удобного тракта в одно из узких неприметных ущелий и начал очередной подъем.

Лестница Висельника осталась позади.

Стоило отряду оказаться в диком ущелье, и дорога сразу ухудшилась. Сузилась, превратилась в то и дело обрывающуюся ниточку. Снега было столько, что Роне приходилось расчищать его с помощью «искры». Лошади продвигались вперед с черепашьей скоростью, и в день отряд проходил совсем небольшие расстояния.

За хребтами – горбатыми, острыми, снежными, увитыми венками облаков и закованными в броню льда, начиналось высокогорное плато. Бесконечное, с ребрами каменистых холмов, оно было похоже на крышу мира, где живут самые свирепые ветра. Казалось, еще чуть-чуть, и они оторвут людей от земли, чтобы унести за сотни лиг.

Ледяные порывы стегали путников, словно кнуты палачей, сбивали с ног, и животные, которым тоже приходилось тяжело, отказывались идти. Их морды обматывали тряпками, а затем вели лошадей за собой в поводу.

Тиф, выросшая на юге и обожавшая тепло, словно попала в страшный сон. Другую реальность. Царство мороза, разреженного воздуха, летящих в лицо острых ледяных кристаллов, снега – иногда достигающего пояса, скользкого льда, ненадежных камней и вечных облаков, несущихся с огромной скоростью и падающих на плато, словно паук на муху. Временами из-за них приходилось продвигаться в непроглядной промозглой дымке, и Убийца Сориты едва могла различить лошадь, ведомую впереди идущим воином.

Ночевали, где придется. Отряд выживал лишь благодаря плетениям, дававшим тепло на стоянках.

Тиа часто вспоминала смерть Рована, и это грело ее куда сильнее, чем «искра». В такие минки Проклятая даже радовалась, что оказалась в столь забытых богами местах.

Звезда Хары! Она бы согласилась пройти этот путь снова, даже босой, лишь бы Могильный Червяк умер еще раз!

Замечательная удача, что он оставил Альсгару и направился к Лею. Жаль, что гийяну не встретила еще и Митифа. Вот уж кого следовало отправить вдогонку за Чахоткой. Впрочем, Дочь Ночи тут же себя одергивала. Нечего гневить Бездну. Следует довольствоваться уже тем, что есть, благо этого немало. Черед Серой мышки настанет чуть позже.

Единственное, о чем жалела Тиф – это о пропавшем потенциале брата Ретара. Его «искра» оказалась погашена мгновенно, и «всплеска» не произошло. Проклятая не смогла собрать силу.

Стрела прикончила скорпиона так, что тот не успел укусить, но, вместе с тем, не дала Тиа возможности набраться мощи, которая сейчас не была бы лишней. «Искра» Проклятой уже не находилась в столь плачевном состоянии, как раньше, но еще не могла тягаться ни с чьей из уцелевших бывших сообщников.

Тальки ошиблась. Старая ворона без устали каркала, что чем сильнее Дочь Ночи будет сливаться с новым телом, тем слабее будет ее Дар. Но такого, к счастью для Тиф, не произошло. Наоборот, все стало гораздо лучше, чем в самом начале.

Тиа страшилась участи Гиноры – гибели после того, как погаснет «искра». Или того хуже – жалкого существования до тех пор, пока тело не умрет. Или что исчезнет Дар, и дурак Порк, которого она не сможет контролировать, получит главную роль.

Всю жизнь находиться рядом с полубезумной свиньей! Что может быть отвратительнее?!

О последнем варианте она старалась не думать. Сейчас ее серьезно беспокоило другое – стрелы Серого. Она считала, что наконечник существует в единственном экземпляре и теперь находится в руках Аленари. Но Нэсс смог ее удивить и, словно ярмарочный фокусник, достающий из рукава белого голубя, вытащил из колчана еще одну *настоящую смерть*.

Дочь Ночи сильно интересовало, сколько артефактов спрятано у убийцы в кармане. На них у нее были серьезные планы.

Смерть Проклятого потрясла отряд. Для людей такие, как она, являлись чем-то вроде сказочных чудовищ – вселенским злом, которое невозможно победить. И тут воины собственными глазами увидели, как обычный лучник без всякого видимого труда отправляет в Бездну того, кто был равен богам.

Рован, к всеобщему изумлению, оказался смертен.

Кто бы мог подумать? Трижды ха-ха.

Тогда, столпившись у тела, все потрясенно молчали. Нэсс, отойдя в

сторону, сел на заснеженные камни и придирчиво изучал лук, словно сейчас тот был самой важной вещью в мире.

Когда люди, наконец, поверили в произошедшее – они разразились воплями радости. Кто-то смеялся, кто-то плакал от счастья. Один воин, не удержавшись и дуря от собственной храбрости, пнул убитого. Рыцарь Лартун завладел его мечом и теперь с интересом изучал черный волнистый клинок.

По мнению Тиф, они походили на шайку гиен, понявших, что грозный лев умер.

Затем ей пришлось вытерпеть самое неприятное. Все подряд сочли себя обязанными шарахнуть ее по плечу или по спине и заявить, какой она «мужик». Нэссу досталось не меньше, и он тяготился этим так же, как Проклятая. Гийян в мгновение ока стал героем. Впрочем, и Кальн не остался обделен вниманием и похвалами.

Живр много раз восторженно заявлял всем и каждому, что будет рассказывать об этом наре внукам...

За последующие дни история успела обрасти легендами. Каждый второй в отряде «видел» сияние небес, а говорливый Лук, кажется, «слышал» хрип умирающего Чахотки. Живр – мерзкий, воняющий козлом мужлан – по сотому разу рассказывал, что первым почувствовал дым.

Проклятой было интересно, как поведут себя ее «братишка» и обе «сестрички», когда узнают о столь существенной потере. Этот год стал очень неудачным. Из Шести осталось лишь четверо.

Дочь Ночи понимала, что у Империи появляется все больше и больше шансов выстоять в этой войне или хотя бы затянуть ее на неопределенный срок. Хотя, если быть честной с самой собой – она не верила, что даже теперь Ходящие сумеют противостоять Митифе, Аленари и Лею, объединившим силы.

Впрочем, Тиф интересовало совсем другое. Она была рада, что Шен начал учить дуреху Рону. Теперь в Ходящей жили светлая и темная искры и, следовательно, ее тело сделалось способно выдержать дух Тиа. «Правда, Целителю совершенно ни к чему догадываться, будто я рассчитываю на это», – частенько повторяла про себя Убийца Сориты. Проклятой казалось, что, несмотря на все неудобства, лишения и трудности ей все равно сопутствует удача.

Она выживет. И вновь возвысится.

Трижды! Четырежды проклятый Целитель! Иногда ей начинало мерещиться, что тот водит ее за нос. Про Лепестки он врал. Это неоспоримо. Она чувствовала запах обмана, видела, как ложь плещется в

его бесстыжих голубых глазах. И мирилась с этим, хоть подобное и было непросто. Если мальчишку убьют...

Впрочем, о чем тут можно говорить? Со смертью Шена она лишится куда более важной вещи, чем творение Кавалара – потеряет свое будущее.

Однако, судя по всему, пока мальчишка, и правда, не знал, как переселить ее в другую оболочку. Или же скрывал этот факт гораздо более удачно, чем ложь о Лепестках Пути.

Поэтому Тиф продолжала обучать его, иногда заставляя Рону присоединиться к ним. Девчонке следовало тренироваться, чтобы тело окончательно перестало бояться тьмы – иначе оболочка будет плохо подготовлена вместить дух Убийцы Сориты.

Но радостное событие переселения произойдет не скоро. Поэтому ей следовало продолжить возиться с жертвенным ягненком.

Время у Проклятой еще было.

Глава 4

После того, как я убил Рована, все окружающие считали своим долгом уступить мне лучшее место для ночевки и дать побольше жратвы. Даже рыцари теперь слушали, что я говорю. Водер так и вовсе, едва заведя меня, расплывался в счастливой улыбке, словно я подарил ему новенький замок с приличными охотничьими угодьями.

Меня это порядком доставало. Быть героем – хуже не придумаешь. Разумеется, я оказал миру услугу. Но вовсе не ради того, чтобы со мной все носились.

Впрочем, на высоте ребята немного поостыли и занялись более насущными делами.

Нам приходилось туго. Еда заканчивалась. От холода спасали только носители «искры». Почти неделю мы ковыляли по плато, и, по-моему, именно так должна была выглядеть Бездна.

Спустившись с высоты перевала, отряд оказался в долинах и теперь медленно продвигался между скованных прозрачным льдом озер. По словам северянина, большая часть пути осталась позади, но шагать в таком темпе до конечной точки нам было еще от трех недель до месяца.

Даже дураку становилось понятно, что добраться до северных предгорий к началу зимы мы никак не успеваем.

– Да какая нам разница?! – услышав мои размышления, заметил Шен на одном из привалов, забирая у меня из рук нож. – Вокруг и так зима. Посмотри, сколько снега.

– Просто ты никогда не был в горах, – сказал Га-нор. – Уже сейчас больше половины троп завалены. До весны пробраться по ним невозможно.

– Зимой снега навалит с вон ту ель, лопни твоя жаба, – включился в разговор Лук, без всякого аппетита грызя холодную, сильно пережаренную полоску мяса. – Если не больше. И лавиной накрыть может. Как ты в ней будешь барахтаться? Нет, зима здесь – это зло. Особенно когда жилье в Бездна знает скольких лигах отсюда.

– До жилья не так далеко, как ты думаешь, – Га-нор, щурясь, посмотрел на вершины. – На Горячей полосе есть несколько хуторов. Но они западнее нашего пути.

– Значит, вновь не видать мне шафа? – опечалился стражник.

– Вряд ли он у них есть. Люди здесь живут дикие. Промышляют охотой и враждуют с чусами. Горцы иногда заходят в эти ущелья.

– Мы не будем сворачивать, – сказал милорд Рандо. – Лишний крюк в пять лиг для нас невозможен. Об остановке в местных поселениях станем думать, если не сможем идти дальше и придется возвращаться.

Неприятность случилась, когда мы миновали последнее из озер, самое маленькое, по форме похожее на баранью голову, и двинулись вдоль скал, обходя стороной неопрятную заснеженную рощу.

Над моей головой сухо треснуло, брызнули мелкие камешки, раздался предупреждающий окрик, и через уну огромная ледяная глыба прилетела откуда-то сверху, рухнув на ехавшего впереди Тиома. Потом посыпался снег, на несколько ун скрывший все от глаз, но и так было понятно, что от болтуна и его лошади осталось лишь мокрое место.

А затем я увидел лежащую на земле Тиф. Вокруг ее головы расплывалось красное пятно. Шен с Роной уже были рядом с Проклятой и склонились над неподвижным телом. Жрец стоял за ними, тихо шепча молитву и явно собираясь отпустить Дочери Ночи грехи, чтобы отправить ее торной дорожкой в Счастливые сады, даже не предполагая, насколько она там никому не нужна.

Га-нор крикнул, что возможен еще обвал, и Рандо немедленно приказал всему отряду быстро ехать вперед. До открытой местности, подальше от скал.

К моему удивлению, голова Убийцы Сориты не превратилась в лепешку. Шен с окровавленными руками мельком взглянул на меня и буркнул:

– Капюшон, шапка и повязка смягчили удар.

– Толку-то? Не жилец, – с сожалением сказал Лук. – Башку ему все равно пробило. Вон как льет. Не остановишь теперь, лопни твоя жаба.

– Проваливай, – без всякой злости велел я стражнику. – Может еще что-нибудь упасть.

– А вы? – он хотел уйти, но, как и Га-нор, не желал оставлять нас.

– Мы справимся без вас, – сказала Рона. – Вы только мешаете.

Это решило дело, и рыжий вместе с приятелем отправились нагонять отряд.

– Отор, тебя это тоже касается, – заметил я, слезая с седла.

Он посмотрел на меня с иронией:

– Я хотел бы остаться. Возможно, Порку нужно покаяние.

– Вот уж что ему точно не нужно, – хмыкнул я.

– Оставь нас. Пожалуйста, – попросила Рона.

Ходящей жрец возражать не стал и, пробормотав, что помолится за

умирающего, ретировался.

Над нами слабо замерцал прозрачный купол – сверху все еще сыпалось мелкое крошево, и Рона попыталась обезопасить нас. Я покосился на огромную глыбу, из-под которой торчали задние ноги раздавленной лошади. Будем надеяться, если на нас рухнет нечто подобное, щит Ходящей выдержит.

Шен возился с раненой. Движения у него были уверенными, но на лице появилось сомнение. Рона молчала, прижимая к ране Тиф рваный кусок ткани. Недалеко от Убийцы Сориты лежал камень величиной с три кулака, который и дал ей по башке. Мне оставалось лишь удивляться, что она все еще дышит.

– Столь нелепая случайность, жалкий булыжник отправит Проклятую в могилу? – недоверчиво произнес я.

– Видимо, да, – пробормотал Шен. – Костные осколки проникли в мозг. Все очень плохо. Она протянет лишь около нара, даже если я полностью остановлю кровотечение.

– Провидение, наконец-то, решило наказать ее за грехи, – сказала Рона.

Эти слова прозвучали без мстительного удовлетворения, но, впрочем, сожаления в них тоже не чувствовалось.

– Вы, ребята, как понимаю, не собираетесь ей особо помогать? – я покрутил пальцем в воздухе и уточнил персонально для Шена: – Дар Целителя и все такое.

– А ты бы хотел этого? Хотел, чтобы она жила? – без вызова и очень устало спросил он.

Рона, между пальцев которой все еще сочилась кровь, внимательно посмотрела на меня.

– Не слишком, – признался я. – Положа руку на сердце, ей самое место в Бездне. Так что я полностью разделяю ваше мнение в этом вопросе.

– Но?.. – тихо продолжила Ходящая.

– Но вы, как и я, должны понимать, что она нужна нам всем. Вам еще учиться и учиться. Проклятая – единственная из ныне живущих, кто сможет дать вам знание. А это бесценно. К тому же, у меня есть и личный интерес – она поможет мне справиться с теми, кто замешан в смерти Лаэн.

Шен мрачно кивнул, признавая правоту моих слов, но по-прежнему колебался. Тогда я привел еще один весомый аргумент:

– К тому же, когда тело умрет, неизвестно, что станет с ее духом. Вы двое – отличное вместилище для такой, как она. Что, если Убийца Сориты перепрыгнет в Рону?

– Ерунда. Чтобы переместиться, нужно определенное плетение. Я его

не знаю. У нее нет никаких шансов.

– Надо принимать решение, Шен, – тихо сказала Рона. – Ее время на исходе.

– Знаю, – буркнул тот, и вокруг его рук вспыхнуло солнечное сияние. – Знаю. Когда я пожалею об этом, Нэсс, напомни мне, что я просто не хотел, чтобы у меня на руках умирал человек. Даже такой отвратительный, как она.

– Ты все сделал правильно, – сказал я ему вечером.

– Возможно, – неохотно отозвался он. – И я очень надеюсь, нам не придется расплачиваться за то, что оставили ее в живых.

– Время покажет, малыш.

– Может, хватит меня называть малышом?! – окрысился Шен. – Это уже порядком достало!

Я внимательно посмотрел на него, хлопнул по плечу и усмехнулся:

– Рад, что ты вырос.

Он недоверчиво кивнул:

– Ну-ну. В смысле – хорошо. Кстати, давно хотел сказать, – Целитель прочистил горло, – я горд, что знаю человека, избавившего мир от Чахотки.

– Оставь! – отмахнулся я, сбрасывая с головы капюшон и подставляя лицо морозному ветру. – Давай хотя бы ты не будешь делать из гийяна героя.

– Не каждый осмелится так рискнуть.

– Да не было особого риска, – я пожал плечами.

– Вот. Держи, – на его облаченной в перчатку руке лежал белый наконечник. – Предпоследний. Вдруг ты еще кого-нибудь из них встретишь.

Я с улыбкой забрал предложенное:

– Не думаю, что мне повезет дважды. Но нашей хорошей знакомой не помешает дополнительный намордник. Как она?

– Без сознания. Кости встали на место, внутренних повреждений, кажется, не осталось, но крови она потеряла достаточно.

– Выживет?

Он хмыкнул:

– Она цепляется за жизнь крепче, чем кошка. Будет в порядке через несколько дней. Главное, чтобы у нее в голове чего-нибудь не щелкнуло. Хуже Проклятой может быть только сумасшедшая Проклятая.

– Если она будет бегать, хохотать и швыряться огненными шариками – я ее пристрелю, – серьезно сказал я.

Он так же серьезно кивнул и ушел к Роне.

На следующий день никаких улучшений в здоровье Убийцы Сориты не произошло. Она все так же находилась в бесспамятстве, и у нее началась сильная лихорадка.

Шен хмурился и каждый нар лечил ее золотым светом. В отряде быстро разнеслась весть, что с ними Целитель, а не Огонек и, похоже, каждый теперь надеялся, что его запросто вылечат от любой хвори, а главное – от ран. Чудесное спасение «Порка» обсуждали все.

Несмотря на состояние Проклятой, мы не могли задерживаться – дорога была каждая минка. С перевозкой, естественно, возникли затруднения. Тропа оказалась слишком узка, чтобы две лошади шли бок о бок, так что положить между ними импровизированные носилки с «больным» не представлялось возможным.

Волокуши тоже отпадали как вариант. Тропы слишком неровны и каменисты. Того и гляди, конструкция развалится.

Милорд Водер предложил привязать «Огонька» к седлу и считал это единственным разумным вариантом.

Гбабак вызвался нести больного на руках.

Поначалу все отнеслись к предложению блазга с сомнением. Но тот оказался настойчив, а лекарь не возражал – и это решило дело. Квагер без всякого напряжения тащил Убийцу Сориты во время дневных переходов.

Йе-арре стали нашими спасителями в пути и, несмотря на суровый мороз, частенько поднимались в воздух, заранее сообщая нам об обвалах и разрушенных тропах. Благодаря им, мы не теряли времени на поиск новых дорог и довольно быстро подошли к Горячей полосе.

Снежные вершины здесь были не ниже венчавших центральный хребет Катугских гор, но в отличие от тех, острых, похожих на клыки, эти оказались покатыми, часто двугорбыми. Говорят, в дни юности Хары эти скалы дышали огнем, как Грох-нер-Тохх в Брагун-Зане.

Теперь вулканы на Горячей полосе давно остыли, впрочем, оставив после себя теплые целебные источники, минеральные озера и кое-где – бьющие из-под земли фонтаны крутого кипятка.

Однако за все время, что мы шли по этой земле, наткнуться на подобный источник нам повезло лишь единожды. Разведчики заметили его издали по белому пару, поднимающемуся над скалами. Я с интересом рассмотрел небольшую неглубокую лужу с желтоватыми камушками на дне и мелкими пузырьками на поверхности. Вода в ней оказалась достаточно горячей и совершенно невкусной. Юми с удовольствием выкупался, пища про собаку, а потом трясся, словно лист на ветру, пока

Рона не высушила его теплым ветром своей «искры».

Снега в этой местности было гораздо меньше, и лошади уставали за день не так сильно, как прежде. Йалак, улыбчивый и общительный парень, быстро сдружившийся с Кальном и Луком, вернулся как-то под вечер и с мрачным видом сообщил, что видел Снежный клан в двух ущельях от нас, а вместе с ними – десяток Сжегших душу. Йакар и Йанар, ни слова не говоря, раскрыли крылья и, поймав ветер, поднялись над погруженными в сумерки горами.

– Принесла нелегкая! – пробормотал Водер.

– Что они здесь забыли? – Лартун хмурился.

– Возможно, ищут нас. Смерть Проклятого должна была их разозлить, – дядя милорда Рандо встал во весь свой высоченный рост. – Нам следует выставить усиленные патрули.

Вернувшись, разведчики сообщили, что враги удалились на восток, не заметив отряд. Но все равно следующие дни мы были настороже, и это принесло свои результаты. Летуны обнаружили в четверти лиги от нас большой, хорошо вооруженный отряд набаторцев.

– Около восьмидесяти человек. Следуют тремя группами. По двум ущельям, – докладывал Йанар, тяжело дыша и дуя на замерзшие пальцы. – Идут прямо к нам. У них больше десяти стрелков, не считая арбалетчиков.

– А некроманты есть? – Рона была так же встревожена, как и все остальные.

– Ни одного человека в белой мантии я не увидел.

– Это ничего не значит, – Рандо с досадой ударил кулаком по ладони. – Колдун должен быть! Без него они никогда не выследили бы нас.

– Не обязательно, милорд, – Га-нор щурился от яркого солнца. – Опытный следопыт найдет врагов не хуже. Клянусь Угом. Пусть отпечатки занесло снегом, но сломы на ветках, пеньки от срубленных для костров деревьев – остались.

– Похоже, лишившись Чахотки, они, действительно, очень расстроились, – Кальн сплюнул в снег. – Забраться в такую дыру!..

– Если дело только в Проклятом, – пожал могучими плечами Водер.

– А в чем же еще? Какой Бездны им делать зимой в горах?

Водер хрустнул пальцами и взялся за молот:

– Мы сможем обойти их?

Йе-арре с сомнением покачал головой:

– У каждого южанина запасная лошадь. Менее уставшая, чем наши. И они их лучше кормят. Гонку мы не выиграем.

– Верно, – кивнул Сын Ирбиса.

– Га-нор, ты сможешь запутать следы?
– Нет. Снег свежий. И нас слишком много.
– Значит, будем сражаться, – старый медведь посмотрел на племянника. – Больше ничего не остается.

– Мы поможем! – решительно сказал Шен, и Рона повела плечами, словно озябнув от ветра.

Рандо кивнул, показывая, что принял эти слова к сведению.

– Йанар, вам придется разведать дорогу. Следует найти подходящее место для боя.

– Я знаю такое место, – Га-нор, собравшийся, было, идти вперед, остановился. – Оно будет через лигу. Вон за той вершиной, прямо над серебряными шахтами. Там два ущелья сходятся в одно, и стоит старая крепость вроде той, что мы штурмовали, но больше и в лучшем состоянии. Она перекрывает дорогу к следующему перевалу. Когда-то здесь был пропускной пункт, серебро вывозили на север через нее. Но шахты выработали еще до Скульптора и, как только Ходящие перестали за ними смотреть, их затопила горячая вода. Теперь ущелья давно одичали, но цитадель осталась.

– Никогда не слышал о ней, – нахмурился Лартун, но в его глазах вспыхнула надежда.

– В горах много заброшенных и никому не нужных укреплений. Что в этих, что в Самшитовых, – сказал я. – Посмотрим, на что годятся старые камни.

Йакар распахнул крылья и улетел в указанном Га-нором направлении. Мы подгоняли лошадей, но это не слишком помогало. Дорога испортилась настолько, что мне стало казаться удивительным, как нас до сих пор не нагнали.

Йе-арре вернулся через нар, отправив своих младших родичей следить за южанами.

– Там целый замок, милорд Рандо.

– Ворота целы?

Это был самый главный вопрос.

– Нет, милорд. Петли заржавели. Веревки истлели, одна створка еле держится. Боюсь, сдвинуть их не удастся. Но зато там есть «флейта»^[1]. И она на цепи, хоть и рыжей от ржавчины.

– Уже что-то. Мост?

– Цельный. Не поднять. Но узкий.

– Отлично.

– Ехать придется всю ночь, – заметил йе-арре.

Рыцарь кивнул:

– Поспешим.

Оба летуна, уставшие, едва ворочающие языками вернулись лишь через два нара после того, как стемнело. Они долго кружили над самой землей, чтобы отыскать отряд, и едва нашли нас. Если бы не тихое ржание лошади Порка, неизвестно, сколько еще йе-арре мотались бы в воздухе.

Пришлось сделать краткий привал, во время которого Шен лечил братьев от обморожений, полученных на высоте из-за ледяного ветра.

Новости оказались неутешительными.

Набаторцы наступали нам на пятки и находились в трех-четырех нарах позади отряда. Южане взяли след и гнались за отрядом без остановок до тех пор, пока не наступили глубокие сумерки. Еще хуже обстояли дела в ущелье, расположенном параллельно нашему. Набаторцы, находящиеся там, не собирались останавливаться и пытались обойти нас. Если это произойдет, мы попадем между молотом и наковальней.

Все понимали, что допустить окружения нельзя ни в коем случае. Пришлось бросить кратковременный привал и спешно двинуться вперед.

Ночь оказалась кошмарной. Небо затянули облака, скрыв звезды и луну. Сразу стало темно, словно весь свет пожрал огромный гов. Наша, и так небольшая, скорость совсем упала, и Рона, уставшая оттого, что находилась в седле почти сутки, зажгла шесть маленьких, не больше апельсина, желтых шариков, распределив их по отряду. Они давали очень скудный свет, но этого вполне хватало, чтобы не терять время на поиск тропы.

Пошел снег. Он сыпал, словно горох из горшка с отколотым дном. Люди и лошади выбивались из сил. Рандо носился из начала колонны в конец, подбадривая бойцов. Пытался шутить, получалось неважно, но воинам становилось легче.

За нар до рассвета снегопад усилился, где-то далеко позади сверкнуло, и через несколько ун до нас долетел отдаленный гул.

– Попались, – улыбнулась Ходящая, отвечая на встревоженные взгляды. – Кто-то из них угодил в мою ловушку. А я уж думала, что зря потратила силу.

Едва небо чуть побледнело, йе-арре отправились в полет. Но почти сразу же вернулись – ветер едва не переломал им крылья. К рассвету отряд обогнул отроги горбатого снежного великана, откуда до нашей цели оставалось не больше четверти лиги.

Спрятанная под снегом тропа раздваивалась. Одна ее половина

уходила налево, в соседнюю долину. Другая, нужная нам, неожиданно расширялась, превращаясь в некое подобие старой разбитой дороги, и бежала прямо вверх, никуда не сворачивая. Горы впереди сдвигались, точно так же, как и возле сторожевой башни на выходе к Лестнице Висельника. Вот только склоны здесь были не такими отвесными.

Милорд Рандо, приложив ладонь козырьком ко лбу, пытался различить крепость, но она была где-то там, за белой пеленой.

Йалак, все-таки решившийся на полет, распростав крылья упал с небес, и снежинки закрутились вокруг него, а затем бросились врассыпную.

– Они близко! – крикнул летун. – Не больше десяти минок! Торопятся, как только могут!

– Заберрри меня Уг! – зарычал Га-нор.

И началась бешеная скачка.

Все вокруг было белым. И земля, и небо, и горы. Лошади тяжело дышали и довольно скоро перешли с галопа на рысь, а потом на быстрый шаг. Дорога пошла на подъем, изогнулась змейкой, попала на язык ледника. Водер нагнал племянника и крикнул:

– Не успеваем!

– Вижу!

– Кому-то придется их задержать!

Ярдов через сто путь сузился до едва заметной тропы. На краю обрыва стояли плохо обтесанные базальтовые блоки – свидетели постройки серебряных шахт. Где-то внизу непокорно шумела река. Впереди, наконец, стали различимы очертания крепости.

– Дядя! – Рандо спрыгнул с коня. – Бери отряд и – к замку! Мы постараемся задержать их как можно дольше! Подготовьтесь к обороне! Проверьте ворота!

Я, не ожидая, когда меня назовут, взял из сумки запас стрел, передал лошадь на попечение Живра и начал натягивать тетиву. Двух лучников и пары мечников достаточно, чтобы сдержать прорвавшихся. Остальные все равно будут лишь мешать. Если йе-арре правы, и там полно стрелков, рубаки в слабых латах станут бекасами в поле охоты.

– Я не поведу отряд в крепость, – возразил Водер. – Там нужен ты. И сам это знаешь. Мне лучше остаться здесь, моя броня – самая крепкая.

Подумав несколько мгновений, рыцарь неохотно кивнул, и Водер, повеселев, взялся за щит и молот.

– И я остаюсь, – сказал Га-нор.

– Ты хороший боец, – улыбнулся старый медведь. – Буду рад.

В итоге нас стало пятеро. Я, Кальн, милорд Водер, Га-нор и Юми. Зачем вейя напросился – я не слишком понимал, но парень так свирепо кричал о собаке и так грозно скалил зубы, что мы решили с ним не спорить. Он, несомненно, знал, во что ввязывается.

Сдерживать врагов порывались и йе-арре, но никто им не позволил этого. Летуны так же ценны, как и носители Дара. Благодаря их крыльям, мы знаем местность, и рисковать жизнями этих ребят – преступление. По той же причине пришлось отказаться от Ходящей с Целителем. Скоро начнется бой под стенами, и помощь их «искры» понадобится там. Однако, Рона все равно не удержалась и поставила ловушку, предупредив, чтобы никто из нас не возвращался обратно дальше, чем на двадцать ярдов.

Мы с Кальном забрались на второй ряд огромных базальтовых ступеней. Я – чуть ниже, он – чуть выше, сразу за мной. Впереди, за каменной грядой, спрятались северянин с рыцарем. Они должны были сдерживать тех, кто решит до нас дотянуться.

Юми был с ними, но сидел на виду, и по вздыбленной шерсти можно было понять, что сражаться он собрался до конца.

– Вот так, собака!

– Держи, – я передал Кальну стрелы. – Не трать понапрасну.

У меня осталась всего дюжина в колчане и еще два десятка в тяжелом свертке.

Ветер был скверный. Хотя дул от нас, но казался слишком капризным. Да и начавшийся снегопад ограничивал видимость.

И вновь, так некстати, я вспомнил минку, когда стрелял в Ходящую, а затем – день, когда пахло горькой полынью, и нещадно пекло солнце. Тогда мы стояли на флейте Алистана, поджидая набаторских всадников...

История повторяется, только и время, и место – другие.

Враги появились из белой круговерти холодных мотыльков, словно призраки. На взмыленных, дышащих паром лошадях. Прижимающиеся к гривам, стремящиеся к цели. Я беззвучно шевелил губами, считая фигурки. Пять, десять, двенадцать, восемнадцать, двадцать четыре.

Приглядевшись к тем, кто скакал впереди, я выругался.

Два лучника, если они, конечно, имеют должный опыт, вполне могут сдерживать и более крупный отряд. Но только в том случае, если у противника нет тяжелых доспехов, и присутствует маломальское чувство самосохранения. Лат я не заметил, а вот презрения к жизни у этих парней было сколько душе угодно.

– Сдисцы! – сквозь зубы процедил я.

Эти не отступят.

На пределе расстояния для этой погоды я выстрелил, отправляя стрелу по пологой дуге – и она тут же затерялась в круговерти снежинок. Изменив угол наклона, натянул на разрыв, разжал пальцы, посылая следующую...

Рука к колчану на бедре, просчитать путь полета, сделать поправку на ветер, задержать дыхание, напрячь мышцы, рвануть тетиву на себя, а лук от себя, разжать пальцы. Хлесткий удар по защитной перчатке, легкий шелест, и судьба выстрела принадлежит лишь ветру и удаче.

Белое пятно лица, черный круг на груди, развевающийся плащ. Дуга еще ниже. Усилие на уну. Щелчок. Полет.

Наконец, начал стрелять Кальн, теперь и его более слабый лук мог сказать свое веское слово.

– Два с половиной пальца влево! – посоветовал я рыцарю, проследив за полетом стрелы. – У земли сносит.

Дорога под копытами лошадей вздулась пузырем и плюнула синими ледяными кристаллами, рубя и калеча всех, кто находился достаточно близко. На несколько мгновений среди нападавших воцарился хаос, и мы успели выстрелить еще трижды.

Когда враг достиг камней, я мог похвастаться пятью мертвецами и тремя убитыми лошадьми. Лишь одна стрела пропала зря. Счет у Кальна был несколько скромнее – двое убитых и еще три лошади. Четверо всадников оказались посечены льдом Ходящей. Итого сдисцев осталось тринадцать, семеро из них все еще находились в седлах.

Юми «плюнул» в самого ближнего, и тот, отравленный ядом, зацепившись ногой за стремя, поволочился следом за разгоряченной лошастью. Вейя прыгнул на следующего противника, вцепился ему в лицо зубами и когтями, и я выстрелил практически в упор, помогая другу Гбабака справиться с врагом.

– Вот так, собака! – прокричал тот, сердясь, что я вмешался.

Запели вражеские стрелы. Одна прошла у меня над головой, другая, сплющив наконечник, ударила у ног. Трое оставшихся без лошадей сдисцев взялись за луки. Стреляли они из рук вон плохо, но, как говорится, рано или поздно попадет даже слепой.

Я ранил одного из них и промахнулся по второму. Стрелы в колчане кончились. Быстро вспоров ножом веревку, я развернул сверток.

Милорд Водер и Га-нор вступили в бой. Боевой молот крушил лошадиные черепа, северянин рубил мечом. Тропа была слишком узкой, два воина без труда сдерживали сдисцев, так как потерявшие напор лошади только мешали всадникам.

Юми плевался ядовитыми стрелками, усиливая разгром.

В воздухе вдруг затрещало, и на головы врагов упала молния. То ли Рона, то ли Шен решили поддержать нас издали.

Я не мог помочь бойцам, так как занимался исключительно лучниками. Те лупили, не переставая. У меня получилось добить раненого и подстрелить еще одного, но последний, хитрый и опытный малый, все время перемещался, стреляя из довольно опасного короткого рогового лука. Зацепить его мне не удавалось.

Наконец двое уцелевших всадников развернули лошадей и бросились прочь.

– Уходим! – гаркнул я, спрыгивая на землю. – Уходим, Кальн!

Но рыцарь не последовал за мной. Он был мертв. Первая стрела, та, что прошла над моей головой, все-таки оказалась смертельной. Выругавшись, я швырнул лук уже сидящему в седле Га-нору и бросился назад, к телу воина. Перерезал ремень, удерживающий его секиру и пояс с кинжалом, вспорол тяжеленный плащ и, застонав от натуги, взвалил погибшего себе на спину.

Опасность придала мне сил, и, не обращая внимания на вес тела в доспехах, я в два счета оказался возле лошади и перекинул Кальна через седло.

– Увози его! – крикнул я Га-нору.

Милорд Водер скакал впереди, свободной рукой зажимая рану в правом боку. Я даже не успел заметить, когда его задела.

К этому моменту началась самая настоящая выюга. Она играла на руку нам, но не взявшимся за луки уцелевшим сдисцам. Стрелы падали в опасной близости без всякого результата. Ходящие вновь начали шаряхать молниями, но теперь уже вслепую.

Мы бросились прочь, и за нашими спинами протрубил рог. Почти тут же ему ответили. Новый отряд врагов был уже близко.

Глава 5

В тот день, когда погиб Кальн, до замка мы добрались с потерями. Случайная стрела, уже на излете, попала в спину Га-нору. Слава Мелоту, крепкая кожаная куртка погасила большую часть удара, но легкое все равно оказалось задето.

Не знаю, как бы он выкарабкался, если бы не Целитель. У Шена с каждым разом получалось врачевать раны все лучше и лучше, и единственной бедой было то, что это умение жрало у него массу сил. Вырвав из объятий смерти северянина и Водера, мальчишка полностью выдохся.

Едва только мы оказались в цитадели, решетку опустили, и Живр тремя ударами вбил клин в механизм подъема. Гбабак притащил выдранные из стен балки, блокируя проход. Остальные тем временем волокли камни, укрепляя завал. Гости не слишком-то спешили и когда подъехали к стенам, мы сделали все, чтобы затруднить им вход.

Узкий каменный мост, переброшенный через реку, оказался отлично простреливаемым местом, но мне не пришлось браться за лук. Как только преследователи приблизились, с небес ударил чадящий сгусток, убив одного из сдисцев. И остальные, решив, что быть жареным мясом не так уж хорошо – отступили.

На этом оборона нашего оплота оказалась завершена и началась недолгая осада.

Без осадной техники или носителя «искры» штурмовать стены было совершенно бесполезно, поэтому ребята встали лагерем в долине, и я им не завидовал. Кажется, Мелот решил вывалить на них все свои запасы снега, припасенные им на следующие три десятка лет.

С небес сыпало без перерыва, и я начал подозревать, что близится конец света. Тот самый день, когда за каждой дверью находится дорога в Счастливые сады, куда можно быстренько смыться, прежде чем разверзнется Бездна.

Холод наступил такой, что даже не страшщийся морозов Га-нор ежился и стучал зубами. Лично я надеялся, что южане околеют в одну из ночей и избавят нас от тяготы нести постоянные дежурства. Но они оказались неожиданно крепкими и, на нашу беду, упрямыми. Уходить не собирались и начали обустривать лагерь.

– Ненормальные дети безумного бога, – сказал как-то Отор,

отворачиваясь от порывов ветра. – Мне жаль этих грешников.

– Нечего их жалеть, – Лук силился рассмотреть, что происходит в долине, но видимость была не дальше ста ярдов. – Они нас, небось, не пожалели бы.

– Мелот советует прощать своих врагов, – жрец подтянул пояс с мечом. – Особенно когда им осталось недолго жить на этом свете.

– Вот уж на это не приходится рассчитывать! – я покачал головой. – Сдисцы – ребята двужильные.

– «И пошлет Мелот испытание снегом тем, кто горд и сердцем горяч, отринул его, – процитировал Отор книгу Созидания. – И поглотит он их, остужая тщеславие».

– Боюсь, проверка на вшивость ждет не только южан, – сказал я, стараясь не улыбаться. Губы на морозе трескались и кровоточили.

– Тут ты прав, Нэсс. С этим у Мелота, опасаясь, выйдет промашка. Кажется, вновь начинается выюга. Вон как завывало.

Жрец поежился и осторожно начал спускаться по отбитым, обледеневшим ступеням во двор, то и дело поминая своего бога. Я тоже, рассудив, что достаточно проторчал на морозе, направился греться в башню, оставив Лука в одиночестве.

В большом зале сидели у очага милорд Рандо, Йанар, Лартун и Шен. Они что-то обсуждали, и лица у них были такими же осунувшимися и покрасневшими от мороза, как и у меня. Йе-арре выглядел хуже всех. Полеты отнимали у него слишком много сил, и, в конце концов, наш командир строго-настрого запретил летуну подниматься в воздух.

Здесь было тепло, уютно, и меня тут же начало клонить в сон. Глаза слипались, но я стойчески боролся с этим.

– Как там? – спросил Лартун.

– Как обычно, – я расстегнул куртку. – Ничего не изменилось. Будь Отор немного более религиозным, и мы бы слышали о Последних днях.

– Живр сказал, что жрец напроорочил, как рука Мелота сметет осаждающих. Или что-то вроде того, – Шен, закинув руки за голову, смотрел на пламя.

– Погода нам благоволит, – высоким голосом сказал Йанар и закашлялся. – Она охладит горячие головы. Сдисцам будет не до штурма стен.

– До тех пор, пока не придут некроманты. Если командир южан не дурак, то уже отправил гонца за помощью, – Рандо помрачнел. – Появление Белых – это вопрос времени.

– Вопрос нескольких месяцев, милорд Рандо, – заметил летун. – При

такой погоде все перевалы через день-два будут перекрыты. Некроманты всего лишь люди, хоть и с темной «искрой». Против стихии они ничего не смогут сделать.

– А Снежный клан?

– Если только среди них найдутся самоубийцы, – дернул крыльями йе-арре. – Когда ветер свирепствует, даже птицы сидят по насестам и не лезут в небо.

– Мы здесь крепко застряли, – сказал я. – Уйти через северные ворота теперь не получится при всем желании.

Все четверо кивнули, соглашаясь с моими словами.

– Разве, что внезапно потеплеет, – Целитель и сам не верил в свои слова.

Я махнул рукой:

– Забудь о чудесах, приятель. Это случится не раньше середины весны.

– То есть, ты хочешь сказать, что мы увязли в этой дыре на четыре месяца?! – вскинулся Лартун.

– При самом плохом раскладе, да, – я потер обмороженные щеки. – Хотя, как говорят знающие люди, здесь случаются оттепели в последний зимний месяц.

– И не такая уж это дыра, – поддержал меня йе-арре. – Крепость гораздо лучше, чем пещера или развалины времен Войны Некромантов.

Рандо повернулся к Шену:

– Как твоя «искра»?

Тот кисло посмотрел на рыцаря и с неохотой признался в собственном бессилии:

– Появляется и вновь исчезает. Я даже не успеваю дать ей разгореться.

Ему приходилось тратить свой Дар на раненых. И если Га-нор уже был на ногах, хотя его движения и оставались скованными, то милорд Водер все еще лежал – воина съедала лихорадка. Про Тиф и говорить было нечего. Она, похоже, решила проваляться без сознания всю зиму.

– Сможем ли мы продержаться здесь до весны? – задумчиво произнес Рандо, сжав кулаки.

– Сможем, милорд, – решительно сказал Йанар. – У нас есть все возможности выжить. А то, чего нет, добудем я и мои ребята. Сдисцы умрут раньше, чем мы.

– Это обнадеживает, – Рандо, улыбнувшись, кивнул летуну. Потом повернулся ко мне, посмотрел оценивающе и посоветовал:

– Отправляйся спать, Нэсс. Вряд ли кто-то будет беспокоить нас в такую ночь.

Я даже не собирался с ним спорить. Молча сгреб лук, на ходу застегнул куртку, толкнул дверь и, задержав дыхание, вышел на мороз и ветер. Стражник страдал на стене.

– Иди, погрейся.

– А ты?

– Постою пока.

Лук обрадовано кивнул, хлопнул меня по плечу и поспешил к теплу.

Когда на смену мне пришел Живр, я простоял чуть меньше полунара и еще не настолько замерз, чтобы бегом бежать по лестнице. Спускаться во двор следовало очень медленно – приходилось держать ухо востро каждую уну, настолько здесь было скользко, и завтра с утра я решил первым делом сколоть лед со ступеней.

В Центральной башне, оббив сапоги от снега, я передал северянину просьбу Живра сменить его через нар и, поднявшись на второй этаж, пошел по галерее к комнате, расположенной рядом с часовней Мелота.

Йанак и Йалар сладко спали. В темноте я едва не наступил на крыло одного из них. Но все-таки нашарил овчинный тулуп и, закутавшись в него, заснул.

Снегопад завершился неожиданно. Мы уже и не надеялись на такое чудо. Но однажды проснувшись поутру, я увидел, что небо очистилось, став ультрамариновым, и исчезнувшие облака открыли окружающие нас со всех сторон молочные пики, на которые было больно смотреть из-за яркого солнца.

Первым, кого встретил во дворе, был Га-нор. Сбросив куртку, он тренировался с мечом, легко шагая по застывшему насту и рассекая клинком морозный воздух. Проходя мимо, я кивком поприветствовал сына Ирбиса и получил в ответ едва заметную улыбку.

Возле сейчас заваленных северных ворот я заметил Рону. Она сосредоточенно хмурилась и, позабыв обо всем на свете, занималась надгробной плитой для могилы Кальна. Водя руками, Ходящая плавил камень, придавая ему нужную форму. Я подошел ближе и с удивлением увидел, как в базальте проступают контуры человеческой фигуры.

Девушка покосилась на меня, не прекращая работы.

Мы похоронили рыцаря в тот, первый, черный день, и все чувствовали себя повинными в его гибели. Поэтому старались не разговаривать об этом, но каждый пришел к нему на могилу, когда думал, что другие его не видят.

Я тоже там побывал, считая себя главным виновником смерти светловолосого спутника милорда Рандо. Мне не стоило позволять ему

остаться. Я вполне бы справился сам. Да и стрела, попавшая в него, предназначалась мне...

Из плиты очень медленно начало появляться лицо, словно это был не камень, а глина. Я вздрогнул, когда узнал знакомые черты и, не выдержав, сказал:

– Ты настоящий скульптор. Не знал.

– В детстве я неплохо рисовала и лепила из глины, – неохотно произнесла она. – Не думала, что этот опыт пригодится. Сейчас я импровизирую.

– Вполне удачно.

– Поверь мне, это не сравнится с талантом моей младшей сестры.

– У тебя есть сестра?

– Она тоже Ходящая. В этом году закончила школу.

– И где находится теперь?

– Надеюсь, в безопасности... – Она помрачнела и горько добавила: – Это была одна из причин, отчего я бросилась в Долину.

– Почему ты сразу не сказала?

– Вначале не успела. На нас нашла Аленари. А потом было уже поздно, мы оказались слишком далеко. Через несколько дней после того, как мы воспользовались Лепестками, Шен сказал, что видел госпожу Галир мертвой.

– Старшую наставницу? – я вспомнил тело женщины в зале, засыпанном стеклом.

– Да. Она была учительницей Альги.

– С твоей сестрой все должно быть в порядке, – неловко утешил я Ходящую. – Возможно, ее не было в Долине, когда пришла Оспа. Как я понял, всех учеников вывезли.

Девушка дернула плечом и сосредоточилась на работе, показывая, что не желает продолжать разговор. Я отошел, в последний раз посмотрев на выступившее из камня лицо Кальна.

Га-нор продолжал махать клинком. К нему присоединился Лартун. Рыцарь двигался так же легко, но его удары по воздуху были не такими размашистыми и быстрыми. Фальчион воина плел совсем иной узор, чем полуторник северянина, но в то же время создавалось впечатление, что оба воина сражаются с одним противником, рубятся в унисон.

Нарастающий грохот отвлек меня от наблюдения за тренировкой, и я в два удара сердца оказался на южной стене, рядом с Луком и Юми. Оба прикикли к бойницам и голосили о жабах и собаках.

Горы дрожали, рев становился все сильнее. Я щурился, силясь

рассмотреть хоть что-то – долина из-за снега и ярких солнечных лучей слепила глаза.

Лартун встревожено крикнул снизу:

– Что происходит?!

– Вот так, собака!

– Лопни твоя жаба!

Я гаркнул:

– Лавина! Лавина идет!

Горы не выдержали веса снега. По восточному, покатому склону, разрастаясь с каждой уной, неся белый вал, похожий на морской шквал – такой же свирепый, безжалостный и неуправляемый. Он мчался в ложбину, где суетились, разбегаясь, черные точки.

Ветер донес до нас отдаленный рокот. С западного склона летела еще одна лавина, сметая на своем пути деревья и словно пушинки подхватывая огромные глыбы.

У сдисцев не было никаких шансов избежать встречи с непокорной стихией, гневом гор. Белая пена хлынула в долину, погребла под собой людей и лошадей, проползла, словно червь, вниз, к ущельям, накрыла собой полосу ледника и, наконец-то, затихла. Лишь горы продолжали недовольно ворчать, сетуя на то, что их смели побеспокоить жалкие людишки.

А затем наступила тяжелая тишина, говорящая живым, что все кончено, и гнев угас.

Лук, кажется ошеломленный больше чем другие, зубами стянул с руки перчатку и, порывшись в кошельке, протянул затертый сорен подошедшему к нам улыбающемуся Отору. Жрец спрятал желтую монету в карман и наставительно, сохраняя серьезное выражение лица, произнес:

– Запомни, мой друг. В жизни нет ничего невозможного. Особенно для Него. И тогда рука его сметет осаждающих, а ты станешь немного богаче и счастливее. Мелот – замечательный союзник. В том числе и в азартных играх.

Я стоял на стене, шмыгал замерзшим носом и постукивал ногами друг о друга. Руки предпочитал держать в карманах, но это помогало точно так же, как мертвому – припарки. Несмотря на перчатки и варежки, пальцы нещадно мерзли. Я напялил на себя овечий свитер, застегнул куртку, влез в неопрятную шубу Лука, натянул на глаза капюшон, но холод все равно умудрялся пробраться под одежду.

Был конец первого месяца зимы, и в горы пришла лютая стужа.

Зажатая базальтовыми скалами река, несущаяся под стеной, пенистая, грозная, непокорная, уступила морозу – и однажды мы проснулись от оглушающей тишины. Ревущий поток сковало льдом, превратив воду в неровные, бугристые наросты.

На улице теперь можно было находиться не больше десяти-пятнадцати минок, иначе начиналась форменная пытка. Мы сидели по башням, выбираясь лишь изредка. По утрам в долине кричали барсы. Кажется, только им было плевать на суровую зиму. Что касается людей – мороз пробирал до костей, плевки замерзал в воздухе, а борода и усы от дыхания превращались в сосульки.

Однажды я смог разглядеть двух светло-серых зверей, играющих друг с другом. Они прыгали по глубокому снегу и возились, словно два больших котенка.

– Не знаю, что их здесь держит, – сказал подошедший ко мне Лартун, прищуренными глазами следя за животными. – Я слышал, обычно в такое время года они спускаются гораздо ниже, и до лета их здесь не видно.

– Эти, похоже, об этом не знают, – усмехнулся я и, оторвавшись от бойницы, собрался уходить, но рыцарь вдруг сказал:

– Очень давно хотел спросить у тебя. Ты ведь из «Стрелков Майбурга»?

– Да.

– И Га-нор несколько раз называл тебя Серым.

– Верно.

– Ты – тот самый, что сгинул в горах вместе с двумя Высокородными?

Я не ответил, и он счел нужным добавить:

– Я служил у Сандона, когда подписали договор с дельбе Васкэ. В полку «Ястребы Севера». Нас перебросили к вам после Гемской дуги. Я прекрасно помню историю, когда убили одного из людей Наместника. Того, что распоряжался всеми запасами. У него еще куча родичей была.

– Довольно мстительных, – моя усмешка вышла еще более кривой, чем обычно.

– Ты тогда лишь чудом избежал виселицы. Многие говорили, что ты – наемник, и тебе отвалили кучу соренов за голову того придурка. Но большинство было на твоей стороне.

– Вот как?

– Эта гнида воровала у своих же. И, благодаря родичам, его никто не мог остановить. К тому же, часть жратвы он переправлял через блокаду в Сандон. Высокородным ублюдкам. Хорошие деньги. Многие об этом знали, но... все оставалось, как прежде. Ты правильно поступил. И я рад, что могу

тебе это сказать.

Он хлопнул меня по плечу, и я остался на стене в полном смятении чувств, так и не успев сказать, что мне никто не платил денег за смерть того человека. В то время я даже предположить не мог, что когда-нибудь стану гийяном, хоть и сказал Высокородным совершенно иное. А падальщик должен был умереть хотя бы потому, что из-за него гибли мои товарищи...

Барсы давно ушли, заснеженная долина стояла пустой, а я все еще думал, что прошлое вновь смогло дотянуться до меня.

Замок стал нашим домом, и с каждым днем я привыкал к нему все больше и больше. Он стоял между двумя отвесными базальтовыми скалами, забраться на которые без умения летать не представлялось возможным. Они служили укреплением восточной и западной стенам.

Южная и северная стороны крепости были сложены из массивных красно-серых блоков. Возле южной стояли две сторожевые башни – Воющая и Дозорная.

Воющая оказалась сильно разрушена, внутри царил зверский холод, а по ночам стылый ветер влетал в окна и начинал стонать, словно жаждущее мести приведение. Он голосил так, что закладывало уши, и находиться внутри можно было, только если ты абсолютно глухой.

Дозорная, наоборот, сохранилась хорошо. Но большую часть времени мы проводили в третьей башне – Жилой, той, что не примыкала к стенам и стояла в замковом дворе рядом с большим каменным домом, где, к сожалению, нельзя было поселиться, так как пол в нем, когда-то деревянный, давно провалился.

Первый этаж Жилой башни занимал большой зал и четыре кладовые, второй – столовая, две небольшие комнаты, часовня Мелота, кухня. Третий состоял из жилых помещений, маленького, сейчас пустого, арсенала и еще одной кладовой. Четвертый считался дозорной вышкой и обладал открытой площадкой с балконом.

– Не находишь цитадель на Горячей полосе, мы бы вряд ли дотянули до весны, – заметил как-то Йанар.

Он был совершенно прав – деревьев вокруг было не так много, и если бы не горячая вода, даруемая самой землей, мы бы уже давно околели от морозов. От Роны я услышал, что цитадель строила одна из учениц Скульптора – Ходящая, которая смогла заставить воду из недр греть камни.

– Я еще в школе читала про это место, – рассказывала девушка. – Раньше здесь даже оранжерея была, и зимой цвели самые удивительные цветы, завезенные из множества далеких стран.

– Мне кажется, тепла здесь стало гораздо меньше, – возразил ей Шен. – Греется только Жилая и два первых этажа Дозорной.

– Не занудствуй, – попросил я его. – Нам вполне хватит того, что есть, чтобы жить и радоваться. Ты загляни в подвал! Урские термы и те лопнули бы от зависти!

В каменном подполье находились два бассейна. Один маленький, заполненный едва ли не кипятком, специально для самоубийц и безрассудных глупцов. Другой – большой, глубокий и не такой горячий. Вода упругими струями била из пастей двух восседающих на горячих камнях львов и утекала в неизвестном направлении через какую-то дыру на дне.

Обе термальных ванны, как назвал их Шен, оказались выложены плоскими рыжеватыми камнями. Приятно теплыми и немного шершавыми. Потолок был высоким, сводчатым, с резкими, сильно выделяющимися контрфорсами, старыми, почти стертыми фресками, покрытыми налетом подземных испарений, и точно таким же рыжим, как стены, полом. Наверху, под куполом, виднелось несколько узких окошек. От них практически не было проку в освещении, но зато помещение немного проветривалось, так как пахло здесь, особенно с непривычки, не слишком приятно. Если во всей крепости ощущался лишь легкий запах, то возле бассейнов ощутимо несло тухлыми яйцами. Впрочем, мы достаточно быстро притерпелись к этому аромату и, в конце концов, перестали его замечать.

Подвал редко пустовал. Кто-нибудь обязательно сидел в «теплой луже», балдел и прислушивался к вою ветра за окном. Гбабак так и вовсе забрался в крутой кипяток на три дня. Вытащить его не получилось даже у Юми, и вейе оставалось только нырять в бассейне по соседству, повизгивая:

– Вот так, собака!

Насидевшись в воде, блазг попросил всех, чтобы его не беспокоили, если не случится что-нибудь важное, и залег в спячку в одной из кладовых.

Никто не возражал против его сна. Особенно если учесть, что потребление мяса сразу сократилось ровно в три раза. С запасами у нас было не густо даже несмотря на то, что пришлось принять непростое решение – убить лошадей. Это казалось более милосердным, чем дать животным умереть от голода. Кормить их было нечем.

Мясо сложили на улице, закопав в снег, чтобы не пропало, и Рона окружила его защитным заклинанием от диких птиц и горных крыс.

Теперь наш рацион состоял исключительно из конины. Ни хлеба, ни

пшена, ни зерна, ни соли, ни перца. К сожалению, кладовые цитадели давно стояли пустыми.

Лук страдал и просил шафа, но помочь ему было нечем. Га-нор, беспокоясь, что от такого рациона у нас скоро начнут кровоточить десны и выпадать зубы, на несколько наров ушел в горы и вернулся с какими-то промерзшими травками, корой и прочей пакостью. Юми тоже внес свой вклад в дело, притащив невесть откуда зеленой плесени.

Отвары и приправы немного разнообразили пищу.

Из всего отряда я чаще всего общался с Отором. Жрец оказался острым на язык и трактующим книгу Созидания несколько иначе, чем остальные служители Мелота. Бога он считал кем-то вроде своего старого друга. Отор говорил о Нем постоянно, но делал это столь просто и естественно, что нисколько не раздражал меня – как обычно случалось во время бесконечных проповедей в Альсгаре.

Иногда мы спорили, но мне ни разу не пришлось уличить его во лжи. Отор на все вопросы знал ответ и имел логичные и по-житейски понятные объяснения, не сводившиеся к «это твое испытание» и «Он знает, что делает».

В общем, мы вполне себе неплохо жили, если забыть о некоторых неудобствах. Я каждую свободную минутку думал о Лаэн, не переставал с ней разговаривать, и порой мне чудилось, будто она отвечает мне, но так тихо, что я не могу различить слов. Они сливались в монотонный неразборчивый шепот, и тогда я окончательно убеждался, что сошел с ума.

Эти однообразные разговоры с самим собой, будущее, которого у меня больше не было, и воспоминания – единственное, что осталось, занимали все мое основное время. Я залезал на верхний этаж Жилой башни и проводил в одиночестве целые нары, не желая никого видеть. Меня особо не доставали, разве что Отор приходил по вечерам, чтобы переброситься парой словечек.

Однажды, во время сильной выюги, в мою берлогу заглянул всклокоченный и заспанный Шен:

– Нэсс! Тиф очнулась!

Я задумчиво посмотрел на него и встал с пола:

– Вот уж не знаю, стоит ли мне радоваться такой новости.

Глава 6

После недолгой оттепели вновь ударили холода, и пруд замерз. Утки смешно садились на застывшую воду, оглушительно и возмущенно крикая, махали крыльями, скользили перепончатыми лапами по свежему льду. Затем, остановившись, спешили назад, смешно переваливаясь на разъезжающихся ногах. Большой красавец-селезень с головой, покрытой блестящими темно-изумрудными перьями, свирепо гонял конкурентов и первым пытался схватить брошенный хлеб.

Альга кормила суесящихся птиц припасенной с обеда булкой. Кроме ученицы Галир в маленьком парке никого не было. Девушка наслаждалась кратким уединением, когда могла побыть сама собой, а не госпожой, перед которой трепетали все солдаты.

Только сейчас она с удивлением начала понимать, что это такое – быть Ходящей. В Радужной долине все было несколько иначе. Альга – ученица, хоть и завершившая подъем по ступеням. Равная тем, кто находился рядом. Здесь же – ее власть и ее слово были законом. И ей это решительно не нравилось.

Не нравилось, что окружающие смотрят на нее с обожанием и страхом, ловят каждое сказанное ею слово. Пытаются угодить в любой, самой маленькой просьбе, порой даже прежде, чем она выскажет какое-то желание. Все это ее бесило.

Власть? В Бездну такую власть, раз ты становишься рабой своего титула и уже не можешь ни шагу ступить без назойливого, угодливого внимания. Власть – это сила? Ну, нет! Скорее – клетка и полное отсутствие свободы. А также первый шаг к тому, чтобы забыть о настоящем Даре, погрязнуть в бытовых проблемах, мелких склоках между себе подобными и политических интригах в поиске выгод.

Как жаль! Мелот, как жаль, что только теперь она, глупая дура, начала понимать, что ей хотела сказать Галир! И как несправедливо, что Старшая наставница оставила ее сейчас, в самое тяжелое время, когда вера Альги в величие Башни и то, что она стремится лишь к одному – развитию «искры» – дала трещину. Те слова, что им говорили в Долине, красивые, высокие и правильные, оказались всего лишь словами. Жизнь была очень далека от них.

Письма, приходящие в цитадель из Корунна, полные яда, недоговорок, скрытых намеков и бесконечных интриг, еще сильнее укрепили девушку в

мысли, что в Башне давно уже не все ладно. Когда Альга, не выдержав, сказала об этом Шиле, Ходящая как-то странно посмотрела на собеседницу и с явным равнодушием спросила:

– А чего ты, собственно говоря, ожидала? Добро пожаловать во взрослую жизнь... подруга.

Но юная Ходящая решительно не желала смиряться. Она не хотела становиться такой же дрянью, как Алия Макси или еще несколько десятков подобных ей вздорных баб, забывших обо всем, кроме грызни за власть.

Девушка злилась. В первую очередь, конечно, на себя. С детства вариться во всем этом, слушать, присутствовать, дышать с ними одним воздухом и только в восемнадцать лет окончательно прозреть. Глупая идиотка!

Но лучше поздно, чем никогда.

Альга не знала, что делать дальше, но лгать и лицемерить не хотела, хотя и понимала – это единственный путь наверх. Туда, где тебя, возможно, поостерегутся трогать, и где ты сможешь хоть что-то изменить в устоявшемся порядке вещей.

Знала ли хоть что-то о том, что происходит, Рона? Она была старше на шесть лет и, скорее всего, давно перестала быть той наивной девчонкой, какой до последнего времени оставалась Альга. Но ни о чем таком Рона не рассказывала. И младшая сестра понимала старшую. Наверное, будь старшей она – тоже бы не решилась своими собственными руками разрушить светлый мир и надежды сестренки.

Малодушие из-за любви. Желание спасти там, где не стоило ничего скрывать.

Альга не сердилась на сестру. Не могла себе этого позволить. И часто вспоминала единственную оставшуюся в живых из своей семьи. Где она? Что с ней? Смогла ли уцелеть в войне?

Отряхнув руки от крошек, девушка пошла прочь от пруда. Пройдя сад, направилась вдоль невысокой ограды старого замкового кладбища. Здесь редко можно было встретить людей, что полностью устраивало Ходящую. Она не желала никого видеть.

Мимо кухни, возле которой крутилось множество собак, Альга добралась до внутреннего двора. Здесь ей пришлось справиться с собой и, благосклонно улыбаясь, отвечать на подобострастные поклоны офицеров.

– Вас искала госпожа Шила, госпожа, – сообщил один из них.

Альга, не спеша, добралась до покоев старшей Ходящей. Легонько стукнула в дверь, обозначив свое присутствие, и, не дожидаясь ответа, вошла.

Комната была большой и красивой, но девушка ни за что не захотела бы здесь жить. Мало того, что высоко и пока поднимаешься по бесконечным лестницам, проклянешь все, так еще и юго-западная стена помещения – одно сплошное панорамное окно. Слишком хрупко, слишком неудобно. Хотя вид, конечно, замечательный. Этого не отнимешь.

Ши́ла подняла взгляд от бумаг, кивнула и вновь занялась разбором корреспонденции. Даже спустя месяц после нападения колдуна, на ее шее оставались царапины, а говорила женщина сиплым, едва слышным голосом.

Альга бросила на стул шубу, посмотрела в окно, на белые, кутающиеся в синеватую дымку, вершины гор:

– Есть новости?

– Прочти! – Ходящая протянула девушке письмо.

Быстро пробежав его глазами, Альга, не любившая сквернословить, от души выругалась.

– Общение с солдатами идет тебе на пользу, – усмехнулась Ши́ла. – Но побереги эмоции. Временный Совет Корунна их не поймет.

– Ну, разумеется! Но их предложение – бред! Они должны понимать, что нас здесь всего двое. Двое! И один Огонек. Если набаторцы...

– Набаторцев здесь не будет. Ты ведь знаешь. Бои идут далеко на востоке.

– Я научена горьким опытом Радужной долины. Там тоже никто не ждал гостей. Следует написать в Корунн еще раз.

– Вот сама и напиши. А я устала это делать. У них один и тот же ответ – «мы склонны полагать, что Клыку Грома ничто не угрожает, и не можем отправить носителя „искры“ для усиления крепости». Они не хотят ослаблять свои силы. Весной начнется бойня, и потребуются все носители Дара.

– Но не мы!

– Не мы, – сухо согласилась Ши́ла, расправляя помятое Альгой письмо. – Оно и к лучшему. Я потеряла большую часть своей уверенности, когда тот некромант отрезал меня от «искры» и трепал, словно беспомощного котенка.

Альга тут же помрачнела, сложив руки на груди, отошла к окну и с хмурым видом стала смотреть на горы, слушая, как за спиной поскрипывает по бумаге гусиное перо.

– Я так и не поняла, при чем тут Целитель.

– Мы гадали с тобой неоднократно. Если ты ничего не скрываешь... – Ши́ла увидела, как спина ученицы Галир гневно напряглась, – колдун

просто безумец.

– И никак иначе. Он мог допросить меня, когда мы встретились в пути. Я каждый раз об этом думаю...

– Забудь, – посоветовала Шила, и перо вновь за скрипело по бумаге. – Теперь это бесполезные мысли.

– Не согласна. Он может вернуться.

– Это тебя пугает?

– А тебя нет? – огрызнулась Альга.

– Разве что ночами, – не стала отрицать Ходящая. – Но он сбежал и пока не возвратился, хотя, думаю, нашел бы возможность, если бы захотел. С такими-то способностями.

Даже раненого, некроманта так и не смогли поймать. Он убил больше двух десятков солдат, прорвался к южным воротам и исчез. Ночное преследование ничего не дало. Белый скрылся, не оставив следов. Было неясно, как он проник в Клык Грома. Солдаты целую неделю искали возможную брешь в стене, но так и не обнаружили.

После этого случая Альга перестала чувствовать себя в безопасности. Несмотря на усиленные патрули и заверения коменданта крепости, что мимо не проскочит даже мышь. Уже проскочила. И совсем не мышь.

Девушку тяготило пребывание в цитадели. Не возникало сомнений, что тот человек искал именно ее. По ошибке ли – другой вопрос. Он знает, где она, и вполне способен повторить попытку. Альга желала как можно быстрее уехать в Корунн, поближе к переехавшей школе, своим друзьям и знакомым, но у нее не хватало духа уйти. Шила просила остаться, и она не могла отказать.

После нападения, когда их жизни висели на волоске, они стали относиться друг другу чуть лучше, чем прежде, хотя и старались не показывать этого.

– Ты не видела Райла? – поинтересовалась Шила, запечатывая конверт.

– Нет, – Альга следила за ровным полетом рыжеватой птицы, с высоты осматривающей заснеженные окрестности в поисках добычи. – Кажется, он со вчерашнего дня уехал в город и до сих пор не вернулся.

– Он... – голос конопатой Ходящей дрогнул, такое после травмы с ней случалось часто, но она, сделав над собой видимое усилие, продолжила, – слишком много времени проводит в тавернах.

– Это не мешает ему помогать нам, – дипломатично заметила Альга.

– «Императорская молния», – женщина подняла руку с синеватым конвертом. – Коменданту пришел такой же. В отличие от Совета, военачальники не поскупились на полк. Его расквартируют под городом, в

старых казармах. Прибудут сюда через две, быть может, три недели.

Альга улыбнулась. Это была первая хорошая новость за день!

– Здорово. Ну, я пойду к себе.

– Да. В другой раз поговорим еще.

Альга взялась за дверную ручку, но остановилась и спросила:

– Кстати, как думаешь, можно разорвать двенадцать тройных узлов на «Плывущем кленовом листе» в седьмой связке плетения?

– Ты о потоке, способном связывать светлые «искры»? – Шила тут же поняла, о чем идет речь. – Можно, если ты поймешь, что делает противник и сумеешь отбить атаку. Но к этому надо быть готовой.

– А когда тебя уже связали?

– Если тебя схватили, вырваться невозможно. Сдисцы блокируют все попытки дотянуться до «искры». А что?

– Да ничего, – пожала плечами Альга. – Просто размышляю. Увидимся.

Она вышла в коридор и, спустившись по лестнице, направилась в сторону своей комнаты. Четвертый день ее мучил сон, где толстая сдиска ловко отрезала ее от Дара, и Ходящая, потеряв всякую возможность сражаться, слышала торжествующий смех старухи до тех пор, пока не просыпалась от собственного крика.

Каждый раз Альга пыталась сбросить вражеское плетение. Она перепробовала уже множество вариантов, однако так и не смогла дотянуться до «искры». Девушка была уверена, что разгадка где-то рядом, лежит на поверхности, потому что во сне возможно все, но пока не находила решения.

Утро выдалось ярким, морозным, свежим. Альга стояла на стене и, опасно перегнувшись через край, следила за тем, как закрываются южные ворота. Комендант получил из столицы приказ больше не пропускать на север ни единого человека. Как только все отряды из дозорных башен, находящихся на тракте между Лоска и Клыком Грома, вернулись в цитадель, путь с юга был перекрыт.

Девушка считала, что это следовало сделать еще две недели назад – именно с тех пор дорога стояла пустой, и через перевал не прошло ни одного беженца.

– Привет! – сказал подошедший сзади Райл и, когда Альга вздрогнула, ловко схватил ее за талию, аккуратно ставя на землю.

– Так можно и до смерти напугать, – проворчала она. – Ты где пропадал два дня?

– Крутился в городе. У них сегодня праздник. Меня попросили помочь по мелочи в подготовке. Как твои руки?

– Спасибо. Я, если честно, и думать о них забыла.

Плетение, ранившее Белого, оставило на ладонях ожоги, и несколько дней Альга с трудом могла шевелить пальцами от боли. Но волдыри быстро сошли, и к кистям вернулась прежняя подвижность.

– Это хорошо, – одобрительно улыбнулся Райл. – Я вернулся только из-за тебя. Быть может, ты хочешь прокатиться?

– Куда? – удивилась она.

– В Кандерг, разумеется. Здесь нет других городов.

Она тут же вспомнила колдуна и, покачав головой, неуверенно ответила:

– Ты знаешь... что-то не хочется.

– Да перестань, – сказал Огонек. – Ты сиднем сидишь в этих стенах уже месяц. Я бы давно сошел с ума. Посмотри, какой чудесный день! Тебе пора развеяться. Я знаю чудесную таверну – там лучшее молоко с горным медом и кленовым сиропом по эту сторону Катугских гор.

– Хорошо. Убедил, – девушка улыбнулась, не в силах противостоять его мягкому напору.

– Вот и чудесно! – тут же обрадовался Райл. – Я спущусь, скажу, чтобы для тебя подготовили лошадь. А ты подходи. Лады?

– Лады, – произнесла Ходящая простецкое словечко. – Я скоро.

Через десять минок она была в седле и вместе со своим спутником ждала, когда откроют створки северных ворот.

– Выделить вам сопровождение, госпожа? – спросил дежурный офицер.

Альга хотела согласиться, но Райл с усмешкой ответил:

– Благодарим, но эта предосторожность ровным счетом ни к чему. Там совершенно безопасно.

Сразу после Клыка Грома дорога пошла под уклон, размашистым серпантинном поползла по каменистому еловому склону, затем спустилась в широкое, залитое столбами солнечного света ущелье, на дне которого бежала пенная, рокочущая, сверкающая бирюзой, река. Всадникам четырежды пришлось пересечь ее, перебираясь с одного берега на другой по низким каменным мостам.

Путь занял чуть меньше двух наров, но Альга за это время нисколько не устала, а наоборот, воспрянула духом. Райл был прав – она устала сидеть в замке, и ей уже успел порядком надоест маленький садик. Небольшое путешествие, действительно, оказалось очень кстати.

Тракт привел их в широкую, похожую на лист лопуха долину, где находился Кандерг – первый из северо-западных городов Империи. Он раскинулся по долине, кое-где заползая домами на пологие склоны гор. Длинный, хаотичный, без крепостных стен и башен. Горожане за многие века привыкли, что живут под защитой Клыка Грома, и опорные укрепления им ни к чему.

Город, стоящий на единственном торговом пути в этой местности, процветал. Все дома были двухэтажные, каменные, ухоженные. С красивыми крышами, на которых лежала ярко-бордовая черепица. Высоченная белая колокольня храма Мелота и ослепительно сияющий шпиль городской ратуши были видны издалека.

– Что у них за праздник? – поинтересовалась Альга, когда спутники въехали на наряженную и украшенную лентами центральную улицу.

– День основания. Чему ты так удивляешься?

Райл заметил, как девушка озирается по сторонам.

– Идет война, а люди все-таки не разучились радоваться.

– Ну, до них война пока не докатилась. Ни боев, ни смертей, ни некромантов.

– Ошибаешься. Их она тоже коснулась. После того, как исчезли путники и торговцы, здесь все должны были потуже затянуть пояса.

– Так и случилось. Но это не повод отменять праздник, – пожал плечами Огонек, приветливо поздоровавшись с каким-то прохожим.

– Когда начнется торжество?

– Ближе к вечеру. А пока у меня есть для тебя одно дело.

– Вот как? – она подняла красивые брови. – О делах ты мне ничего не говорил.

– Это был сюрприз, – заговорщицки подмигнул он. – Просто я помню твои старые школьные таланты. Подумал, что тебе будет интересно.

– Ты о чем?

– Сейчас увидишь, – пообещал Огонек. – Да мы, собственно говоря, уже приехали.

Городская площадь была залита льдом и превращена в большой каток, на котором уже было полно гомонящей и визжащей детворы. С другой стороны катка, прямо напротив ратуши, украшенной лентами и еловыми ветками, стояло больше двух десятков кубов прессованного льда, похожего на зеленоватое бутылочное стекло. Каждый достигал в высоту четырех-пяти ярдов, а об их весе Альга могла только догадываться. От ледяных глыб веяло жутким холодом, и, прищурившись, девушка разглядела остатки плетения, все еще висящие в воздухе.

– Твоя работа? – спросила она у Райла.

– Да, – улыбнулся тот. – Почти целые сутки готовил для тебя материал. Я помню, как здорово ты создавала скульптуры в Долине, и подумал, что тебе будет интересно показать свои умения здесь. Все будут очень рады.

– А если бы я не согласилась поехать?

– Я был уверен, что ты мне не откажешь.

– Вот и обещанное молоко с медом, – поддела она его.

– Будет. И то, и другое.

– Ну, уж нет! Сегодня я пью вино!

Он согласно кивнул:

– Без проблем. В той таверне есть несколько бутылок из Золотой Марки. Тебе понравится. Так что? Возьмешься?

– Я почти не работала со льдом, – сказала девушка, но в ее голосе не слышалось неуверенности, а карие глаза уже оценивающе изучали материал. – Да. Это будет интересный эксперимент.

Люди, собравшиеся на площади, довольно быстро сообразили, кто приехал вместе с Огоньком, и начались обычные поклоны, порой переходящие в раболепное блеянье. Городской совет в полном составе гнул спины перед госпожой и ворковал о чести, которой она их удостоила. Альга терпеливо вынесла все церемонии, ответила, что ей очень нравится город, и она рада здесь находиться в такой замечательный день.

Слухи о Ходящей быстро распространились, и за спиной девушки, впрочем, не подходя достаточно близко, собралось множество любопытных, желающих собственными глазами увидеть, как творятся чудеса.

Альга уже знала, что хочет получить и, создав привычное, хорошо знакомое плетение, начала неспешную, кропотливую работу. Узкий поток, которым она управляла, острый, словно алмазный резец, снимал с глыбы тонкие пласты льда. Слой за слоем она углублялась в зеленоватый материал, придавая ему форму, объем, наполняя цветом, вдыхая жизнь.

Прочный лед поддавался, плавился под ее невидимыми «руками», становился чем-то сродни глине, горячему воску, раскаленному металлу, послушному приказам Ходящей. Он звенел и трепетал от восторга, чувствуя «искру», меняющую его.

Альга позабыла обо всем на свете. Она не слышала одобрительного и восхищенного гула у себя за спиной, не замечала потрясенных взглядов и не обращала внимания на аплодисменты, раздающиеся, когда очередная скульптура оказывалась готова. Затаив дыхание, девушка творила и пришла в себя, лишь когда вся работа была сделана.

Перед восхищенной толпой предстали миниатюрные замки, рыцари на вздыбленных конях, расправивший крылья орел, загадочные длинношеие жирафы, девушка, набирающая в кувшин воду, льющуюся потоком, выпрыгивающий из моря дельфин, блазг, стая бабочек, Башня Альсгары, творящая заклинания Ходящая и множество других скульптур.

Каждая из них являлась настоящим произведением искусства и сверкала в солнечных лучах, словно драгоценный берилл из южных стран. Люди ходили вокруг статуй и, замороженные зрелищем, ошеломленно качали головами. Альга огляделась по сторонам, но нигде не увидела Райла. Она медленно пошла вперед, надеясь заметить Огонька, и через несколько минок услышала, как он окликнул ее.

– Просто изумительно! – сказал молодой человек. – Ты смогла удивить даже меня. Они прекрасны.

– Ерунда, – отмахнулась она. – К тому же век их будет очень недолог. Куда ты уходил?

– Вот, – он протянул ей коньки. – Размер твоей ноги я, кажется, угадал. Идем, покатаемся?

День, действительно, оказался чудесным. Раскрасневшаяся, смеющаяся, довольная Альга покинула лед, когда солнце скрылось за горными вершинами, и небо стало стремительно гаснуть. Вокруг гудел и веселился народ, рекой лился шаф и вино, звучали песни и оглушительный хохот. В этот вечер люди словно забыли о беде, которая с каждым нармом становилась к ним все ближе. Они желали веселиться и брали от жизни все.

– Потрясающе! – сказала Ходящая.

Она чувствовала приятную усталость, и сейчас ее не раздражали почтительные и восхищенные взгляды собравшихся на площади горожан. Ходящая, наконец-то, перестала их замечать.

– Рад, что ты довольна, – Огонек отвязал ремни, удерживающие полозья на обуви, передал обе пары коньков какому-то мальчишке и сказал, как только они остались одни: – Рекомендую смыться, пока о нас не вспомнили. Иначе уважаемые жители города затащат на праздничный ужин, и мы не вырвемся до середины ночи. Я, вроде, обещал напоить тебя вином. Здесь недалеко. Пойдем пешком?

– А лошади?

– Не волнуйся. Я попросил, чтобы о них позаботились, – беспечно махнул рукой Райл и повел ее прочь.

С центральной улицы он быстро нырнул в какой-то темный переулок, проскочил его, оказался на параллельной улице, свернул в подворотню,

пробежал через двор и вывел Альгу туда, где не было слышно шума и гама. Девушка даже опомниться не успела.

– Теперь если и хватятся, нас не найдут, – на ходу объяснил Огонек. – Я тоже, на самом деле, не люблю все эти расшаркивания. Слишком много времени при этом теряется.

– Ты прекрасно знаешь город.

– Еще бы! Он – единственная отдушина в этом унылом месте. Я частенько сюда выбираюсь. Клык Грома мне до смерти надоел. Я написал письмо в Корунн. Пусть Временный Совет найдет другого дурака. Хочу в столицу.

– Я тоже. Слушай, мы не далеко забрались? Я видела приличную таверну еще несколько минок назад.

– Приличная – не значит лучшая, – наставительно сказал Райл. – Не беспокойся. Я знаю, что делаю.

Они оказались где-то на окраине, за домами шумела река, улицы были темны и пусты, но Огонек смело шел вперед, не глядя по сторонам, без умолку болтая. Наконец, он свернул в переулок и остановился перед добротным, ярко освещенным домом.

– Вот и пришли. Думаю, мы здесь будем одни. Все празднуют на центральной площади и на нас не будут глазеть, как на каких-нибудь блазгов. Идем!

Он толкнул прочную дверь, и они оказались внутри.

– Мастер Райл! – вихрастый курносый парень вскочил из-за стола, за которым сидел вместе со смуглым морщинистым стариком. – В такой день! Вот уж не думал, что вы все-таки придете в наше заведение!

– Я ведь обещал, – улыбнулся Огонек, помогая Альге снять шубу. – Найдется у вас бутылка южного?

– «Кровавый якорь»? А как же, ваша милость! Сейчас все будет. Хрип, посади гостей за лучший стол! Я мигом!

Старик с неблагозвучным прозвищем молча отвел гостей в самое светлое и уютное место небольшого зала.

– Желаете еще что-нибудь, кроме вина?

– Было бы неплохо увидеть хороший ужин, Хрип.

– Как обычно, ваша милость?

– Разумеется.

Старик ушел, снова появился вихрастый с запыленным глиняным кувшином и двумя бокалами. Сломав сургучную печать, он налил посетителям темного, отдающего синевой вина. Альга пригубила напиток и оценила:

– Отличное. Райл, с тобой все в порядке?
– Да. А что? – удивился Огонек.
– О чем ты вдруг задумался?
– Вспомнил Тирру. Она любила это вино, – улыбка у него вышла натянутой, да и глаза больше не смеялись.

Девушка мрачно кивнула. Ходящую было жаль. Она хотела утешить Огонька, но в этот момент вдруг перестала чувствовать свою «искру» и ошеломленно выпрямилась на стуле. В первую уну Альга подумала, что ей показалось. Что такого просто не может быть. Но заметила быстрый взгляд Райла, брошенный за ее спину, резко обернулась, вскрикнула, попыталась вскочить, но тяжелые руки, опустившиеся на плечи, вновь усадили ее на стул.

– Спокойно. Без паники, цыпа, – вихрастый парень разом растерял свою угодливость. Говорил грубо и жестко. Его пальцы жгли ее кожу через одежду. – Не дергайся.

– Повेशливее с дамой, Топор, – тихо сказал мужчина со шрамом на нижней губе, вошедший с улицы. Двигался он скованно, словно его беспокоила рана.

– Конечно, господин Дави. Конечно.

– Отлично сработано, мастер Райл. Я, признаться, в какой-то момент решил, что вы нас обманули.

– Потребовалось много времени, чтобы ослабить ее «искру», как вы хотели.

– Я видел. Ледяные скульптуры. Хорошо придумано. Вы смогли меня удивить. Добрый вечер, госпожа Альга.

Ходящая с удивлением поняла, что несколько не боится и сейчас способна испытывать только ярость.

– Ты и вправду знаешь, что делаешь, Райл? – сдерживая гнев, произнесла девушка, стараясь пробиться через стену, отрезавшую ее от Дара. – Тогда, в замке, ты был на моей стороне. Что он тебе пообещал, раз теперь ты с ними?

– Теперь это уже не важно. – Огонек, не дрогнув, посмотрел ей в глаза. – Мы в расчете?

Райл повернулся к колдуну.

– Вполне, – господин Дави кивнул стоящему за спиной Огонька старику.

Альга не успела уловить движение свободной руки Хрипа, оно было слишком быстрым для ее глаз. Просто что-то мелькнуло, тускло сверкнула сталь, и недавняя выпускница Долины вначале совершенно ничего не

поняла, лишь увидела, как округлились глаза Райла, как он коснулся «искры», как та ярко вспыхнула и тут же полностью погасла.

Красная тонкая нитка побежала поперек шеи Огонька, набухла, лопнула кровью. Альга вскрикнула, уперлась ногами в ножку стола и рванулась так сильно и неожиданно, что вихрастый Топор ее не удержал. Она упала на спину, не обращая внимания на боль, со всей силы лягнула парня в правое колено. Тот взвыл, рухнул рядом, Альга перевернулась на живот, вскочила, бросилась к двери, но добежать не успела.

Девушка вскрикнула, когда безжалостные пальцы вцепились ей в волосы. Ходящую развернуло, и жесткая ладонь отвесила ей настолько сильную оплеуху, что потемнело в глазах.

– Хватит, Хрип! – крикнул колдун. – Довольно!

– Как скажете, господин Дави. Резвая южаночка нам попалась.

Стараясь не заплакать, Альга сплюнула кровь из разбитой губы и с ненавистью посмотрела на некроманта:

– Я убью тебя, тварь!

– Возможно, – холодно ответил он и вновь обратился к старику. – Свяжи ее. Глаз не спускай. Топор, хватит стонать. Пошевеливайся! Избавься от тела. И займись каретой. Мы и так здесь слишком задержались.

Глава 7

Когда Тиа поняла, где оказалась, то, недолго думая, окрестила крепость дырой. А как иначе можно было обозвать груды камней на каком-то безымянном перевале? Засыпанные снегом, скованные льдом и воняющие мышинным пометом и тухлыми яйцами, они не располагали к себе.

– Твой нрав не претерпел особых изменений, – с иронией сказал Нэсс, выслушав мнение Проклятой.

– С чего бы ему становиться лучше, хотела бы я знать? – удивилась Тиф. – Мы, судя по всему, в месте столь унылом, что хоть руки на себя накладывай. Я таких даже в пустыне за Сахаль-Нефулом не видела.

– Я бы на твоём месте поблагодарил Бездну за то, что мы здесь. Эта «дыра» гораздо лучше, чем зимовка в шалаше из еловых веток или сугробе!

– Ну, тут не поспоришь, – пробормотала Убийца Сориты и тут же вскинулась: – Эй! Как это?! Какая зимовка?!

– Самая настоящая. Мы застряли здесь до весны без всяких шансов покинуть горы. Так что привыкай.

Услышав эту новость, Тиф и вовсе скисла. До весны! Подумать только!

– Что это ты притихла? – удивился лучник.

– Предпочитаешь, чтобы я называла тебя недалеким придурком вслух? – раздраженно зашипела она. – А, Бездна! Как болит голова! Где шляется Целитель, когда он так нужен?! Впрочем, толку от него! Как был безруким, так безруким и умрет. Я быстрее белку научу плетениям, чем твоего приятеля.

Она зря ругала Шена. Тот смог значительно ослабить боль, но мигрени продолжали мучить Проклятую еще две недели.

Убийца Сориты не помнила, как с ней произошел несчастный случай, но поняла, что, судя по рассказам окружающих, к ней благоволила сама Бездна.

У тупого деревенского дурачка оказалась крепкая, удачливая башка. Другой на его месте давно бы стал покойником.

– Спасибо, вообще-то, следует говорить мне, – как-то услышав ее слова, сухо произнес Шен, перебирая пальцами одолженные у Нэсса алые четки.

– Никто не принижает твоих достижений! – отмахнулась Тиа. – Ты оказался в нужное время в нужном месте. Кстати, с чего это ты решил

вернуть меня к жизни?

– По доброте душевной, – буркнул он. – Поверь, я уже жалею, что это сделал.

– Нисколько не сомневаюсь, – серьезно ответила Проклятая. – Я бы тоже сожалела.

Больше они на эту тему не разговаривали.

Пролежав без сознания Бездна знает сколько дней, Тиф была страшно слаба и редко выбиралась из своей берлоги. Проклятая тихо зверела и едва ли не на стенку лезла. Большую часть времени она торчала на самом верху Жилой башни, созерцая опостылевшие горы и считая сыплющиеся с неба бесконечные снежинки. Это была самая долгая зима в ее жизни, и порой, особенно в сумерках, Убийце Сориты начинало казаться, что она никогда не кончится. Что весь мир раз и навсегда погребен под тяжелым слоем снега, который больше не растает.

Рацион тоже способствовал дурному настроению. Тиа не знала худшего мяса, чем конское. Конину она терпеть не могла, и теперь ела с большим отвращением. Лук, в отличие от нее, уплетал еду за обе щеки и как-то раз поинтересовался, почему она оставила свою порцию почти нетронутой. Дочь Ночи так посмотрела на стражника, что тот предпочел заткнуться и больше с глупыми вопросами не лез.

Однажды, замучавшись сидеть в одиночестве наверху башни, Проклятая решила прогуляться дальше обычного маршрута и случайно узнала о спрятанном в подвале сокровище. Узрев горячую ванну, Тиа испытала такой восторг, что даже зима перестала казаться ей такой уж отвратительной. Теперь дни и ночи стали проходить гораздо быстрее. Она и глазом моргнуть не успела, как пролетел целый месяц и начался новый год.

– Какой идиот бросил такую крепость? – как-то спросила она за обедом, отодвинув в сторону почти полную тарелку.

– Вот так, собака! – пискнул Юми.

– А кому они нужны? – милорд Водер задумчиво подбрасывал кинжал и ловил его за рукоятку. – Как только шахты были выработаны, тракт опустел, и ущелья одичали. Гарнизон здесь держать ни к чему – опасности нет. Вот и бросили. Ха! Мало ли в горах старых построек?

– Тех, где круглосуточно есть горячая вода – мало.

– Ты любитель помыться, парень?

– Это лучше, чем вонять на весь зал, как Живр, – буркнула она, встала из-за стола и направилась к себе.

Проклятая понимала, что пора вновь начинать учить Шена и Рону,

которые слишком много потеряли за то время, пока она валялась в беспамятстве.

Когда Тиа сказала им об этом, оба без особых проблем согласились совершенствовать «искру» дальше. И Дочь Ночи начала наверстывать упущенное за время болезни ударными темпами, прерываясь лишь на сон и горячие ванны. Ранним утром и поздним вечером, когда ее никто не мог побеспокоить, она забиралась в воду и балдела по несколько наров кряду. Это была ее маленькая радость, и она благодарила Звезду Хары за то, что та позволяла ей хотя бы на некоторое время почувствовать себя прежней.

На улице давно стемнело, и Проклятая, поплотнее закрыв за собой дверь, неспешно спустилась по рыжеватой каменной лестнице, мурлыча любимый мотивчик, услышанный еще от Ретара. Быстро раздевшись, она с блаженным оханьем погрузилась в горячую воду и почти тут же услышала, как скрипнули несмазанные петли, а затем раздались приближающиеся шаги. Тиа зарычала, словно собака, у которой хотят отнять кость, и раздраженно обернулась.

– А. Серый. Ты... – протянула она. – Ты не мог бы убраться и найти себе какое-нибудь более интересное дело, чем досаждать мне?

Гийян пропустил «вежливый» намек мимо ушей. Принюхался, с интересом изучил плавающую по воде пену.

– Что это?

Проклятая закатила глаза:

– Слушай! Проваливай! Будь хорошим мальчиком. Сходи на могилку к светловолосому рыцарю или утешь Ходящую. Она сегодня не справилась с моим заданием.

– Вряд ли она нуждается в моих утешениях. Так что это за зеленая дрянь в твоей луже?

– Это травы, что притащил северянин. Я позаимствовала их на кухне и применила несложное плетение. Люблю отдыхать с комфортом, знаешь ли. Теперь, если с вопросами покончено, не мог бы ты все же убраться?

– Не мог. Есть разговор насчет Шена.

Тиф возвела очи горе и окунулась с головой, задержав дыхание. Она подумывала даже воспользоваться «искрой» и продлить свое пребывание под водой, но вовремя вспомнила, что Нэсс слишком упрям для того, чтобы так просто сдаться. Проще поговорить, сам отстанет. И это будет гораздо быстрее, чем препирательства.

– Ну, валяй, – пробурчала она, вынырнув.

– Как продвигается обучение Целителя?

Она осторожно ответила:

– Его «искра» стабильна, хотя потенциал до конца не развит. Дар мальчишки еще раздувать и раздувать. В плетениях он, наконец, сдвинулся с мертвой точки. Понял принцип. Если что-то не получается, создает новое, почти идентичное требуемому. Или просто меняет основу. А, Бездна! Тебе не нужны эти слова. Все равно ничего не понимаешь. В общем – лучше, чем ожидалось, но хуже, чем я надеялась.

– А Рона?

– О! Хорошо, что ты спросил. Мне хочется ее придушить. Или огреть чем-нибудь потяжелее.

– Почему?

– Потому что только эта девка способна рвать жилы, чтобы чему-то научиться, но в то же время корчить столь кислые рожи, словно это надо лишь мне, но никак не ей.

– Ты пристрастна.

– Вполне возможно, – она подгрребла к себе зеленоватой пены. – Но, по мне, эта овечка – в волчьей шкуре. Буду держать ухо востро.

Лицо у Серого осталось бесстрастным:

– Твое право. Хорошо. Наслаждайся одиночеством.

Тиф в ответ лишь булькнула и вновь ушла на дно. Когда она вынырнула, гийяна уже не было. Зачерпнув со дна целебной рыжей грязи, Проклятая шлепнула ее себе на лицо и, растерев теплую жижу, едва слышно замурлыкала старую песенку. Хорошее настроение вновь к ней вернулось, но совсем ненадолго.

– Вот так, собака!

Визг и громкий плеск в соседнем бассейне заставили Убийцу Сориты выругаться. Она села и протерла глаза.

Вейя бодро шлепал по горячей воде, помогая себе не только лапами, но и хвостом. Проклятой он словно не замечал и нырял в свое удовольствие. В первую уну она хотела вышвырнуть его прочь, но, в итоге, не стала возиться. Лень было выбираться, да и маленький пронырливый крысеныш ей нравился. Он был самым неунывающим созданием из всех, что Тиф встречала на своем долгом веку.

– Вот так, собака! Вот так, собака! – пищал Юми, нарезая круги и делая страшные глаза, заметив, что привлек внимание зрителя.

– Да ты настоящая акула, – неожиданно для себя сказала Тиа.

Вейя раздулся от гордости. Оставшись довольным похвалой, выбрался на «берег», отряхнулся, распушив шерсть, вычесал живот и, попрощавшись все той же «собакой», куда-то отправился.

Через несколько минок Дочь Ночи настиг вызов.

Тиа задумалась, желает ли она разговаривать. Быстро взвесив все «за» и «против», приняла приглашение к беседе, даже не подумав смыть с лица рыжую грязь.

Аленари гладила лежащего на постели уйга. Тот блаженно жмурился и едва слышно мурчал.

– Прекрасно выглядишь, – из-за маски было непонятно, улыбается Аленари или нет.

– Спасибо, стараюсь, – в тон ей ответила Тиа. – Что заставило тебя искать со мной беседы?

– Хочу сообщить, что Гаш-шаку пал.

– Давно пора, – проворчала та. – Ты в городе?

– Да.

– Что дальше?

– Намерена присоединиться к Лею и Митифе, если тебе это интересно. Мы потеряли Рована.

– Экая печаль.

Аленари хмыкнула, изучила довольную физиономию Тиф:

– Ни вопросов, ни особой радости. Сдается мне, ты уже в курсе.

– И не скрываю этого. Рован заслуживал смерти.

– Все ее заслуживают. В большей или меньшей степени, – Звезднорожденная рассеяно провела рукой по шее зверя. – Но он умер не вовремя. Нас ждет весенняя кампания, и четверо в таких делах всегда хуже, чем шестеро. Топор Запада погиб очень некстати. Ты поступила глупо, убив его.

– Эй-эй! При чем тут я? – гораздо менее возмущенно, чем следовало, вскричала Тиа. Она не считала нужным особо таиться.

– Тебе известно о его смерти, хотя об этом знают лишь я, Лей, Митифа и несколько Избранных. Значит, ты приложила руку к тому, чтобы отправить его в Бездну.

– Могла бы поспорить, но мне лень. Горячая вода так расслабляет, – Дочь Ночи притворно вздохнула, ожидая реакции Оспы, но та лишь спросила:

– Как тебе удалось его подловить?

– Воля случая.

– И сколько у тебя еще таких «случаев»? – в руке Аленари появился знакомый обломок стрелы. – Митифа обеспокоена.

– Да ну? Самое время ей начать беспокоиться.

– Что, все-таки, между вами произошло, раз ты так хочешь вцепиться

ей в глотку?

– Ничего особенного. Просто я полностью утвердилась в мысли, что мне нужна ее глупая голова.

– Ты в последнее время слишком прожорлива! – отрезала Оспа. – Сначала я. Потом Рован. Теперь Митифа. Кто следующий?

– Не волнуйся, – мило улыбнулась Тиф. – Насчет тебя я не имею столь... далеко идущих планов.

– Охотно верю, – холодно процедила та. – Когда мне ждать тебя? Я все еще желаю услышать о Лепестках.

– А я мечтаю о голове Кори. Давай поможем друг другу?

– Как только Корунн будет в наших руках. И не минкой раньше.

– А если она умрет до этого? К примеру, от шальной стрелы? – невинно поинтересовалась Тиф. – Мы обе будем разочарованы, потому что каждая из нас не получит того, чего желает. Ведь ты обещала подумать, и прошло достаточно времени для прямого ответа.

– Я уже говорила, что согласна на сделку. – Аленари раздраженно отбросила серебристые волосы за плечи. – Митифа сообщила, что ты теряешь силу. В Долине я смогла убедиться в верности ее слов.

– Пусть тебя это не беспокоит.

Аленари помолчала и произнесла, взвешивая каждое слово:

– Голова будет твоей только после Корунна. Ваши склоки могут подождать.

– Лепестки, думаю, тоже.

Оспа презрительно дернула плечом, и «Серебряное окно» погасло. Тиа фыркнула. Пустой разговор. Если Палач Зеркал думала, что Тиф начнет все отрицать, то ошиблась.

Неожиданно Проклятая расхохоталась, и под потолком вспыхнули ярко-голубые шары, а вода из соседнего бассейна выплеснулась в воздух, превратившись в закружившуюся по залу стаю прозрачных птиц и бабочек.

Теряет силу?..

Митифа наслушалась Тальки, которая на этот раз ошиблась! Вместо того чтобы исчезнуть, с каждой неделей «искра» Тиа разгоралась все ярче и ярче.

Это было удивительно! Грандиозно! Волшебно! Непередаваемо!

Ее прежний Дар, пускай и очень медленно, возвращался. Она перестала утрачивать мощь «искры» и теперь все в большем объеме накапливала ее. Кажется, чем сильнее дух срастался с этим телом – тем сильнее прежний потенциал наполнял оболочку, как скудная дождевая вода наполняет огромную бочку. Рано или поздно вода доберется до краев. По

подсчетам Проклятой, это случится не раньше начала лета. И она станет почти такой же, как прежде.

И тогда Митифе придется несладко.

Уж Тиа ал'Ланкарра постарается, чтобы это было именно так.

Глава 8

От лютого холода не спасала ни шуба, ни ворох шерстяных одеял, выданных Альге поздним вечером. Девушка свила себе из них настоящее гнездо, укрылась с головой, но смогла немного согреться только через нар. В сарае, где ее заперли, было ничуть не теплее, чем на улице, но она сумела заставить себя заснуть, даже несмотря на жгучую боль в стертых веревкой запястьях.

И вновь, как каждую ночь, ученица Галир оказалась в пустых полутемных коридорах Радужной долины и бежала, сбивая дыхание, металась из угла в угол, словно заяц путала следы, но все равно слышала за спиной насмешливый голос:

– Лучше бы тебе выйти самой.

А затем между ней и «искрой» вырастала преграда, и Ходящая разбивала о нее кулаки, а позади смеялась и смеялась сдисская колдунья:

– Тебе не сломать стену Дома Боли, дурочка!

Девушка использовала сотни вариантов, каждый раз все ближе и ближе подбираясь к разгадке, но ей постоянно не доставало времени и, проснувшись, она так и не могла касаться своего Дара.

На этот раз не хватило совсем немного. Колдунья ударила ее темным копьём – все тело Альги пронзила боль, а потом, уже умирая, она неожиданно ощутила свою «искру» и... открыла глаза.

Из заиндеветшего окна сочился бледный рассвет. Во дворе сухо, с каким-то неприятным металлическим лязганьем лаяли псы.

Виски глухо ныли, голова была тяжелой, будто девушка и не спала. Альга села, завернувшись в одно из одеял, закашлялась, и ее грудь обожгло такой острой болью, что она на несколько мгновений потеряла способность соображать. Очнувшись, Ходящая уже знала, что больна. Да и немудрено заболеть в таких скотских условиях.

Встав, она подошла к миске, стоящей на столе. Удивительно, но вода не замерзла за ночь. Альге очень хотелось пить, кажется, у нее начинался жар, однако девушка не решилась глотать ледяную воду.

Псы продолжали гавкать, и от этого в ушах звенело, а по затылку словно били стальным прутом. Альга рассеяно потерла лоб, прислушиваясь к мужскому разговору, но из-за лая собак не смогла разобрать слов. Кто-то рассмеялся, раздались шаги, и в замке заскрежетал ключ. Ходящая метнулась назад.

Вошел Хрип.

– Проснулась? Хорошо. Идем со мной, – заметив, что она колеблется, старик сказал более сурово: – Иди. Не заставляй тебя связывать и тащить из сарая.

Ходящая молча прошла мимо него, сдержав сильное желание ударить кулаком в морщинистое лицо. Знала, что это бесполезно. Уже пробовала. Он тогда только чудом не сломал ей руку.

Солнце едва успело подняться над могучими елями, и почти сразу же скрылось в низких облаках, отчего утренний свет казался серым и неприятным.

Жесткая ладонь толкнула Альгу в спину:

– Не спи.

На пороге дома стоял вихрастый Топор в куртке нараспашку и холодно следил за ее приближением. Его щеки начали обрастать щетиной, сквозь которую были видны многочисленные царапины, словно на наемника напала стая озверевших кошек. На самом деле кошка была одна, и напала она в тот момент, когда Топор считал, что пленница спит. Альга прыгнула ему на спину, вцепилась ногтями в лицо, а когда он отдирает ее от себя, смогла укусить за ухо.

Тут уж, не церемонясь, он ударил девушку так, что у нее чуть дух не вышибло. И все равно, даже оказавшись на полу, она пыталась лягаться. Хрип хохотал на табурете, не спеша помогать товарищу, а тот, выругавшись, схватил ведро и окатил Альгу ледяной водой.

Вновь залаяли собаки, и Ходящая очнулась от воспоминаний. Топор рыкнул на псов не хуже матерого волкодава и пошел к конюшне.

В доме оказалось ошеломляюще тепло и так уютно, что Альге тяжело было сдержать облегченный вдох. На лавках возились дети – девочка и мальчик, но как только появилась Ходящая, они, по приказу матери, неопрятной и немолодой уже женщины в чепце, ушли в другую комнату. Хозяйка дома задернула цветастую занавеску, служившую здесь заменой двери, и указала «гостье» на лавку:

– Сядь.

Хрип заметил взгляд пленницы, оттеснил ее плечом и убрал со стола нож, зло посмотрев на женщину. Та, опустив взгляд, засуетилась возле печи. Старик, видя, что пленница не торопится, схватил Ходящую за шкуру, и толкнул на лавку:

– Сейчас дадут есть.

Хрип усмехнулся, подхватил трехногий табурет и поставил его возле двери так, чтобы видеть всю кухню.

В животе предательски заурчало. Альга поморщилась, быстро стрельнула глазами направо, где за занавеской скрывалась комната:

– Не советую, – тут же сказал старик. – Выход здесь лишь один. Только детей напугаешь.

В сенях скрипнула дверь. Было слышно, как обстукивают от снега сапоги, и спустя минку появился Топор, обменялся взглядом с Хрипом, едва заметно кивнул.

– Точно? – спросил старик.

Вновь кивок.

– Хорошо. Я пригляжу.

Вихрастый наемник прошел в комнату, и голоса детей стихли. Женщина взяла ухватом горшок, поставила на стол рядом с девушкой. Достала тарелку, отломил хлеб.

– Ешь.

Альга, стараясь не торопиться и делая вид, что еда ей не интересна, принялась за вкусную похлебку из овощей и мяса. С каждой новой ложкой Ходящая чувствовала, как возвращаются силы.

С момента пленения прошла почти неделя, во время которой начался новый, совершенно безрадостный для нее год. Она прекрасно помнила каждую минку после того, как ее предал Райл.

Некромант вновь спрашивал о Целителе, однако она не ответила. Не могла ответить. Она не знала, о ком идет речь. По приказу Белого ее повели к двери, но Альга стала упираться, и тогда, словно глупую козу, ее связали по рукам и ногам, заткнули рот отвратительной тряпкой, надели на голову мешок, воняющий мышиным пометом, а затем вынесли во двор и бросили на что-то жесткое. Ходящая сильно ударилась головой, на какое-то время потеряла сознание, а когда очнулась, поняла, что ее куда-то везут.

Она начала извиваться, и тут же получила безболезненный, но весьма обидный пинок.

– Не торопись, – вернул ее из неприятных воспоминаний Хрип и, глядя, как быстро она орудует ложкой, добавил: – Никто не собирается отнимать у тебя еду. Ешь спокойно.

Все дни этого долгого путешествия она пыталась сопротивляться. Дралась, кусалась, царапалась, пиналась. За каждую выходку ее наказывали. Эту обязанность взял на себя Топор. Он редко снисходил до того, чтобы бить пленницу, а если и давал волю рукам, то обычно после его ударов не оставалось даже синяков. В основном это были обидные, а от этого становившиеся еще более унижительными, затрецины. Чаще всего ее лишали еды или сна, или, как случилось в эту ночь, запирали в холодном

сарая.

– Клара, заканчивай, – негромко сказал Хрип, и женщина в чепце вздрогнула:

– Пора?

– Да. Забирай детей и отправляйся в город. К тетке, – старик не смотрел на хозяйку. – Сегодня не возвращайся. Завтра... завтра тоже не приходи. Собирайся.

Женщина поставила перед пленницей кружку с горячим настоем зверобоя и ушла в комнату. Раздался тихий плач девочки. Она не хотела уезжать.

– Хочешь узнать, что происходит? – улыбнулся в жидкую бороду Хрип, заметив взгляд Ходящей. – Приезжает господин Дави. Им не стоит с ним встречаться.

Господин Дави... Проклятый колдун. Тварь,двигающаяся быстрее мысли и способная становиться почти невидимой. Альга не видела его с того самого вечера, когда Огоньку вскрыли горло от уха до уха.

Сдисец исчез, словно пленница перестала его интересовать, оставив ее на попечение Хрипа и Топора. Альге приходилось лишь гадать, где он был и что делал.

Женщина вместе с детьми вышла на кухню, на ходу дрожащими пальцами застегивая пуговицы. Девочка, плача, терла кулачками красные глаза, мальчик насупился и был мрачен. Они попрощались с Хрипом. Клара, не выдержав, тоже начала лить слезы, осенила мужчину знаком Мелота и поспешно вышла.

– Это стоит того, чтобы связываться с Тьмой? – спросила Альга.

– Не твоего ума дело, Ходящая.

– Просто не удивляйся, когда колдун сожрет тебя.

– Вы все сожрете, дай вам волю. И белые, и темные. Только думаете, что разные, а в душе – одинаковые. Гнилье гнильем, – говорил старик без всякой злобы. – Такие же, как и мы все.

– Говори лишь за себя.

– Твой язык меня не укусит, крошка. Я сегодня добр. Поэтому подарю тебе один совет – забудь о своем упрямстве и ответь на вопросы господина Дави.

– Чтобы ты убил меня, как Райла?

Хрип тонко улыбнулся и ничего не ответил.

Альга уткнулась носом в кружку. Без «искры» девушка чувствовала себя совершенно беспомощной, словно ей отрубили обе руки. Иначе Ходящей было бы чем ответить и убийцам, и некроманту.

Кашель заставил ее согнуться над столом. Казалось, что кто-то раздирал легкие острыми когтями. Из глаз потекли слезы, горло саднило.

– Можно мне еще воды? – преодолев гордость, попросила она.

Он молча взял кружку и вновь наполнил настоем. Ученице Галир тут же захотелось выплеснуть кипяток в рожу Хрипа, но тот быстро отступил назад, к табурету, и улыбнулся, словно читая ее мысли.

Делая осторожные глотки, Альга пыталась понять, как далеко ее увезли от Клыка Грома. Судя по всему – далеко. Гор отсюда не было видно. Даже если тело Райла уже обнаружили, все равно слишком поздно. Сколько не вороши теперь Кандерг, ее не найдут.

Ходящую везли в жесткой карете, останавливаясь лишь поздно ночью в каких-то клоповниках. Отребью, которое в них жило, не было никакого дела до связанной девчонки. Никто из них даже не посмотрел в ее сторону. Меньше знаешь – дольше живешь. Ходящая окунулась в совсем другой, теневой мир, о котором лишь слышала краем уха.

Альга допила напиток, отодвинула кружку:

– Можешь налить еще, – разрешил Хрип.

Девушка только покачала головой и вновь погрузилась в мысли. Ее мозг лихорадочно работал, просчитывал варианты бегства и способы, какими она смогла бы добраться до «искры». Так прошло довольно много времени.

В комнате по соседству стояла тишина. Топор, похоже, лег спать. Старик на табурете закрыл глаза, и, казалось, дремал, но девушка уже успела понять, сколь обманчив его вид. Дед двигался быстрее многих молодых и силен был, как настоящий гов. У нее не было шансов проскользнуть мимо убийцы Райла.

Она начала задумчиво водить пальцем по деревянной столешнице... Как можно создать плетение, не имея доступа к «искре»? Без Дара, который ей недоступен – никак. Замкнутый круг. Альга «рисовала» на крышке стола невидимый узор, добавляя в него новые нити, узелки и стирая старые.

В какой-то момент она уже не могла удерживать в памяти все созданное и встала со скамьи.

– Ты куда? – тут же спросил Хрип, распахнув глаза.

– Хочу взять тарелку.

– Зачем?

– Там мука. Буду рисовать. Или дай мне бумагу и перо.

Он подумал, решил, что в рисунках нет ничего опасного и сказал:

– Высыпь на стол. Миску поставь на место.

Она сделала так, как ей велели. Старик еще какое-то время следил за

тем, как девушка выводит на столе замысловатые узоры, потом пожал плечами и вновь закрыл глаза. Глупая, обреченная на заклятие овца ведет себя тихо, а больше ничего и не надо.

Альга мстительно усмехнулась. Ну, погоди, старая сволочь! Если у меня только появится малейший шанс – ты сильно пожалеешь, что ввязался в эту историю.

За следующие три нара Ходящая извертелась на жесткой лавке, испробовала три с лишним сотни вариантов одной схемы, но даже те, что казались ей работающими, при внимательном изучении не выдерживали критики. Лучше всего удалось последнее плетение, во всем идеальное, выверенное до последней линии, до распределения каждого из потоков и даже до треугольников стабилизации, способных удержать столь сложный рисунок в целостности.

– Эй! Что это ты делаешь? – раздался грубый голос у нее над ухом, и она вздрогнула.

– В чем дело, Топор? – нахмурился Хрип.

– Совсем плохой стал, старый?! – вихрастый наемник выглядел одновременно заспанным и злым. Он указал на муку. – Это штучки Ходящих! Рисунки плетений!

– Ну и хрен? У нее нет «искры», если ты забыл. Сидит, малюет, никого не трогает. Лучше, если она опять расцарапает твою рожу?

Они говорили так, словно ее не было или она не понимает слов.

– Матен тоже их ни во что не ставил. И где он теперь? В земле.

Сказав это, Топор стер рисунок и отряхнул ставшие белыми руки.

– Больше никаких узоров, Ходящая!

Когда на улице стало темнеть, неожиданно забрежали псы, и громко фыркнула лошадь.

Топор бросился к окну, глянул и сказал Хрипу:

– Приехал.

– Встреть.

Парень поспешно вышел.

– Надеюсь, ты набралась ума, – негромко произнес старик. – Времени у тебя не осталось.

Альга почувствовала, как в животе растекается что-то ледяное и неприятное, а сердце, вздрогнув, на уну остановилось. Но она не показала страха.

Господин Дави вошел в комнату, мельком глянул на пленницу, кивком поздоровался с наемником. Двигался он гораздо менее скованно, чем

раньше.

– Что так долго? – спросил Хрип, принимая у колдуна шубу.

– Начал волноваться? – усмехнулся тот. – Иди. Прогуляйся вместе с Топором.

– Ужин у печи, – сказал старик, прежде чем уйти.

– Здравствуй, Ходящая, – проговорил некромант, садясь напротив нее.

Альга ограничилась презрительным взглядом.

– К сожалению, я не смог поговорить с тобой раньше. Охотно верю, что ты не опечалена этим фактом. – Он рассмеялся.

– Я не чувствую твоей «искры», колдун. Как тогда. На дороге.

Сдисец пожал плечами:

– Я полон сюрпризов. Так ты готова говорить?

Альга надеялась, что выглядит спокойной и хладнокровной:

– Смотря о чем. Мне не дает покоя вопрос, зачем ты полез в замок? Ведь до этого, на дороге, я была от тебя всего лишь в нескольких ярдах.

Его холодные глаза потемнели, но господин Дави все-таки ответил:

– Ошибки случаются со всеми. Я не видел твоего Дара. А когда заметил – стало слишком поздно. Ты уже въезжала в Клык Грома. Скажи мне, где Целитель, и мы покончим со всем этим.

– Покончим с чем? С моей жизнью, после того, как я стану тебе не нужна? Я не тороплюсь умирать.

– Желание жить свойственно молодости. Поэтому готов предложить вариант, который устроит и тебя, и меня. Ты помогаешь мне, а я тебя отпускаю.

– И я должна поверить Белому? – Альга постаралась вложить в эти слова все свое презрение, всю свою ненависть.

– Тебе придется мне поверить.

– Как это сделал Райл?

– Тебе его жаль?

– Ничуть, – не покривив душой, сказала Альга.

– Мне тоже, – одобрил он. – Помогите мне. Скажите, где оставила Целителя и Проклятую, приведите меня туда, и я тебя отпущу.

Девушка усмехнулась:

– Мне говорили, что некоторые колдуны Сдиса безумны, но я не думала, что настолько. Целитель и Проклятая? Такое можно встретить лишь в Бездне. Куда тебе и следует отправиться.

– Боюсь, ты окажешься в ней первой, – холодно отчеканил некромант, вставая из-за стола и показывая, что добрый разговор окончен. – Мое терпение закончилось.

– Я ничего не знаю.

– Глупо, – ответил он. – Очень глупо. Ты скажешь мне все, что я захочу, а затем умрешь.

– Однажды я тебя ранила, колдун. Теперь – убью.

Он раздраженно дернул плечом, показывая, что пустые слова его не пугают, и кликнул Топора и Хрипа.

– На лавку ее!

Альга взвизгнула, шарахнулась в сторону, швырнула попавшуюся под руку кружку, промахнулась и оказалась зажата в угол. Топор ловко избежал пинка, заломил пленнице руки и скрутил их ей за спиной. Чтобы привязать извивающуюся девчонку к лавке потребовалось совсем немного времени.

– Кляп нужен?

– Нет. Пусть орет.

Альга перестала вырываться, сейчас это было совершенно бесполезно. Связали ее крепко, и девушке оставалось лишь сыпать ругательствами.

– Во, дает! – уважительно крикнул Хрип. – Как стелет-то! Прямо не Ходящая, а портовая девка какая-то!

– Что с ней теперь делать? – спросил Топор, нервно облизав языком пересохшие губы.

– Вам – ничего, – господин Дави взял сумку и обратился к девушке: – Прежде чем мы начнем, у тебя есть несколько минок, чтобы пожалеть о своем решении. Воспользуйся ими мудро, девочка.

Альга могла соврать, могла назвать любое место, желательно расположенное как можно дальше от Катугских гор, но во время разговора с некромантом у нее появилась мысль, как можно покончить со всем этим раз и навсегда.

Плетение, что она нарисовала на столе – было верным. Внутреннее чутье, врожденный Дар и знания, что бесконечно втолковывала ей старая Галир – подтверждали это. Соблюдены все правила, исключены все возможные ошибки. Плетение должно работать, и лишь Дом Боли – преграда на пути к ее «искре».

Но несколько минут назад Альга поняла, как можно миновать эту стену. Сон подсказал ей верное решение. Оно все время лежало на поверхности, однако Ходящая никак не могла его увидеть.

Когда сдиска пронзила девушку копьем – «искра» появилась. Если Дом Боли нельзя обойти, то следует пройти через него. Насквозь. Следовательно, если боль станет слишком сильной...

Альга удивлялась, почему никто раньше не смог до этого додуматься. Почему об этом им не говорили в школе. Неужели она первая, кому эта

идея пришла в голову?! Или никто так и не смог найти верного плетения?

Господин Дави не церемонился. Достав из кармана сумки предмет, больше всего похожий на отполированный до зеркального блеска кубик, к которому крепилась платиновая цепочка, он небрежно швырнул его на солнечное сплетение пленницы и быстрой скороговоркой произнес несколько слов.

Ходящая даже представить не могла, что будет настолько больно. Мир затопило алым, каждую частичку тела пронзило огнем, и девушка пронзительно закричала. Это длилось всего лишь несколько ун, но ей показалось, что прошли нары острой, жгучей, безжалостной боли.

Она прекратилась так же внезапно, как и началась. Альга хватала ртом воздух, пытаясь вспомнить как это – дышать. Из глаз ручьями текли слезы. Ходящая поняла, что все закончилось, а она так ничего и не сделала.

Господин Дави склонился над ней и нежно прошептал:

– Целитель. Скажи мне, где он, и боль больше не вернется.

Альга увидела его глаза, остающиеся такими же холодными и неприятными, как прежде, и с удовольствием плюнула ему в лицо. В следующую уну ее вновь накрыло волной боли. Девушка кричала и, цепляясь остатками ускользавшего сознания за созданное плетение, пыталась пробиться через вставший перед ней Дом.

Это длилось, длилось и длилось. Ей казалось, что кости на ногах трещат, выворачиваются из суставов, разрывая связки и мышцы. Ребра взорвались и пробили легкие, сердце перестало качать кровь, и мозг бьется в агонии, более не способный помочь ей дотянуться до «искры». Затем наступила глубокая, густая, тягучая, звенящая, ласковая, беспросветная тьма. Это было так удивительно, так неожиданно, так приятно, что девушка захотела остаться здесь навсегда.

Но резкие удары по щекам вернули ее в действительность.

– Очнись! – сказал Топор и отвесил пленнице еще одну оплеуху. – Все только начинается.

Он, в отличие от Хрипа, скучавшего на табурете, наслаждался действием.

Альга, уже не скрываясь, рыдала во весь голос. Было так больно, что она вновь едва не потеряла сознание.

– Скажи мне о Целителе. Почему ты так его защищаешь? Кто он тебе?

Она не могла говорить. Язык не слушался, плетение не помогало, стена оставалась прочной.

– Через несколько наров приедет мой брат. Поверь, все, что ты испытываешь сейчас, покажется тебе легким утренним бризом по

сравнению с тем, что он с тобой сделает.

– Да... пошел ты... вместе... со своим ублюдочным... братом! – через рыдания выкрикнула она.

– Смотри, какая упрямая! – невольно восхитился Хрип. – Всем предыдущим хватало двух ра...

Остальные его слова пожрала тишина. Альга летела по склону оврага через густые кусты терновника, острые шипы которого рвали ее тело в клочья. Ходящая в немом крике цеплялась за ускользящее плетение и раз за разом пыталась пробиться через Дом Боли.

Главное – не потерять сознания! Иначе все придется начинать заново!

Неожиданно ее рука по локоть провалилась в стену, пальцы ласково лизнуло такое знакомое тепло, и девушка, не давая себе времени, чтобы обрадоваться или удивиться, прыгнула вперед, прямо в благословенное пламя. Преграда с грохотом рухнула, «искра» вспыхнула, и Ходящая, видя, как изумленно расширяются глаза некроманта, нанесла удар.

Оглушительно взревело, господина Дави, пытавшегося отскочить, выбросило на улицу через сорванную крышу, а Топор, по которому пришелся основной удар из-за того, что Альга была вслепую, лишился головы. Тело отшвырнуло к дальней стене, где оно и свалилось грудой опаленных костей, от них занялись пламенем вышитые, не слишком чистые полотенца.

Ходящая, торжествующе завопив и больше не чувствуя боли, рванулась, совершенно забыв, что связана. Пока она подбирала плетение, чтобы избавиться от веревки, произошли две вещи – стена, где горели полотенца, вспыхнула, точно была из соломы, а на полу завозился Хрип. Его лицо было окровавлено, в плече торчала острая щепка, но в остальном он был цел и невредим.

Девушка увидела, как в его руке появился нож. Она разорвала веревку, резко села на лавке и мстительно атаковала отступающего от нее к двери убийцу одним из любимых плетений Роны. Сестра рассказала о нем Альге, когда та едва переступила через третью ступень. Морозный вихрь, искрясь серебром, ударил старика в грудь, осел на полу и стенах, превращая все, чего коснулся, в прозрачный лед.

Ходящая встала, и ее тут же бросило на стол, она едва удержалась на ногах. Земля перед глазами ощутимо качалась. Кашляя от уходящего в небо дыма и умирая от жара пламени, которым уже была объята большая часть дома, она схватила куртку Хрипа, обошла его застывшую ледяную фигуру и выскочила на улицу.

Лаяли псы, зарево пожара освещало двор, и она сразу же заметила

пытающегося ползти господина Дави.

– Ну, погоди, тварь! – прошептала Альга и поспешила к колдуну.

Сейчас она не чувствовала усталости – ее затопила ненависть. За все. За Радужную долину, за госпожу Галир, за Дага и Миту, за всех Ходящих, что погибли там, за Клык Грома, за Тирру, за предательство Райла, за то, что с ней делали эту неделю.

Некромант услышал, как скрипит снег у него за спиной, повернулся к противнице и ударил плетением. Альга, чувствующая сейчас непередаваемую силу, черпая из «искры» всю возможную мощь, играючи отбила воющий череп и швырнула свой ответ. Но промахнулась с десяти шагов.

Господину Дави удалось невозможное. Он замерцал, стал почти невидимым, ускорился и отпрыгнул на пять ярдов в сторону, однако не удержался на ногах и тяжело рухнул на землю. Затем вновь прыгнул, еще более неловко, чем в предыдущий раз, и серый вихрь, коснувшись его, оторвал ему руку по локоть, а затем, пролетев дальше, развалил сарай на противоположном конце двора.

Альга подошла ближе. Вид ее был страшен. Бледное, освещенное заревом пожара лицо с разбитыми губами, растрепанная копна черных волос, шатающаяся походка и горящие ненавистью глаза.

– Мой брат все равно тебя достанет!

Некромант начал меняться, темнеть, его уцелевшая рука скрючилась, стала покрываться чешуей, лицо огрубело, но девушка не стала дожидаться окончательной смены облика. Вспыхнув, словно солнце, она смела колдуну, и вырвавшийся из нее поток света разорвал его тело на части.

Через несколько ун исчерпавшая себя «искра» угасла, и Ходящая поспешно отпустила Дар, опасаясь, что он выжжет ее при дальнейшей нагрузке. Все, что она использовала сейчас, подсказали ей сны. Как оказалось – вещи.

Тяжелым великаном навалилась ужасная боль и усталость. Альга застонала и едва удержалась на ногах. Девушка больше не могла плакать – слезы давно кончились, и теперь хотела лишь упасть и забыться, но понимала, что если сделает это – умрет. Ее убьет или холод, или брат Дави, который уже должен быть близко.

Тихонько поскуливая от страшной боли в костях, кашляя каждую минку, Альга побрела прочь.

Глава 9

Вновь шел снег. Он ровным слоем ложился на бойницы, заметая и без того засыпанную стену, которая за зиму обросла сугробами. Снегопады были страшными, и если бы мы не чистили ворота и двор, нас бы давно накрыло с головой.

Я стоял недалеко от Воющей башни, но она молчала, так как ветра не было – и ночь сразу же стала изумительно-тихой. Все давно спали, даже Тиф, вдоволь набултыхавшаяся в бассейне, а я не мог заснуть после того, как мне приснился яблоневый сад и Лаэн. Я так и не свыкся с ее потерей, для этого мне бы потребовалось прожить вечность.

Проворочавшись на лежанке целый нар, я выругался и, одевшись, вышел во двор, а затем забрался на стену. Мороз кусал за нос и уши, я ежился, но идти обратно, в башню, не желал и проторчал здесь тьма знает сколько времени, основательно замерзнув.

Вдруг послышалось хлопанье крыльев, и на стену тяжело приземлился большой черный ворон. Он взъерошил маслянистые перья, нагло и очень недружелюбно посмотрел на меня. Я не стал его гнать. Мне не было до него ровным счетом никакого дела. Хочет сидеть – пускай сидит.

Отвернувшись, я поднял воротник, жалея, что забыл варежки на лежанке, и тут услышал тихий женский смех. Черные перья, подхваченные внезапным порывом ветра, безропотным облаком улетели за стену. Вместо птицы передо мной стояла женщина, и с вороном ее роднил лишь цвет волос – таких же темных, как ночь, что нас окружала.

Несмотря на зиму, на ней было легкое лазоревое платье с открытыми плечами, словно гостью не волновал холод. Я прекрасно помнил портреты Проклятых, которые показывала мне Лаэн, так что без труда опознал ту, что была рядом со мной.

Митифа Данами. Корь. Ученица Проказы.

«Гаситель Дара» находился у меня в заспинных ножнах, и извлечь его было делом техники. От нее не укрылось мое движение, но она, не видя клинка, не придавала значения его существованию. Или сделала вид, что не придавала.

– Я ищу женщину в теле мужчины и вижу по твоим глазам, что ты знаешь, о ком я говорю. Где она?

Я покачал головой:

– Ее здесь нет.

– Твоя ложь видна за лигу. Мне не нужен ни ты, ни твои дружки-приятели. Скажи, где она, и можешь идти хоть на все четыре сторо...

Проклятая осеклась и встревожено посмотрела на небо. Я тоже заметил, что теперь вместе со снежинками с облаков сыплются багровые искры. Одна из них упала между нами, растопила снег, проросла тонким ростком. Затем то же самое случилось со второй, третьей, десятой. Каждая из них превратилась в багровый мерцающий колос, и Митифа, выплюнув проклятье, отступила. Ее симпатичное лицо перекосило от ярости:

– Думаешь, ты так легко отделаешься от меня?! – прорычала она, вновь превращаясь в ворона.

Но птице было не суждено перелететь через полыхающую преграду.

Пламя обожгло черному ворону перья, отбросило Корь назад, превращая обратно в человека и едва не опрокинув за стену. В воздухе неприятно пахло паленой курицей. Шипя от боли, Проклятая атаковала. Но ее плетение оказалось бессильно.

Я, как полный идиот, стоял, смотрел и глупо улыбался, сам не зная чему. Это разозлило ее еще сильнее. Ученица Проказы превратилась в черного барса, прыгнула на меня и с воем отлетела назад. В злобе, забывшись, ударила по безучастным колосьям пшеницы лапой, и с еще более громким воплем пропала. Спустя несколько мгновений исчезли и колосья, оставив после себя покрытые сажей камни.

Тихо скрипнула дверь в Воющую башню. Задрав голову, я увидел, что в верхних ее окнах мерцают отблески огня.

Приглашение того, кто защитил меня от Кори? Вполне возможно. Я замешкался лишь на уну, прежде чем принять его.

Лестница и стены башни оказались вырезаны из синего, полупрозрачного, гладкого льда, который излучал бледный свет. Но вместе с тем он не был скользким, нога вставала ровно, не ехала, и я легко добрался до верха и вышел на обзорную круговую площадку.

На ворохе сена у стены, укрывшись крыльями, сладко спала Йуола. Ее карты в беспорядке рассыпались по полу, словно листья после свирепого урагана. И почти все они вмерзли в лед.

Возле окна стоял Гаррет. Услышав мои шаги, он поприветствовал меня кивком, словно старого друга, и вновь стал смотреть в ночь.

– Опять сон, – стараясь скрыть злость, сказал я и, обнажив нож, поддел одну из вмерзших карт.

У меня получилось с первого раза, и я придирчиво изучил «Смерть» с лицом Митифы. Затем всмотрелся в карту внимательнее, и изображение изменилось.

Гинора.

Еще уна.

Лаэн.

И опять Митифа.

– Мне не слишком нравятся эти сны.

Вор ухмыльнулся, спрятал руки в карманах куртки и пожал плечами:

– Тебе придется это пережить.

– Ты, как всегда, обнадежил. Кстати, спасибо, что избавил меня от общества Кори.

– Думаю, это ненадолго, – задумчиво отозвался он.

– Очередное пророчество? – прищурился я.

– Вполне возможно, мой друг.

– Зачем я понадобился тебе на этот раз?

– Просто хотел сказать спасибо за то, что присматриваешь за Целителем.

– Пожалуйста. Мне не трудно. Скажи, – я повертел карту между пальцами. – Та «Дева»... Если бы тогда я нашел ее. Узнал. Что бы изменилось? Лаэн осталась жива?

– Теперь мы вряд ли когда-нибудь это узнаем, – прозвучал ответ после недолгой паузы. – Чему ты улыбаешься?

– Почему вор? Мы встречались лишь дважды. В жизни я общался с сотнями людей. Любой бы мог приходить ко мне во сне. Но каждый раз припираешься именно ты.

– Не беспокойся. Рано или поздно я оставлю тебя в покое.

Йуола тихо застонала, не открывая глаз, и перевернулась на другой бок.

– Посмотри, – Гаррет кивнул на улицу.

Я выглянул в окно и, к своему удивлению, увидел, что на склоне горы растет старый каштан с бугристым стволом и высохшими верхними ветвями. Почти все его льдисто-огненные листья опали и оставшиеся едва слышно звенели.

– Времени почти не осталось, – туманно сказал вор.

– Времени для чего? – не понял я.

– Для всего, – столь же загадочно произнес он и тут же переменял тему. – Я слышал, что ты убил одного из Проклятых.

– Ветер нашептал?

– Что-то в этом роде, – улыбнулся собеседник.

– Он заслуживал смерти, – ответ прозвучал у меня, как оправдание. – Он убил Лаэн.

– Ерунда. Он этого не делал.

В моем животе лопнул лед.

– Объясни, – хрипло попросил я.

Вместо ответа он подошел к Йуоле и накрыл гадалку своей курткой.

– Лаэн очень заботилась о тебе. В тот день она увела Проклятых за собой, чтобы враги не нашли тебя. Хотя у нее был шанс сбежать. Но им не удалось убить твою жену в бою. Это сделала ее же «искра». Любовь заставляет совершать удивительные вещи... Особенно, когда она сильна. – Глаза Гаррета были сделаны словно из ртути, и в них светилось сочувствие. – Она спасла тебя, убийца.

– Убийца... Да. Ты прав. – Я горько усмехнулся: – Я убил ее!

– Нет. Спас, – не согласился он. – Из-за своей любви к тебе она ни в чем не уступала Проклятым в битве.

– Это не помогло ей выжить!

Отблески пламени падали ему на лицо, делая суровым и отстраненным. Гаррет вытащил из сумки книгу Роны, открыл, сдул со страниц пыль. Я не стал спрашивать, как к нему попал дневник Кавалара. Вор на то и вор, чтобы доставать бесценные вещи. Особенно, когда тебе все это только снится.

– Ты же читал, – с ноткой укоризны произнес он и открыл книгу: – «Сильнее любви магии нет. Она – источник всего сущего. Перед тем, кто освоит это чувство без остатка, открываются воистину грандиозные перспективы...» Ее любовь спасла тебя, а твоя – ее.

Поймав мой мрачный взгляд, он убрал дневник обратно в сумку:

– Наемный убийца и тип, крадущий все, что плохо лежит, говорят о любви. Воистину, наступили темные времена!

– Кто ты? – тихо спросил я.

– И ты ждешь честного ответа от глупого сна?! – изумился Гаррет.

Йуола всхлипнула во сне, и огонь стал медленно гаснуть, заполняя комнату пляшущими, осмелевшими тенями.

– Надежда призрачна, – произнес он очередную загадку. – Но мы еще успеем поговорить. Когда с неба посыплется пепел. Удачи, – пожелал вор.

И я проснулся.

Наступил последний месяц зимы, и скудность нашего рациона теперь приводила в уныние даже самых законченных оптимистов. Мы стали выбираться на охоту, но везло крайне редко – звери ушли с высоты в долины, туда, где у них был хоть какой-то шанс прокормиться.

Лишь летуны могли преодолевать приличные расстояния, отслеживать

добычу и приносить еду. Когда погода перестала капризничать, Йанар рискнул и отправился к поселениям, находящимся от нас в пятидесяти с лишним лигах. Он вернулся через пять дней, усталый, но довольный. В его сумках мы нашли хлеб, немного муки, вареных яиц, вонючего и очень соленого овечьего сыра, перец, соль и горшок кислого вина.

В этот день отряд устроил себе настоящее пиршество, все радовались еде, точно дети, а Отор не преминул вознести Мелоту кучу молитв.

Казалось, зимовка медленно, но верно подходит к концу, и Рандо с Водером уже начали планировать маршрут. Однако Га-нор, знающий горы гораздо лучше рыцарей, лишь качал головой.

Слишком рано.

Он оказался прав. На следующий день возле вершин стали появляться облака, и к вечеру опять начался снегопад. Да такой, что мы едва успевали чистить двор. Сугробы возле южной стены выросли настолько, что стали переваливаться через нее. Ворота тоже завалило, и мы не стали их расчищать.

Неожиданно теплеть стало через долгие шесть недель, и однажды мы проснулись от грохота – река, наконец-то, освободилась от ледяного плена.

– Сколько нам еще здесь торчать, лопни твоя жаба? – спросил Лук, когда мы резались с ним в «Блазгов и кочки».

– Не знаю.

Он в ответ лишь что-то промычал.

Тиф продолжала заниматься с Шеном и Роной, и, вроде, у них все шло успешно. Во всяком случае, орала она теперь гораздо меньше. В один из дней пробудился Гбабак, и Юми, захлебываясь «вот-так-собакой», рассказывал блазгу последние новости.

Лаэн приходила ко мне в снах все чаще и чаще, но, проснувшись, я совершенно не помнил, о чем мы говорили, словно кто-то ловко стирал все воспоминания.

Как-то утром, аккуратно после завтрака, когда я собирался попрактиковаться в стрельбе из лука, ко мне подошла Проклятая.

– Надо перекинуться парой слов.

– Валяй.

– Не здесь. Идем на улицу.

Мы вышли во двор.

– Как насчет того, чтобы помочь мне добыть голову Митифы?

– Ты о стрелах?

– Разумеется. Или у тебя есть еще какие-нибудь скрытые таланты?

– Я обаятельный.

Она фыркнула:

– Не сомневаюсь. Так ты поможешь?

– Да. У меня есть причина желать ее смерти.

– Шен не говорил тебе ничего нового?

Я вздохнул:

– В который раз ты уже спрашиваешь? Нет. Он не знает, как пробудить Лепестки, и как вернуть тебя – тоже не в курсе.

– По-моему, ты плохо стараешься его убедить в том, что он должен это вспомнить!

– Да ну?! – разозлился я. – Быть может, это ты плохо его учишь?!

Она разъярилась в одно мгновение, и я почувствовал, как невидимые стальные пальцы сжали мою шею. У меня впервые получилось выбить ее из равновесия.

В следующее мгновение Тиф с видимой неохотой отпустила меня:

– Хватит доводить меня, Нэсс! – тяжело дыша, прошипела она. – Иначе, прежде чем мы оба успеем опомниться, кое-кто окажется без головы! Тебе понятно?!

– Постарайся держать себя в руках, иначе ты сильно рискуешь дружбой Шена.

Она хмыкнула:

– Моему опыту пятьсот лет. И все эти годы я не сидела на месте, а совершенствовалась. Мальчик занимается всего лишь несколько месяцев. Он в самом начале пути, и пройдет еще куча времени, прежде чем сможет достичь уровня Кавалара.

– А что насчет Роны? – я разминал шею.

– Ходящая – прирожденный боевой маг. Учится гораздо быстрее своего дружка. Но ее «искра» никогда не разгорится слишком ярко. Последствия перековки Тальки все-таки сказываются на Даре. Думаю, при хорошем раскладе она достигнет степени Шестого Круга. Но не выше.

Мы расстались, и я направился в Дозорную башню, где застал Отора, читающего книгу Созидания.

– Я пришел с тобой поговорить. Не помешаю? – спросил жрец.

– Нет, – отозвался я.

– Ты когда-нибудь молишься? – поинтересовался он, закрыв страницы.

– Крайне редко. Тебя это, наверное, должно возмущать?

– Меня редко что-то возмущает, – усмехнулся он. – Но ты мог бы мне сказать, почему никогда не обращаешься к Мелоту?

– Как говорите вы, жрецы, Мелот дал нам возможности. Наделил волей, разумом и силой, чтобы принимать самостоятельные решения.

Стремиться к лучшему или же, наоборот – к худшему. Мы не глупые куклы в его руках. Он не ведет нас. Мы сами вольны делать свой выбор. Поэтому я уверен, что бессмысленно беспокоить Мелота по пустякам.

Он внимательно выслушал, задумчиво сцепил узловатые пальцы, нахмурился, оценивая мои слова, и поинтересовался:

– Ты не веришь в него?

– Отчего же? Верю. Просто не считаю нужным дергать по любому пустяку и просить то корову, то удачи, то здоровья, то мешок соренов.

– Не проси для себя. Попроси для другого.

– Это что-нибудь изменит?

– Многое, мой неверующий друг, – улыбнулся Отор. – Молитва – такое дело, когда надо знать, о чем и для кого ты просишь. Попробуй.

– Здесь? Сейчас?

– А в чем дело? Храм должен быть в голове, а не на земле. Человек, если он праведник, сам себе храм.

– Ну, меня праведным точно нельзя назвать! – усмехнулся я.

– Разве не ты только что говорил, что все люди меняются и стремятся или к лучшему, или к худшему? Ну же. Попробуй.

Я раздраженно задрал голову к потолку и громко произнес:

– О, Мелот! Если ты меня слышишь, подари радость Порку и Луку – сделай мир чуточку теплее. И перевалы расчистить не забудь. А то мои друзья скоро сойдут здесь с ума. Счастлив? – буркнул я Отору.

– Вполне, – он продолжал улыбаться. – Осталось только дождаться, когда у него найдется время.

– Ну да, ну да, – поддержал я. – Глядишь, к середине весны как раз сподобится.

Мелот сподобился уже на следующий день. Тепло наступило на две недели раньше срока, который предполагал Га-нор.

– Хорошо, что мы уходим, – задумчиво сказала Рона, собирая свои вещи в мешок. – Это была бесконечная зима.

– Не могу не согласиться, – подтвердил я, наблюдая, как Шен пытается свернуть шерстяное одеяло.

– Столько всего надо взять. А теперь, без лошадей, нам придется идти налегке. – Рона хмурилась, выбирая, что следует оставить.

– Именно поэтому позволь тебе помочь.

Я взял из ее рук мешок, вытряхнул содержимое на шкуры и быстро рассортировал вещи в две кучи.

– Так Шену не придется тащить ничего лишнего.

– Я все равно помогу ей, – не согласился Целитель.

– Значит, тебе будет несоизмеримо легче, и ты не сломаешь себе спину на очередном перевале.

Он хмыкнул, развернул одеяло и вновь начал его сворачивать. На мой взгляд – опять неудачно.

– Ты не подумал о том, что это может мне понадобится? – Рона ткнула пальцем в отвергнутое мной барахло.

– Не понадобится, – мягко возразил я. – Поверь мне. Иначе через четверть лиги ты сама начнешь выбрасывать все подряд, не разбираясь, и можешь остаться без действительно нужных вещей. Снега все еще достаточно. Дорога предстоит очень трудная. Это – самое необходимое. То – излишество, которое может стать губительным.

Она послушалась и стала аккуратно складывать отобранное мной обратно в мешок. Я, между тем, отнял у Шена одеяло и свернул так, как надо. Он недовольно посопел, но решил не спорить.

Я посмотрел на Ходящую:

– Сны все еще беспокоят тебя?

Они быстро переглянулись между собой, и девушка неохотно кивнула:

– Да.

В коридоре раздались тяжелые шаги, в комнату заглянул Лартун:

– Собирайтесь быстрее. Через полнара мы выходим...

Безымянную крепость на Горячей полосе я покидал с легким чувством сожаления. Для всех нас она стала родным домом, дав возможность пережить зиму и самые страшные холода. Даже Воющая башня сейчас не казалась мне угрюмой и недружелюбной.

Мы вышли через северные ворота и, прокладывая тропу в глубоком снегу, направились прочь, начав спуск в ущелье. Когда цитадель скрылась за снежным отрогом, я ощутил внезапную тоску. Очередная моя берлога, уже не помню, какая по счету, брошена, и я больше никогда в нее не вернусь.

В первый день мы прошли удручающе мало. Троп не было, снега лежало столько, что хоть падай, выбившись из сил. Лучше всех приходилось йе-арре и вейе. Первые летели, благо погода позволяла, а второй был настолько легкий, что не проламывал наст.

– Тропа начнется через лигу, – сказал Йанар на следующее утро, вернувшись из разведки. – Идти придется по каменистому гребню, там сильный ветер, и снег надолго не задерживается.

Этот день был ничуть не лучше, чем предыдущий. Мы ползли по

ущелью, выбивались из сил, затем вышли на скалистый гребень, протянувшийся над еловой долиной. Узкий, ступенчатый, неровный и скользкий. Снега на нем было, действительно, не так много, как внизу, но ветер сбивал с ног. Мы шли, согнувшись в три погибели под его порывами, задыхаясь от недостатка воздуха, и проклинали все, что только можно было проклясть. Ночью Тиф пришлось применять Дар и ограждать нас от разыгравшегося вихря, иначе отряд сдуло бы в пропасть.

К утру наступило временное затишье, и мы смогли преодолеть тяжелый перевал, оказавшись на северных отрогах Катугских гор, неожиданно проходимых и не столь снежных. Но через несколько дней пути, словно в отместку за то, что мы их решили покинуть, горы наслали на нас метель.

Разыгравшееся безумие едва не отправило всех в Бездну. Вьюга обернулась в хлещущий ледяной дождь, а затем ударил сокрушительный мороз. Тропы превратились в катки, и это сделало и без того тяжелую дорогу практически невыносимой. Ели и лиственницы сковало льдом, каждая веточка, каждая иголочка звенела на ветру, словно хрустальные колокольчики.

К вечеру мы вышли к старой дозорной башне, на вершине которой поселились орлы. Постройка сломанным зубом торчала на пологом склоне горы, а сразу за ней, пересекая ущелье, бежала река, срываясь в пропасть колоссальным водопадом.

Впервые за неделю нам довелось заночевать в четырех стенах и с крышей над головой, а не под открытым небом.

Утром на нашем пути преградой встал бушующий поток реки. Лезть в такое время года в ледяную воду никто не пожелал, и до обеда мы шли вдоль берега, высматривая брод. Но все оказалось тщетно. Пришлось рубить деревья, чтобы сделать некое подобие моста, и следующие полтора нара пробираться между ветвей, пачкая перчатки в стылой смоле и едва не касаясь ногами пенистой, бурлящей, воды.

Отор все-таки не удержался и упал. На счастье жреца, Га-нор успел схватить его за руку прежде, чем того утянула река. Рона высушила одежду слуги Мелота с помощью «искры», но на следующий день он надсадно кашлял, и Шену пришлось воспользоваться даром Целителя.

Нам оставалось пройти последний перевал.

Справа возвышалась отвесная, покрытая буграми льда стена, уходящая куда-то за облака. Слева темнела пропасть, глубину которой никто из нас не мог оценить – внизу, ярдах в пятидесяти от края тропы, тоже плыли облака.

Серая пелена скрывала дно, и можно было лишь гадать, как долго придется падать, если забыть об осторожности.

Из-за высоты, на которую пришлось забраться, мы едва ползли. Голова болела страшно, мы все время задыхались, и приходилось останавливаться каждые десять минок, чтобы набраться сил.

Тропа, неведь как удерживающаяся на склоне, шириной была всего в пару шагов. Камни обledenели и оставляли нам мало шансов в случае ошибки. На ночевку пришлось остановиться прямо на ней. Отор помолился Мелоту, цинично попросив, чтобы во сне никто не свалился вниз. Бог явно услышал молитву, и наутро все оказались целы.

В этот день я плелся в самом хвосте, замыкающим, сразу за поотставшими от отряда Тиа и Шеном, которые негромко беседовали. Когда Целитель начал отчаянно жестикулировать, я подошел ближе и прислушался. Разумеется, они ругались.

– Чего вы опять не поделили? – спросил я.

– Мальчик хочет знаний, силы и могущества, – не оборачиваясь, ответила Тиф и вроде как вытерла рукавицей сопливый нос. – Желание вполне похвальное. Одобряю. Другое дело, что прежде чем хватать меч, следует хотя бы знать, как он выглядит.

– Я всего лишь прошу научить меня вызову!

– С кем ты будешь разговаривать, скажи на милость? Вряд ли кто-то из тех, кого ты называешь Проклятыми, согласится тратить время на беседу с тобой.

– Разве общаться можно только с ними?

– К сожалению, да. Связь существует только между нами.

– Почему?

– Потому что.

– Я мог бы общаться с Роной.

– Ты это можешь сделать и так, – она громко чихнула и с неудовольствием прислушалась к эху.

– Но...

– Шен. Будь добр. Отстань. Я не смогу тебя ничему научить, пока ты не знаешь элементарных азов, и каждый раз делаешь вот такие глаза, – Проклятая развела руки в стороны, – если у тебя получается очередная малость. Ты начинаешь нормально работать, только когда тебя прижимают к стенке. Прости, я не в состоянии каждую минку впихивать в тебя все, что знаю. Давай вернемся к этому разговору в конце года.

– Ты намереваешься прожить столь долго? – ядовито поинтересовался он.

– Я рассчитываю жить вечно, – с достоинством ответила Убийца Сориты. – У меня на этот мир грандиозные планы.

– Серая школа? – кисло пробубнил Шен.

– И это тоже.

– Не понимаю я вас, – пожал плечами Целитель. – Вроде, вы не похожи на идиотов. Зачем затевать войну? Особенно сейчас! У вас была масса времени и возможностей, чтобы все сделать так, как вы хотите. Почему Проклятые не начали создавать школу там, в Сдисе?

Она вздохнула:

– Мы пытались. Можешь мне поверить. За первые два века перебрали сотни, если не тысячи вариантов. Все оказалось бесполезно. Другая земля. Другой народ. Они лучше учатся тьме, чем свету. И переломить эту особенность не получилось. Сдисцы не могут стать «серыми». Они овладевают лишь каплей света, и та полностью растворяется в море мрака.

– Почему?

– Когда выяснишь, сообщи мне. Я буду рада узнать причину.

– Но вы ведь должны были размышлять об этом!

– Толку-то? – буркнула Убийца Сориты. Помолчала и все же неохотно продолжила: – Говорят, что раньше все настоящие маги жили на Западном континенте, и после катастрофы их потомки обосновались в Империи. Люди с природной «искрой», так называемые самородки, встречаются только здесь. Они – лучшие ученики. К тому же, ни одного Целителя или Целительницы не рождалось в других странах.

– А набаторцы?

– Бездарности. Никто из них не смог переступить начальную ступень. То же самое касается Сина и Золотой Марки. Урс темен, как и Сдис. Гроганцы к магии полностью нейтральны. А морассцы очень похожи на имперцев, но они слишком уж далеко.

– Но зачем война?

Она впервые с начала разговора оглянулась на нас:

– Ты что, Шен? И вправду блаженный? Затем, что иначе эти тупые Ходящие нас бы сюда никогда не пустили. За пятьсот лет со времен Темного мятежа ни одна из Матерей не прислала нам приглашения в гости.

– Я бы удивился, если бы было иначе, – сказал я.

– Виновата Сорита. Она изменила...

– Не надо клепать с больной головы на здоровую! – перебил ее Шен. – Вы все хороши.

Здесь она не стала спорить, лишь раздраженно дернула плечом.

– Людей с земель Империи можно было похищать. Обошлись бы небольшими жертвами. Это лучше, чем такая война.

– Какой злой мальчик! – сказала пропасти Проклятая. – Мы делали то, что ты говоришь. Все оказалось бесполезно. Из наших рук выходили только темные.

– Но ты только что сказала, что жители нашей страны...

– Помню. Не идиотка. Проказа была права, когда лет триста назад сказала, что мы слишком увлеклись темным, забыв о свете. Мы потеряли равновесие, ту едва видимую грань, что заставляет обе чаши весов находиться на одном уровне. Соответственно, стали неспособны создать то, что нужно.

– На что же вы тогда надеетесь сейчас?

– На «самородков». Мы рассчитывали найти двух-трех, научить их азам. Той и другой магии. Посмотреть, что выйдет. Возможно те, кто впоследствии будут учиться у них, станут идеальным материалом. Вся надежда на второе поколение.

– Вам бы кур разводить, или лошадей, с таким подходом, – рассмеялся я.

– Люди ничуть не лучше кур или лошадей, – серьезно ответила Проклятая. – У меня даже есть доказательство – Гинора отлично справилась с тем, что у нас не получилось. Твоя жена, Нэсс, была тем самым первым поколением.

– Вам не удалось заполучить Ласку.

– Зато мне досталось второе поколение в виде некоего Целителя. И третье – в виде юной Ходящей, которую этот Целитель решил обучать. И оба со смешанной «искрой» без всяких перегибов. Гинора – умница. Чем больше я узнаю о ней, тем сильнее восхищаюсь ее умом, хитростью и прозорливостью. Она все-таки достигла того, о чем так долго мечтала. Посеяла семена, и теперь я пожинаю колосья, из которых при должной удаче вырастет целое поле.

– Как Холере удалось разорвать круг? Ведь все вы с... червоточинкой.

– Я много думала над этим. С Даром Гиноры, после того как она оказалась в болотах, что-то произошло.

– Отринула тьму? – подал я ей идею, но Тиф лишь пожала плечами.

– Если только это возможно. Что бы там ни случилось, но ей удалось слить в Лаэн обе «искры» именно в тех пропорциях, что требовались. Ей попался отличный «самородок».

– Ни я, ни Рона, не будем твоими племенными лошадьми, – сказал Целитель. – Я не собираюсь помогать осуществлять твои грандиозные

планы.

– Куда ты денешься, Шен? Сейчас ты молод и глуп. Со временем это пройдет. Думаю, ты уже понимаешь верность моих слов. Ведь ты почувствовал, каково это – быть «серым», а? Я обучаю тебя не только тьме, и в дальнейшем магия сама подскажет, как поступить. Ты тот, на кого возлагаю надежды не только я. Забудь о Проклятых. Об Аленари, Лее и Митифе. Забудь обо мне, Роне и Лаэн. Все это сейчас совершенно не важно. Важна только «искра», которую можно возродить. У тебя – первого после Скульптора – появился шанс вернуть то, что все мы утратили во время Великого упадка.

Я хмыкнул.

Тиф – идеалистка?

– Разумеется, ты рассчитываешь встретить эти прекрасные времена в новом теле? – мимоходом поинтересовался Целитель.

– Именно. Ты сможешь помочь мне стать прежней?

– Вероятно, – уклончиво ответил Шен. – Особенно, если ты оставишь Рону в покое.

– Это ты к чему? – она даже остановилась, и Целитель едва в нее не врезался.

– Это я к тому, чтобы ты забыла о том, что хорошо бы влезть в ее тело. Его ты не получишь.

Проклятая выглядела одновременно обиженной и рассерженной:

– Не говори чушь!

– Не корчи из себя оскорбленную невинность. Думаешь, я не понял, почему ты так обрадовалась, когда в ней появилась темная «искра»? Так вот – понял прекрасно. Даже не мечтай. Найди себе другую носительницу «искр». Или сумасшедшую. Последних в мире пруд пруди. Рано или поздно ты возьмешь над таким телом контроль, как это сделала с несчастным пастухом.

– Сумасшедшие не могут жить вечно, мальчик.

– Зато их много. У тебя будет возможность менять тела, – решительно произнес он. – Придумай что угодно, но Рону ты получишь только через мой труп.

– Впереди мост! – крикнули нам и, оборвав разговор, мы поспешили вперед.

Между двух облицованных голубоватым льдом стен оказалось перекинуто нечто, поспешно названное Га-нором мостом. Четыре толстых каната, натянутых на вбитые в камни столбы, на которых держалась вся конструкция, были истрепаны временем. Доски на них также не выглядели

надежными, а о веревках, служащих здесь перилами, я и вовсе не хочу говорить.

Вся постройка напоминала дугу, ее центр провисал, находясь намного ниже, чем следовало. Чтобы оказаться на той стороне, требовалось вначале спуститься, а затем подняться по ветхому сооружению. Могу представить, как должна раскачиваться эта штука.

– Кто создал такое «чудо света»?! – с величайшим презрением в голосе спросила Проклятая.

– Горцы. Дикае племена чусов, – отозвался милорд Водер. – И сделали на совесть, между прочим. Ему никак не меньше сотни лет.

– Оно и видно.

– Слушайте, – Лук опасно сглотнул. – А нет... другого пути?

– Есть. Но это еще неделя, – ответил сын Ирбиса.

Я подошел к самому краю узкой тропы и глянул вниз. До тумана, занявшего пропасть, было ярдов пятнадцать. За ним скрывалась неизвестность.

– Сколько тут до дна, Га-нор? – спросил я, опасно наклонившись вниз.

– Вернутся йе-арре с разведки, попроси их проверить.

– Успеешь состариться, прежде чем долетишь, лопни твоя жаба, – стражник поежился.

Я еще раз внимательно осмотрел мост. Его противоположная сторона выводила на большую площадку, переходящую в узкую расщелину, которая вела к последнему перевалу. Гбабак приглушенно квакнул и сказал:

– Я тяжел. И идти последним. Квак бы он не рухнул.

Я прикинул колоссальный вес блазга.

– Не вижу проблемы, – не согласилась Проклятая. – На несколько минок я смогу облачить мост в лед. Это его укрепит.

– Но он будет скользким, – подал голос Лук и немного побледнел, думая о том, что ему предстоит совершить.

– Я справлюсь с этим, – кивнул квагер. – Спасибо.

– Может, ты сразу так сделаешь? – спросил Рандо.

– Запросто, – пожала плечами Проклятая. – Но когда лед растает, вся конструкция может развалиться.

– Придется тебе идти, как всем, дружище, – утешил я стражника.

– Лопни твоя жаба, – обречено вздохнул тот.

Лартун попробовал на прочность один из канатов:

– Эта штука крепче, чем кажется!

– Давайте покончим с этим побыстрее, – решительно сказала Рона, делая шаг к мосту, но милорд Рандо удержал ее за локоть.

– Я проверю, насколько он прочен.

Однако его опередил Юми.

– Вот так, собака! – бодро произнес он, шмыгнул вперед и легко перебежал на другую сторону.

Рандо кивнул Водеру и встал на первую доску. Мы напряженно следили за рыцарем, но и он дошел до площадки.

Через пять томительных минок настала моя очередь.

– Шен. Ты следующий, – предупредил я.

Доски оказались хуже, чем я думал. Сгнившие и обледенелые. Чем ближе к центру я продвигался, тем сильнее ощущал, как раскачивается эта «подвеска». Вверх-вниз. Влево-вправо.

Высота меня не пугала, но двигаться пришлось крайне медленно. Можно быть безудержно храбрым, только смелость не подарит крылья. Я не до такой степени безрассуден, чтобы забывать об осторожности.

Рандо протянул мне руку, и я оказался на твердой поверхности.

Шен заставил нас всех понервничать. Его мотало от одного каната к другому, и в какой-то момент я начал опасаться, что он свалится. На середине пути мост заплясал под ним, как издыхающая гусеница.

– Замри! – заорал я.

Он сделал, что было велено, и две минки стоял, раскинув руки. Я помнил, что высоту Целитель переносит не слишком хорошо, поэтому мог представить, каково ему там находиться. Когда парень выбрался на твердую землю, его кожа отливала очаровательным зеленым оттенком.

– Будь я проклят! – это все, что он смог сказать.

– Надеюсь, ты не упадешь в обморок?

Шен огрызнулся и стал напряженно следить за тем, как минует мост Рона.

К моему удивлению, девушка шла легко и быстро, практически не задерживаясь. Раскинув руки, она смотрела вперед, и миновала пропасть гораздо быстрее всех остальных.

– У тебя крепкие нервы.

– Пустяки, – ее глаза сияли, а лицо покраснелось. – Маленькой я прыгала с балкона на балкон в Радужной долине и залезала на шпили башен. Многие так делали.

– Йе-арре возвращаются! – я заметил летунов.

Они выскочили из-за облаков, и Йанар с Йакаром сели на той стороне, рядом с Водером, а Йалак приземлился недалеко от нас.

– До перевала не больше четырех наров пути, – сказал молодой разведчик, сложив крылья. – Дорога свободна. Я проверю, не идет ли кто за

нами.

И, не дожидаясь нашего одобрения, он взлетел.

На мост вступил Живр. Но не успел пройти и половины пути.

Нарастающий гул мы услышали одновременно. Я оттолкнул от края обрыва Шена и Рону и заорал тем, кто был на той стороне:

– Бегите!

Вряд ли они услышали. Рев сожрал мои слова, и в следующую уну с горы пришла лавина. Она белой смертью выскочила из-за низких облаков, в два удара сердца домчалась до тропы. Я успел заметить, как вокруг Проклятой и тех, кто ее окружал, замерцал защитный купол. Как открывший рот Живр несется к нам, как расправляющих крылья Йанара и Йакара сминает снег.

Удар воздуха отбросил меня назад, я сбил Шена, и мы оба рухнули на землю.

Горы гневались несколько минок, а затем наступила оглушительная тишина. Сплевывая невесть как попавший в рот снег, я встал на четвереньки и отряхнулся, словно пес.

– Ты жив? – хрипло спросил я, тряся Целителя за плечо.

Тот со стоном сел, огляделся, увидел Рону, поднимающуюся на ноги, и облегченно выдохнул. Рандо, стоя у входа в расщелину, ошеломленно тряс головой.

– Вот так, собака... – растерянно сказал Юми.

Моста больше не было. Тропа на той стороне оказалась завалена ярдов на восемьдесят. Я быстро пересчитал тех, кому повезло уцелеть, благодаря Тиф.

Га-нор, Лук, Отор, Гбабак, сама Убийца Сориты.

Пятеро.

И еще пятерых забрали горы.

Милорд Рандо, не досчитавшийся своего дяди, скрипел зубами. У Роны по щекам бежали слезы.

– Вы в порядке?! – крикнул я.

– Да! – долетел до меня ответ Га-нора.

– Порк! Сможешь сделать мост?!

– Без опоры – нет! – ответила мне Тиф.

– А вы, госпожа? – спросил рыцарь у Роны, но та лишь покачала головой.

– Нам придется вернуться назад и поискать другой путь! – крикнул Га-нор.

– Я вас найду! – завопила Тиа, и я нисколько не сомневался в ее

словах.

Уж кто-кто, а она, действительно, найдет. Шен ей нужен. Проклятая стала орать Целителю какие-то наставления по плетениям, которые следует запомнить, чтобы не терять время, а я подошел к Рандо.

– Я сожалею о гибели милорда Водера.

Он мрачно кивнул.

Земля под ногами вздрогнула, резко провалилась вниз, так что я едва не потерял опору, и остановилась.

– Вот так, собака! – взвизгнул Юми и метнулся прочь.

– Назад! – закричал рыцарь.

Вся площадка задрожала, и огромный кусок скалы с грохотом рухнул в пропасть. Мое сердце провалилось вместе с ним.

Мы с Рандо бросились к краю и увидели вцепившихся в ледяные камни Ходящую и Целителя, чудом держащихся на узеньком выступе. Я действовал, не раздумывая, перегнулся через край и протянул им руки. Ребята тут же ухватились за меня, но в этот самый миг выступ откололся. Их ноги потеряли опору.

Что-то заорала Проклятая, видя, как Шен с Роной повисли над бездной.

Я начал сползать вниз.

– Держитесь! – крикнул Рандо, и я сжал пальцы еще сильнее, в то время как рыцарь, схватив меня за лодыжки, начал тянуть на себя.

Мне показалось, что еще немного, и кости выскочат из суставов. Я напрягал все мышцы и шипел от боли, пытаюсь удержать вес Целителя и Ходящей. Рыцарь мощными рывками вытаскивал нас.

– Держи ее, Нэсс! – крикнул Шен.

До края оставалось совсем немного, но я чувствовал, как ладонь Роны медленно, но верно выскальзывает из моего хвата.

– Не отпускай ее! – Целитель отчаянно цеплялся ногами за стену, чтобы хоть как-то облегчить мне работу, но они все время соскальзывали.

Я уже практически ничего не видел, слезы боли текли ручьем, но я не сдавался, хотя и чувствовал, что с каждым мгновением теряю ее.

«Держи девочку, Нэсс!!!»

Мне показалось, что это крикнула Лаэн.

Шен сильно дернулся, пытаюсь вырваться и тем самым спасти Ходящую, но я удержал его. Рона, вскрикнув, выскользнула из моего хвата и упала вниз. Я заорал от отчаянья, видя, как она падает в облака. Шен взревел, дернулся, словно в него вселилась Бездна, рухнул следом за ней, и в следующее мгновение милорд Рандо оттащил меня от края.

– Прости, малыш! – прошептал я.

Где-то на той стороне, на одной ноте, отчаянно выла Проклятая.

Я плакал. И Ласка плакала вместе со мной.

Глава 10

– Эй, Серый! Еда остывает! – окликнули меня.

Не отрываясь от занятия, я кивнул, показывая, что слышал. Закончил обновлять оплетку на рукояти короткого легкого меча и только после этого отправился к кухне.

Возле горячих, пышущих паром, аппетитно пахнущих котлов, толпились люди. Я встал в общую очередь. Не люблю пользоваться привилегиями командира, когда сидишь вместе со всеми в одной выгребной яме. Лезть по головам товарищей, с которыми сражаешься плечом к плечу – это свинство.

Кашевар, хмурый, как день поздней осенью, навалил мне в деревянную миску каши с кусочками бараньего мяса.

– Твой друг жрать будет?!

– Вот так, собака! – пискнул вертевшийся под ногами Юми.

Я счел это за согласие, кивнул и получил в руки вторую миску. Мы отошли подальше от толпы, пристроились на поваленном дереве, недалеко от шатров лазарета, и я отдал ей его порцию.

– Вот так, собака! – сказал он и аккуратно принялся за трапезу.

– И тебе приятного аппетита, – усмехнулся я, берясь за ложку.

Вокруг все еще лежал снег, но было по-весеннему тепло, и ветер, дующий со стороны озер, пах свежей зеленью и капелью. Я жевал, жмурился на ярком солнце и думал, что еще недавно мне казалось, будто зима никогда не кончится.

С тех пор как мы покинули Катугские горы, прошел месяц. Но ничего не забылось. Стоило мне остаться наедине с собой, отвлечься от войны, и память вновь возвращала меня в тот черный день. Я искренне считал себя виновным в смерти Шена и Роны. Если бы тогда я был упорнее, я смог бы их удержать.

Гибель Ходящей и Целителя стала для меня почти такой же серьезной утратой, как потеря Лаэн. Я даже не ожидал, что меня настолько подкосит их смерть. На моих глазах навсегда ушли те, кого я считал своими друзьями. А последних у нас с Лаской никогда не было много.

Кроме того, с их кончиной «искра» потеряла многое, а мечты Лаэн – последнее, что у меня оставалось – оказались разбиты в прах. Я не смог уберечь даже этого.

Не знаю, как Проклятая меня тогда не убила. Кажется, в тот раз она

была близка к этому как никогда. У нее были серьезные причины не видеть смысла в продолжении моей жизни – она потеряла последнюю надежду вернуть себе тело. Да и краеугольный камень новой, серой, школы, казалось бы уже заложенный в ее основание, превратился в пыль.

Но Убийца Сориты так и не швырнула плетение. Мы разошлись в разные стороны, и с тех пор я ее больше не видел.

Спустилась ночь, одна из самых долгих и мучительных в моей жизни. Было слишком холодно, чтобы останавливаться, и мы шли до перевала, а потом вслепую спускались, пока не нашли расщелину, где смогли укрыться от ветра. Мне так и не удалось заснуть – в ушах звенел крик Роны и... крик Лаэн. Я не мог избавиться от странного наваждения, пока совсем не сошел с ума.

Лаэн «пришла» под утро и провела со мной долгих три нара в бесконечных разговорах, пытаясь хоть как-то ободрить и утешить. Иногда я забывался и начинал говорить с нею вслух. Не знаю, что в те моменты обо мне думали милорд Рандо и Юми.

К утру ее голос стал тихим, начал пропадать, а затем и вовсе исчез. Я едва успел услышать «прощай», и через несколько наров уже не понимал – спал я или же бодрствовал.

К обеду, когда мы спускались по серпантину в залитую светом долину, нас нашел Йалак. Его лицо было красным, опухшим и обветренным от полета на холоде.

– Северянин нашел дорогу. Отряд продвигается на восток, – доложил он милорду Рандо.

Я знал, что хочу слишком многого, но все равно попросил его проверить пропасть. Летун не стал возражать и вернулся еще более уставший, чем прежде.

– Ничего ни видно, – сказал йе-арре. – Я не рискнул добраться до дна. Едва не ударился о стену в тумане. Извини. Когда улетаю, сошла еще одна лавина. Теперь их наверняка похоронило...

Мы помолчали.

– Больше я не смогу к вам прилетать. Слишком большие расстояния и тяжелые перелеты.

– Останешься с отрядом Га-нора?

– Да. Разведчик им сейчас нужнее, чем вам.

Это было правдой. Мы практически вышли на равнины, а нашим товарищам еще предстоит плутать по ущельям в поисках другого перевала, и помощь зоркого йе-арре будет не лишней.

– Спасибо и прощай, – сказал милорд Рандо, пожимая Йалаку руку.

Я сделал то же самое, Юми пожелал «собаку».

– Берегите себя! – улыбнулся летун, ударил рыжими крыльями о воздух и, подняв ветер, исчез за горой.

Через четыре дня, спустившись ниже ледников, пережив нападение голодного снежного барса и миновав густой хвойный лес, мы вышли к предгорьям. А еще через день оказались в небольшом поселке...

– Вот так, собака!

Юми слопал свою порцию, закусил сосулькой и, довольный, убежал.

– Серый, командир зовет! – ко мне подошел Лентяй.

Высоченный, грубоватый, но неплохо разбирающийся в людях и отлично чуявший ветер, он быстро получил от меня повышение и теперь являлся моим заместителем.

– Поесть не дадут, – буркнул я. – Что стряслось?

– Бездна знает... Я без тебя не стал лезть. Ты бы это... поспешил что ли? Все сотники уже в сборе.

– Иду.

Я отставил пустую миску, взял лук и, сунув его под мышку, потопал за ним.

– Ходит слух, что нас ждет ночной переход, – сказал Лентяй, на ходу кивая кому-то из северян, собравшихся возле костра.

– Старый Хорек слишком умен, чтобы впустую драть шкуры, – отозвался я. – Ночь нас выжмет досуха. Вот увидишь – выступим утром, и к Хальварду придем поздно вечером. У нас будет время выспаться перед очередным этапом отступления.

– Если будет куда отступать, – проворчал воин. – Говорят, на юго-востоке жарко. Полки поредели вдвое и едва сдерживают Проклятых.

Говорят! Каких только слухов я не наслушался за то время, пока находился в армии. Из-за отсутствия информации солдаты порой сочиняли невероятные небылицы. Впрочем, когда в войне участвуют носители Дара, чудес, в том числе и не слишком приятных, хоть отбавляй.

Хотя если отмести всякие непроверенные байки, ситуация была примерно следующей.

Имперские войска за зиму хорошо укрепились на рубеже между Лодкой, Святым Гиршоу и Айзербергом – тремя городами, находящимися напротив выхода с Лестницы Висельника. Силы сюда стянули со всего севера, оставив на западе, вдоль границы с Морассией, всего лишь несколько полков.

Проклятые поторопились с ударом, атаковав эти позиции еще до наступления весны, надеясь на то, что наши, как всегда, все проспят.

Не проспали, слава Мелоту.

И началась настоящая мясорубка. Бои шли по всей линии фронта. Корь, Оспа и Чума, разделившись, ударили по трем разным направлениям. Каждый вел за собой целую армию.

Несмотря на сокрушительную магию отступников и некромантов, Ходящим, хотя и с трудом, удалось держать рубеж целых полторы недели. Люди костями ложились, но враг не мог пройти. А мы, тем временем, снимали часть сил, перекидывая их на следующую линию обороны.

Наконец, Чуме удалось прорвать фронт у Святого Гиршоу, разбить наши войска на этом рубеже, а затем, спешно развернувшись, ударить в тыл тем, кто находился под Айзебергом. Но армии Империи удалось отойти, перегруппироваться и продолжить сопротивление.

Митифа с боями рвалась на запад, к Брагун-Зану, за которым открывалась прямая дорога к Клыку Грома и торговым городам на границе с Морассией, откуда в страну поступала помощь. Чума вел самую крупную часть армии Проклятых на Корунн, а Аленари маршем продвигалась на северо-запад, чтобы обогнуть Великие озера, пройти мимо лесов и болот, ударить по столице с юга и вместе с Леем взять ее в кольцо.

Вести с юга были скудны. Лишь о том, что Гаш-шаку пал, а Альсгара все еще держится.

Солдаты уже знали о смерти Проказы и Чахотки. Но, на мое счастье, никто не догадывался, кто приложил руку к гибели последнего. Людям, разумеется, нужны свои герои, но моя кандидатура явно не подходит для такой роли. Однажды, при Сандоне, я уже совершил свой подвиг и спас ребят, но в итоге угодил за это на виселицу. Теперь лишнее внимание мне точно не нужно.

Ветеран, давший зарок больше никогда не воевать, решил еще раз послужить своей стране.

Жаль, что Шена не было рядом, когда я вербовался в регулярную армию. Целитель бы наверняка ухохотался, вспоминая все наши разговоры, посвященные долгу, верности и отечеству. Да я и сам, признаться, горько смеялся, после того, как вступил в отряд. Тьма знает, зачем. Наверное, сама Бездна меня толкнула.

Впрочем, я не жалел. В сражениях я мог вымещать свою ярость. К тому же терять мне теперь, действительно, было нечего. Кроме того, здесь я был гораздо ближе к Проклятым. Я все еще горел желанием увидеться с Митифой и Аленари и выплатить им долги.

Мы с милордом Рандо оказались в одном полку. Первое боевое крещение на новом месте службы получили под Ежгом, когда наш

арьергард удерживал мосты через безымянную реку, пока основные силы отходили восточнее, к плоскогорью и дремучим лесам.

Драка вышла «веселой». Моя кровь кипела. Авангард сдисцев – легкие всадники вперемешку с мортами – устроил нам несколько жарких наров, пару из которых я думал, что у нас не выйдет отбиться. Но, когда пришло время, нам все-таки удалось разрушить мосты и смыться, истратив весь запас стрел.

Моим напарником был Юми. Он все время держался рядом, визжал про «собаку», и лез под ноги противнику с таким видом, словно собирался его сожрать. Те, кто сражался рядом с нами, смотрели на странного зверька с недоумением, но когда вейя уложил отравленной иглой некроманта, «белку» приняли в ряды воинов.

После боя, на первой же остановке, едва мы дали возможность лошадям перевести дух, ко мне подошел командир арьергарда и напрямик спросил:

– Где раньше воевал?

– Сандон. «Стрелки Майбурга».

Это всегда было хорошей рекомендацией среди военных людей. «Алые стрелы» давно стали эталоном имперских лучников. На следующий день я стал десятником, хотя и не просил о таком грузе на шею.

Каждый день нам приходилось отступать, затем укрепляться, влезать в очередную безнадежную битву, терять людей, вновь ползти на северо-запад, с каждым разом все дальше и дальше удаляясь от гор. Армия Митифы шла за нами по пятам. Брамм, Хлюпик, Аускард, Эйгторп, Пряные Холмы, Дзулесье, Жонг и еще десяток городов и деревень, названия которых я даже не запомнил.

Мы проходили через них, мимо них и дрались за них. За каждую победу набаторцам приходилось платить многими жизнями, но южане не ослабляли натиск и в итоге раскололи наши силы под Жонгом на две части, вбив между нами клин тяжелой кавалерии и закрепив его с помощью Сжегших душу.

Наш полк оказался среди тех, кто отступил на юго-запад, к Оставленным болотам, возле которых проходила ближайшая дорога до Ргеша – самого крупного из городов, что оставались близко к предгорьям.

Война лишила нас встречи с отрядом Га-нора. Городок, где мы должны были встретиться, теперь находился на территории, занятой набаторцами. Я волновался, так как с товарищами была Тиф. Бездна знает, что могло прийти ей в голову. Она могла и убить, и предать их. Эти люди были ей ни к чему, а я не верил в доброе сердце Убийцы Сориты.

Я просыпался, ел, спал, командовал, сражался, отражал нападение, убивал, отступал, бежал, падал с ног, дремал в седле урывками, вновь просыпался и опять пытался выжить и убить. Дни слились в бесконечный марш, в поспешное бегство, перемежающееся чередой сражений и схваток. Мне сопутствовала удача, и я выходил из горнила войны целым и невредимым, словно меня кто-то берег. Даже под Пряными Холмами, где нас раздолбали некроманты, и в живых остался лишь каждый десятый, я не получил ни царапины.

Спустя три недели после моего вступления в армию, я стал сотником. В этом не было ничего удивительного, особенно с такими потерями командного состава. После каждой сцепки с врагом кто-то уже не вставал с земли. Продвижение по службе, когда ты то и дело рубишь и колешь, защищаясь то от кавалерии, то от панцирной пехоты – дело обычное. Утром ты солдат, в полдень десятник, вечером сотник, а на следующий день уже кормишь червей, а твое место занимает кто-то другой.

Со мной произошло то же самое. Я все время был на острие атаки и делал то, что умел лучше всего, то, чему меня научили еще в Сандоне – убивал.

В Двулесье мне дали пять десятков и отправили держать дорогу возле кладбища. В итоге я стал сотником арьергарда, получив под свое начало неполную сотню разношерстной публики, в разной степени способной управляться с луками.

После Пряных Холмов под моей командой осталось всего сорок стрелков, а от бывшей армии – не больше восьми сотен душ. Капля в море, особенно, если тебе противостоит пятнадцать тысяч, пускай и разбитых на несколько отрядов.

Мы дрались и днем, и ночью. Эти бои отличались от тех, к которым я привык за годы войны с Высокородными. Никаких партизанских вылазок, никаких засад и нападений из-за кустов. В общем масштабе здесь мало что решали стрелы, и все заканчивалось либо страшной рубкой стенка на стенку, либо схваткой носителей «искры». Это была новая, необычная война. Но крови в ней лилось гораздо больше, чем в лесах остроухих.

Капитан отряда, прозванный солдатами Старым Хорьком, собрал всех командиров в доме за колодцем. Я толкнул рассохшуюся дверь плечом, придержал ее и вошел внутрь.

Обсуждение грядущего сражения под Ргешем уже началось. Я кивнул Рандо, которого не видел последние четыре дня, пожал руки двум знакомым воинам, с которыми приходилось драться плечом к плечу, и занял

свободное место на лавке. Юми устроился у меня в ногах. Капитан заметил мой приход и тут же повернулся в нашу сторону:

– Серый, для твоих ребят есть дело. Бери два десятка лучших стрелков и хороший запас стрел. За деревушкой, рядом с храмом Мелота, есть тропа. Я дам тебе провожатого из местных. Как оказалось, к Ргешу ведет еще одна, лесная дорога. В обход наших позиций. Вам придется присмотреть за ней до темноты. Потом уходите. К тому времени я уже выставлю кордоны вдоль кромки леса. Поторопись. Оставшихся людей отдай Лентяю.

– Двадцати будет мало.

– Поэтому с вами отправятся еще три десятка Квелло.

Я довольно кивнул. Уже разговор. Мечники, если придется жарко, нам не помешают.

– Кто командир отряда?

– Ты. Слышал, Квелло?

– Да, милорд, – отозвался совсем еще молодой парень с сильно изуродованным лицом.

– Велик шанс, что враги не пойдут этим путем. Он отнимет у них слишком много времени. Но я не хочу сюрпризов у себя на левом фланге во время движения. Так что срочно поднимайте людей и выходите.

– Вот так, собака? – спросил Юми, когда мы оказались на улице.

– Куда же я без тебя? – усмехнулся я.

Тропа, зажата между двумя стенами могучих дубов, лежала передо мной, как на ладони – участок ярдов в восемьдесят, появляющийся из рощи и исчезающий за ручьем, в густом кустарнике. Разведчики проверили ближайшую местность и сказали, что здесь давно никто не ходил. Они обнаружили лишь следы мелкого зверья.

Снег был старым, порядком подтаявшим, посеревшим и изъязвленным. Несколько дней назад ночью вновь похолодало, и он покрылся плотной коркой. Мы подбирались к месту засады напрямик, через лес, потратив на дорогу несколько наров. Лошадей пришлось оставить на небольшой прогалине, под присмотром двух деревенских мальчишек.

Троих лучников и четверых рубак я отправил вперед по тракту, приказав расположиться в пятидесяти ярдах от основного отряда. Если враг пробьется вперед, то будет кому его встретить. Еще тремя стрелками пришлось пожертвовать, чтобы перекрыть возможному противнику отступление. Или хотя бы задержать его до того, как подоспеет помощь.

Заканчивался первый месяц весны, почки еще не распустились – лес

стоял совершенно голый. Спрятаться в нем было тяжело, и нам повезло, что здесь росли широченные дубы, а не какие-нибудь худосочные осины.

Мы торчали в засаде уже пятый нар, солнце медленно ползло по небосводу, пока не скрылось за корявыми толстыми ветвями. Тени тут же загустели, выползли на открытое пространство, стало сумрачно и еще более неуютно, чем прежде. Поднялся сильный ветер, и лес перестал быть безмолвным. Он шумел сердито и страшно, словно старик, которого побеспокоили забравшиеся в огород мальчишки.

– Кому нужна эта тропа? – спросил Трехглазый, крепко сбитый, уже начавший лысеть мужчина. – Армия здесь все равно не пройдет, а от мелкого отряда – толка чуть.

Я лишь пожал плечами. Старому Хорьку виднее. Его нюх не раз и не два помогал нам избежать серьезных неприятностей.

Ветер продолжал надсадно шуметь в кронах. Многие солдаты расслабились, отложили луки. Кто-то привалился к дереву, кто-то был занят негромкой беседой, один из мечников даже умудрился задремать. На ветку дерева, под которым я находился, сел рябинник, взъерошил пестрые перышки, посмотрел на меня черными бусинками глаз и, решив, что здесь слишком многолюдно, упорхнул.

– Командир, до темноты меньше нара. Не пора привести лошадей? – спросил у меня подбежавший солдат.

– Рано, – негромко ответил я ему, снимая с рук теплые перчатки. – Недолго осталось. Потерпите с ребятами.

Он кивнул и отошел на свое место.

Прошло еще несколько минок. Вернулся Юми, следивший за дорогой.

– Вот так, собака!

– Кто-то идет?

Он дал понять, что именно об этом и говорит:

– Вот так, собака!

– Трехглазый. Скажи, чтобы все были готовы.

– Проклятье, – пробормотал тот, подхватывая лук, – все-таки полезли...

Я посмотрел на бледное небо. Еще десять-пятнадцать минок, и станет настолько темно, что эффективность стрельбы снизится вчетверо. Возможно, бить придется почти вслепую. Бездна знает, прорвется ли через облака луна.

Они показались, когда сумерки стали почти непроглядными, а наши нервы натянулись до предела. Всадников оказалось больше двух десятков.

Трое из них носили белое, и как только я это увидел, в животе у меня тут же заскреблась кошка. Некроманты могут причинить массу неприятностей, оказавшись в тылу нашей армии. А уж если мы сейчас допустим промашку – нас сровняют с землей вместе с этим лесом.

Белые ехали рядом, капюшоны скрывали их лица. В груди больно закололо, и я понял, что перестал дышать.

Спустя еще несколько ун, я и мои лучники отпустили тетивы. Воздух пронзили четырнадцать стрел. Двое некромантов тут же превратились в подушечки для иголок, но третий успел выставить мерцающую ярко-голубым стену. Воцарился всеобщий хаос. Попавшие под обстрел люди орала, мы продолжали стрелять.

Некромант взмахнул рукой, что-то пролетело ярдах в пятнадцати от меня, разорвалось с сухим треском, раздались крики боли. Загудел ловчий рожок Квелло, и, прекратив опустошать колчаны, мы, сменив луки на клинки, бросились помогать мечникам. Сразу пятеро насели на некроманта и стянули его с седла, но прежде он успел убить троих.

На меня выскочил всадник с копьем, но ударить не успел. Кто-то ловкий, так и не расставшийся с луком, всадил набаторцу стрелу в горло. Я отпрыгнул в сторону, избежав лошадиных копыт, и поймал на клинок удар кавалерийского меча одного из спешившихся южан. Пырнул его в грудь кинжалом с левой руки, рубанул по лицу.

Рядом ребята Квелло рвали врагов, словно сторожевые псы лиса. Через несколько минок все было кончено. Уцелевших под стрелами доби́ли мечами.

– Юми, – сказал я вейе, с ликованием прыгавшему по одному из мертвецов, – беги проверь, нет ли кого еще на дороге.

– Вот так, собака! – кивнул он и умчался.

Я вытер рукавом вспотевший лоб, убрал клинок в ножны.

– Где Трехглазый?!

Он тут же откликнулся, выступив из мрака:

– Здесь, командир.

– Зажгите факелы!

Из леса вернулся запыхавшийся Квелло, преследовавший южанина, пытавшегося убежать.

– Не ушел, – улыбнулся воин.

Я кивнул.

Воины стали проверять мертвецов и добивать тех, кто еще дышал.

– Слишком просто, – пробормотал я, принимая из рук Трехглазого свой лук.

– Радоваться надо! – улыбнулся тот. – Белые твари могли бы дасться нам не так просто!

– Эй! Сотник! – крикнули мне. – Этот еще жив!

По тону я понял, о каком «этом» идет речь. Солдаты молча столпились перед лежащим на боку сдисцем, но никто не подходил ближе, чем следует. Человек тихо стонал. Я обнажил нож.

– Поднесите факел ближе! Почему не добили? Совсем сдурели?!

Я склонился над Белым и с тоской выругался.

Симпатичная девчонка. Совсем еще молоденькая.

– Ого! – свистнул один из мечников, подавшись вперед. – А я думал, что они все страшные, как Смерть.

– Перед тобой и есть смерть, – буркнул я.

Повисло недолгое молчание, затем какой-то тупица неуверенно спросил:

– А может того?.. Развлечемся с ней?

Война есть война. Здесь нет хороших и плохих. Кровь, грязь и то, о чем в мирной жизни мы стараемся не вспоминать. Оно приходит к нам только в кошмарах, когда кажется, что все уже навсегда осталось в прошлом. Я знаю, о чем говорю. Сандон до сих пор со мной.

Я не стал дожидаться, когда их ненависть преодолеет их страх, и они распялятся настолько, что озвереют. Погрузив клинок ей в сердце, выдернул его, вытер нож о белую мантию и только после этого встал, пронзив взглядом мечника из отряда Квелло, предлагавшего маленькое развлечение:

– При виде смазливой девки лишился последних мозгов? Или забыл, кто перед тобой? Стоит ей только на мгновение очнуться, и от твоего стручка мокрого места не останется! Проверьте двух других. Если живы – не мне вам говорить, что следует сделать. Не касайтесь посохов – они опасны. Приводите лошадей. Пора уносить ноги.

Постоянные бои и марши изматывают. Усталость медленно копится – поначалу ты не замечаешь ее вовсе, но с каждой пройденной лигой, с каждой стрелой, выпущенной в набаторца, и каждым осознанием, что ты все еще жив вопреки всем правилам и вероятностям, она берет над тобой верх. И ты все чаще начинаешь совершать ошибки, либо просто валишься с ног, уже не в силах держать оружие.

К Ргешу наши отряды подошли вымотанными до предела, и тех двух дней, что генералы Митифы медлили, нам не хватило, чтобы прийти в себя. Против наших восьми сотен, загнанных, мертвецки уставших, но все еще

готовых огрызаться, и примкнувших к нам пяти сотням из городского ополчения – противник выставил шесть отборных тысяч.

Мы вцепились в землю и держались, пока была жива Ходящая и трое Огоньков. Но когда они погибли – некромантов больше ничто не сдерживало. Нас разбили в пух и прах. Немногочисленные выжившие попали в окружение и с трудом отражали наскоки летучей кавалерии, пытавшейся отрезать нас от болот.

Уцелевшие в боине сто тридцать шесть человек, окровавленных, но все еще живых, не желали сдаваться, но и подышать никому из нас не хотелось.

Мы решили рискнуть и отступили в Оставленные болота, надеясь на чудо.

Глава 11

Изнутри купол маленького храма был расписан ликами святых и сюжетами из книги Созидания. Через морасские витражи – лиловые, фиолетовые и изумрудные, проникали лучи солнечного света, окрашивая помещение храма в таинственные, непривычные цвета. Окна были расположены под куполом так, чтобы столбы света, падавшие сверху, брали в кольцо небольшой алтарь с Дланью Мелота – чашей, в которой всегда было вдосталь родниковой воды.

На скамьях, старых, потемневших, истершихся, медленно оседали пылинки. В полутемных нишах вдоль обеих стен стояли гипсовые фигуры святых. Тень милостиво скрывала их поврежденные временем лица, отбитые пальцы и трещины, разбежавшиеся по свободным одеждам. Лампады не горели – была середина дня, обязательная служба начнется к вечеру, когда жрицы закончат с обычными ежедневными делами и покинут сад, мастерскую и библиотеку.

Поэтому Альгу никто не беспокоил. Она могла сколько угодно быть в храме, сидеть на скамьях, смотреть на образы, священные для каждого верующего, и думать о своем, прежде, чем здесь появятся люди, и ей вновь придется стать обычной странницей.

Очередная задачка. Очередная загадка. Очередной опостылевший сон.

Сколько их было с тех пор, как она покинула Радужную долину? Достаточно, чтобы сбиться со счета и понять – они не так уж плохи, пускай кошмары и остаются кошмарами. Ходящая осознала: не будь у нее этих снов – и жизнь бы стала совсем другой. Вряд ли получилось бы ранить господина Дави в Клыке Грома и спасти Шилу, а уж о том, чтобы вырваться из плена и речи бы не шло.

Девушка не знала, отчего так получается. Словно само провидение подкидывало ей уроки, заставляло думать и находить ответы. С каждым сном Альга набиралась опыта, училась, все дальше и дальше погружалась в тайны плетений и «искры». Пугало ли ее это? Не слишком. В какой-то момент Ходящая научилась с благодарностью принимать случившееся с ней и перестала просить Мелота избавить от бесконечного кошмара.

Пытливый ум выпускницы Долины был захвачен загадками сдисской колдуньи, начинал искать ответы на них и не успокаивался до тех пор, пока плетение не выходило таким, как нужно. Очень часто девушка застревала, подолгу топталась на месте, ища ключ к головоломке, составляла в уме

множество схем, вспоминая занятия и правила, которые ей внушали в Радужной долине, и очень жалела, что недоступна школьная библиотека.

Рано или поздно Альге удавалось перешагнуть очередную ступень, придумать подходящее плетение, обмануть колдунью, убить ее... И на следующую ночь столкнуться с ней в очередной схватке.

Одинокий удар колокола прозвучал приглушенно. Альга отвлеклась от мыслей, подняла взгляд к куполу. Теперь солнечные лучи падали под углом, прямо на Длань, то и дело исчезая, когда на солнце наплзали облака – и из-за этого казалось, что витражи подмигивают ей.

Девушке нравилось это место. Оно было столь умиротворенным, что на какое-то время она могла забыть обо всех приключившихся бедах. А их на нее свалилось немало.

Ходящая с неохотой встала со скамьи, подошла к Длани, окунула руки в чашу с водой, и по стенам старого храма запрыгали разноцветные солнечные зайчики. Она прошептала положенные слова, посмотрев на знак Мелота, затем развернулась и пошла к распахнутым дверям. Альге следовало собрать скудные вещи и попрощаться, прежде, чем покинуть это место.

На улице было тепло. Снег давно растаял, на вербах набухли серебристые почки, а на подсохшей земле стали появляться первые желтые венчики мать-и-мачехи. За стеной, там, где располагались огороды, кричали неугомонные грачи. Пахло скорым теплом, свежей зеленью, будущими цветами, южным ветром, который вот-вот должен был придти из-за Катугских гор и устремиться далеко на север, к землям варваров.

Дорожка, сложенная из мелких камешков с любовью и неспешностью, присущей этому месту, разделялась у двух старых ив, растущих возле небольшого пруда. Одна каменная тропинка вела отсюда напрямик к воротам, открывающимся в город, другая – к жилым зданиям, а третья – к подсобным помещениям и невысокой стене, окружающей храм. За ней находился Мотаг – город, через который проходил тракт, ведущий от Клыка Грома к Айрнкрогу – крупному торговому поселению, минуя которое купеческие обозы шли из Морассии в Корунн.

По пути к жилым помещениям девушка встретила двух жриц, и те приветливо поздоровались с ней. Добравшись до зданий, она поднялась на третий этаж, постучалась в единственную дверь.

– Входи, – раздался женский голос.

В комнате кроме рабочего стола, полка для книг и невысокой узкой кровати не было мебели, на голых стенах висел лишь скромный, выточенный из дерева знак Мелота. Подоконник украшали несколько

горшков с фиалками.

На кровати, спустив ноги на пол и держа на коленях книгу Созидания, сидела полная пожилая женщина. У нее было круглое, на щеках изъеденное мелкими оспинами, румяное лицо с крупным мясистым носом и тонкими, совсем не подходящими ему губами. Живые и цепкие ореховые глаза скользнули по гостю:

– Собираешься уходить.

– Да, мать-настоятельница.

– Сегодня? – женщина указала Ходящей на единственный стул.

– Да.

– Неразумное решение, дочь. Скоро стемнеет. В дорогу надо направляться поутру, когда длань Мелота простирается над миром и дарит нам свет. Ты знаешь, какой сегодня день?

– Да, мать-настоятельница. Праздник Обретения.

– Верно. Именно в этот день, много тысячелетий назад, Мелот подарил первым из нас книгу Созидания.

Она с любовью провела пухлыми короткими пальцами по темному корешку.

– Я хочу, чтобы на праздник ты осталась с нами. Выполнишь мою просьбу?

– Да, мать-настоятельница.

Альга не хотела оскорблять ту, что спасла ее, и не видела большого вреда, если задержится еще немного.

– Вот и чудесно. Вечером будет служба. Тебе должно понравиться. А я пошлю кого-нибудь из слуг в город, чтобы они договорились с торговцами.

– Зачем?

– Не будь наивной, дочь. В одиночку твое путешествие в Корунн продлится вечность. Особенно, когда война совсем близко. Я не одобряю того, что ты направляешься в столицу. Это не умно. Восток горит огнем, если так продолжится и дальше – город окажется в серьезной осаде, и лишь Мелот знает, чем это завершится.

– Мне придется туда поехать.

– Хватает одного лишь взгляда на тебя, чтобы понять, как ты упряма, – вздохнула жрица.

– Многие так говорят.

– И они правы. Ты вновь можешь попасть в неприятности. – Она помолчала и еще раз вздохнула:

– Как твоё здоровье?

– Хорошо, – солгала девушка. – Увидимся вечером, мать-

настоятельница.

– Доброго дня, дочь.

Гостевая комнатка, где поселили Альгу, была маленькой, с небольшим окном, выходящим на колокольню, и гораздо более уютной, чем те, в которых обычно жили жрицы. Шторы теплых цветов, кружевные занавески, кровать с мягкой подушкой, новая мебель – все это нравилось ученице Галир, и она, как обычно с ней бывало, когда приходилось по сердцу место, не горела большим желанием его покидать.

Девушка распахнула форточку и, слушая, как на улице кричат грачи, не спеша, собирала вещи в котомку. Их было немного – лишь то, чем поделились с ней жрицы.

Ходящая не помнила, как оказалась здесь. После того, как она убила господина Дави, все было словно в горячечном бреду. Альга вышла на дорогу, но затем вернулась назад, к лошадям. В голове звучали слова колдуна о его брате, который вот-вот должен приехать. Ее обязательно догонят, если идти пешком – это она понимала, даже когда сознание на несколько мгновений гасло от боли.

Ночь, снежная круговерть, мороз, пробирающийся под одежду, пустая дорога, тусклые огни в окнах. Альга боялась сворачивать к ним, не зная, чего ждать. Страх заставлял ее быть осторожной и никому не доверять после случившегося. Она не знала куда скачет, для чего, и что будет делать дальше. Ходящая тонула в боли, теряла сознание, приходила в себя в седле, ехала по бездорожью, мимо серебристых ив у реки, туда, где ее никто и никогда не найдет.

– Нельзя сдаваться. Я буду сильной, – шептала она разбитыми губами, и снежинки словно белые призраки танцевали вокруг нее, обещая показать дорогу в Бездну. В какой-то момент Альга перестала чувствовать свои ноги и увидела себя со стороны, как будто она парит над землей.

Уже за полночь девушка выехала на какой-то широкий тракт, такой же пустой, как весь мир, и в этот раз потеряла сознание уже надолго.

Ее нашли лежащей на обочине дороги и привезли сюда. Жрицы приняли незнакомку, предоставили крышу над головой и выходили. Ходящая провалялась в горячке до самого начала весны. А затем, когда пришла в себя, была настолько слаба, что ей потребовалось множество времени, чтобы твердо встать на ноги и решиться на дальнейший путь.

Беседа с господином Дави не прошла даром. Пытка, которую она пережила, до сих пор давала о себе знать. Альга внезапно чувствовала слабость, головокружение, резкие уколы в груди, и из носа начинала хлестать кровь. В первые дни это случалось часто, иногда по три-четыре

раза, затем, по мере выздоровления – все реже и реже. Мучавший ее кашель прошел, и девушка, поняв, что не падает через нар после того, как встала с кровати, решила – пора собираться в дорогу...

Утром, едва пропели третью молитву и затих колокол, Альга вышла на улицу, закинула котомку на плечо и направилась к воротам. На ней было подаренное жрицами простое темное шерстяное платье с белым воротничком и куртка, как раз такая, чтобы не мерзнуть в это время года.

Ее никто не провожал, все слова мать-настоятельница сказала еще вчера, когда закончилась служба. Никто здесь так и не узнал, что за больная жила у них все это время. Жрицы Мелота не задавали вопросов, а Ходящая не спешила рассказывать о себе.

Перед воротами девушка остановилась, помедлила, обернулась. Долгим взглядом посмотрела на храм, о котором у нее остались теплые воспоминания и, подгоняемая колокольным звоном, поспешила к рынку.

Обоз – три груженных товаром телеги, которые сопровождали одиннадцать человек, двигался быстро. Альга сидела на самой последней повозке, между женщиной, везущей на продажу войлок, и правящим лошадьми стариком, сквернословящим по поводу и без повода. Трое стражников, нанятых в городе, ехали впереди.

Торговка войлоком вначале говорила с девушкой, пыталась рассказывать о своем хозяйстве, ценах, поднявшихся после начала войны, и сволоче-зятё, пропившем последние солы, спрятанные ею на праздник Имени, но, заметив, что ее не слушают, обиделась и больше не общалась.

На ночь обоз остановился в одной из множества деревень, расположенных вдоль тракта. Альга заплатила за ночлег и еду из тех небольших денег, что дала ей мать-настоятельница.

На постоялом дворе с земляным полом и низким потолком водилось множество блох, и Ходящей пришлось защищать себя подходящим плетением, а утром, спозаранку, они вновь отправились в путь.

Дорога шла через многочисленные рощи, перемежающиеся неводеланными полями. Колеса телеги тихо поскрипывали, лошади шумно вздыхали, старик продолжал ругаться. Альга, толком не выспавшись, клевала носом.

Последние три дня колдунья побеждала, так как девушке никак не удавалось пробить ее щит. Все плетения отскакивали от него, словно горох от стенки. И каждый раз сдиска смеялась:

– Только тьмой, милая. Только тьмой.

Она принуждала Альгу коснуться темной «искры». Но выпускница

Долины не знала, как это сделать, и не хотела так поступать. Сама мысль воспользоваться чуждым Даром вызывала у нее отвращение и тошноту. Она никогда бы не нарушила закон, принятый ею за единственно истинный еще на первой ступени. Поступить столь кощунственно девушка не могла. Это словно поднять руку на Галир.

И не важно, что речь идет о сне.

Нет! И еще сто раз нет! Через такую границу она не переступит никогда! Даже если ей будет угрожать смерть!

Снова и снова Альга пробовала пробиться сквозь преграду...

И все-таки нашла решение.

Подобрала такой ключ к замку, когда темная «искра» не требовалась. Вместо черной кувалды использовала белую иглу и победила. Эта победа наполнила ее душу настоящим ликованием и, словно в награду за усердие, она проспала большую часть дня, укрывшись шубой старика, не обращая внимания на то, что телега едет по колдобинам. Беглянка впервые за долгое время не видела никаких снов и отдыхала.

Она проснулась во время кратковременной остановки в каком-то селе, с удовольствием умылась, быстро перекусила, и обоз вновь отправился в дорогу. Все хотели преодолеть до темноты еще приличный кусок тракта, чтобы заночевать в большой деревне, где был приличный трактир, а не клоповник, как в прошлый раз.

Они ехали через березовый лес, светлый, чистый и радостный, когда их нагнал всадник. В осанке молодого мужчины чувствовалась военная выправка. У него было открытое, благородное лицо и острый взгляд. Заметив, что Альга смотрит на него, он сверкнул белозубой улыбкой из-под усов, словно девушка была его старой знакомой, и направил коня вперед, заговорив с главным среди стражников.

Ходящая смотрела на незнакомца с подозрением. После предательства Райла она была настороже. Девушка знала, что ее будут искать, и понимала, что от места, где она убила господина Дави до храма Мелота не слишком большое расстояние. Если у сторонников колдуна есть опытные ищейки – ее вполне могли обнаружить. Именно поэтому Альга так сильно хотела как можно быстрее добраться до Корунна и оказаться в окружении сестер и братьев, среди которых гораздо безопаснее, чем с чужими людьми на одной из многих дорог королевства.

Глава 12

– Вставай! – меня потрясли за плечо. – Рассвет.

Я с трудом поднял тяжелую от недосыпа голову и посмотрел на темное небо.

– Ничего не путаешь, Трехглазый?

– Тебе еще перевязку делать. Пойду, найду Пиявку.

За время сна правый бок и штанина сильно намокли на влажном мху. Меня не спас даже плащ. Хотя на болотах было намного теплее, чем на равнине, я сильно замерз – холодная вода оставалась холодной водой. Восток, в отличие от запада, все еще пытался сбросить оковы прошедшей зимы.

Солдаты вокруг медленно просыпались. Островка, на котором пришлось заночевать, едва хватило на нас всех. Мы сбились в кучу, чтобы не околеть ночью, словно какие-то суслики во время холодной зимовки. Я поднял со мха плащ, с омерзением посмотрел на эту мокрую тряпку, встряхнул ее и поплелся искать милорда Рандо. Он был командиром отряда, а меня, как единственного сотника, назначил своим заместителем.

– Как твоя голова? – первым делом спросил он.

– Жить буду, – усмехнулся я, глядя на рыжеватую местность. – Пускай люди поспят еще два нара, милорд.

– Ты же прекрасно знаешь, что у нас нет этого времени.

– Знаю, – не стал отрицать я. – Но если мы выйдем, то в любом случае застрянем на тропе. Будет туман. Очень сильный. Незачем рисковать. Сойти с тропы – значит не вернуться.

Он втянул носом воздух, поглаживая щетинистый подбородок.

– Урве, – обратился рыцарь к пучеглазому десятнику. – Поменяй часовых. Для остальных – отбой. Пускай отдыхают. Проваливай к Пиявке, Нэсс. На тебе лица нет.

Я хотел сказать, что в порядке, но передумал и потопал прочь. Озноб начал усиливаться.

Пиявка – тип с унылой физиономией и редкими желтоватыми волосами провозился со мной не меньше полунара, ругаясь сквозь зубы и сдирая с моей головы пропитавшуюся кровью повязку.

В битве под Ргешем мне хорошо досталось. Некроманты сыпанули по нам какой-то пылью, от которой люди плавилась и таяли, словно свечной воск. Мне на шлем попала жалкая крупица, но этого оказалось достаточно,

чтобы проделать в металле дыру величиной с сорен. Я вовремя успел скинуть опасный предмет, но, спустя нар, один проворный сдисец черкнул по моей голове мечом. Клинок оказался столь остр, что в первый момент я не почувствовал боли. Однако кровь залила все лицо, и Пиявке пришлось зашивать рану прямо на поле боя.

Пока отрядный лекарь меня перевязывал, появился туман. Он стелился по воде, избегая забираться на заросшие высохшим рогозом кочки. Я упустил тот момент, когда туман поднялся, поглотив все звуки.

– Тебя лихорадит, – сказал Пиявка.

– Совсем немного.

– Можешь врать кому-нибудь другому! Держи.

– Что это за дрянь? – опасливо спросил я, разглядывая странную коричневую штуку, очень похожую на высохший палец мертвеца.

– Корень. Он избавит тебя от жара и не даст ране гноиться.

Я с неохотой взял «палец», осторожно понюхал, затем откусил половину. Лекарство оказалось удивительно сладким.

Из белой пелены вынырнул Трехглазый:

– Гнилое местечко. За два дня мы сумели забраться в самую топь.

– Угу, – подтвердил я.

– Мне страшно подумать, что скрывается под зыбким ковром из мха и прошлогодней травы.

Трехглазый спросил разрешения занять мой плащ, улегся и, несмотря на сырость, тут же уснул. Юми, свернувшись клубочком, лег у него в ногах, а я сел на корягу и задумался.

В первый день нашего бегства набаторцы организовали преследование и держали нас в напряжении до темноты. Но потом отстали – мы топали всю ночь едва ли не вслепую, потеряв в болоте семнадцать человек.

Нас вел проводник из местного ополчения. Он неплохо знал тропы, но чем дальше мы заходили, тем более разрушенной становилась гать. В конце концов, от нее остались лишь отдельные участки, а затем и они исчезли.

– Все, – сказал проводник, остановившись и тяжело опираясь на палку. – Дальше никто из наших не заходил. Гиблые места. Сердце Оставленного болота.

Я обернулся назад, на цепочку людей, ожидающих приказа.

– Мы сможем протянуть здесь неделю, а затем попытаться вернуться.

– Не согласен, – сказал милорд Рандо. – Мы окажемся на вражеской территории, и нас раскатают в лепешку.

– Лезть дальше – это верная смерть, – покачал головой проводник.

– Сколько отсюда до Брагун-Зана? Если напрямик?

– Дня три-четыре.

– Значит, мы стоим где-то на перешейке. В самой узкой части болота. Слева оно тянется на юг почти до предгорий. А справа – на север, к Пряным озерам. Если есть возможность пройти его насквозь – то только здесь.

Я мрачно посмотрел на желтоватую голую местность, на которой лишь кое-где торчали чахлые ольхи.

– Никаких дорог? Никаких троп? Никаких шансов? Никто не ходил дальше этого места? – уточнил я.

– Отчего же не ходили, сотник? Ходили. Только не возвращались. Трясины там. Была дорога. Лет двести назад, говорят, вела к развалинам. Но давно заросла. А те, кто знал, где она проходит – помалкивали. Так и померли вместе со своими тайнами.

– Вот так, собака! – неожиданно сказал Юми и сошел с гати в сторону. – Собака!

Уткнувшись носом в топкий мох, прыгая с кочки на кочку, он поспешил к ближайшему дереву, расположенному от нас ярдах в семидесяти, за заболоченным участком травы, совершенно не вызывающим у меня доверия.

– Вот так, собака! – до нас, несмотря на расстояние, долетел его писк.

– Это он чего? – нахмурился Трехглазый, выглядывая у меня из-за плеча, но ему никто не ответил.

Юми встал столбиком, как какой-то суслик, помахал нам передними лапами:

– Вот так, собака!

– Ждите меня здесь, – сказал я и, взяв палку у ошеломленного проводника, сошел с тропы.

– Серый, не валяй дурака! – забеспокоился Трехглазый.

Я отмахнулся.

Милорд Рандо решил не вмешиваться, за что я ему был премного благодарен.

Я осторожно шел по зыбкой земле, стараясь наступать на кочки, и посохом искал слабины в непрочном травяном ковре. Подо мной все ходило ходуном, однако не проваливалось. Возле подозрительного заболоченного участка я в нерешительности остановился, подумал, что следует обойти его, но, сделав шаг в сторону, услышал рассерженные вопли Юми.

– Ладно, дружище. Поверю тебе на слово, – пробормотал я, направился прямо... и почти сразу же провалился по колено.

Но испугаться не успел. Ноги нащупали под водой твердую поверхность и, если не считать резкого запаха, к которому мы уже привыкли, грязи, которой мы и так все давно перемазались по макушку, и воды, вновь залившей мне за сапоги, – все было в порядке. Меня не засасывало.

Чавкая, без передышки ругаясь, с трудом вытаскивая ноги и едва не теряя обувь, желаящую остаться в трясине, я добрался до островка, где меня дожидался Юми.

– Вот так, собака? – наострив лисьи уши, он участливо заглянул мне в глаза и бросился дальше, ловко прыгая с кочки на кочку, словно лягушка. Затем вернулся. – Вот так, собака!

– Можешь нас провести? – догадался я, присаживаясь рядом и переводя дух.

Он утверждающе чихнул и отряхнулся от влаги.

– Уверен?

– Вот так, собака! – твердо повторил он.

– Значит, дорога все-таки есть, – я задумчиво постучал пальцем по губам. – Как ты это делаешь?

– Вот так, собака! – он скромно потупил глаза, затем раздулся и скорчил такую рожу, что я при всей нынешней невеселой ситуации едва не покатился со смеху.

Наш маленький следопыт и разведчик стал напоминать уменьшенную копию Гбабака.

– Квагер рассказал?!

– Так!

Будь блазг сейчас с нами, скольких проблем мы бы избежали! Болота для Гбабака – дом родной.

– Давай сделаем вот что. Ты сбегашь дальше и проверишь, есть ли путь. Я пока поговорю с Рандо. Только будь осторожен.

– Вот так, собака!

Он убежал вперед, а я отправился в обратную дорогу.

– Не думаю, что это безопасно, но мы можем попытаться пройти, – сказал я рыцарю. – Похоже, здесь, действительно, есть старая дорога.

– Хорошо. Идем. Урве, передай по цепочке, чтобы все ступали след в след, – приказал Рандо.

Когда мы оказались на островке, он подошел к проводнику:

– Старики рассказывали что-нибудь еще об этом месте?

Парень пожал плечами:

– Да что рассказывают о трясинах, милорд! Место дикое. Мрачное.

Старухи пугают детей побасенками о всякой нелюди, некромантах и прочей темной дряни.

– Меня не интересуют страшные сказки. Вспомни про дорогу.

– Ну, говорили так, дорога дальше, вроде, была. Давно. Прямая, до Брагун-Зана. Будто раньше мы торговали с ниритами, и наш Ргеш жил хорошо. А потом болота все пожрали. В их сердце еще до Войны Некромантов был какой-то город, но его кто-то из Проклятых поразил тьмой. Ну... или еще как-то погубил. Это все, что я знаю.

– Юми говорит, что сможет найти тропу, – сказал я рыцарю.

Он прищурился, и его голубые глаза потемнели:

– У меня нет выбора. Либо идти назад, к набаторцам, либо вперед, в неизвестность. Последний вариант мне нравится больше.

– Мне тоже.

– Урве! Нужны люди! Человек двадцать!

– Что вы собираетесь делать? – поинтересовался я.

– Прежде чем продолжить путь, надо позаботиться о дороге. Нам нужны палки. Много палок. Если придется – будем укреплять тропу и разбирать мостки за собой...

Туман рассеялся лишь через два нара после рассвета, когда солнце на небе стало ярким. Только что он висел над миром плотной стеной, а уже через несколько минок исчез без следа, словно и не было. Прямые солнечные лучи золотили сухую траву и остова погибших берез.

Юми бежал впереди, то и дело опуская нос ко мху. Он был вымазан торфом и тиной по уши, но оставался самым счастливым существом во вселенной, так как ему поручили Важную Миссию. Тропу, или, во всяком случае, то, что ее хоть как-то напоминало, мой маленький приятель находил безошибочно.

Путь оказался страшно извилистым, мы петляли, словно пьяные зайцы, и не будь с нами вейи, лично я бы в жизни не рискнул пойти такой дорогой. На первый взгляд, Юми затаскивал нас в самую трясину, из которой не выберешься при всем желании, но на деле оказывалось, что более сухая и с виду безопасная земля, таила в себе гораздо больше опасности. Это нам продемонстрировал один из идиотов, решивших отойти по нужде. Едва ступив на вроде бы плотный участок, он ушел с головой в топи за четыре уны, и мы даже ничего не успели сделать.

Этот случай послужил уроком всем остальным, и больше без приказа с тропы никто не сходил.

Иногда местность вокруг становилась относительно сухой, появлялись

деревья – в основном худосочные лиственницы или березы. Но затем вновь начинался заболоченный ковер, и нам частенько приходилось идти по поясу в холодной, воняющей тухлятиной воде.

Мы пробирались среди сухих прошлогодних зарослей осоки, тростника и рогоза. Совсем пропали зеленые кустики брусники и пережившая зиму мороженая клюква, которую не успели склевать птицы. Последних здесь оказалось довольно много. Я видел и уток, и диких гусей, уже прилетевших с юга.

– Нам повезло, клянусь Угом, – как-то на привале сказал мне один из пяти оставшихся в живых северян, – когда потеплеет, здесь житья не будет от комарья и змей.

Я с ним согласился. Слава Мелоту, пока никаких насекомых и гадов. Даже пиявки, кажется, еще не очнулись от спячки.

Поначалу болото напоминало мне огромный желто-охряный ковер, но затем все чаще стали появляться торфяные островки, соединенные между собой узкими перешейками. Остальное пространство занимала вода. Безбрежно спокойная, черная, похожая на зеркало. Временами оно лопалось – со дна поднимались огромные пузыри газа. Несколько раз мы слышали громкие всплески, словно играет рыба, а Урве сказал, что заметил гигантский плавник. Но кто бы там ни жил, к нам он не лез. А мы не лезли к нему. И, как оказалось, правильно.

На одном из привалов Лентяй неудачно подбил утку. Подранок упал в воду далеко от нас, забил крыльями... и через несколько мгновений с глубины поднялась тень. Распахнулась и захлопнулась огромная беззубая пасть, плоский хвост поднял целый фонтан брызг, а затем чудовище скрылось. Я мало что успел разглядеть, но по моим расчетам гадина при желании могла сожрать и корову.

– Эта тварь сюда не доплывет? – Трехглазый остался хладнокровен, только его большие смешные уши-лопухи стали бледнее, чем обычно.

– Надеюсь, что нет, – сухо ответил горбоносый Урве. – Поспеш, приятель. Если выберемся, сможешь хвалиться всем рыбакам, какую рыбину ты чуть не поймал.

– Не уверен, что это рыба, – задумчиво отозвался лучник. – Я видел, по меньшей мере, одну пару рук.

Для ночной стоянки мы выбрали узкий кусок земли, заросший кустарником и березняком, который не продержался против наших топоров и полунара. Люди смогли развести костры, хоть как-то согреться и просушить одежду.

Юми, ввиду отсутствия Гбабака, считал меня своим лучшим другом, а потому трепался без остановки, чирикавая про «собаку». Я терпеливо сносил его болтовню, кивая в нужных местах (во всяком случае, я полагал, что они нужные).

Ребята кормили вейю на убой, хотя сами жили впроголодь – еды у нас было удручающе мало, если удавалось подстрелить и подобрать несколько птиц за день, это считали счастьем. Вообще, о Юми заботились все без исключения. Понимали, что он – наша единственная путеводная ниточка в Оставленных болотах. Когда малыш забегал вперед слишком далеко, лично я начинал серьезно волноваться, как бы его не слопала какая-нибудь тварь. Но пока, на счастье, все обходилось без приключений.

Дощебетав, вейя слопал ужин, собрал со мха все крошки, отправил их в рот.

– Вот так, собака?

– У тебя очень богатый внутренний мир, дружище, – серьезно сказал я ему.

Он сразу стал важным и улегся спать в хорошем расположении духа. Впрочем, плохое настроение у Юми случалось редко, а если появлялось, то мгновенно исчезало.

Я поговорил со своими людьми. Несмотря на усталость, держались они отлично, даже шутили. Северяне так вообще затянули на волынке, которую, несмотря на тяжесть пути, не пожелали бросить, какую-то тягучую мелодию.

Милорд Рандо нашел меня сам, отозвал в сторонку. Мы прошли на край острова и стали наблюдать, как болото вновь затягивает туман.

– Мы с тобой большой путь прошли, Нэсс, – неожиданно сказал он.

– Вы правы, милорд. Но это еще не конец.

– Очень надеюсь, что так.

Болото издало длинный тягучий звук, словно кто-то закричал. Затем вновь наступила тишина.

– Жутковатое место.

– Но когда вы слышали о тропе, сразу согласились рискнуть. Вам известно что-нибудь особенное о здешних трясинах?

– То же, что и всем, кто читал старые хроники. Раньше всего этого не было, – он указал рукой на черную воду. – Никакой топи. Множество кристально-чистых озер, питавшихся с рек, берущих начало в ледниках Катугских гор. Эти озера были гораздо больше тех, что сейчас называют Великими, не говоря уже о Пряных. Между Ргешем и Брагун-Заном стоял еще один город. Не слишком большой, но такой же древний, как Альсгара

или Гаш-шаку. Во время Войны Некромантов, пока основная часть сил Проклятых продвигалась на юг, в этих краях воевали Чума и Холера. Им противостояли Ходящие. Все, что ты видишь сейчас, появилось благодаря магии. Город был разрушен и проклят, дорогу к нему затянуло болотами. Ну, во всяком случае, так пишут в исторических книгах.

– Ясно, – сказал я. – Раньше маги хорошо резвились. Тут болота, там Брагун-Зан.

– Ты не прав. Мертвый пепел был таким с момента сотворения этого мира Мелотом. Проклятые здесь совершенно ни при чем. А ниристы жили рядом с Грох-нер-Тоххом с незапамятных времен, и он всегда дымил.

– А что за тропа, по которой нас ведет Юми?

– Могу предположить, что где-то рядом раньше проходила дорога Императора. Так ее называли в те времена. Смотри! – Он вскинул ладонь, указывая на небо.

Там, среди сотен звезд, вспыхнула одна. Кроваво-красная. За ней тянулся огненный хвост.

К исходу следующего дня отыскивать сухие островки земли оказалось все сложнее. На большинстве из них, слишком маленьких, невозможно было разместиться и нам приходилось топтать дальше, в поисках более удобного места для ночлега или отдыха.

Сотне с лишним воинов, похожих на вылезших из-под земли мертвецов, грязных и провонявших болотом, было непросто продвигаться вперед. Если первые еще шли по довольно плотному ковру мха, то под ногами последних он превращался в расползающуюся жижу. Наш отряд растянулся длинной цепочкой, которую замыкали неприхотливые северяне и двое моих лучших стрелков. Они-то в какой-то момент и сыграли свою роль.

Камыши внезапно закачались, затрещали, и оттуда выпрыгнула невысокая бурая тварь, напоминающая гротескного человека с несоразмерно большой косматой головой, впалой грудью и горбатой спиной. Но, прежде чем он успел метнуть дротик, ребята проткнули его стрелами.

Милорд Рандо тут же рассортировал лучников по длине всей цепочки.

Спустя два нара, среди жуткой трясины, на нас напало больше сорока таких существ. Юми, почуяв засаду, заорал про собаку, но мы просто не поняли, чего он хочет, а спустя несколько мгновений из зарослей полетели дротики, а затем твари, размахивая обсидиановыми топорами, бросились на нас. Их явно не смущало наше численное преимущество.

Лучники не теряли времени и расстреляли врагов за считанные уны, лишь несколько уцелевших скрылись в тростнике.

– Беречь стрелы! – заорал я.

– Пиявка! – кто-то звал лекаря.

В этой скоротечной схватке мы потеряли шесть человек. Еще двое сошли с тропы, но обоим нам удалось вытащить. Пока лекарь бинтовал раненого, я подошел к милорду Рандо. Рыцарь внимательно изучал убитого противника:

– Похоже, раньше эти твари были людьми.

Я посмотрел на кривые желтые клыки, торчащие из пасти мертвеца, и воздержался от комментариев.

– Вот так, собака, – укоризненно сказал нам Юми.

– Извини, приятель. Не разобрался, – повинился я.

– Урве! Проверь людей! Всех раненых в центр колонны. Удвойте бдительность! – приказал рыцарь.

Но недружелюбные местные к нам больше не лезли. Шлепали в отдалении, не рискуя приближаться на расстояние выстрела, кричали в спину на грубом, непонятном языке, а затем и вовсе отстали, как только мы миновали их территории.

На предмет, появившийся справа от нас, я поначалу не обратил особого внимания. Он торчал из топи под каким-то немыслимым углом, был оплетен рыжеватою, похожей на ползучее растение дрянью, и сверху до сих пор укрыт талым снегом.

– Что... это? – спросил у меня Пиявка, надсадно кашляя.

Как и многие из нас, он простыл, целые дни проводя в холодной воде.

– Без понятия, – ответил я.

– Это колонна, – предположил Трехглазый.

Я присмотрелся внимательнее:

– Нет. Не колонна. Может, дорожный камень. Вроде Лысого.

– Верно, – не оглянувшись, сказал милорд Рандо. – В старой Империи, еще при Скульпторе, такими отмечали перекрестки. Возле Корунна несколько сохранилось до сих пор. По ночам они светятся.

– Выходит, мы недалеко от города, милорд? – удивился Лентяй.

– Выходит, так.

К развалинам мы вышли уже в глубоких сумерках. Один из стрелков, идущий сразу за Юми, первым заметил далеко впереди тусклый свет. Чем ближе мы подходили, и темнее становилось вокруг, тем ярче разгорался огонь. Это не было обычное пламя, но сияние от него исходило теплое, желтое... живое.

Когда мы приблизились, оказалось, что светился дорожный камень, точно такой же, как мы видели несколько наров назад.

Город вырастал из густого охряного ковра, прятался в прелой траве, укрывался остатками редкого снега. Замшелые камни складывались в полуразрушенные стены. Большинство из них давно развалились, но часть все еще держалась, и можно было угадать очертания древних домов. Чуть дальше из-под воды торчал заросший мхом и растениями купол некогда колоссального здания. На нем все еще угадывались очертания горгулий.

Развалины тянулись ярдов двести. Могу предположить, что город был гораздо больше, но теперь его почти полностью поглотило болото.

Мы нашли несколько твердых каменных площадок, где и расположились на ночлег, предварительно расставив часовых. Многие солдаты собрались у небольших костров и смотрели на комету, вновь появившуюся в небе, как только исчезло солнце. Она выросла в размерах вдвое и теперь ничем не напоминала звезду, ее хвост не заметил бы только слепой.

Воины с интересом обсуждали это явление. Среди них сразу же нашлись те, кто заговорил о знамениях. В основном, конечно, темных. Ничего интересного, а тем более приятного, я в их историях не услышал. Сплошные бедствия, катастрофы и лишения. Как раз именно то, что сейчас происходило в стране.

У северян было свое мнение. Ша-гор, главный среди них, взялся поведать всем об Уге и его испытаниях для тех, кто любит сражаться. Я не любил ни сражения, ни испытания, поэтому отправился проверить часовых, а заодно посмотреть руины.

Возле одной из привлечших мое внимание невысоких стен я повыше поднял самодельный факел, вынул нож и поскоблил камни, затянутые плесенью. Она довольно легко счищалась, и минок через восемь расчистив вполне приличный квадрат, я отошел назад, чтобы рассмотреть картину целиком.

Краска сильно выцвела, но фигуры животных и рыб были все еще различимы. Справа из-под плесени выступил кусок какой-то темной проплешины, и, терзаемый любопытством, я вновь взялся за нож.

То, что открылось, мне резко не понравилось. Этот участок был обуглен. На нем отпечатался ярко-белый человеческий силуэт. Мужчина, судя по всему облаченный в доспех, заслонялся руками от неведомой мне угрозы.

Нечто подобное я видел в Башне. След от Сориты, которую поджарила ее ученица Тиф. И если к тому свидетельству убийства, произошедшему

много столетий назад, я отнесся равнодушно, то от этого у меня побежали мурашки по коже.

«О, Мелот! – мне показалось, что это охнула едва слышно Лаэн, и я вздрогнул от изумления. – Я была здесь! Бездна! Я помню это место!»

В ее голосе было столько удивления и ужаса, что в первую уну я не понял, что эти слова мне не чудятся. Она, действительно, говорила. Говорила со мной? Как тогда, когда я не смог удержать Шена и Рону!

Мое сердце готово было вырваться из груди.

Она жива!

– Лаэн, ты слышишь меня? – прошептал я. Руки у меня дрожали. – Ты меня слышишь?

– Да, – пришел тихий ответ.

Я сел и закрыл лицо руками. Я так хотел поверить в это!

– Не могла раньше... очень... мало сил...

– Ты во мне?! Как Тиф в Порке?

Бесконечная тишина, затем снова:

– Да.

– Но как это возможно?!

– Не знаю... Помню лишь... Когда пришли к Проказе...

Я слышал, как в паузах оглушительно стучит мое сердце.

– Я поняла... кто бы ни выиграл... мы все равно останемся в проигрыше. Проклятая смеялась над ними. Убивала некроманта за некромантом... сворачивала шеи... как цыплятам... Так упивалась этим занятием, что забыла обо мне. Ящик... где лежал «Гаситель»... я всадила в тварь нож... а затем бросилась бежать... И тогда почувствовала, что пришел кто-то из них... Потом... пробудившийся «Солнечный круг» затопил сознание. Мной кто-то управлял, подсовывал плетения... говорил, что следует делать. Я слышала голос Гиноры... От меня осталась лишь самая малость... и я знала только одно – надо увести тех тварей как можно дальше от тебя. А потом... потом случилось то, что случилось... Я уснула... Но этот город...

– Что? – затаив дыхание, спросил я.

– Здесь разлито много Дара... Я никогда не была... Но помню... рисунки и выжженный на камне силуэт!.. Этого просто не может быть!

В ее голосе тихом, как шелест ветра в старых могильниках, слышался страх.

– Возможно, тебе показалось. Быть может, ты где-то читала или видела нечто подобное.

Она очень долго молчала:

– За домом должна... быть птица. Проверь, пожалуйста.

Я понял, что она сказала лишь со второго раза. Сил у Ласки, похоже, почти не осталось.

Я сделал так, как она велела, и действительно, за стеной, среди рогоза, оказался монумент в виде раскинувшего гранитные крылья сокола.

– Забери меня Бездна! – выругался я. – Как ты могла о нем знать?!

– Мне... надо... подумать... – шепнула мое солнце, и я перестал чувствовать ее.

– Что с тобой? – спросил меня Трехглазый, когда я вернулся. – На тебе лица нет.

– Устал, – соврал я.

Пройдя мимо спящих солдат и усевшись рядом с костром, я мучительно размышлял, что теперь делать.

Как жить дальше? Как поступить?

Я вновь не один, пускай Ласка и слаба. Должен ли я теперь осторожничать, больше не рисковать, чтобы не погибнуть и тем самым не убить ее во второй раз?

Это было слишком трусливо, и вряд ли бы Лаэн хотела от меня именно такого выбора. Дрожать при каждом шорохе – это не для нас.

Можно ли ее вернуть? Шен погиб. У нас не осталось никаких шансов.

Я лег на плащ, но еще долго не мог уснуть. Ждал, когда придет Лаэн...

На следующее утро мы не досчитались одного часового. Что с ним произошло, так никто и не узнал. Ничего подозрительного ночью замечено не было, но когда появился туман, парня уже и след простыл. Разумеется, мы облазили развалины вдоль и поперек, однако даже северяне и Юми ничего не нашли. Возможно, солдат провалился в трясину, если его понесла туда нелегкая. А, быть может, какая-нибудь тварь решила поохотиться, или поблизости вновь околачивались болотные жители.

Как бы там ни было, мы отправились дальше.

К полудню тропа исчезла. Тот кошмар, что оказался у нас под ногами, можно было назвать чем угодно, но только не дорогой. Каждую уну я пытался нащупать шестом опору и полз со скоростью столь позорной, что порой мне начинало казаться, будто мы стоим на месте.

Люди то и дело проваливались, их приходилось вытаскивать из крепких, жадных лап топи.

– Не спи, – сказал мне Лентяй, когда я едва не ушел в тину с головой. – Витать в облаках будешь позже. Заменить тебя некем.

Как оказалось, твари, обитавшие в болоте, были не прочь нами закусить. Какой-то бледный стручок с кучей суставчатых ног и омерзительными длинными усиками выбрался из жижи, пронзил острыми клешнями одного из северян и попытался уползти обратно с добычей, но товарищи рыжего порубили хитиновый панцирь гадины в капусту, и следующий нар у меня в ушах звучали пронзительные визги подышающей твари.

В другой раз кочка сухой травы внезапно прыгнула на плечи милорду Рандо. Урве сбил ее себе под ноги, ударил кинжалом и едва не лишился пальцев. «Кочка», состоящая из огромной пасти и тоненьких паучьих лапок, даже в агонии пыталась кого-нибудь цапнуть.

Но больше всего хлопот причинили твари, вылетающие из-под воды. Они набирали приличную высоту, а затем, сложив перепончатые крылья, с нарастающим воем падали на нас. Их носы больше всего напоминали клинки, и приходилось быть очень проворными, чтобы избежать удара сверху. Одну носатую мне удалось подстрелить, потратив на это драгоценную стрелу, но остальных ее смерть ничуть не усмирила. Промахиваясь, они врезались в моховой ковер, пробивали его насквозь и скрывались под водой.

В одну из подобных атак солдат из десятка Квелло выставил над собой щит, «поймав» на него неугомонную «птичку». Она пробила дубовую, обитую металлом преграду насквозь, застряв в ней и ранив человека в руку. Пока Пиявка занимался перевязкой, а мы упражнялись в стрельбе, отряд потерял еще одного солдата.

Болотные твари оставили нас лишь после того, как мы вышли на более сухой участок, к чахлым березкам, на ветвях которых уже набухали почки.

Но за этой рощицей дорога исчезла.

Юми потратил больше нара, стараясь вновь найти тропу. Однако в итоге нам дважды пришлось возвращаться назад, потому что она обрывалась в «пустоту», а никто из нас не считал разумным пытаться переплыть большие водные пространства, кажущиеся обманчиво спокойными. По ним, словно корабли, величественно дрейфовали большие травяные острова.

Наконец, вейя обнаружил подходящий путь, и нам пришлось совершать утомительные прыжки с кочки на кочку. Палки, которые мы тащили для того, чтобы перекидывать мостки и делать разборные гати, помогали отнюдь не всегда. Того, кто промахивался, приходилось вытаскивать из быстро засасывающего болота. И все равно троих спасти не удалось. Я и сам «промазал», тут же провалился по пояс, и когда мне

бросили связанные между собой пояса, уже погрузился по грудь.

Болото, наблюдая за нашими жалкими попытками, тяжело дышало и раздражалось тоскливыми стонами. Я готовился пересмотреть свое мнение об этом месте. Раньше думал, что нет ничего хуже леса Высокородных. Похоже, Сандон проигрывал топям в своей отвратительности. И с очень крупным счетом.

– Мерзкий денек, – сказал Пиявка на очередном привале, присаживаясь рядом.

– Вот так, собака! – согласился Юми издалека, распушившись на кочке и вычищая из шерсти на брюхе комки вонючей грязи.

– Раны у двоих гноятся. Проклятая тухлая вода! Если так продолжится и дальше, то Изгою придется ампутировать руку. В здешних условиях это все равно, что убить его.

– Поговори с Юми, – посоветовал я, осматривая лук. – Парень родом из леса, что рядом с блазгскими болотами. Может, знает какую-нибудь травку.

– Как я с ним поговорю? – насупился лекарь, вставая на ноги. – Он произносит не так много слов.

– Скажи ему, в чем проблема. Главное, что он тебя понимает, а не ты его.

Меня беспокоил лук. Влага могла его испортить, а я не хотел, чтобы оружие подвело меня в ответственный момент. Но, судя по всему, волокна не были растянuty, и трещин я тоже не обнаружил.

Подошел хмурающийся и встревоженный Ра-лог – брат Ша-гора. Приветственно кивнул мне и обратился к Рандо, расположившемуся вместе с Трехглазым справа от меня:

– За нами идут.

– Давно? – рыцарь не показал волнения.

– Судя по всему – да. Они вспугнули птиц вон за теми деревьями.

Заросший огненной бородой северянин указал далеко на восток, где темнела едва видимая отсюда роща.

– Это мог быть и крупный зверь. Или образины с дротиками, – протянул я.

– Я отправил двух братьев.

Северяне, дыша, словно загнанные звери, вернулись через нар.

– Это Высокородные, милорд! – доложил один из них.

– Что?! – вскричал Трехглазый. – Остроухие?! Здесь?!

– Вот так, собака?!

– Мы не ошиблись, – глотнув воды, сказал другой варвар. – Эльфы.

Идут за нами. И с ними морты.

Кто-то выругался. Мы думали, что набаторцы отстали, но они пустили по нашему следу кровожадных ублюдков и ручных собачек некромантов. Высокородные слишком сильно ненавидят нас, чтобы оставить хоть призрачный шанс на спасение.

– Сколько их?

– Много. Гораздо больше, чем нас. Две, если не три сотни. Почти все из «Зеленого отряда».

Когда пограничники Сандона садились кому-нибудь на хвост, то преследовали до конца.

– Это место не подойдет для обороны. Слишком мало пространства, – процедил милорд Рандо. – Мы здесь даже не развернемся. Нужно срочно искать более удобные позиции.

У нас все еще была фора, пускай и небольшая. Эльфы ребята упорные, но болото – это не лес, и ползли они с гораздо меньшей скоростью, чем обычно ходят, лишь поэтому до сих пор нас не догнали. Я очень жалел, что топь не сразу сжигает наши следы, иначе бы заносчивые скоты никогда не смогли найти наш отряд.

Стемнело. На небе появился серп растущей луны, света от нее едва хватало. Комета злым красным глазом следила за нами. Мы брели по рыжей грязи, среди голых, почерневших деревьев. Туман ручейками вытекал из-под их корней и был густым, словно смола. В этом месте на островках оказалось удивительно много снега, хрустевшего под сапогами.

Земля под ногами ходила ходуном, но выдерживала наш вес. Под ней находилась прожорливая трясина. Совершенно незаметно для нас в воздухе появились искрящиеся голубые светляки – над болотом танцевали блуждающие огоньки. Они привлекали наше внимание, звали за собой, но мы плевать на них хотели. Все мысли были заняты исключительно эльфами, дышащими в затылок отряду.

В какой-то момент среди мертвых берез и осин появилась проплешина, и земля закончилась. Впереди, насколько хватало взгляда, была вода. Здесь дул ветер, и туман жался поближе к многочисленным мелким островкам.

Юми понюхал воздух и разочарованно сказал:

– Вот так, собака!

– Он потерял дорогу? – испугался Трехглазый.

Я не ответил, потому что мгновение назад вернулся в свой сон, виденный в ту ночь, когда нас взяла в плен Проказа. Прямо передо мной росло похожее на трезубец дерево.

Я быстро заозирался, вспоминая направление. В отличие от сна было темно, и я скорее почувствовал, чем увидел, спасительное место, расположенное от нас в четырех сотнях ярдов.

– Что ты делаешь?! – заорал Урве, когда я сошел с тропы и ткнул шестом в темную воду.

– Не мешай! – огрызнулся я.

На меня снизошло озарение. Я не знал, что конкретно ищу, но был уверен, что *оно* здесь. Весь отряд с напряженным вниманием следил за спятившим сотником. Но, по счастью, мне не мешали. Юми бежал следом, пробовал воду лапкой и пищал:

– Собака? Собака?!

Каждый раз мой шест почти полностью проваливался вниз, но я не терял надежды, и наконец-то был вознагражден. Палка погрузилась в воду лишь на четверть, стукнувшись о камень.

– Вот так, собака!

Я, убедившись в надежности подводной опоры, прыгнул первым. Воды было по бедра.

– Здесь что-то вроде каменной тропы, – обратился я к милорду Рандо. – Думаю, можно пройти.

Не желающий плавать Юми залез мне на плечи. Он показался ужасно тяжелым, но я не возражал. Медленно направившись вперед, словно слепой я нащупывая дорогу перед собой. Подводная тропа была ровной и достаточно широкой, чтобы не свалиться. Сразу за мной прыгнул рыцарь, а за ним потянулись все остальные.

– Держать луки и арбалеты наготове! – велел Рандо, который, как и я, заметил чуть левее от нас какое-то движение.

Вода отвратительно воняла, пузырилась и лопалась, брели мы еле-еле, но, наконец, впереди появилось то, что я ожидал увидеть.

– Ты знал об этом месте? – спросил рыцарь у меня за спиной.

– Вроде того, – неопределенно отозвался я.

Из воды поднимались двенадцать ступеней, ведущих на большую квадратную площадку. В ее центре возвышался четырехгранный, широкий у основания шпиль высотой в добрых тридцать ярдов. Он был точно таким же, как в моем сне – старым, словно мир. Рядом с ним стояли Лепестки Пути. Один из семи зубьев оказался обломан.

Потрясенные люди выбирались из воды, оглядываясь по сторонам. Почти никто из них раньше никогда не видел творений Скульптора.

– Отличное место, – сказал милорд Рандо. – Здесь мы их и встретим.

Он был прав. Перед нами лежали четыреста ярдов открытого,

прекрасно простреливаемого пространства. Нападать враги смогут лишь по одиночке, иначе рискуют увязнуть в топи. Здесь можно было сдержать и десять тысяч, не говоря уже о сотнях. Эх, если бы еще стрел у нас было побольше!

– Отсюда идет дорога на запад. Хорошо сохранившаяся, хоть и заросшая, – сказал, вернувшись, бородатый Ра-лог, проверявший местность вместе с Юми.

– Двинемся дальше после того, как разберемся с преследователями, – ответил милорд Рандо, а затем обратился ко мне:

– Передай людям, чтобы отдыхали.

У нас в запасе был нар, если не полтора. Вполне можно урвать кусочек сна.

– Может, они потеряют след? – произнес Трехглазый, присаживаясь рядом со мной.

– Не дождешься, – буркнул я, пытаясь докричаться до Лаэн. – Высокородные – твари упорные. Они хуже пиявок. Рано или поздно найдут дорогу.

Так и случилось.

Орава парней в грязных зеленых тряпках появилась сразу после рассвета. Нас они тут же заметили. Кто-то из наших заулюлюкал и помахал руками, приглашая в гости и обещая теплую встречу. Особо умные показали заносчивым ублюдкам задницы. Думаю, это должно было сильно разозлить остроухих. Подобных методов приветствия они не одобряли. Поэтому зашевелились.

Мы с интересом наблюдали за ними. Квелло отпускал остроумные комментарии.

– Если они не идиоты, то сюда не полезут, – изрек Пиявка.

– У них нет другого выбора, – пожал я плечами. – Отпустить нас – значит запятнать свою честь. В первую очередь перед собой. «Зеленый отряд» не сдастся. И еще реже проигрывает битвы.

– Но в этот раз они проиграют. У них ни щитов, ни тяжелой брони, – прищурившись, заметил милорд Рандо. – Сколько с ними муртов?

– Шесть, – ответил Ра-лог.

– Стрелки! – крикнул я. – Готовьте срезни!

Мурта очень тяжело поразить обычной стрелой. Даже если пробить эту тварь насквозь, она все равно бросится на тебя и выпустит кишки. Другое дело хороший, сделанный в Морассии, срезень. При должной удаче он остановит живучую гадину. Особенно, если стрелять в упор.

– Нашли тропу, – коротко сказал милорд Рандо, обнажая меч.

– Твари! – Урве сплюнул себе под ноги. – И вправду вперед пустили мортов!

– Их не жалко, – пожал плечами Трехглазый, беря в руки лук.

– Махоч, Квакушка, Трехглазый! – позвал я.

С такой задачей справятся и четверо. Здесь нужна не кучность, а точность. У нас были самые мощные луки в отряде, и могу сказать с чистой совестью, стреляли мы неплохо.

Тем временем Рандо с несколькими воинами встал напротив лестницы на случай, если морты все-таки до нас доберутся.

Воины пустыни побежали по подводной тропе, а за ними вереницей шли Высокородные, вооруженные короткими копьями и арбалетами. Морты безошибочно находили дорогу и прибавили прыти, вырвавшись вперед. Мы не могли расстрелять их с самого начала и дожидались, когда останется лишь четверть расстояния.

Первым начал я, отправив стрелу с серповидным наконечником по прямой. Она ударила желтоглазую гадину точно под подбородок, перерубая шейные позвонки. Тварь упала в воду, и в этот момент стрела Трехглазого уже уколошила следующего.

Квакушка всадил срезень в плечо третьего, его развернуло, и Махоч добил морта вторым выстрелом. Вновь пришла моя очередь, и на этот раз я опять был точен. Двоих оставшихся мы добили в упор, уже возле ступеней.

Ша-гор разочарованно заворчал – ему работы не досталось.

Эльфы, тем временем, прошли половину пути.

– Не спать! – крикнул я. – В линию. Семь пальцев! Цельтесь точнее!

В воздух по крутой духе взлетела целая стая стрел. Они упали кучно, прямо на головы остроухих, хорошо проредив их ряды.

Мы успели сделать четыре залпа, прежде чем они открыли редкий огонь из арбалетов. Он не причинил нам вреда. Мы вовремя отступили за мечников, прикрывших нас щитами, и теперь стреляли из-за плеч товарищей.

В воде плавало достаточно много тел, еще больше засовывала себе в глотку топь.

Рандо, находящийся на острие клина, рубил мечом древки коротких эльфийских копий, останавливая атаку и позволяя стоящим по бокам от него северянам крушить головы остроухих. Враги, из-за узости тропы, могли атаковать только по двое. Несколько эльфов попытались запрыгнуть на площадку, презрев опасность, но им это не удалось. Тогда в воздух взметнулись сети.

Милорд Рандо, попав в них, пытался вырваться, его ударили копьем, и

если бы не северянин, отбивший оружие в сторону, быть бы рыцарю покойником. Повинуясь приказу Ра-лога, спутанного командира оттащили назад, под прикрытие щитов. Кроме него еще несколько наших воинов попались в эльфийские паутинки. Из-за этой заминки образовалась брешь, в которую тут же полезли Высокородные.

Они старались закрепиться на пяточке, а мы попытались отбросить их обратно.

Несмотря на удачное для нас начало боя, эльфов оставалось под сотню. Многие из нашего отряда ни разу не сталкивались с выходцами из Сандона и не знали, насколько «Зеленый отряд» серьезный противник в рукопашной. Высокородные стремительно смяли наши ряды. Завязались отдельные потасовки. Я скомандовал лучникам рассыпаться и стрелять в тех, кто все еще находился на тропе. Нас прикрывал десяток Квелло. Юми тратил последние отравленные колючки, плюясь редко, но метко. Освобожденный милорд Рандо сражался спина к спине с Урве.

Эльфам не удалось воспользоваться своим преимуществом. Наши держались и дрались, как бешеные псы. Я растратил все стрелы, положил лук, взялся за меч и бросился в свалку.

Вода кипела. Кровь погибших привлекла внимание неизвестных мне тварей. Их черные, лоснящиеся, кольчатые тела выныривали из топи, хватали мертвецов зубастыми пастями, вырывали из них куски плоти и вновь скрывались под водой. Возле самых ступеней, огромные черви свились в грандиозный, блестящий, пульсирующий клубок.

– Что за отвратительные гадины! – с омерзением сказал Махоч.

Никто ему не ответил. Несмотря на преимущество наших позиций, мы потеряли почти половину отряда. Высокородные устроили нам хорошую трепку, прежде чем отправились в Бездну, где им самое место.

Пиявка, обрабатывая многочисленные раны солдат, сбивался с ног. Милорд Рандо отрядил ему в помощь двоих более-менее смыслящих в этом деле солдат. Я снял тетиву с лука и сел у Лепестков Пути, привалившись к шпилью спиной.

Меня клонило в сон. Почти двое суток на ногах давали о себе знать. Я порылся в сумке, нашел сухарь и решил разломить его на две части, когда вернется Юми.

Вейя явился через нар. Он был мокрым, но совершенно счастливым. В лапах парень держал целый пук стрел, которые мы выпустили в эльфов. Оставалось лишь удивляться, как его не сожрали местные обитатели, набежавшие сюда со всего болота.

Он посмотрел на мой опустевший колчан, выложил свой улов и сказал:

– Пригодицца!

– Что? – опешил я.

– Вот так, собака! – с невинной рожей пояснил он, и я, все еще пребывая в замешательстве, отдал ему весь сухарь.

Он его заслужил как никто другой.

Глава 13

Ночью начался дождь – первый в этом году. Альга проснулась и долго лежала в темноте с раскрытыми глазами, слушая, как тяжелые капли барабанят по жестяному подоконнику.

Этот умиротворяющий стук заставил ее вновь вспомнить осень, когда закончилось ее детство. Тогда тоже шел дождь, и мать с отцом собирали вещи, чтобы отвезти дочку из Корунна на юг, в Долину, где ее ждало обучение и где уже несколько лет жила Рона, у которой, как и у младшей сестры, был Дар.

Альга с улыбкой припомнила, как сильно она тогда не хотела никуда ехать, оставлять родителей, покидать дом, жить в Радужной долине рядом со страшными величественными Ходящими и самой становиться такой же, как и они.

Маленькая девочка сидела у окна, по запотевшему стеклу текли падавшие с серого неба капли. Они оставляли за собой длинные водяные дорожки, таяли, сливались друг с другом. Дождливая осень, упав на город, закрыла тучами вершину Колоса и изменила жизнь Альги навсегда. Укладывая в мешок любимую тряпичную куклу, которую на пятилетие подарила Рона, будущая Ходящая плакала навзрыд.

Через полтора месяца она оказалась совершенно в другом мире. Там, где правила «искра», а вместе с нею – великие женщины и мужчины. Мудрые, добрые и могущественные. Где к звездам поднимались прекрасные башни, а красота многочисленных залов затмевала все, что она когда-либо видела. Но даже несмотря на это, несмотря на то, что ее никто не обижал, а учителя были добры к ней – Альга продолжала скучать по родителям и очень хотела вернуться домой.

Днем она держалась, а ночью частенько плакала. Если бы не старшая сестра, ей бы пришлось совсем худо. Хотя занятия занимали у Роны все свободное время, девушка старалась быть рядом с Альгой как можно чаще, взяв ее под свою опеку. Она помогла девочке пережить первые полгода, оказавшиеся самыми тяжелыми.

Теперь юная Ходящая не могла представить, как бы сложилась ее дальнейшая жизнь, учеба и карьера, если бы тогда сестры не было бы рядом.

Альга выбралась из-под одеяла, опустила босые ноги в сапожки, в полной темноте прошла по скрипящим половицам к узкому окну и

прислонилась лбом к холодному стеклу.

– Бум. Бум. Бум, – капли продолжили падать на жестяной подоконник. Была глубокая ночь. Ни звезд, ни луны, ни кометы, ни огонька.

Девушка думала о сестре, уехавшей из Долины в Гаш-шаку еще в конце прошлой весны. С тех пор они не виделись. Война началась неожиданно, и лето – душное, с горячими ветрами, приносящими запах сохнувшей, отдающей горечью полыни – было тревожным. Новости с юго-востока приходили одна хуже другой. Многие учителя отправились к Альсу и Окни, чтобы сдержать некромантов, а те, кто остался в Долине по приказу Башни вместе с учениками, не находили себе места.

Альга очень боялась за Рону, особенно когда узнала, что противник, практически не встречая сопротивления, идет к городу Скульптора. Теперь она могла только надеяться, что та жива и здорова. Гаш-шаку пал, и лишь Мелот знал, что сделали враги с его жителями и с теми, кто сражался за них. Вряд ли Ходящих пожалели. Те, кто воюет на стороне Проклятых, не могут испытывать жалость. Альга знала это.

– Держись, сестренка, – прошептала она, глядя в непроглядную ночь. – Только держись.

За тонкой стенкой кто-то тихо застонал во сне, и вновь наступила тишина.

Девушка вернулась на кровать, села, укрывшись одеялом. Она продолжала беспокоиться и о том, что случилось с ней самой. Безумный колдун, ищущий какого-то Целителя... У Ходящей не было даже предположений, что происходит.

Продолжают ли ее искать сейчас? Если да – смогут ли найти? Видит Мелот, она старалась быть незаметной, но в жизни все возможно. Любой из тех, кто рядом, мог оказаться врагом.

Для себя Альга решила, что больше не попадется. И если надо – уничтожит врагов без колебаний. За прошедшие месяцы она научилась убивать.

Пугало ли ее это? Да. Конечно. Особенно ночью. Но ни мертвецы, ни призраки не беспокоили ее. Умом Ходящая понимала – все те, кого она отправила в могилу, заслужили это. Сдисская колдунья, господин Дави, Хрип и Топор – хотели причинить зло, и поплатились.

Впервые после того, как очнулась у жриц, Альга воспользовалась Даром и зажгла у себя на ладони маленького бирюзового светляка. Ученица Галир долго-долго смотрела на волшебное насекомое, стараясь забыть обо всех бедах, как о кошмарном сне.

Молоко было свежим и теплым, а у меда оказался приятный привкус гвоздики. Голубь, щедро приправленный розмарином, давно остыл, черный хлеб почти зачерствел, а плотный, слегка желтоватый деревенский сыр обладал странным привкусом, но Альга не слишком сильно обращала на это внимание.

Заняв единственный пустой столик, она, не спеша, завтракала, изредка поглядывая по сторонам и прислушиваясь к беседам. Постояльцы говорили громко, жестикулировали и даже спорили. Трактирщик и слуга ввязались в разговор, забыв о делах, но никто их не подгонял. Почти все оставили еду. Женщина, что везла войлок, украдкой утирала слезы.

Альга упрямо продолжала есть, мрачно уставившись на вполовину опустевший стакан молока. Новости, которые принес гонец, заскочивший сюда перекусить, были ужасными. Полный разгром остатков Западной армии под Ргешем, поход Митифы к Брагун-Зану и скорый удар по западной границе, стремительное наступление Оспы по направлению к Великим озерам, четыре победы подряд, одержанные Чумой, захват и разгром Ульса. Теперь Проклятым открылась прямая дорога к Корунну, и вряд ли их можно сдержать.

Все понимали, что меньше чем через месяц война придет сюда.

– Вы позволите, госпожа?

Девушка подняла глаза и увидела всадника, которого обоз встретил прошлым днем. Оставшееся до деревни расстояние они проделали вместе, но Ходящая ни разу с ним не заговорила и даже имени его не знала.

Альга собиралась отказать, запнулась, неуверенно нахмурилась, чувствуя себя неловко. Она не хотела быть грубой, но после встречи на дороге с «гонцом» и господином Дави опасалась незнакомых путников.

– Простите. Я совсем забыл о манерах, – мужчина поклонился, придерживая меч. Он расценил ее колебания по-иному. На западе Империи существовал обычай, что сесть с человеком за один стол можно лишь зная имена друг друга. – Лофер рей Гант к вашим услугам.

– Рона, – представилась она именем сестры, не желая называть свое, и, скрепя сердце, добавила: – Пожалуйста, садитесь, милорд.

Мужчина подал знак трактирщику, отвлекая его от обсуждения новостей и, бросив на лавку перчатки для верховой езды, принялся ждать еду.

– Молоко? – сказал он, глядя на ее завтрак, и почему-то улыбнулся. – Не любите шاف, госпожа?

– Не люблю, – коротко ответила девушка, с раздражением ставя стакан на стол. – И, пожалуйста, не называйте меня госпожой. Будь я ею,

путешествовала бы в карете, а не на телеге.

– Карета, одежда, драгоценности – это все преходящее. Они ровным счетом ничего не значат. Но я с радостью исполню вашу просьбу, Рона. И не буду произносить это слово, раз вам оно не нравится.

Ему принесли шаф и точно такого же голубя с сыром и хлебом, как у Альги. Вооружившись кинжалом, Лофер начал есть, и повисло молчание. Ходящая допила молоко, отодвинулась к стене, прислушиваясь, как старший каравана спорит с одним из стражников, сможет ли Колос защитить Корунн.

– Если нам не помогут мечи, то вряд ли поможет и магия, – сказал Лофер, отодвигая тарелку. Он довольно быстро расправился с завтраком.

– Вы не верите в силу Колоса?

– Я не верю в то, чего не видел своими глазами. Слухи – плохой способ защитить страну. Полагаться на них – последнее дело. Врата Шести Башен считались неприступными, а Лестница Висельника – непроходимой. И кому они принадлежат теперь?

– Вы воевали, милорд?

– Конечно. Мой полк был под Альсом, когда все началось. «Имперские Леопарды». Слышали?

Она с сожалением покачала головой.

– Попали в переделку. Затем еще в одну, уже возле Слепого кряжа, – продолжил воин.

– Однако вы все-таки смогли пробраться на север.

Его лицо помрачнело:

– Надеюсь, не я один. На дорогу ушла вся зима.

– А как вы попали сюда? Я слышала, что ворота Клыка Грома приказали закрыть.

– В начале весны их вновь открыли. Набатор так и не добрался до Лоска. А откуда вы? – поинтересовался он.

Она назвала город, где ее приютили жрецы.

– Надо же, – удивился Лофер. – Никогда бы не подумал. У вас очень чистая речь и нет акцента, свойственного этой местности. Я скорее бы предположил, что вы из Корунна, несмотря на то, что очень похожи на уроженку юга страны.

– Многие ошибаются, милорд, – она впервые улыбнулась.

Он вернул ей улыбку, убрал кинжал в ножны:

– Спасибо за приятную компанию, Рона.

– Вы спешите?

– Да. Но, к сожалению, пока мы не минуем леса, а это еще три дня,

мне придется путешествовать вместе с вами.

– Почему?

– Старший стражник попросил меня об услуге, – пожал плечами рыцарь. – Говорят, на тракте к Айрнкрогу видели лихих людей. Лишний меч может пригодиться. Доброго дня.

Он откланялся, бросил на стол монету гораздо более крупную, чем стоил завтрак, и на ходу сказав что-то трактирщику, вышел. Девушка еще немного послушала разговоры. Теперь обсуждали гибель Рована. Все сходились во мнении, что Мелот поразил Проклятого молнией.

Стараясь сдержать улыбку, Альга полезла в кошелек, но хозяин заведения отказался принять плату, сказав, что молодой господин уже за все заплатил.

После ночного дождя прозрачный воздух звенел весенней свежестью, и Альга не уставала вдыхать его пьянящие ароматы. Лес благоухал весной. Первой зеленью. Одурающим теплом, таким приятным после долгой, темной, тяжелой зимы. Стоящие вдоль дороги стройные березы купались в нежно-салатовой дымке, которая окутывала каждую их веточку. Молодые листики только-только проклюнулись из почек, но девушка знала, что уже к концу недели лес оденется в новый наряд.

Редкие сосны, встречавшиеся в основном на небольших пригорках с песчаными склонами чуть в отдалении от дороги, сверкали золотой корой и, казалось, были продолжением солнечных лучей, падающих с чистого, умытого небосвода.

Вокруг звенела лесная многоголосица. Прилетевшие из-за Катугских гор птицы, пытаясь перекричать друг друга, порхали между ветвей и носились над обозом, не обращая внимания на людей.

Несмотря на необъяснимую тревогу, охватившую ее еще ночью, Альга радовалась замечательному дню. На какое-то время она даже забыла обо всех приключившихся с ней бедах и о том, что к ногам вновь подступает предательская слабость, а вечером из носа опять текла кровь. Девушка наслаждалась весной, которую любила больше всех других времен года.

Милорд Лофер ехал чуть впереди ее телеги, сразу за одним из стражников. Он не сказал за время пути ни одного слова. Все его внимание было приковано к лесу, хотя внешне рыцарь выглядел совершенно спокойным.

Трижды обоз останавливался, давая отдых лошадям, затем все обедали в одной из маленьких деревушек, расположенных на тракте. Дорога здесь была не слишком оживленной, за весь день путников лишь два раза

обгоняли гонцы, спешащие с новостями в сторону столицы, и один раз встретился обоз, точно такой же, но едущий из Айрнкрога.

Старик-возничий на телеге девушки впервые на ее памяти перестал ругаться и тихо напевал песни одну за другой. Когда он не сыпал грязными словечками, голос у него оказался неожиданно чистым, глубоким и очень красивым. Альга даже заслушалась.

На седьмой песне, повествующей о тяжелой жизни торговцев, из березняка полетели арбалетные болты, ударив по голове маленькой колонны. Завизжали женщины, закричали схватившиеся за оружие мужчины, заревели выбирающиеся на дорогу нападающие.

Старик резко натянул вожжи и проворно юркнул под телегу. Выскочивший из кустарника бородатый мужик, взмахнув секирой, ударил спасавшуюся бегством торговку войлоком, бросился к Альге, оскалился, но в следующее мгновение на него налетел милорд Лофер, рубанул мечом по голове и тут же упал сам, получив болт в грудь.

Альга, спрыгнув на землю, бросилась к рыцарю, несмотря на кипящий вокруг бой. Над ним уже стоял разбойник с занесенной булавой, и Ходящая ударила морозным плетением, превратив человека и березы за его спиной в ледяные скульптуры. Кто-то закричал, девушка, почувствовав всплеск, отпрыгнула в сторону, закрываясь щитами. Зеленая пыль, упав на телегу, дорогу, людей и лошадь, вспыхнула.

Альга увидела некроманта – совсем молодого черноволосого парня в крестьянской рубахе. Услышала чей-то резкий окрик:

– Не смей, Реза!!!

Но тот, явно находясь в горячке боя, или не услышал, или не пожелал услышать. Удар зеленого сгустка отбросил Ходящую к кромке леса. Девушка почти не почувствовала атаки и падения, щит смягчил их. Встав на колени, с ненавистью глядя в лицо Белого, она швырнула в него череду плетений, каждого из которых хватило бы, чтобы убить караван верблюдов и, уже зная, что разобралась с колдуном, бросилась в лес.

Теперь она не сомневалась. Нападение было совершенно исключительно из-за нее. Ее вновь нашли!

Альга бежала прочь, петляя между берез и жалея, что здесь слишком светлая и открытая местность для того, чтобы спрятаться. Над ее ухом прожужжала пчела, и левое плечо ожгло холодком, от него к локтю, а затем к пальцам, пробежала щекотка, и на долгую минку девушка перестала чувствовать руку.

Щит, вобравший в себя большую часть парализующего плетения, задрожал, и Ходящая почувствовала, что начинает терять власть над своей

«искрой». Она многое знала из своих странных снов, многое умела, многое придумала и часть из этого смогла воплотить в жизнь, но все еще не умела подолгу сражаться с опытными противниками. Ее потенциал был гораздо слабее ее знаний и умений, и Альга все еще не была уверена в себе настолько, чтобы устраивать затяжной поединок с неизвестными.

На ходу она швырнула за спину плетение, впитавшееся в землю и превратившееся в ловушку, которая должна была если не убить, то надолго задержать преследователей. И, не разбирая дороги, неслась прочь, пока человеческие крики не затихли в отдалении.

Потом спустилась в распадок, где бежал ручей, поднялась на противоположный склон и, продолжая путать следы и все время менять направление, устремилась к пригоркам, где росли сосны.

Несколько раз Ходящая останавливалась и прислушивалась, но лес оставался таким же чистым, радостным и светлым, как утром. Ничто не тревожило птиц в кронах, однако Альга все равно была настороже. Она не думала, что будет делать позже, куда пойдет и как выберется из чащи. Сейчас ей хотелось только одного – уйти как можно дальше от места нападения на обоз.

«Как же меня нашли?!» – в отчаянье думала она.

По склону, засыпанному прошлогодней хвоей, беглянка забралась наверх, оглянулась и, убедившись, что никого нет, с облегчением прижалась к теплему древесному стволу. Ее сердце колотилось как бешеное, готовое вот-вот выскочить из груди. Ходящая с трудом дышала, а руку вновь начало покалывать. Девушка медленно села, стараясь немного успокоиться.

– Я буду сильной, – произнесла она, словно эти слова были самой надежной молитвой. Альга упрямо закусил губу, но на глаза все равно набежали предательские слезы.

Ей было ужасно, невыносимо жаль тех, кто погиб из-за нее. И рыцаря, и торговку войлоком, и всех остальных. Видит Мелот, если бы она только знала, к чему приведет ее путешествие, то никогда бы не стала причиной такой участи для этих людей!

– Кто бы ты ни был, когда-нибудь ты пожалеешь, что искал меня, – прошептала девушка.

Краем глаза справа от себя она скорее ощутила, чем почувствовала, движение и резко повернула голову в ту сторону. Вооруженный арбалетом лысый мужчина бесшумно двигался по лесу, переходя от дерева к дереву и прислушиваясь. Альгу он пока не замечал. Неизвестный явно собирался отрезать ей путь, дождавшись в засаде, даже не предполагая, что девушка

уже здесь.

Человек остановился, снова прислушался, скользнул по застывшей Ходящей взглядом, вздрогнул, и... умер. Альга, вскочив, метнулась прочь от тела и вдруг увидела, что путь ей преграждает массивный светловолосый, светлоглазый мужчина. Он улыбался.

Девушка бросила в него огненными искрами, но те, попав в человека, погасли. Он, в ответ, попытался заблокировать ее «искру», но ученица Галир была готова к этому и смогла сдержать натиск. Вновь ударила, и вновь неудача.

Мужчина замерцал, стал полупрозрачным, ускорился, как это делал господин Дави. Нечеловечески быстрый, он больше не дал себя задеть и в какой-то миг навис над испуганной Альгой, а затем нанес удар, и сразу стало очень темно.

Она пришла в себя от железного привкуса во рту. Что-то неохотно текло по левому виску на щеку и дальше, на подбородок. Голова раскалывалась, во лбу пульсировала тупая, настырная боль. Ее сильно мутило, и девушка сжала зубы, чтобы не застонать. Попытавшись дотянуться до «искры», Альга осознала, что опять отрезана от нее. И стена на этот раз была гораздо крепче, чем в прошлый. Преодолеть ее не получилось.

Ходящая была слишком слаба, чтобы бороться. Ей, связанной по рукам и ногам, словно какому-то дикому зверю, едва хватало сил, чтобы удержать себя в сознании.

С трудом подняв веки, Альга с удивлением поняла, что с тех пор, как ее столь ловко поймали, прошло совсем немного времени.

Солнце почти не сдвинулось с места, весенний день был ясным, солнечным и приветливым. Девушка лежала на дороге, на обочине которой горела телега. Рядом с ней валялось тело старика, который еще совсем недавно пел песни.

В носу защипало, и из глаз Альги потекли предательские слезы.

– Эй! Этот еще жив! – раздался крик.

Скосив глаза, девушка увидела стоящего над милордом Лофером бородатого мужика с кинжалом.

– Так добей его, – безразлично посоветовал кто-то за ее спиной.

Разбойник улыбнулся, но тут в воздухе громко захлопали крылья, и рядом с раненым рыцарем опустился большой ворон. Растопырив крылья, он хрипло каркнул.

– А ну-ка, стой! – рявкнул за спиной Альги тот же голос, но теперь в

нем не было безразличия.

Неизвестный перешагнул через девушку, и она узнала массивного колдуна. Человек с кинжалом поспешно отошел от воина, недоуменно косясь на птицу. А колдун присел на корточки перед раненым, что-то сказал ворону на сдисском, и тот, вновь каркнув, улетел.

– Маганд, – сказал колдун. – Перевяжи его, взваливай в седло, вези в ближайшую деревню, ищи лекаря.

– Он все равно сдохнет, – проворчал несостоявшийся убийца, убирая кинжал.

– А это уже не наше дело. Если и умрет – кто следует будет знать, что мы сделали все, что смогли.

– Что мне сказать в деревне? Люди начнут задавать вопросы.

– Соври что-нибудь. Дай лекарю денег за молчание. И не скупись. А затем догоняй нас.

– Как скажите, господин Ка, – не стал спорить Маганд.

Широкоплечий некромант подошел к Альге, без труда, словно пушинку, поднял ее с земли, перекинул через седло.

– Нам предстоит долгий путь, девочка.

Глава 14

С болота, которое мы миновали совсем недавно, напал туман. Он появился еще до рассвета и теперь затягивал влажный лес неприятной пеленой, опутывая вязкими руками заросли ольхи, растущие вдоль ручья. Грубая красноватая кора деревьев казалась тусклой, матовой. А разбросанные по земле прошлогодние шишки, размокшие от таявшего снега, превращались под сапогами в осклизлые бурые комочки. Где-то в ветвях хрипло каркал ворон.

Я, вместе с четырьмя стрелками – Квакушкой, Махочем, Трехглазым и Рвачом, а также тремя северянами и десятком Квелло, ждал возвращения Юми. Остальной отряд дожидался нас в условленном месте, ниже по ручью, возле самого болота.

– Проклятый туман, – пробормотал высокий и нескладный Махоч.

– И ворон каркает. Это не к добру. Увижу – подстрелю, – поддержал его Квакушка, бледный парень с лягушачьей улыбкой. Он посмотрел вверх, на сплетенные ветви, но никого не увидел.

– Заткнулись бы вы лучше, – беззлобно посоветовал я им, перебирая алые чётки Матери Ходящих. – Птицу оставь в покое. У нас не так много стрел.

– Ты не прав, Серый, – укорил меня тот. – Многие говорят, что вороны служат Проклятым. Выведают для них всякое разное.

– Ты-то Проклятым особенно нужен, – усмехнулся Трехглазый, стоявший от нас в нескольких ярдах.

– Что-то не видно твоего приятеля, Серый. Он не заблудился? – Махоч последние несколько минок не находил себе места.

– Не нервничай, – отозвался я. – Придет.

Чтобы преодолеть Оставленные болота, понадобилось гораздо больше дней, чем мы думали. Но, на наше счастье, после Лепестков Пути дорога стала не в пример легче, чем прежде, и отряд выбрался на сухую землю без всяких происшествий, не потеряв больше ни одного человека.

Оказавшись на западной стороне трясины, мы не знали, как далеко за это время продвинулась Митифа, и есть ли сейчас набаторцы на землях, что протянулись между трясиной и Брагун-Заном.

Из тумана выскочил Юми. Его бока вздымались, шерсть стояла дыбом:

– Вот так, собака!

Я убрал чётки в сумку:

– Кажется, у нас проблемы.
– Знать бы еще какие, – процедил Махоч.
– Хотя бы намекни, – обратился я к вейе, присаживаясь на корточки. – Люди?

– Вот так, собака! – отрицательно помотал он головой и, сделав страшные глаза, оскалился.

– Мертвецы? – высказал идею Квелло.

– Вот так, собака! – обрадовался Юми.

– Много?

Судя по его жестам, их было не слишком.

– Где покойники, там и Белый, – молчавший Ра-лог обнажил меч.

– Не обязательно, – ответил я ему. – Но вероятно. Квелло, пусть кто-нибудь предупредит милорда Рандо.

– Хочешь проверить? – улыбнулся Ша-тур.

Я кивнул.

Трое северян,двигающиеся бесшумно, пошли первыми и быстро скрылись в тумане. Мы пыхтели за ними, стараясь не упускать друг друга из виду и вздрагивая от каждого звука.

– Смотрите, не подстрелите рыжих, – на всякий случай напомнил я. Нервы у всех были взвинчены до предела.

В таком тумане не заметить подкравшегося покойника – раз плюнуть. Сейчас я больше доверял мечу, чем луку.

Вернулся Ра-лог и, приложив палец к губам, поманил нас за собой. Роща закончилась, начался редкий подлесок, и дорога пошла в горку. Туман остался в низине. Чуть выше, за кустами, лежали двое рыжих. Мы упали на мокрую траву рядом с ними.

– Их меньше десятка, – прошептал Ша-тур, показывая мне, куда следует смотреть. – Клянусь Угом, тут можно справиться!

Я осторожно выглянул из укрытия. Восемь тварей медленно брели вдоль зарослей. Они уже успели миновать нас и теперь удалялись на север.

– Не будем связываться, – решил я. – Пока их изрубишь, можно не досчитаться рук или еще чего-нибудь.

Северянин воспринял мой приказ без воодушевления, но спорить не стал.

После того, как куксы ушли, мы пролежали еще минок десять, но больше никто не появился. Примерно через полнара подошел Рандо с отрядом, за которым я отправлял Юми. Рыцарь, выслушав наш рассказ о куксах, повернулся к полосе деревьев, темнеющей на противоположной стороне долины:

– За этим лесом начинается Брагун-Зан. Думаю, там все еще безопасно. С ниритами у нас союз на веки вечные. Нам надо идти туда.

– До него не меньше тысячи ярдов по открытому пространству. Если кто-то нас ищет, то заметит наверняка.

– Тогда поторопимся! Стрелков – по периметру!

Мы все ближе подбирались к лесу, но местность по-прежнему казалась спокойной. Такой она и осталась, когда мы оказались возле деревьев. На этот раз нам удалось избежать боя.

Серая растрескавшаяся земля тянулась, покуда хватало глаз. Холод стоял такой, словно была поздняя осень, а не середина весны. С севера то и дело налетал стылый ветер. Он поднимал мелкую, едкую пыль, норовя засорить наши глаза. Впереди, на западе, высились красно-коричневые горы. Щурясь, я пытался разглядеть клубы дыма над ними, но расстояние для этого было еще слишком велико.

Мы шли по Брагун-Зану уже второй день и за это время успели встретить много разрозненных отрядов из разбитой Западной армии. Они были точно такими же, как наш – измотанные, побывавшие в десятках битв, но все еще способные показывать зубы. Иногда это были пять человек, иногда сотня. Кто-то шел от самой Лестницы, кто-то от Великих или Пряных озер. И все, как и мы, направлялись к Грох-нер-Тохху, где командиры Сборной армии собирались дать Митифе последний бой.

Он, судя по всему, действительно, должен был стать последним для нас. Вестей, которых мы успели послушаться, вполне хватало, чтобы понять – ситуация хуже не придумаешь. Лей с Аленари, пускай и с трудом, но продвигались к Корунну. Несмотря на ожесточенное сопротивление наших, летом Проклятые достигнут столицы. Север держался исключительно благодаря доблести.

Митифа разгромила последние очаги сопротивления у Трехречья и теперь шла к Брагун-Зану, чтобы добить уцелевших, а затем отправиться к Клыку Грома, взять под контроль этот перевал и отрезать помощь из Морассии.

Мы отступали к Громкопоющей горе, где должно было произойти решающее сражение. Не знаю, сколько воинов сможет выставить Империя, но у Проклятой против нас огромное преимущество в живой силе и магии. Сейчас ее армия медленно продвигалась на юго-запад, не встречая у себя на пути никакого сопротивления и пожирая город за городом, деревню за деревней.

Каждый день я думал о Лаэн, и порой моя уверенность, что она жива,

гасла. Тогда, теряя надежду, я предавался черному отчаянью. С тех пор, как мы говорили на болотах, я не слышал Ласку. Даже сны исчезли. Очень часто на меня накатывал страх, будто мне все почудилось. В такие моменты я был уверен, что ошибся, что мое солнце мертва, что ее нет и не будет со мной. Смогу ли я пережить это еще раз?

Несколько раз у меня возникало совершенно позорное желание сбежать. Но оно было столь мимолетно, что я даже не успевал испугаться своих мыслей или устыдиться их. Я не мог бросить тех, с кем лез через топи и проливал кровь на полях битв. Только не сейчас, когда решается судьба всех нас. Даже моя основная цель – месть Оспе и Кори – отошла на задний план. Если Бездне будет угодно, она сведет нас на узкой дорожке, как произошло с Рованом.

Мои товарищи молили Мелота о потеплении. Если это случится – застывшие дороги расплзутся от грязи, и огромной набаторской силище будет очень непросто двигаться к нам в прежнем темпе. Но в Счастливых садах, похоже, не слышали молитв, и погода не думала меняться...

– Брагун-Зан – не самое приветливое место на Харе, – как-то признался я товарищам.

– Брагун-Зан еще не начался, – отозвался Квакушка. – Это пока далеко не Мертвый пепел. Чуешь?

– Угу. Собачий холод, – мрачно ответил я ему.

– Да нет! Воздух не воняет. И земля не красно-черная.

– А чем он должен вонять? – полюбопытствовал Трехглазый, идущий по другую руку от меня.

– О! – растянул губы в своей знаменитой лягушачьей ухмылочке Квакушка. – Поверь, приятель. Когда ты унюхаешь, то сразу поймешь, о чем я говорю. Есть у кого-нибудь чем промочить горло?

Воды здесь было удручающе мало. Возле редких ручьев и колодцев собиралось множество людей, чтобы наполнить фляги и напоить лошадей. Эта земля принадлежала ниритам и оказалась не слишком благосклонна к людям.

На следующий день горы приблизились, и я различил Грох-нер-Тохх – красноватый конус с тремя сглаженными вершинами. Над ними вился дымок. Вокруг Громкопоющей горы, беря ее в неполное кольцо, стояли три брата – Мертвец, Молчун и Сонный. Их вершины были покрыты снегом.

– Осталось лиг шесть, – прищурившись, сказал Рандо вечером. – Не думал, что меня занесет в эти места.

– Как вы думаете, милорд, нириты все еще на нашей стороне? – спросил я у него.

Рыцарь удивленно приподнял брови:

– Разумеется. Мы с ними не ссорились. Пепельная дева всегда была другом Империи.

– Наверное потому, что мы не покушались на эту каменную пустыню.

– Не такая уж это пустыня, – возразил рыцарь. – В начале лета здесь все цветет. Грох-нер-Тохх давно уже не тот. Он перестал жечь окрестности несколько тысячелетий назад.

– Тогда откуда дым?

– Дым не в счет. Это мелочь. В древних хрониках написано, что раньше сияние вырывающегося из жерла горы пламени было видно на лиги вокруг. А дрожание земли ощущали даже в Корунне. Однако вторую тысячу лет вулкан лишь дымит. Нириты, поклоняющиеся горе, считают, что сейчас их бог спит.

– Надеюсь, это надолго.

– Есть легенда, что Громкопоющая проснется, когда в небе появится вестница.

Я тут же покосился на небо. Комету теперь было видно даже днем. А ночью от ее алого зарева становилось воистину жутко. Впрочем, за эти дни мы немного успели привыкнуть к этому зрелищу, а многих оно и вовсе перестало интересовать. Корь казалась гораздо важнее, чем все, что висело у нас над головами.

– Ей придется здесь так же не сладко, как и нам, – мстительно улыбнулся Трехглазый, когда мы топали вместе с множеством других солдат по красноватой долине с совершенно безумным горным ландшафтом, больше похожим на картину сошедшего с ума художника, чем на реальность. – Говорят, лошади здесьдохнут одна за другой.

– У нас нет лошадей, – напомнил ему Квелло, остервенело ковыряя в носу. – Так что и терять нечего.

– Зато у нее полно кавалерии. Я с утра разговаривал с одним парнем из «Сычей». Он идет от Трехречья и говорит, сдисских всадников полно. Это меня радует. В Брагун-Зане животные чувствуют себя отвратительно.

– Хорошо, если так.

– А где нириты? – поинтересовался Трехглазый. – Что-то хозяев мы до сих пор не поприветствовали.

– Вот так, собака! – согласился Юми, которому тоже было любопытно посмотреть на одну из самых древних рас нашего мира.

– Говорят, Пепельная дева приказала им готовиться к обороне. Они слишком заняты, чтобы лично встречать тебя, приятель, – рассмеялся Квелло.

Когда начался закат, и без того красные горы стали кровавыми. Мы вышли к седловидной котловине, усеянной огромным количеством похожих на грибы валунов.

Вся долина была в огнях костров. По моим расчетам, здесь собралось никак не меньше полутора тысяч солдат. В западной части котловины с обрыва падал маленький водопад. Он приятно шумел, и вода из него скапливалась в небольшой серповидной выемке.

– Вы откуда? – спросил нас один из капралов, распределяющий людей по лагерю.

– Считай, что от самой Лестницы, – ответил Квелло.

– Арьергард Семнадцатого ударного полка Западной армии, – уточнил Рандо.

– Никого из ваших здесь нет, – воин коряво записал что-то в своей бумаге. – Ступайте к озеру. Там как раз есть место для вас. И кухня рядом. Накормят.

Мы расположились рядом с водой, недалеко от арбалетчиков из отряда «Северных еотов». Кашевары щедро черпали из котлов горячую жратву, и мы, не помню за сколько дней, впервые наелись до отвала. Юми с раздувшимся пузцом восторженно повизгивал, поглощая миску за миской, а затем уморился и начал клевать носом.

Небо бледнело, комета разгоралась все ярче. Ее свет заливал местность, и ночь становилась еще более мрачной, чем могла бы быть. Квакушка позвал меня играть в кости, но я отказался, решив обойти озерцо. Берег был каменистый, в воде отражались звезды.

Я шел, думая о Лаэн, и едва оказался на противоположной стороне, меня окликнули, но я даже не сразу понял это.

– Нэсс, заberi тебя Бездна!

В мою сторону бежали двое. Я прищурился – в ужасном алом свете все люди были похожи на оживших мертвецов. Затем сообразил, кто движется навстречу, и превратился в соляной столб. Ко мне, действительно, спешили мертвецы или, быть может, призраки.

Рона вихрем налетела на меня и обняла за шею, прежде чем я успел понять, что все происходящее со мной совершенно реально. Ходящая счастливо смеялась, а Шен стоял в двух шагах от меня и, сложив на груди руки, улыбался.

– ...Как вы уцелели? – спросил я, когда эмоции немного схлынули, и друзьям все-таки удалось убедить меня, что их появление – не сон и не бред.

Я каждый день, каждый нар, старался смириться с их смертью, и то, что они оказались живы, стало для меня таким же чудом, как и спасение Лаэн. Я был безумно рад, что Шен с Роной выжили, и Ласка, дремлющая глубоко внутри моего сознания, внезапно довольно замурлыкала, отчего на душе стало еще теплее.

Я даже не сразу понял, что у нас с ней появился шанс.

– Тиф помогла, – ответил Шен. – Правда, неосознанно. Когда в Альсгаре она взяла меня за горло, мы с ней прокатились на бабочке Бездны. В какой-то момент пришлось очень долго падать, и Проклятая сделала так, что мы остались целы. Я подсмотрел ее плетение, а в горах постарался воссоздать его. Так что земля поймала нас на пуховую подушку.

За тот месяц, что я не видел Целителя, он возмужал и окреп. Лицо стало более суровым, на лбу залегли морщины, а взгляд сделался серьезным и испытующим.

– Извини, что не смог тебе ничего сообщить, – Рона была по-настоящему счастлива меня видеть. – Нам пришлось потратить два дня, чтобы додуматься, как выбраться из той расщелины. Если бы не Убийца Сориты...

Я вздрогнул.

– Она здесь?!

– Да. Бродит где-то поблизости, – Шен оглянулся на костры. – Эта куница подсадила на нас метки. И, после вашего ухода, ей не понадобилось много времени, чтобы понять, что мы живы.

– Хитрая изворотливая гадина! – с чувством сказал я.

– С этим никто не станет спорить, – согласилась Ходящая.

Русые волосы Роны отросли, во взгляде появилась решительность, даже жесткость, и я пытался понять – что это. То ли она полностью излечилась от недуга после неудачной перековки Проказы и стала такой, какой была прежде, то ли в этом виновата новая «искра».

Я произнес свою мысль вслух, и они оба задумались на какое-то время.

– За последний год мы все сильно изменились, Нэсс, – сказал, наконец, Шен, набросив на плечи ежившейся девушки свою куртку. – Даже ты.

– Надеюсь, в лучшую сторону? – кисло улыбнулся я. – Кто еще из нашего отряда здесь?

– Только Проклятая. Остальные ушли вперед.

– Где вы сражались?

– С боями дошли до Пряных озер, – отозвался Целитель. – Слышали, что те, кто был у Ргеша, попали в окружение, а немногих вырвавшихся

добили у Трехречья. Мы безмерно рады, что ты уцелел.

– Я тоже, – без всякой радости в голосе ответил я ему. – Значит, вы были с Шестым южным сводным полком?

– Седьмым, – поправил он. – Сразу в него и попали, как только спустились с гор. Прямоком в битву в ущелье Торга.

– Слышал. Вы все время находились севернее нас. И что наша общая знакомая?

– Была паинькой. Благодаря ей, мы смогли пройти сквозь огонь, – ответила Рона. – Правда, солдаты считают, что это моя заслуга.

– А что на этот счет думают Ходящие?

– Пока они были рядом, мы старались не пользоваться плетениями, – Целитель заговорил тише. – А в бою, когда все кипит, вряд ли кто-то из них мог успеть заметить, какой «искры» касаются. Мы были очень осторожны.

– Нам просто повезло, – возразила ему Рона. – Несколько раз мы едва не попались. Но после Чига с нами нет никого из Башни. Всем Ходящим приказали отойти к Корунну. Они успели прежде, чем сдисцы Лея перекрыли дороги. Понимаешь, о чем я?

Разумеется. Все яснее ясного. Спасали только носителей «искры», но не солдат. Тех, кто не смог вырваться из котла и отправился к Брагун-Зану, уже записали в покойники.

– Вы, как я понимаю, ослушались?

Шен улыбнулся, и я, пользуясь случаем, рассказал им о Лаэн.

Наш долгий путь подходил к концу, и наконец-то я увидел Мертвый пепел во всей его красе. Вокруг вздымались острые, точно бритва, тонкие шпили обсидиановых наростов. Они были черными, иногда с видимыми на солнце зеленоватыми разводами, потрясающе гладкие, зеркальные и блестящие. Преобладающим цветом земли и гор здесь оказались все оттенки красного. Впрочем, угольно-черного тоже хватало, и вся местность очень напоминала урского тигра. Полосатого, сонного, но от этого не перестающего быть менее грозным и опасным.

Громкопоющая гора скрыла собой половину неба. Три ее серо-синие вершины, покрытые пеплом и сходами застывшей лавы, напоминали женские лица, но стоило посмотреть на них чуть дольше, чем следовало, и черты расплывались, так что я уже не мог различить, где глаза, а где губы. Однако стоило отвести взгляд, лица появлялись вновь.

Этот эффект заметил не только я один. Квакушка, к примеру, нашел себе развлечение на несколько наров, разглядывая неведомое диво.

Над Грох-нер-Тоххом клубился сизый дым. Каждые несколько наров

он становился гуще, а затем гора беззвучно плевалась в ясное небо целым облаком пепла. Густо-дымный столб устремлялся высоко вверх, но потом, повинувшись ветрам, грязным шлейфом полз куда-то на юго-восток, по направлению к Катугским горам.

Мертвец, Молчун и Сонный, более низкие, чем их старшая сестренка, тоже не выглядели приветливыми холмиками. Первый, черный и закопченный, был разворочен страшным взрывом, произошедшим неведомо сколько тысячелетий назад. Второй, как говорят, никогда не извергался, а потому был самым высоким из братьев, с вершиной в виде шестизубой короны морасских королей. Что касается Сонного, то его склоны были самыми пологими, и я заметил, что над ними во многих местах поднимается легкий, красноватый дымок.

Мы перешли ручей, узкий, неприятно пахнувший какой-то подземной дрянью. Синеватая глина пачкала сапоги и хватала за ноги. Из растительности вокруг были только старые, желтоватые колючки да огненно-рыжая, мертвая трава.

Дорога сузилась, и мы направились вдоль ряда обсидиановых колонн.

– Почему бы не задержать Проклятую здесь? – спросил Трехглазый. – Отличное местечко для того, чтобы надрать этой твари задницу.

– Она может пойти и другим путем, – возразил я. – К Брагун-Зану, как говорят, есть более широкая дорога с севера, а не с востока. К тому же, здесь не разместить всю армию.

– Вот так, собака! – согласился с моими доводами Юми.

– Наши командиры умнее, чем ты, Трехглазый, – поддел приятеля Квелло. – Если сунуть войска в такую дыру, то Кори надо будет всего лишь снять туфлю и прихлопнуть нас, как надоедливую вошь. А лично я собираюсь перед смертью хотя бы попытаться ее укусить.

Тонкие, черные, полупрозрачные пластинки хрустели и крошились под ногами. Я поднял одну, острую, как бритва, задумчиво повертел в руках.

– Обсидиан – камень осторожности. Существует поверье, что если долго носить этот минерал на шее, он превратит человека в законченного труса, – раздался знакомый голос у меня над ухом.

Я задумчиво посмотрел на Тиф:

– Ты веришь, будто в этом есть хоть капля истины?

Она пожала плечами:

– Я всего лишь повторила то, что слышала. Сколько в этом истины – не так важно.

– Вряд ли нирит можно назвать трусливыми, хотя вокруг их жилища этих штук предостаточно.

– С другой стороны, я не назвала бы их людьми. Подобные слова для них – оскорбление. Мы – одна из последних рас, появившихся на Харе. А они, все-таки, первые.

– Я думал первые – это Сжегшие души.

– Ты ошибался. Сжегшие и йе-арре появились уже после рождения Пепельной девы и ее детей.

Проклятая общалась со мной не так, как прежде. Я не чувствовал в ней обычного высокомерия или затаенного гнева, и это меня несколько смущало и настораживало. Я ждал от нее какого-нибудь подвоха. Но, казалось, она даже радовалась моему появлению.

Разумеется, первым делом после встречи она проверила, не потерял ли я «Гаситель Дара». Красноречивый взгляд Тиф, то и дело останавливаясь на ножнах, говорил сам за себя. Еще чаще она смотрела на меня, когда думала, будто я этого не вижу.

Иногда Убийца Сориты начинала что-то тихо бормотать, словно спорила сама с собой. Это началось после того, как Шен рассказал ей о Лаэн.

Сейчас Проклятая была единственной в отряде, кто путешествовал в седле, и она не скрывала того, что наслаждается этим. Ни Роны, ни Шена, ни милорда Рандо с нами больше не было. Они умчались вперед еще ранним утром, получив сообщение от гонца. Их ждали на военном совете, где планировали будущую битву. Тиф от приглашения отказалась и осталась с нами.

Уезжая, Рандо оставил отряд на меня. Я не слишком сильно гнал ребят вперед, но старался и не злоупотреблять остановками. Разведчики из числа йе-арре докладывали, что до передовых летучих сил сдисской кавалерии не так далеко, как бы нам хотелось. У меня было в планах отдохнуть перед грядущей битвой, а не вступать в нее с марша, выжатыми, словно урский лимон.

Во второй половине дня мы, наконец, вышли из ущелья и оказались рядом с подножием Грох-нер-Тохха.

– Ничего себе! – присвистнул Квакушка.

С того места, где стоял отряд, начиналась огромная бугристая равнина, усеянная каменными глыбами, одинокими утесами, обсидиановыми пальцами и серыми, пораженными временем, флейтами Алистана.

Едва только поднимался ветер, по мертвым пустошам разносилась многоголосая песнь сотен тростниковых флейт. Везде, куда ни кинь взгляд – темнела изрезанная пластами земля, застывшие лавовые потоки и

отшлифованные ветром скалы. Неуютная, суровая природа.

На склонах вулкана и на равнине находилось множество людей.

– Сколько здесь тысяч?

– Спроси чего полегче, – ответил я Квакушке. – Но их слишком мало, чтобы противостоять Митифе.

– Проклятый холод! – пробубнила Тиф из-под мехового капюшона. – Брагун-Зан явно не знает, что такое весна.

– Меня больше удручает вонь, – пробурчал я.

Витавший здесь запах был резким и неприятным. Пахло серой, тухлыми яйцами и чем-то непередаваемо сладким. Сладким до отвращения.

– Очередной выброс малышки, – хмыкнула она, покосившись на Громкопоющую, вершину которой затянули сизые облака. – Хорошо, что ветер в другую сторону, а то мы все уже бы наглотались пепла... Хватит стоять. Идем!

Порядок распределения новичков здесь был поставлен хорошо. Нас быстро отправили в один из ближайших лагерей, дали место, приписали к кухне и, приказав обустраиваться, оставили в покое.

К вечеру появился милорд Рандо, рассказал мне новости, велел, чтобы я и дальше руководил всеми, и вновь исчез. Шен с Роной пришли много позже. Им, как людям важным, предложили более удобные места, чем наш голый лагерь, но они предпочли остаться с отрядом.

Юми, едва мы расположились, куда-то смылся, даже не став дожидаться еды. Вернулся он вместе с Луком и Гбабаком.

– Рад, что твоя жить. Квагда мы вас не встретить, я думать, что уже не видеть никакого из вас, – поприветствовал меня блазг. Он был облачен в броню и теперь казался еще больше, массивнее и грознее, чем прежде.

Лук притащил специально для меня кружку шафа, вкус которого я успел подзабыть.

– Ну, будем, лопни твоя жаба! – сказал он.

Я отхлебнул пенистого напитка:

– Изумительно.

– Я так же подумал, когда нашел это счастье, – усмехнулся стражник.

– Небось, выиграл?

– Ага. В кости. Целый бочонок. Оставил его ребятам, взял только две кружки. Тебе и мне.

Мы пили шаф, сидя на склоне, и наблюдали, как внизу создается линия укреплений.

– Где Га-нор? – спросил я, вытирая усы.

– Со своими родичами. С нами четыре сотни северян.

– Серьезная сила. А сколько здесь всего солдат?

– Говорят, двенадцать тысяч. А к утру будет четырнадцать с половиной. Мы здесь уже три дня. Я даже вонь перестал замечать, лопни твоя жаба. Успел насмотреться и на людей и на нелюдей. Кстати, ты знаешь, что наш приятель теперь большая шишка? – стражник указал на Гбабака с Юми, сидящих чуть ниже нас. – С армией сорок три квагера. Все в железе, словно осадные башни. И он – их командир.

Я не сомневался в опыте блазга, но не мог предположить, что тот настолько крут.

– Его перекидывают куда-то в первую линию, – продолжил Лук. – Вместе с северянами. Там будет жарко. Ладно, – он встал, отряхнул штаны. – Пойду к своим. А то сотник мне башку отвернет. Буду на правом фланге. Надеюсь, еще увидимся, приятель.

Я пожал ему руку и пожелал удачи.

– Отор говорить, что молится за всех нас, – Гбабак тоже поднялся с земли и проследил за полетом разведчика йе-арре.

– Передавай ему привет. Юми пойдет с тобой?

– Если твой не против.

Я пожал плечами:

– Конечно.

– Вот так, собака!

– Он сквázatь, что будет приходить.

– Я и весь отряд ему всегда рады, – улыбнулся я.

Друзья медленно пошли вниз, и я провожал их взглядом, пока они не скрылись за камнями. Теперь мы все оказались разбросаны по долине, и каждому придется встретить судьбу отдельно от товарищей.

К вечеру вернулись уставшие Шен и Рона.

– Новости отвратительные, – заявил Целитель и прополоскал рот водой. – Нас прижали к скале, отступить некуда, разве что в жерло вулкана. На все пятнадцать тысяч лишь трое владеют «искрой».

Я не стал с ним спорить, что «искра» этих троих гораздо ценнее той, что есть у обычных Ходящих.

– Тиф рвется в бой, – вздохнула Рона. – У нее с Корью какие-то свои счета. Если, конечно, она не собирается нас обмануть и не переметнется во время сражения.

– Не переметнется, – успокоил девушку Шен. – Мы ей слишком нужны.

– И она ненавидит Митифу, – поддержал я его. – Но лучше бы за ней

приглядывать.

– Как ты это сделаешь во время боя, скажи на милость? – поинтересовался Целитель. – Особенно когда мы будем в совершенно разных местах.

Он был прав. Если Дочь Ночи захочет сделать гадость – она ее сделает, и никто не сможет остановить Проклятую.

– Чему ты улыбаешься? – спросил я у Шена.

– Так. О ерунде подумал. Помнишь, ты когда-то говорил, что сражаешься лишь за себя и за Лаэн? Что смерть ради других – это больше не твой бой. Что изменилось?

Я пожал плечами:

– Вы погибли, и мне было больше нечего терять.

– А теперь?

– А теперь я здесь точно так же, как и вы. И собираюсь опустошить колчан, когда начнется заваруха. Эй! – я даже встал от неожиданности. – Это то, что я думаю?!

Шен посмотрел в указанном направлении и без всякого интереса протянул:

– А... Да. Нирита. Слушай, нам надо возвращаться. Завтра будет тяжелый день, а совет еще мало чего решил. Боюсь, он продлится всю ночь.

– Удачи, – пожелал я, все еще следя за ниритой.

– Если у тебя есть возможность, пожалуйста, надень на Тиф поводок. Она рвалась увидеть военачальников.

Я не стал говорить ему, что проще надеть поводок на раненую и озверевшую львицу, чем на Проклятую. Он это и сам прекрасно знал.

Глава 15

Весь следующий день я ходил под впечатлением от увиденного. Нириты поразили меня до глубины души, ничего подобного я раньше не встречал даже в заповедных уголках Сандона.

Мне сложно описать этих существ. Наверное, потому что их тяжело сравнить с кем-нибудь еще. Они, действительно, были детьми этой гневной, непокорной земли, на первый взгляд казавшейся мертвой и забытой даже богами.

Дочери Пепельной девы, как выяснилось, выше меня на две головы. Ужасно худые, с непропорционально длинными руками и ногами. Они не носили одежды, у них не было лиц, более всего эти создания походили на густой черный дым, ограниченный невидимой глазу оболочкой, который все время находился в движении и напоминал грозовые тучи.

В этой иссиня-черной тьме то и дело сверкали знакомые мне багровые искорки. Те же самые искры, но гораздо более крупные, служили ниритам глазами. Они опоясывали их головы двумя рядами, так что скрыться или избежать взгляда существ становилось совершенно невозможно. Однажды я почувствовал его на себе и не скажу, что это было слишком приятно. Мне показалось, на меня смотрит сама древность. Такая, которой и названия-то нет в нашем языке.

Когда нириты замирали, то сразу же становились неуклюжими, неестественными, неправдоподобными. Но стоило кому-нибудь из них сделать шаг, поднять руку, повернуть голову, и дух захватывало от грации и плавности их движений. Они словно перетекали из одного состояния в другое, перемещаясь с изяществом змеи, стелясь над землей, словно туман.

Мне повезло увидеть то, что солдаты назвали «взрывом». Одна из нирит перемещалась по гребню ближайшего к нашему лагерю красноватого холма. Я, как и все, заворожено следил за ее движениями... и вдруг она словно взорвалась изнутри. Дым разлетелся в разные стороны, что-то промелькнуло у меня перед глазами со скоростью молнии. В противоположной части долины, у склона Мертвеца, воздух сгустился и вновь собрался в дымчатую деву. За две уны она преодолела колоссальное расстояние.

– Даже думать не буду, каковы они в бою, – сдвинув шлем набекрень, почесал затылок Трехглазый. – Их, наверное, и убить-то нельзя. Как, скажи на милость, можно уничтожить бесплотный дым?

– Не знаю и не хочу знать, – ответил я ему. – Но рад, что они на нашей стороне.

Через час прискакал гонец и сообщил, что нас присоединили к Шерскому пехотному полку, стоящему на левой границе центральной линии обороны. Мы собрали вещи и переместились ниже по склону. Туда, где находилось чуть меньше восьми сотен наших новых разношерстных братьев-однополчан.

– Ты – Серый? Командир этого отряда? – спросил у меня беловолосый, похожий на краба старик.

– Временный.

– Теперь постоянный. Мне сказали, ты хороший стрелок и уже воевал. Бери наших лучников. Помощник есть?

– Да.

– Хорошо. У нас девяносто стрелков. Обозы со стрелами за твоей спиной. Через несколько наров подвезут еще. Проверь, чтобы тебя не надули, и часть стрел не забрал себе Сорок восьмой. Вон они, справа от нас. Иначе, когда придет Проклятая, будете лупить по ней собственными головами. Левша! Введи сотника в курс дела! Все. Возникнут вопросы – найди меня. Я – Олот. Командир этих удалцов. Ты подчиняешься непосредственно мне. Возникнут вопросы – найди меня.

– Вопросы уже есть. Наш отряд под началом милорда Рандо.

– У-у! – старикан вытянул губы трубочкой. – Он уже получил «Стальных задниц» Марша. Будет командовать линейными на первой линии. Эй! Ильга! Какого ляду ты тащишь сюда эту дрянь?! А ну, проваливай в Бездну!

Забыв обо мне, хромая на правую ногу, седой Олот поспешил дать перца одному из своих подчиненных.

Я занялся насущными делами – знакомился со стрелками, изучал линию обороны, расставлял с ребятами броские для нас метки, чтобы было удобнее стрелять и проще отдавать приказы во время сражения.

Едва все было закончено, с неба посыпался пепел. Когда первая небольшая крупинка упала мне на щеку, я подумал, что это снег. Но крупинки превратились в тяжелые хлопья, видимость ухудшилась, словно поднялся туман. Эта странная метель продолжалась два нара, засыпав все вокруг и превратив алую землю в серую пустыню.

Выброс принес с собой многократно усиленную вонь. Дышать стало тяжело, в глазах появилась неприятная резь. Затем ветер изменился, и все закончилось столь же неожиданно, как и началось.

– Если подобные шутки Громкопоющей продолжатся, не нужна будет

никакая Корь, – сказала Тиф, замотав нижнюю половину лица шарфом. – Вы все отдохнете и без ее помощи.

– Ты, разумеется, избежишь этой счастливой участи? – ядовито поинтересовался я.

– Само собой. Я, можно сказать, только начинаю жить. На самом деле, все серьезно. Нестабильные вулканы под задницей – плохие союзники.

– Это лучшее место, чтобы устроить сражение. Ты же знаешь, – я отряхнул куртку от пепла, – западнее – непроходимые леса. К тому же, здесь нириды. Пепельная дева...

– Зан-на-кун всегда была сумасшедшей! – презрительно фыркнула Убийца Сориты. – Я не перестаю удивляться, почему в Войну Некромантов она так долго соблюдала нейтралитет.

– Говори потише, – посоветовал я ей.

– Чушь! – отмахнулась она. – Нас никто не услышит. Не считай меня за дуру. Я об этом позаботилась. Согласна, нириды – хорошее подспорье в битве, но не против десятков тысяч людей. Их просто задавят числом.

– Не так-то просто убить дым, – возразил я.

– Поверь, – Проклятая многообещающе улыбнулась. – Такая всезнайка как Серая Мышка найдет способ развеять дым по ветру.

Я хмыкнул.

– Не веришь?

– Отчего же? Вы – персоны с опытом. Просто я не могу представить, какая сила сможет уничтожить нирид.

– Разумеется, темная, – рассмеялась она. – Вода уничтожает дым.

– Это глупость.

– Не скажи. Скульптор, вот уж не знаю, из любопытства или по злему умыслу, изучал, как можно убить нириду. Он создал плетение. Довольно сложное, я бы отметила. В результате получается водяной клинок, который разит подданных Пепельной девы ничуть не хуже, чем твой «Гаситель Дара» поразил Тальки.

– Ты тоже способна на такой фокус?

– Представь себе, – улыбнулась она. – Я бы тебе даже показала эту штуку, но, боюсь, она всполошит весь муравейник.

Проклятая ткнула пальцем назад, на Грох-нер-Тохх.

– Меня разорвут в клочки, прежде чем я успею объяснить, что это всего лишь безвредная демонстрация. Нириды прекрасно помнят, как Холера накромила их сестер на маленькие безобидные тучки.

Она многозначительно посмотрела на меня, явно ожидая какой-то реакции, но я, к ее вящему разочарованию, остался равнодушен.

– Не знал, что у Гиноры были трения с этим племенем.

– Ну, после Оставленных болот она повздорила с Пепельной девой. Считается, что это мы превратили цветущий край в эту унылую каменную пустыню.

– А это не так?

– Так. Отчасти. – Тиф улыбнулась. – На севере Брагун-Зана росли сады. Во время войны они были уничтожены. А долины возле Громкопоющей всегда были такими, как сейчас. Тебе нравятся нириды?

– Не уверен. Скорее здесь можно употребить слово «интересуют». Кстати, я не смог разобраться, кто из них мужчина, а кто женщина.

Убийца Сориты хохотнула:

– Ну, здравствуйте, приехали! Иногда мне кажется, ты с луны свалился, Серый! Неужели жена тебе ничего о них не рассказывала? Мне кажется, Гинора должна была передать ей подробнейшую информацию об этой враждебной Проклятым расе.

– Я не спрашивал, – огрызнулся я. – И что здесь, вообще, смешного?

– Да будет тебе известно, мой друг, – напыщенным тоном известила она. – Все нириды – самки.

– А как же они...

– Никак. Звезда Хары! – она возвела глаза к затянутому облаками небу. – Я говорю с неучем! Внимай, пока я жива! Нириды – первая раса на этой земле. Во всяком случае, их хроники дают нам возможность так считать. Эти старые клячи старше Раскола и Западного материка. Они пришли в наш мир, когда он еще не был закончен. По их преданиям, Хара тогда была бледной копией того, что мы имеем счастье лицезреть сейчас. Тенью, если тебе так проще. И единственное, что существовало на ней – вот эта вонючая штука. Громкопоющая гора. Из первородного пламени, багровых искр и дыма родилась Пепельная дева. Первая из рода нирид.

Я слушал, не перебивая.

– Она стала матерью-прародительницей всех остальных дымчатых тварей. Как это произошло, уж извини – не ведаю. Но Грох-нер-Тоxx сыграла в этом не последнюю роль. Я никогда не слышала, чтобы нириды гордились тем, что они – изначальная раса. Дымные девочки даже не обиделись, когда ушлые йе-арре стали твердить на всех углах, что это они – первые и самые любимые дети Творца. Но чем нириды гордятся, так это тем, что помогали создателю ковать из искр и теней нашу с тобой Хару. Если им верить, тогда перед нами те, кто видел того чудака, который придумал весь этот ужас.

– Ты веришь в такие истории?

– Никогда не думала об этом серьезно, если честно. Какая, собственно говоря, теперь разница?! Жили, видели, помогали. Руки у них кривые были, вот что я тебе скажу, раз построили так, что магия оказалась расколота на две половины. Это все равно, как вырвать у человека позвоночник или сердце. Поди, выбери, что важнее. Мы до сих пор расплачиваемся за эту ошибку.

Она заметила мою ехидную ухмылочку.

– Оставь свой сарказм при себе, Серый! Я по твоей заросшей роже могу сказать, о чем ты подумал. Поверь, мы – кого вы так любите величать Проклятыми – меньшее зло. Если ты думаешь, будто до нас все было хорошо, то ошибаешься. Мало известно о том, что было до Упадка, но и тех слухов вполне достаточно, чтобы понять – все зло, сотворенное нами, не более чем мышь по сравнению с горой. В былые времена за год гибли миллионы.

– Это вас нисколько не оправдывает.

Убийца Сориты вздохнула:

– Вернемся к ниристам. Их немного. Сколько точно – я не знаю, но с каждой погибшей дочерей Пепельной девы становится все меньше. Род не восполняется. Рано или поздно они все-таки передохнут. Бессмертие не может быть длиннее вечности. У них, кстати говоря, существует легенда, что ветвь дочерей багровых искр вновь начнет плодоносить, когда Грох-нер-Тохх пробудится и извергнет из себя пламя. Но эта старая вонючка лишь плюется пеплом. И это продолжается с зари времен. Толку от нее, как от Рована во время договоров о перемирии. Скорее уж Молчун проснется, чем Громкопоющая подарит им надежду.

Я неодобрительно посмотрел на облака. Мне показалось, что вот-вот вновь начнет сыпаться пепел. Спустя минутку так и случилось. Проклятая ругнулась и тут же закрыла рот и нос шарфом.

– Ненавижу это место!

– Ты ничего не любишь, – я тоже спрятал лицо под тряпкой.

Она дернулась, словно ее ударили, и нехотя сказала:

– Раньше – любила. Теперь... некого и не за что.

– Неожиданная откровенность, – серьезно заметил я.

Она промолчала, а затем, завершая беседу о ниристах, глухо произнесла:

– Они поклоняются Грох-нер-Тохху, как своей богине. Считают ее разумным существом. Они родились из нее, в нее и уходят, когда погибают. Ты ведь видел вершины.

– Похожие на женские лица? Да.

– Легенды нириит гласят, что создатель ковал этот мир из тени. И ее лик навсегда отпечатался в камне.

– Но там три лица. Они совершенно разные. Кто тогда две другие?

– Не знаю. Про это я никогда не читала.

– А у нириит есть магия?

Пепел перестал падать, и дышать сразу же стало легче.

– В смысле, умеют ли они плести? Нет. Плетения подвластны только людям и, в какой-то степени, Высокородным. Но у дочерей Пепельной девы есть то, что можно назвать магией. Правда, с большой натяжкой. Я никогда ее не видела, но, говорят, она весьма неплоха. Хотя и не ровня темной и светлой «искрам». Здесь Митифе опасаться нечего.

Она порылась в сумке, выудила оттуда сморщенное желтое яблоко, без труда разломила его на две половинки и одну, к моему огромному изумлению, протянула мне.

– Отравленное, что ли? – пошутил я, но угощение принял и даже сказал «спасибо».

– Когда я была совсем маленькой, в Радужной долине, в саду, за Колодцами доблести росли именно такие яблоки. Я их очень любила. Тогда. Еще в той жизни... Что? У нашего рыцаря повышение?

Ее манера прыгать от темы к теме со стремительностью блохи меня частенько раздражала.

– Тебя это заедает?

– Не говори ерунды! – отмахнулась она. – Я просто беспокоюсь за его шкуру. Он до сих пор еще желанная добыча для моих товаров.

– Думаешь, они не отыскивали кого-нибудь другого с серебристыми волосами?

– Возможно, отыскиали. Но поостеречься стоит. Я верю, что пока Колос стоит, им не взять Корунн. И мне это выгодно.

– Чем?

– Пока у них есть цель, про меня не вспоминают. Но, в случае победы, та же Аленари начнет искать и меня, и Шена. Если уже не ищет. Лепестки Пути стоят всей этой огромной страны.

Внезапно она вздрогнула и вскочила:

– Идем! Живо!

Ничего не говоря, Тиф бросилась вниз. Я крикнул Трехглазому, что он остается за главного и, недоумевая, поспешил за Проклятой.

– Что, заberi тебя Бездна, происходит?! – спросил я, нагнав ее.

– Я расставила метки на дороге, – сказала она на ходу. – Они чувствуют «искры». Одна только что сработала. Минку назад разрушена

другая. К нам кто-то приближается!

– Кто?! Некроманты?!

– Хуже! Гораздо хуже! Ходящая.

Она без спросу схватила под уздцы чужих лошадей. Какой-то солдат возмутился, но узнал «Огонька» и больше не смел возражать нашему самоуправству.

Оказавшись в седлах, мы направились к ущелью, где высились обсидиановые колонны.

– И что ты намерена делать?

Проклятая мрачно посмотрела на меня, и я прочел ответ в ее глазах.

– Думаешь, я позволю тебе убить ее?!

– Полагаешь, будто сможешь меня остановить? – холодно поинтересовалась она. – Если считаешь, что да, то подумай, она представляет для Шена и Роны серьезную угрозу. Пока выпускница Башни рядом, никто из нас троих не рискнет пользоваться магией. Она почувствует «искру».

– Эта женщина спасет сотни солдат во время боя.

– Вот ведь, нашелся защитничек! – презрительно скривилась Тиа. – Эта женщина может убить Шена или Рону. Как предателей и отступников. Этого я ей не позволю!

Прежде чем я успел возразить, она добила меня последним аргументом:

– И подумай вот о чем. Сколько жизней могут спасти три человека, которые не понаслышке знакомы с магией противника? С кем ты хочешь быть рядом, Нэсс, когда все начнется? С той, что в любой момент прихлопнет мальчика из-за того, что он осквернен тем, чего она не понимает, или со мной, способной противостоять Митифе и знающей всю ее подноготную?!

– Не понимаю, для чего тогда я тебе нужен.

– И вправду, не нужен, – согласилась она. – Проваливай назад. От тебя здесь никакого проку. Только будешь мучиться совестью и меня доводить. Я надеялась, что у гийянов совесть отсутствует.

Я буркнул в ответ что-то нечленораздельное и остался.

Не знаю, что заставило меня так поступить. Наверное, я просто не чувствовал себя вправе повернуть назад.

Ущелье оставалось пустым. Солдаты уже давно собрались возле Грох-нер-Тохха.

С каждой минкой, что мы удалялись от Громкопоющей, мои нервы напрягались все больше. Я скакал сразу за Тиф и в какой-то момент начал

подозревать ее во лжи. Возможно, никакой Ходящей здесь вовсе нет, и Проклятая просто заманивает меня в безлюдное место, чтобы убить. Рука сама собой упала на «Гаситель Дара», и я почувствовал, как Лаэн пошевелилась во «сне», ощутив мою тревогу.

На этот раз в ущелье дул ветер, и когда в третий раз за день начал сыпаться пепел, вокруг нас началась настоящая буря. Пришлось закутаться шарфом, спешиться и обмотать тряпкой лошадиную морду. То же самое сделала Дочь Ночи.

Мелкие серые крупинки, какая-то дрянная смесь песка и вулканического стекла, тяжелые и непередаваемо отвратительные, попали мне за воротник, враз до крови расцарапав кожу. На мое счастье, ни одна не угодила в глаза.

– Главное, чтобы не пошел дождь, – Тиф вскочила в седло. – Тогда эта дрянь превратится в камень.

– Разве это плохо?

– На песок у меня грандиозные планы в ближайшем будущем.

Я не стал спрашивать, о чем она талдычит.

Пепел перестал падать.

– Не снимай с рожи повязку, – тут же сказала мне Проклятая. – Ни к чему, чтобы запомнили наши лица.

– А будет кому запоминать? – тихо спросил я.

Она не успела ответить. Из-за поворота появились всадники на уставших, покрытых пеплом конях. Незнакомцев было шестеро. Прежде, чем я хоть что-то сумел понять, на них с грохотом наступила огромная невидимая нога, в воздух взметнулась туча пепла, а моя лошадь чуть не сошла с ума от страха. Кобыла Проклятой, наоборот, кажется, впала в ступор, а Тиф швырнула в поднявшуюся пелену лиловым призрачным черепом. Он взорвался где-то внутри серого облака, осветив стены каньона и нас.

– Ты! – гаркнула мне Тиа. – За мной!

Но лезть вперед сломя голову я не спешил. Пепел тяжело оседал на землю, и я увидел на дороге глубокую вмятину, а в ней раздавленных в лепешку лошадей с людьми. От них остались раздробленные, странно-алые, словно покрытые блестящим лаком кости без всякого намека на плоть. Зрелище отчего-то показалось настолько омерзительным, что меня едва не стошнило, хотя за жизнь мне приходилось видеть и похлеще.

Воистину, Проклятым нет места на этой земле, раз они способны за пару ун проделать такое.

Ходящая, к моему удивлению, оказалась жива. Немолодая женщина

сидела, прижавшись спиной к крупному камню. Одна нога у нее была вывернута под совершенно неестественным углом. Выставив обе руки вперед и скрестив их, она смотрела на Тиа. В ее темных глазах горела ненависть и отчаянье.

Казалось, обе противницы пытаются воткнуть друг в друга невидимый мне нож. То, что они боролись, не вызывало никаких сомнений. Вокруг их тел расплзалось призрачное сияние. Я шагнул вперед, чтобы прекратить эту дикость. Даже с Ходящей можно попытаться договориться.

– Как ты объяснишь ее смерть? – мрачно спросил я, подыскивая адекватный аргумент, чтобы остановить убийство.

– Некромант вполне мог зайти столь далеко, чтобы напасть на нее.

– Довольно! – на меня накатило, и я смело встал между ними. – Вам придется вместе сражаться, клянусь Бездной! А потом можете убивать друг друга сколько угодно! Я не собираюсь участвовать во всем этом!

Тиф рыкнула, меня отбросило в сторону, и поединок продолжился. Прежде, чем мне удалось встать на ноги, все было кончено. Посланница Башни оказалась мертва.

– Ты гадина! – с ненавистью просипел я.

Она сплюнула:

– Я спасала не только себя, но и твоих друзей. Что бы ты там ни думал. Проклятье!

Мы одновременно увидели, как по склону ближайшего холма забирается выживший солдат. Прежде чем Убийца Сориты коснулась Дара, человек скрылся за гребнем.

– Разберись с ним, придурок! – взывала она.

– Да пошла ты! – весь мир был красным от моей ярости.

– Если парень сбежит, мы пропали! Я пока замету следы!

Чтобы оказаться наверху, мне потребовалось больше двух минок. Я бросился за беглецом, наложив стрелу на тетиву. Дорога была одна, справа и слева возвышались вертикальные стены. Деваться ему было некуда, оставалось нестись только вперед.

Каньон оказался узким и достаточно коротким. Через несколько минок я смог его нагнать, так как путь закончился. Впереди был тупик, и воин, поняв, что сбежать не удастся, ждал меня с обнаженным мечом, но, увидев лук, скис. Здесь ему было меня не переиграть.

Он, как и я, тяжело дышал. Уставший, серый от пепла, худой и курносый. В его глазах стыла обреченность.

Я не стал подходить близко. Достал из колчана еще одну стрелу и бросил ее к его ногам. Он непонимающе посмотрел на нее, затем на меня.

– Мы оба попали в грызню Ходящих, – солгал я ему. – Все, что ты видел – внутренние разборки Башни, а она не любит об этом распространяться. Не повезло тебе. Не повезло мне. Ты мне совершенно не нужен. Я не хочу делать то, что приказал Огонек.

Он, на мое счастье, оказался очень сообразительным парнем.

– Что ты предлагаешь?

– Сиди здесь. Не меньше нара. Придумай правдоподобную историю, чтобы в нее смогли поверить. Скажи, что это был некромант, и ты успел сбежать, пока с ним дралась Ходящая.

Он не хотел выглядеть трусом, но еще меньше хотел быть мертвецом.

– Мне могут задавать вопросы.

– Это твои проблемы. Просто знай – если ты сдашь меня, то вряд ли мы оба долго проживем. Тебя найдут и прикончат. Мы друг друга понимаем?

– Вполне.

Я стал пятиться назад, а он не спускал с меня глаз, все еще не веря, что остался жив.

Почему я это сделал? Из чувства протеста, из упрямства, назло Тиф в конце концов. Я не ее пес, чтобы убивать всех, на кого она укажет, даже если она права, и иного выхода нет.

Будет ли молчать этот солдат?

Если он глуп – то нет. Беспокоит ли это меня? Не слишком. Послезавтра здесь развернется Бездна, и вряд ли кому будет дело до погибшей Ходящей.

Возможно, в прежние годы я убил бы его, не раздумывая. Теперь же...

Наверное, старею.

Я спустился вниз, к телам, но Проклятой не увидел. Выругался. И тут же услышал приглушенный расстоянием крик с той стороны, откуда пришел.

Уже догадываясь, что произошло, я бросился назад и увидел спускающуюся по отрогу Проклятую. Оставалось только удивляться, как мы с ней разминулись.

– Ты сегодня полная размазня, – презрительно сказала она. – Все приходится делать самой.

Я молча стянул с лица шарф. Во рту был мерзкий привкус.

Тиа что-то сделала, и я увидел, как всадник в белой мантии удаляется прочь на призрачной лошади.

– На всякий случай, – пояснила она мне.

Мы в полном молчании вернулись назад. Небо очистилось. Над

синеющей в вечерних сумерках верхушкой Грох-нер-Тохха все так же поднимался дым.

– Мне пришлось это сделать, Серый, – внезапно сказала Проклятая.

– Не знай я тебя, подумал бы, что ты оправдываешься.

– Если тебе интересно – я не получила никакого удовольствия от их убийства.

Я не ответил. Вот уж чего не собираюсь делать, так это облегчать ее совесть.

Глава 16

– Теплынь-то какая, а? – с блаженной улыбкой сказал Игла – круглолицый и курносый парень, расстегивая верхнюю пуговицу рубахи. – Словно лето наступило.

Никто ему не ответил. Впрочем, тот ничуть не огорчился, достал из-за голенища сапога нож и, щурясь от отражающегося в реке солнца, стал подбрасывать клинок в воздух.

Альга, прижавшись спиной к дубовой бочке с дождевой водой, с ненавистью следила за тем, как нож делает три оборота и плашмя приземляется человеку на ладонь лишь для того, чтобы через несколько мгновений вновь взлететь в небо. Игла частенько занимался таким жонглированием, порой двумя-тремя клинками сразу.

– Что-то они долго, – с ленцой произнес второй из ее похитителей. – Надо было самому идти.

– Да брось, Хирам. Торопиться некуда.

– Ты новичок, друг. Так что просто знай на будущее – господин Ка понимает задержки, только если на это есть *серьезные* причины. Иначе он бывает недоволен.

– Я учту... друг.

Повисло молчание, и Альга попросила:

– Можно мне воды?

Хирам – уроженец Золотой Марки, сорокалетний, склонный к полноте, красящий бороду и брови синской хной, посмотрел на пленницу, улыбнулся, обнажив гнилые пеньки зубов:

– Разумеется.

Он встал, подошел к ней и протянул тяжеленную флягу с водой:

– Пей на здоровье.

Альга с трудом открутила плотную крышку, напилась, вернула флягу.

– Едут, – коротко сказал Игла, отправляя нож за голенище.

– Вижу. – Борода Хирама горела пожаром, отчего он походил на разбойника с большой дороги.

Девушка прищурилась – солнце светило ей прямо в глаза – и разглядела, что из-за излучины появилась лодка, в которой сидят три человека.

– Кто это с ними?

– Успокойся, Игла. Будь добрее к людям.

– Я-то спокоен. Как бы наша «госпожа» ничего не выкинула, – слово госпожа из его уст прозвучало с глубокой иронией.

– Не выкинет, – Хирам посмотрел на пленницу и повторил с еще большей уверенностью: – Не выкинет. Ведь, правда, лапушка?

Альгу покорило от его слов, но она кивнула.

– Ты просто чудо, а не Ходящая, – рыжебородый послал ей воздушный поцелуй.

Девушка тихо прошептала проклятье.

Три дня назад она осмелилась попросить помощи у конного разъезда стражников, и в итоге ее тюремщикам пришлось убить восьмерых воинов и шестерых свидетелей. Для Альги случившееся оказалось прекрасным уроком. Больше она не пыталась звать на помощь тех, кого видела. Знала, что ни к чему хорошему это не приведет, а погибнут, как всегда, невинные.

Незнакомый мужик с пропитой потной рожей оставил весла, спрыгнул в воду и, взявшись за нос лодки, подтащил ее к берегу.

– Залезайте! – крикнул с кормы Нэйл.

– Идем. – Хирам, поддерживая Альгу под локоть, повел ее к реке.

Его пальцы, стальные, узловатые, крепкие, больно впились ей в руку, и Ходящая зашипела сквозь зубы, борясь с желанием пнуть мерзавца в колено.

– Игла, подай руку девушке, – вновь скомандовал Нэйл.

Альга с помощью убийцы, забралась внутрь лодки.

– На лавку садись, – приказал ей Хирам.

– На банку... – поправил краснолицый владелец плавучего средства, но на него не обратили внимания.

– Игла – на носу. Хирам, со мной на веслах. Грита – расплатись, – у Нэйла была привычка цедить слова сквозь зубы.

Невысокая черноволосая женщина с неприятными губами и прекрасными карими глазами зашелестела юбкой и положила в грязную ладонь лодочника несколько монет.

– Все как уговаривались, – довольно кивнул мужчина, быстро сунув деньги в портки.

Игла столкнул лодку в воду и запрыгнул в нее, обдав Ходящую брызгами. Нэйл и Хирам мерно взмахивали веслами, Грита скучала на корме, опустив пальцы в реку и играя с разбегающимися волнами.

– Может, его надо было того? – Игла недвусмысленно провел себе пальцем по горлу. – На кой нам свидетели?

– Сиди уже, – буркнул Нэйл и повел по сторонам водянистыми

глазами. Он, как и Грита, обладал «искрой», Альга чувствовала ее даже будучи отрезанной от Дара.

Повисло молчание, раздавалось лишь шлепанье весел. Игла хмурился, затем потянулся за ножом, но передумал и, откинувшись назад, стал поглядывать на удаляющийся берег. Они выбрались на середину реки и поплыли по течению.

– Грита, ты не хочешь помочь? – спросил Хирам, оборачиваясь.

Женщина отвлеклась от созерцания волн, на ее лбу появились морщинки, и она сосредоточенно поджала губы. Ходящая ощутила кратковременный «всплеск», и лодка резко дернулась вперед, а затем заскользила по водной глади, словно ветер наполнил несуществующие паруса.

– Слишком быстро, – обеспокоился Игла. – С берега не заметят?

– Да пошли они! – равнодушно сказал Хирам, убирая весло. – Мы их видим первый и последний раз. Далеко нам, Нэйл?

– С нар.

– Лошадей жалко. Могли бы продать.

– Тебе соренов, что ли, мало? Не жлобься, когда не надо.

Хирам сложил руки на груди, засопел, но спорить с командиром не считал нужным.

– Держись поближе к левому берегу, – обратился Нэйл к Грите.

Лодка изменила направление, и густой лес, уже одевшийся в зеленый наряд листвы, приблизился.

Игла, развалившись на носу, поймал напряженный взгляд Альги и сказал:

– Ты мне так же не нравишься, как я тебе.

– Я убью вас всех, – с ненавистью сказала девушка.

Она верила в то, что говорила и не боялась никого из них. Устала бояться.

– Серьезное заявление, – равнодушно произнес Нэйл.

– Да ладно! – отмахнулся Игла. – Моя престарелая бабка и то опаснее, чем она.

– Расскажи это господину Дави, Хрипу и Топору, – буркнул Хирам.

Курносый парень лишь коротко рассмеялся и привстал с банки, собираясь расстелить куртку.

– Я убью вас, – еще раз произнесла Альга, краем глаза отмечая расстояние до берега и, решившись, прыгнула на Иглу.

Она успела заметить его перекошенное от удивления лицо, врезалась наемнику в живот, и вместе с ним перевалившись через борт, ухнула в реку,

избежав пролетевшего над ее головой парализующего плетения.

Она погрузилась с головой. Не обращая внимания на холодную воду, с силой оттолкнула Иглу от себя, увернулась от его руки, пытавшейся вцепиться ей в волосы, и от души пнула в лицо. Он забарахтался, пустил пузыри, из разбитого носа темным облачком выплеснулась кровь. Мужчина дернул ногами и устремился к яркой, блестящей поверхности над головой, забыв о девчонке. Но Альга, мертвой хваткой вцепившись в ногу противника, рванула вниз. Ненависть придала ей сил, девушка легко справилась со здоровым, запаниковавшим мужиком и вновь ударила того в лицо.

Попала, увидела, что человек, полностью потерял ориентацию в пространстве и начал захлебываться, и, бросив его, быстро скользнула в сторону.

Она прекрасно плавала и ныряла, чувствуя себя в воде, как рыба. Отец научил ее и Рону этому еще в раннем детстве. Главное – не бояться. Сильно загребая руками, ловкой плотвичкой беглянка юркнула прочь, туда, где был берег. Несмотря на страшно тяжелую юбку и обувь, Альга довольно быстро удалялась от врагов – ей помогало сильное течение.

Когда легкие начали гореть, она всплыла, хватанула воздуха и быстро огляделась. От наемников ее отделяло вполне приличное расстояние, а до берега было рукой подать. Над рекой летели отчаянные ругательства. Ее заметили, девушка почувствовала «всплеск», нырнула, и магический удар пропал впустую. Альга решила потратить драгоценную уну, рванула тесемки верхней юбки, облепившей ноги и мешающей плыть.

Вода – мутно-коричневая, с частичками взвеси, холодящая кожу, подчинялась каждому ее движению. В какой-то момент девушка увидела темное дно с вросшей корягой, затем осторожно поднялась к водной поверхности, легла параллельно ей, едва приподняв лицо над водой, вдохнула очередную порцию воздуха, и вновь погрузилась. Надеясь, что ее не заметили, проплыла вдоль берега и, подчиняясь течению, понеслась прочь, пока боль в груди не стала невыносимой. Уже не таясь, вынырнула.

До земли было всего несколько гребков. Лодка оказалась далеко и, судя по всему, Ходящую потеряли. Девушка вылезла на берег – крутой, скользкий и грязный. Не задерживаясь, бросилась к кустарнику, цепляясь мокрой одеждой за ветки. Оказалась в редком, слишком светлом лесу и побежала прочь от реки.

Только теперь ее начала колотить запоздалая дрожь, и Альга поняла, насколько ледяной была весенняя вода. Она жутко замерзла, зубы выбивали частую дробь.

– Тепла! Пожалуйста, немного тепла! – кричало ее тело.

Девушка неслась, не разбирая дороги, пытаясь согреться.

Вперед! Только вперед! Пока хватает сил! Как можно дальше! Она знала, что у нее не так много времени, и два некроманта без труда ее выследят, если она не успеет уйти далеко.

Деревья мелькали перед глазами, кустарник трещал под подошвами, безжалостно рвал нижнюю юбку, корни пытались подставить подножку. Однажды им это удалось, и девушка упала, подмяв только-только появившиеся, белые цветочки кислицы.

Она ободрала правую ладонь, зарылась носом в душистую землю, но тут же вскочила и продолжила бегство. Запыхавшись и устав до изнеможения, она остановилась лишь на залитой солнечными лучами лесной прогалине и без сил опустилась на поваленный непогодой березовый ствол. Обняв плечи руками, Альга пыталась согреться, слушала птичью многоголосицу в ветвях и думала, куда пойдет дальше. С момента бегства прошел почти нар, и с каждой минкой девушка все больше и больше верила в то, что ей удалось вырваться.

Но Ходящая продолжала чувствовать себя совершенно незащищенной, и ликование в душе скоро сменилось унынием. Она оставалась отрезанной от Дара. Стена Дома Боли, вставшая между ней и «искрой», была не в пример прочнее той, что создавал господин Дави. Альга была уверена, что сможет сломать и эту преграду, но браслет, который защелкнул на ее правом запястье господин Ка, препятствовал любой попытке создать плетение.

Девушка с тоскливой злобой посмотрела на черный металл. Его сегменты и сглаженные края походили на хвост скорпиона. Когда она впервые ощутила эту гадость у себя на руке, то испытала сильную боль – ядовитое жало на тыльной стороне браслета вошло ей под кожу. Через несколько секунд все прошло, но она до сих пор чувствовала этот шип.

Раньше Ходящая никогда не слышала об артефактах, столь надежно блокирующих умение пользоваться Даром. Стоило Альге хотя бы подумать о самом простом плетении – металл становился теплым, а шип тут же впрыскивал в ее кровь яд, и девушку начинало так мутить, что уже было не до «искры». Если пленница продолжала сопротивляться, ей становилось плохо, хоть в могилу ложись.

Ученица Галир отличалась завидным упрямством и не отступала до тех пор, пока ее мысли не становились бессвязными, и она не теряла сознание. Четыре ее попытки вырваться, используя то же плетение, которое получилось в день убийства господина Дави, ни к чему не привели. Девушка лишь ослабла, и сама мысль о Даре на какое-то время стала

вызывать у нее отвращение.

Она пыталась разгадать секрет замка, скреплявшего пластинки между собой, но не смогла и лишь окончательно уверилась, что без помощи «искры» снять его не получится.

Разумеется, был еще один способ – лишить себя руки, но Ходящая была не настолько смела, чтобы решиться на такой шаг.

Краем глаза она почувствовала едва заметное движение, обернулась, одновременно вскакивая на ноги, но лесная прогалина оставалась пустой. То, что она приняла за движение, было всего лишь тенью облака, набежавшей на старый пенёк. С бешено колотящимся сердцем девушка вновь присела, все еще вздрагивая от холода. Одежда высыхала чрезвычайно медленно.

Ей повезло, что среди охранявших не было этого массивного Ка. Он пугал ее, и вряд ли так просто позволил бы сбежать. Она не знала, куда он уехал и что делал, но была рада, что колдун сейчас далеко.

Вновь движение!

Альга в упор посмотрела на пенёк, не понимая, что происходит. Ей показалось, будто тот немного продвинулся в ее сторону, теперь их разделяло всего пять ярдов. Она прищурилась, решила, что стоит уйти отсюда как можно быстрее. И в тот же миг пенёк взвился в воздух и рухнул на нее, оплетая корнями.

Сильный удар заставил девушку перевалиться через ствол, упасть на спину. Перепуганная Ходящая громко взвизгнула, дернулась, но проклятая деревяшка держала крепко, и ноги потеряли всяческую подвижность.

В следующее мгновение беглянка увидела выходящую из-за деревьев Гриту. Колдунья подошла к пленнице, присела на корточки, ласково погладила замшелый пенёк, и тот в ответ довольно заурчал.

– А ты молодец, – обратилась снисходительно к Альге, и из ее голоса пропали обычные надменные нотки. – Отчаянная. Заставила нас побегать.

Из леса вышел Наэль. По его лицу ничего нельзя было прочесть, но волосы были взъерошенными и мокрыми.

– Ну и чего добились, дура? – равнодушно сказал он, вскользя оглядывая залитую светом прогалину. – Теперь ты похожа на жалкую мокрую мышь.

Ходящая, понимая, что проиграла, опустила плечи, сгорбилась, но тут же выпрямилась и с вызовом посмотрела в бесцветные глаза некроманта.

– Она хотя бы попыталась, Наэль, – Грита неожиданно встала на сторону пленницы. – Давно я не помню такого.

Мужчина кивнул. Опять же – безразлично. Казалось, его ничто не

могло взволновать.

– Бесполезная попытка.

– Я убегу снова! – упрямо сжала губы Альга.

Грудь все еще болела от удара деревяшки.

– Пока браслет на твоей руке – мы всегда легко тебя найдем. Так что бегством ты ничего не добьешься.

Он щелкнул пальцами, и пень неохотно разжал корни, отпустив ноги девушки. Альга ощутила, как невидимая веревка связала ей руки. Появился запыхавшийся, тяжело дышавший, покрасневшийся Хирам. Схватив Ходящую, он взвалил ее на плечо и, ругаясь, поминая Бездну, понес беглянку обратно.

К реке.

Игла сидел на носу и настороженно, со злобой, следил за каждым мимолетным движением Альги, даже несмотря на то, что левую руку девушки привязали к банке, чтобы она больше не пыталась выпрыгнуть за борт.

Нос убийцы был разбит, покраснел и раздулся, из-за чего глазки казались совсем маленькими, поросычьими. Игла не скрывал своей злости и даже хотел отвесить Ходящей оплеуху, но резкий окрик Наэля заставил его остановиться.

Когда лодка отчалила, Грита сочла нужным высушить одежду продрогшей пленницы.

– Зачем ты это делаешь? – недовольно спросил наемник. – Пусть стучит зубами.

– Дурак ты, – холодно ответила колдунья, не пускаясь в объяснения.

– Может, ты ей еще и юбку новую наденешь? – с издевкой поинтересовался Игла.

– Хватит и этой. А теперь заткнись и не мешай мне управлять.

Они плыли еще несколько норов, продвигаясь на северо-восток, вверх по реке, все дальше и дальше от основных трактов и все ближе к землям, где шла война. Река запетляла, ее пронизало множество широких заводей. То на левом, то на правом берегу появлялись хутора и деревушки.

Когда солнце повисло над самым лесом – тихим и безмятежным, они приплыли к небольшому городку, остановились на ночевку в какой-то дыре, а следующим утром продолжили плавание.

Никого из похитителей не смущало, что их заметят чужие глаза. Несмотря на не слишком обжитой регион им то и дело попадались рыбаки, лодочники или плотогоны. Поначалу Альга даже недоумевала, отчего

мужики, вытягивающие сети, или вольнонаемные, сплавающие лес, не видят, как они плывут без всяких весел и гораздо быстрее, чем их должно нести течение. Затем поняла, что Наэль отводит глаза, окружив лодку тонкой дрянью, вроде мыльного пузыря.

– Куда мы плывем? К Озерам? – как-то спросила Ходящая.

– Куда надо, туда и плывем, – раздраженно рявкнул Игла.

– Понравилась вчера водичка? – дерзко бросила она ему.

– Ах, ты! – взвился тот, но опомнился, сел и остервенело стал жонглировать ножом, явно представляя, как втыкает его ей в сердце.

Хирам за спиной посмеивался.

Дни сменялись один за другим. Погода была теплой, иногда в полдень – даже жаркой, уже совсем летней. Затем, когда они продвинулись глубже на север, вновь стало холодать. На горизонте появились дождевые облака, и Грита заставила лодку пристать на окраине какой-то деревни.

– Что теперь? – спросил Хирам, подтягивая поближе арбалет.

– Ждем.

Берег здесь был крутым, возле воды – песчаным и изрезанным старыми гнездами стрижей. Чуть дальше стоял массивный деревянный дом с высоким сосновым забором и спуском к реке. Через несколько минок в заборе распахнулась калитка, и к лодке стал спускаться чернявый широкоплечий мужчина. Альга показалось, что она уже где-то видела его лицо, но никак не могла вспомнить, где.

– Ты оказался быстрее ветра, Маганд, – поприветствовал его Наэль, выбираясь из лодки. – Даже нас обогнал.

– На ветре что ли летел? – рассмеялся Хирам.

– Ветер благоволит смелым, – улыбнулся чернявый.

В этот момент Ходящая его узнала – это был тот самый наемник, которому господин Ка приказал отвезти раненного милорда Лофера.

– Как там тот жмурик? – поинтересовался Игла.

– Как и все жмурики. Умер в дороге. Не успел он... к лекарю.

И тут Альга не выдержала и впервые с того момента, как попала в плен, заплакала.

В комнате, просторной и светлой, пахло медуницей. Ученица Галир сидела за столом, связанная по рукам и ногам невидимыми веревками, и изучала скатерть. Чистую, ослепительно-белую, с зимним узором, вытканным умелыми руками неизвестной рукодельницы. Дверь в кухню была распахнута, и оттуда доносился запах только что вытщенных из печи пирогов, гремела посуда, слышались голоса. А затем внезапно наступила

гнетущая тишина.

Ходящая вздрогнула, подняла глаза от скатерти и, забыв об узоре, посмотрела в сторону дверного проема. Сердце ее, неожиданно сжавшись, отчаянно стукнуло. Альга судорожно потянулась к плетению, но вновь ощутила укол жала скорпиона.

Свет в горнице поблек, померк, комната начала медленно вращаться, накренилась... и почти тут же весь мир вернулся на круги своя. Пропала одуряющая боль, лишь по вискам катились тяжелые капли пота, и дыхание стало частым, с сипением.

– Ты или глупа, или слишком упряма.

Господин Ка, огромный, кажущийся неповоротливым, облаченный в простую крестьянскую одежду, стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нее.

– Забудь об «искре» навсегда.

– Рано или поздно я обрету Дар, – она заставляла себя верить в эти слова.

– Боюсь, у тебя не осталось на это времени. Твои нары сочтены, маленькая Ходящая.

– Ты меня не запугаешь, колдун!

Его светлые глаза потемнели, а ноздри раздулись:

– Мне незачем тебя пугать. Я и так узнаю все, что мне нужно. А после ты умрешь.

Она не стала отвечать, опустив взгляд на скатерть.

– Та отсрочка, что я дал тебе, завершилась. Теперь я могу заняться исключительно тобой, девочка. И твоими тайнами. Лучше бы тебе самой рассказать, где Целитель и его госпожа.

– И меня ты называешь глупой, – она была рада, что ее голос не дрожит. – Мне кажется, что глуп ты. Точно так же, как и твой брат. Давно бы пора понять, что я ничего не знаю ни о каких Целителях.

Для своей внушительной комплекции некромант двигался нереально быстро. Альга пропустила его движение рукой и лишь вскрикнула, когда удар тыльной стороной ладони разбил ей губы.

– За его смерть ты мне ответишь сполна. Но позже.

– Буду считать это задатком, – она собрала волю в кулак.

Он больше не увидит ее слез, не насладится ее страхом, ее болью, ее отчаянным желанием жить.

Господин Ка, отодвинув стул, сел напротив и поставил на стол небольшую стеклянную пирамидку. Альга с мрачной настороженностью смотрела на неизвестный предмет, ожидая самого худшего. Некромант

помолчал, дождался, когда грани нальются лимонно-желтым светом, и цокнул языком. Девушка была готова поклясться, что тот удивлен и разочарован.

– Столько сил... – наконец покачал головой господин Ка. – Жизнь Дави... И все впустую!

Последние слова он выкрикнул и одним ударом развалил стол. Ходящая, не ожидавшая такой вспышки гнева, испуганно вскрикнула и вжалась в спинку стула. Метаморфоза, произошедшая с колдуном, была потрясающей и пугающей. Существо, что сейчас стояло перед ней, язык бы не повернулся назвать человеком. Птичьи пальцы с кривыми, острыми точно бритва когтями, сжались на шее Альги. Девушка знала, что твари не придется прилагать много усилий, чтобы убить ее. Достаточно лишь надавить немного сильнее и... все.

Она посмотрела в страшное лицо, но прежде, чем успела хоть что-то сказать, некромант шагнул назад, выпуская жертву из когтей. Он вновь походил на человека – большого, массивного, с трудом пытающегося контролировать собственную ярость.

Больше не глядя на Альгу, колдун отшвырнул ногой обломки стола, пальцем вывел на полу волнистую линию, заключил ее в треугольник и произнес формулу вызова.

Из скудной тени, прятавшейся от солнечных лучей под шкафом, соткался крылатый вестник и сердито зашипел.

– Передай, что я прошу о разговоре, – сказал ему господин Ка.

Существо нырнуло под шкаф и исчезло, словно пройдя сквозь стену.

Несколько томительных минок Альга старалась успокоить дыхание и предположить, что будет дальше. По поведению Белого, едва не убившего ее уну назад, можно было понять – что-то пошло не так. Кажется, до господина Ка лишь теперь, наконец, дошло, что она, действительно, не знает о Целителе. А раз так – ему нет нужды с ней церемониться.

Вновь появился вестник, ударился об пол и превратился в непроглядно-черный человеческий силуэт. Господин Ка тут же опустился на колено и сказал на сдисском:

– Ахлян, йа наджамата хайати.^[2]

– У тебя есть новости для меня? – голос был не мужским и не женским. Глухим, едва слышным, шелестящим. – Говори на имперском.

– Я не один.

– Вижу. Меня это не смущает. Говори.

– Я... ошибся. И... Дави тоже. Она – не та.

– Значит, ты потратил несколько ценных месяцев зря.

– Я готов ответить и понести наказание, которое вы сочтете нужным.
– Об этом я подумаю позже, – ровно сказал неизвестный. – Почему вы сразу ее не проверили?

– Ее нашел Дави, о Звезднорожденная. Я был слишком далеко. Искал на востоке. У него не было возможности проверить все точно. Внешний рисунок совпадал. Манера – тоже. Плетения практически идентичные. Расхождения я смог найти только с помощью «Глаза Грифа». Ее узор не совпадает с нужным.

– И, следовательно, она ничего не может знать о Целителе и моей подруге?

– К сожалению...

Повисло молчание, которое осмелился нарушить господин Ка:

– Я только теперь понял, почему произошла ошибка...

– Плетения ближайших родственников практически идентичны, – кивнула тень. – Я тоже не учла этого. Очень редко в одной семье встречаются две «искры». Кажется, это – именно такой случай. Кто она? Твоя мать?

Альга поняла, что обращаются к ней, но язык словно присох к небу.

– Говори! – господин Ка встряхнул ее, словно котенка.

– Нет, – тихо сказала Ходящая. – Моя мать умерла.

– Значит, сестра?

– Отвечай! – рука колдуна все еще держала девушку за шкурку. – Сестра?!

– Оставь ее, Ка. Теперь это бесполезно... та Ходящая – мертва.

Сердце у Альги остановилось. А мир разбился вдребезги.

– Вы уверены, о Звезднорожденная?

– Иначе ты бы почувствовал ее плетение. Еще одно такое же, но немного иное, чем у этой девочки. Раз его нет – значит, та, кого мы разыскиваем, уже не в нашей власти, и искать ее следует в Счастливых садах.

– Значит ниточка, ведущая к Целителю, оборвана?

– Кто знает... Ты хочешь убить ее?

– Если вы позволите, о Звезднорожденная. Она много слышала и убила Дави.

– Меня не беспокоят ее уши. Что касается Дави – я сожалею о гибели твоего брата и скорблю вместе с тобой, но не стоит торопиться. Приезжай. Возьми ее с собой. Я хочу посмотреть на ту, что сумела убить одного из двух моих Верных.

– Так и сделаю, о Звезднорожденная.

Силуэт исчез, растворился в солнечном свете, и господин Ка, наклонившись, прошептал Ходящей на ухо:

– Это всего лишь отсрочка. После того, как ты перестанешь быть интересна госпоже, я возьму тебя себе. И ты ответишь за смерть моего брата.

Он быстро вышел из комнаты, оставив ее в одиночестве.

– Будь сильной, – сказала Альге сестра, уезжая в Гаш-шаку. – Будь сильной, даже если нет надежды. Обещай мне!

И она обещала.

Глава 17

Все следующее утро, в последний день перед битвой, я был занят тем, что работал мотыгой наравне с другими. Тысячник Олот – ворчливый, крикливый и грубый старикан – тоже остервенело махал киркой в паре ярдов от меня, с каждым ударом выдавая в мир новую заковыристую фразу. Он «плел» ругательства даже более ловко, чем Тиф складывает свои смертоубийственные подарочки. Олот за последний нар ни разу не повторился, и я узнал множество новых словосочетаний, пожеланий и проклятий.

Работали мы на совесть, но толку от этого оказалось немного. Под слоем пепла и алого песка был бугристый вулканический камень. И он скорее тупил рабочие инструменты, чем поддавался им. Худо-бедно мы создали линию обороны для стрелков. Натаскали побольше булыжников, закопали в землю острые обсидиановые зубья, так как нормальных жердин поблизости днем с огнем было не сыскать – лес находился за много лиг от нас, и даже худосочные запасы дров уже давно были исчерпаны. Для растопки костров использовался сероватый камень, который принесли ниристы из своих пещер. Он давал много тепла, но мало света.

Квелло, получивший в свое распоряжение сотню рубак, сомневался, что воздвигнутая нами преграда переживет удар кавалерии. Я с ним не согласился. Местность перед нами лежала неровная, складчатая, и набаторцы при всем желании не смогут взять хороший разгон. По застывшей лаве особо не поскачешь. Кавалерии, если только южане решатся ее использовать, придется несладко.

Чуть выше по склону расположили четыре катапульти, которые удалось сохранить во время отступления. С того места, где мы находились, открывался превосходный вид, и бить отсюда было просто великолепно. Как раз поверх голов нашей, находящейся внизу, линейной пехоты.

– Все эти приготовления – чушь, – тихо, чтобы никто не слышал, сказал мне Трехглазый, отбрасывая в сторону кирку, переводя дух и садясь на край ямы, которую мы безуспешно расширяли уже третий нар. – Стрелы, копыя, мечи... против некромантов они так же бесполезны, как воевать против океана. Из нас сделают фарш, даже не вступая в ближний бой.

– Не время отчаиваться, – Тиф, обладающая очень чутким слухом, встряла в беседу. – Ты разве не знаешь, что все, у кого есть Дар – страшно

жадны? Особенно Проклятые. Никто не будет просто так тратить «искру», когда есть обычные солдаты.

– Ты веришь, что некроманты не вступят в бой?

– Я этого не говорил, – возразила она. – Будет тяжело, но не так, чтобы сразу лечь в эту ямку, накрыться плащом и помереть. К тому же, с вами тоже есть те, у кого «искра».

– Не сомневаюсь в твоих способностях, Порк, но трое против сотен...

Проклятая рассмеялась:

– Оставь! Белых не больше десятка. Митифа знает, что ей здесь ничто не грозит. Остальных она отправила на помощь к своим друзьям. Там некроманты гораздо нужнее.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, – с многозначительным видом сообщила она.

Я поплевал на руки и вновь взялся за мотыгу.

– Нэсс, твоя работоспособность меня просто изумляет, – улыбнулась Убийца Сориты.

– А меня – твоя лень.

– Не собираюсь брать в руки кирку.

– Тебе и не надо. С твоими возможностями все делается за пять минок. Мог бы и помочь, чтобы другие не горбачились и не теряли время.

Трехглазый посмотрел на нее с надеждой, но Тиф лишь презрительно фыркнула:

– А завтра я колдунов буду чем встречать? Лопатой? Или крепким словом? «Искра» – штука не бесконечная.

– Согласен, – оживился Трехглазый, подтянув к себе кирку. – Каждый должен заниматься своим делом.

– Учись, Нэсс, – поддела меня Дочь Ночи. – Видишь, какой понимающий у тебя помощник.

Я смачно сплюнул ей под ноги. После того случая с Ходящей мы не слишком много общались.

Когда наступил полдень, прибежал Юми. Все наши встретили его, как героя, и вейя не переставая пицал о собаках. Здесь он был, как дома.

Мы наконец-то продолбили яму и завершили частокол из обсидиана. Выглядел он совершенно непривычно.

Пепел сегодня не валил, Громкопоющая решила устроить перерыв, чему все были несказанно рады. Ясное утро сменилось хмурым днем. Облака прижались к самой земле, цеплялись за вершины, накрывали склоны, ползли по ним, спускаясь в серо-красную бугристую долину. Стало еще холоднее, чем раньше.

– Сидим на огне, а дубняк такой, словно мы в землях северян посреди полярной ночи, – ворчал Квакушка, заворачиваясь в лошадиную попону.

– Погоди. Завтра будет жарко, – пообещал ему Квелло. – Йе-арре говорят, что Проклятая в полудневном переходе от нас.

Лучник в ответ лишь скривился и процедил сквозь зубы, что бы он сделал с Митифой, будь у него такая возможность.

– Эй, Нэсс! – окликнули меня, и я увидел, что сверху мне машет Лук.

Поднявшись, я пошел к нему, взбираясь на склон по извилистой тропинке.

– Здорово, – поприветствовал он. – Я шел мимо вашего лагеря, подумал, что тебе будет интересно узнать. Тут Гис.

– Да ну?! – Вот уж на встречу с кем я никак не рассчитывал. – Как он здесь оказался?!

– Через Клык Грома. Я толком не успел с ним поговорить. Заклинатель во-о-он там. А, лопни твоя жаба! Из-за облаков отсюда не видать. В общем, он воды попросил, а у меня с собой не было. Если тебе не сложно – отнеси ему, а? Он на левом склоне Сонного. Не ошибешься.

– Хорошо. Отнесу.

– Ладно... Удачи тебе завтра.

– Эй, стой! Что он там забыл?

– Спроси чего полегче.

Лук вприпрыжку поспешил вниз, а я поплелся через весь лагерь, вдоль укреплений, пока не миновал Мертвеца.

Из-под сапог то и дело сыпались маленькие камушки, тропка начала спускаться, запетляла между флейт Алистана, а потом вывела меня на склон Сонного. Из-под некоторых булыжников здесь сочился пар. Я остановился, на мгновение приложил ладонь к земле. Она была теплой.

Вновь начался подъем. Теперь приходилось идти мимо бугристых рыже-черных вулканических сталагмитов, возвышающихся надо мной на высоту двух-трех человеческих ростов. Из вершин многих валил серо-желтый дым с неприятным запахом.

Я шел через эту странную каменную рощу, стараясь дышать не слишком глубоко, и поглядывал по сторонам. Уже несколько минок приходилось брести в самом настоящем дымном облаке, перешагивая через каменные обломки.

Наконец, я оставил сталагмиты за спиной, дошел до развилки и начал подумывать, что пора возвращаться. Здесь было много пара, земля казалась спекшейся, не росло даже самой жалкой колючки. Не знаю, какой Бездны сюда затащило Гиса, но бродить по Сонному, который, по моему мнению,

вот-вот собирался проснуться, не стоило. Пожалуй, встречу с заклинателем придется отложить на следующий раз.

Внезапно поднялся ветер, и бурая стена из пара и дыма вокруг меня разбежалась в разные стороны, словно отара овец, увидавших волка. Моему взору открылась бесконечная, залитая солнечными лучами бугристая рыже-серая долина, наши укрепления вдоль отрогов разорванного Мертвеца, угрюмая Громкопоющая, озеро в форме молодой луны возле Молчуна, перегораживающее с запада подходы к нашим позициям. Отсюда оно казалось ядовито-зеленым и, как я слышал, нириты строго-настрого запретили людям подходить к нему близко. Его испарения были смертельны, не говоря уже о воде, которая за несколько мгновений растворяла все, что в нее попадало.

Ярдах в двухстах от себя я увидел Гиса. Он ползал по земле на коленях. Направившись к нему, я перепрыгнул через неглубокую ямку, на дне которой бурлила грязь. Он услышал шаги, обернулся, встал, отряхнул штаны и, прищурившись, смотрел на меня.

Я поднял руку, приветствуя его. Улыбнулся.

Он вернул мне улыбку, но глаза заклинателя продолжали цепко меня ощупывать.

– Сожалею о том, что случилось с Лаэн, – первым делом сказал он и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил:

– Лук утром рассказал.

Говорил он приветливо, но смотреть продолжал как-то странно. Его правая рука была опущена в старую дорожную сумку. И тут я понял, в чем дело.

– Успокойся. Я не одержимый.

– Не утверждаю, что это так. Однако с тобой явно не все в порядке.

Я пожал плечами:

– Знаю, но в этом нет угрозы.

Он колебался, однако потом все же убрал руку с жезла.

– Поверю на слово. Это похоже... – он нахмурился, пожевал губами. – Помнишь того паренька, что напал на тебя в деревне, где мы столкнулись со сдисцами?

– Да, но его ситуация была хуже, – ответил я. – Рад, что смог тебя вновь увидеть. В Альсгаре мы расстались в большой спешке.

Я вспомнил берег Устричного моря, лодку, мертвого ученика Гиса, разваленные бараки, обугленное тело убитого демона, наше бегство...

Заклинатель еще раз пронзил меня взглядом и теперь уже улыбнулся совершенно искренне:

– Взаимно.

– Не сладко пришлось в городе?

– Только в первые дни. Рован не смог продвинуться дальше внешней стены. А с Бичами Бездны я и другие заклинатели худо-бедно справились.

– Как тебе удалось выбраться?

– Как и многим другим, – отозвался Гис. – Наш флот удерживал морские пути до середины осени и только потом, когда начались шторма, отступил в Лоска. Я смог проскользнуть с контрабандистами. Мать просила доставить письмо в Радужную долину. Но там я нашел только Проклятую.

– Ты видел Аленари? – удивился я.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее, но ничего не спросил, хотя мог бы поинтересоваться, откуда мне известно, что там была Оспа.

– Да. Мельком. Я ее не интересовал, и меня отпустили на все четыре стороны. Надеюсь, Проклятая об этом пожалеет, – он усмехнулся в густые усы. – Как ты меня нашел?

– Лук подсказал. Да, кстати. Вот. Держи, – я отстегнул от пояса флягу с водой.

– Спасибо. – Он напился и протянул фляжку обратно.

Но я отказался:

– Оставь себе. Она может еще понадобится. Смотрю, ты не собираешься спускаться в ближайшее время.

Заклинатель проследил за моим взглядом и кивнул:

– Предстоит много труда. Я, можно сказать, только начал.

Передо мной лежала часть грандиозного рисунка, выжженного на земле.

– Для чего это?

– Хочу уравнять наши шансы...

Мне не понравилась его улыбка.

– ...но, боюсь, к началу битвы не успею. Так что извини... мне надо работать.

– Конечно. Еще увидимся.

– Спасибо за воду.

Я махнул рукой и поспешил вниз.

К вечеру погода прояснилась, даже немного потеплело. Йе-арре докладывали, что армия Митифы уже стоит на пороге и до нас ей всего четверть лиги. Многие опасались, что Проклятая атакует ночью. Но когда стемнело, прошел слух – передовые части набаторцев обустраивают лагерь

возле Кошачьей седловины, на севере, у самого края долины.

Летуны не удержались и засыпали авангард врагов дротиками и стрелами, но тут же бросились прочь, так как некроманты и немногочисленные Сжегшие душу сделали небо опасным для полетов. На этой кратковременной стычке все и закончилось.

Спустилась ночь, и долина вспыхнула множеством огней. С каждым нармом их становилось все больше и больше – прибывали новые отряды южан. Мы мрачно смотрели на мерцание костров, не ожидая от завтрашнего дня ничего хорошего. Неполных пятнадцать тысяч и три носителя «искры» против почти сорока тысяч и нескольких десятков некромантов, не считая Проклятой.

Я обсуждал с десятниками завтрашний бой, еще раз проработав метки, установленные перед нашими позициями. Распределил людей на отряды, стараясь поставить новичков с опытными ветеранами, и поцапался с двумя идиотами, задержавшими доставку стрел.

Когда я вернулся на свое место, то увидел, что Тиф роется в моей сумке.

– Что ищешь? – поинтересовался я.

– Наконечники, – не стала лгать она.

Я ничего не сказал, только усмехнулся. Шен отдал мне вчера еще один, но я держал их при себе.

– Так они есть? – голос у нее был напряжен. – Потому что я не уверена, что «Гаситель Дара» нам поможет.

– Намереваешься завалить Митифу?

– Твоими руками. Если получится. У нас обязательно появится такой шанс. Я буду рядом с тобой. Шен и Рона – на другом фланге.

– Убить Митифу – дело хорошее. Только вряд ли она нам подвернется. Чудеса не случаются дважды, Тиа.

– Возможно. Но надо быть готовыми к этому.

Я неохотно кивнул:

– Буду.

– Как твоя суженая?

– Ого! Я уж думал, ты никогда не спросишь.

Она поджала губы:

– С твоей женой случилось то же, что и со мной. С тем лишь отличием, что она не спешит забивать тебя в самый дальний угол, и жить сама.

– Наверное, она просто лучше, чем ты, – ровно ответил я и, достав «Гаситель Дара», стал вычищать им грязь из-под ногтей.

– Несколько последних дней я внимательно к тебе приглядывалась, – Тиа словно и не заметила моих слов. – «Искра» едва ощутима, но я ее вижу. Поверь, этот Дар я ни с каким другим не перепутаю. Он хорошо знаком мне, я не забуду его до конца своих дней.

Ее глаза сверкнули ненавистью, но Тиф тут же справилась с собой и продолжила, как ни в чем не бывало:

– Не сился ее позвать. Это совершенно бесполезное занятие. Тебе никто не ответит.

– Откуда ты знаешь? – буркнул я, так как все мои призывы, действительно, оставались без ответа.

– Если не брать власть над телом и не использовать его, то ты очень ограничен в силах и средствах. Можно сказать, что не живешь и даже не существуешь. Находишься в подвешенном состоянии где-то *там*. В серой хмари, между сном, явью и смертью. Крайне неудобное место, на мой взгляд. Выныривание оттуда в реальность – стоит зверских сил. А уж если использовать «искру», то потом и вовсе можно пропасть на несколько месяцев, а то и лет. Интересно, как это произошло? Почему она осталась жива? Лишилась тела, но не своей сути. И почему оказалась в твоём разуме?

– Благодаря чему ты залезла в тело Порка, а не отправилась в Бездну, в которой тебе самое место? – в данный момент меня не интересовали все эти «почему». Я был вполне удовлетворен тем, что Лаэн *вновь у меня есть*. А каким способом это произошло – мне все равно.

– Благодаря желанию жить, небольшому личному опыту и присутствию Целителя. Точнее, его магии. Судя по всему, в вашем случае второе и третье явно отсутствовало. К тому же, если ты не знаешь, вместилище для духа должно соответствовать некоторым требованиям. Только умственно отсталый или человек, уже имевший опыт соприкосновения со светлой и темной «искрой», является подходящим сосудом. Во всех других случаях тело будет разрушено. Ты не слишком похож на придурка и не являешься магом, да еще и с обеими сторонами Дара. Но, вместе с тем, она явно вполне способна существовать в тебе. Хотя я могу только предполагать, что с тобой будет, если она начнет применять Дар.

Я хмыкнул и посмотрел на долину.

– Ты очень спокоен. Тебе нравится такая жизнь?

– А у тебя есть альтернатива?

– Я бы предложила тебе подумать над тем, чтобы найти подходящее тело и обрести настоящую жену, а не призрака, появляющегося раз в год,

говорящего пару слов и от бессилия впадающего в спячку. Так что прояви инициативу. Думаю, в твоих интересах уговорить Шена вспомнить, как это делается.

– Снова-здорово! Ты печешься только о своих интересах, Проклятая.

– Именно, убийца. Именно. Но это не значит, что мне не интересно побеседовать с твоей женушкой. Мальчишка – последний из Целителей. Пока больше никого с таким Даром не предвидится. Так что давно пора его расшевелить.

– Ну, если сможешь – сообщи мне. Я с радостью воспользуюсь.

Убийца Сориты тихо рассмеялась:

– Ожидаю от тебя того же самого... Завтра нас ждет тяжелый день. Думаю, ты должен кое-что узнать.

– Слушаю.

Она поколебалась, и по ее лицу я понял, что Тиф уже жалеет, что затеяла этот разговор.

– Я считаю, ты должен знать правду о своей жене.

– Тебе известно то, что неизвестно мне? – я приподнял бровь.

– Да. Я считаю, что Лаэн – это Гинора.

Я с недоумением посмотрел на нее:

– Я слышал, что выбросы Грох-нер-Тохха могут быть опасны для здоровья. Но не настолько же. Что за чушь ты городишь?

– Я говорю то, что думаю! Твоя жена – это Гинора. Знает об этом она или нет – другой вопрос. Возможно, дух Лисички живет в ней скрытно. Но иначе все случившееся объяснить никак нельзя.

– Подробнее, пожалуйста, – я продолжал сохранять спокойствие, все еще не слишком веря в ее домыслы, но в голове уже прозвенел тревожный звоночек.

– Начнем с самого очевидного. Я уже говорила тебе об этом после того, как ты рассказал мне историю, как выжила Рыжик. Вся эта сказка про обучение юной девочки шита белыми нитками, – она шмыгнула носом и натянула ворот свитера повыше. – Я объясняла тебе – Гинора никогда не могла обучать женщин. Это было ее особенностью. Поверь, я знаю, о чем говорю. Все ее попытки обучить девчонок заканчивались неудачей. Она дрессировала исключительно мужчин. К примеру, Ретара. А здесь – бац, и ученица.

– Все бывает впервые.

– Нет. Это особенность «искры», которую нельзя сломать. А вот если бы дух Гиноры был в Лаэн, то учение бы пошло как по маслу. И, скорее всего, так и случилось. Их плетения отличаются друг от друга минимально.

К тому же, ты извини, но даже с помощью «Солнечного круга» Лаэн не смогла бы справиться с двумя Проклятыми. А вот у Гиноры такое бы получилось.

Я вздрогнул, так как внезапно вспомнил слова, сказанные Лаской на болоте:

«Мной кто-то управлял, подсовывал плетения, говорил, что следует делать. Я слышала голос учительницы...»

– Что? – тут же подалась вперед Тиф.

– Оставленные болота. Ты что-нибудь о них знаешь? О том городе, что остался в самом сердце непролазных топей?

– Ты о Харгусе? Был такой. Гинора стерла его в порошок, а затем пришла сюда, в Брагун-Зан и навела здесь шороху. Зан-на-кун потеряла множество своих сестер. И, возможно, лишилась бы всех, если бы Лисичке не пришлось спешно выдвигаться к Пряным озерам, чтобы усилить армию Лея. Так что ты вспомнил?

– Лаэн говорила со мной на болотах. В развалинах. Сказала, что помнит это место, хотя здесь никогда не бывала.

– Память Гиноры. Та малость, что от нее осталась, – кивнула Проклятая.

– Думаешь, Лаэн знала? – голос у меня стал хриплым, и захотелось срочно смочить горло.

– Честно? – Она посмотрела на огромную комету, бесконечно летящую по небу. – Без понятия. Мне кажется, она могла быть не в курсе. Хотя, если знала, вряд ли бы тебе сказала. Такое откровение может напугать и более смелого человека, чем ты.

– Чему ты улыбаешься?

Она покачала головой, но затем все же ответила:

– Когда погиб Ретар, Гинора была единственной, кто меня поддержал. И позже я жалела, что она погибла. В Сахаль-Нефуле длинные ночи, есть время подумать, и я много раз спрашивала себя – почему она, а не я, к примеру? Ведь отвлечь врага мог бы кто угодно. А я тогда не слишком хотела жить. Знаешь, какой ответ приходил мне в голову? Я просто не подумала, что можно предложить свою кандидатуру.

– Ты жалеешь об этом?

– Сейчас? По прошествии пяти веков? Нет. Не жалею. Хотя мне все еще не хватает Лисички. Именно поэтому я и улыбаюсь, лучник. Кажется, она догадалась, как можно сохранить себя. Пускай даже и в таком виде. Раньше она жила в Лаэн. Теперь живет в тебе, – Проклятая наклонилась ко мне вплотную, заглянула в глаза. – Если у тебя будет возможность, передай

ей привет.

Я отклонился в сторону:

– Если только ты, действительно, права. Заклинатель не нашел в Ласке никаких признаков одержимости.

– Не думаю, что это можно назвать одержимостью, – она отодвинулась от меня. – Вряд ли это так, когда часть чужого сознания становится твоим. Когда ты и кто-то другой становятся единой, неразделимой личностью. Вряд ли даже Магистр Алых способен в этом разобраться. Ну, а чему улыбаешься ты?

– Когда я вспоминал плетение, чтобы вылечить Рону, его окончание мне подсказал голос Лаэн. С недосыпу я подумал, что мне показалось, но теперь... это ведь она спасла Ходящую.

Повисло молчание.

Долина продолжала мерцать кострами, в небе летела багровая комета, озаряя горные склоны мрачным светом, недалеко от жерла Громкопоющей мигало синее пульсирующее пламя – вход в жилища нирит и дворец Пепельной девы.

– Почему ты осталась, Проклятая? Почему сражаешься против своих?

– Я давно уже не считаю их своими, Нэсс. К тому же, это Митифа. А у нас с ней очень старые счеты. И я намереваюсь попытаться с этим разобраться.

– Ты полна оптимизма.

– Почему бы нет? Будь тут Лей, и я уже подумывала бы, куда смыться. Сама судьба дарует мне шанс разобраться с Серой мышкой. Сейчас преимущество на моей стороне. Она не знает, что я здесь.

– Корь сильнее тебя?

– Видимо да, – с безразличием в голосе сказала она.

– Ты не боишься?

– Слишком поздно бояться, гийян. Мы смотрим в неизбежность. Остается лишь принять ее и сделать все, что в наших силах. Ладно, мне пора, – Тиф встала. – Шену и Роне предстоит последний урок перед завтрашней битвой. А ты выспись хорошенько.

Проклятая ушла, а я сидел и думал о том, что так и не успел поговорить с Целителем и узнать, может ли он помочь нам с Лаэн.

Солнце было багровым, трава оранжевой, земля алой, а пепел, сыпавшийся с пурпурного неба, золотым. Лаэн стояла рядом с флейтой Алистана, наблюдая закат. На ней было алое, похожее на змеиную кожу платье, а волосы рыжие-рыжие. Золотые крупинки пепла сверкали в них,

словно алмазы, стоило Ласке немного повернуть голову.

Я окликнул ее, но она не услышала, словно нас разделяла тысяча лиг. Я шагнул к ней, но не приблизился ни на дюйм.

– Сейчас она для тебя недоступна, – сказал Гаррет.

– Ты знал, что она – Гинора?

– Хм... – он задумчиво приложил палец к губам. – Это не так. Лаэн – это Лаэн. Твою жену нельзя назвать Гинорой. Она не знает, кто она и кем была раньше, если тебя беспокоит именно это. Хочу попросить тебя об услуге.

– Слушаю.

– Не упускай из виду Митифу.

– Что?.. Почему?

– Мне кажется, это неразумно, – он пожал плечами. А затем пожелал: – Доброй ночи.

И солнце село, погрузив Брагун-Зан во мрак.

Глава 18

Над Альсгарой собрались серые тучи. День обещал быть мрачным и промозглым, как и вся прошедшая осень.

А ведь утро вселяло надежду, что, наконец, распогодится. Через разрывы плотной низкой облачности пробились солнечные лучи, осветив крыши древнего города, заставили шпили храмов Мелота сиять золотом, а волны Устричного моря, обычно серые и тусклые, сверкать и наливаясь неожиданной синевой.

Но уже спустя нар, ветер переменился, подув от Самшитовых гор, и ясное утро сменилось пасмурным днем. Море вновь стало угрюмым, заволновалось, воздух стал холодным, и с неба начали падать редкие, колючие, первые в этом году снежинки.

Тиа ал'Ланкарра по привычке сидела на подоконнике, обхватив руками колени, и изучала лежащий под ее ногами унылый город. Она не думала ни о чем, просто смотрела вниз и туда, за горизонт, где были страны более теплые, чем эта.

Потом девушка прижалась лбом к холодному стеклу, мысленно сосчитала до десяти и с неохотой спрыгнула на пол. Тщательно разгладила немного помявшуюся темно-синюю юбку с красной каймой, бегущей по подолу. Книги, уже подготовленные и рассортированные, лежали на столе. Она взяла две верхние из ближайшей стопки, сунула под мышку и поспешила к дверям.

Коридоры этого яруса Башни – с полупрозрачным нефритовым полом, через который можно было увидеть иллюзию лежащих на земле осенних листьев, и величественными колоннами – оказались практически пусты. За всю дорогу Тиа встретила лишь нескольких поклонившихся ей слуг и Огонька, одного из младших учеников Лей-рона.

Проскользнув в арочный проем, она, не торопясь, поднялась по широкой лестнице, затянутой сдисскими коврами, вышла в зал в форме человеческого сердца, и здесь увидела Митифу, которая с удовольствием возилась с малышкой.

«Первая ступень», – отметила про себя Тиа, глядя на детей, с восхищением слушавших рассказ Ходящей.

– Поздоровайтесь с госпожой ал'Ланкарра, – сказала та.

Восемь девочек и пять мальчиков поклонились Тиа.

– Забрала их из Долины, – шепнула Митифа, убирая со лба черную

прядь, выбившуюся из-под легкой косынки. – Старшая наставница попросила об одолжении.

– Покажи им стеклянную комнату и зал Матерей.

– Как раз собиралась. Извини, ты помнишь про завтра?

Тиа нахмурилась, но подавила волну раздражения:

– Конечно. Увидимся.

– Удачи. Идемте, дети! Сейчас мы спустимся на шесть ярусов вниз, и вы увидите Перчатку «искры», созданную самим Скульптором.

Она, словно добропорядочная курица-наседка увлекла детвору за собой, а Тиа все еще продолжала сердиться. Подумать только! Какая глупость! Почему бы ей еще вслух не спросить, помнит ли Тиф о том, что их «искра» уже не так светла, как раньше!

Правильно, что Ретар ее терпеть не может. Почему Тальки не присматривает за своей подопечной?! Да ее запереть мало! Если только кто-нибудь из тех, кто поддерживает Сориту, услышит хоть что-нибудь... все надежды заговорщиков обратятся в прах!

Ученица Сориты вступила на очередную лестницу. Поднявшись еще на один ярус, извлекла из кармана ключик, открыла неприметную дверцу, вошла, заперла замок, миновала пустую комнату с огромным глобусом, на котором черным пятном выделялся мертвый Западный материк. Вновь взялась за ключ, отомкнула еще одну дверцу и вышла в знакомый зал, сэконобив пятнадцать минок пути.

Лепестки, матово-серые, с бегущими по клямкам голубыми искорками, были самыми маленькими из тех, что находились в Башне. За мгновение до того, как Тиа вступила в выложенный зеленоватой плиткой круг, они издали знакомый переливчатый звон, и на площадке появилась Лейна – одна из Ходящих Совета.

Уже немолодая женщина сбросила с головы намокший капюшон плаща.

– Доброго дня, – поздоровалась она с Тиа. – В Долине опять льет, как из ведра. Ты туда?

– Здравствуй. Нет. Другие планы.

– Я тоже с радостью пропустила бы посвящение учеников в Ходящие, но Сорита просила быть ее представителем. Завтра Совет соберется в Башне не в полном составе. Ты не знаешь, о чем Черкана и Тальки хотят поговорить?

– Нет, мне это неизвестно.

– Ну, не думаю, что это столь уж важно, раз так много наших сестер и братьев отправились в Долину. Башня почти опустела. Извини, что

задерживаю тебя. Доброго дня.

Тиа пожелала собеседнице того же самого, встала в круг, представила место, куда стремилась попасть, создала плетение. Она знала, что все, происходящее сейчас, не более, чем обман зрения, но в который раз восхищенно замерла, когда клыки вспыхнули светом, сжались у нее над головой и разлетелись в семи разных направлениях, пока не превратились в искры. А затем и те исчезли, погрузив мир в ночь. Несколько мгновений абсолютной темноты. И вот яркими огненными линиями Лепестки вернулись, едва не врезавшись в Ходящую, и застыли, источая хрустальный звон.

Это продолжалось меньше уны, но Тиа часто казалось, что прошла минка или две. Она обвела взглядом круглый зал, с прозрачным стеклянным куполом, на самом последнем этаже Башни. Путешествовать через порталы было гораздо проще, чем бегать по бесконечным лестницам.

Девушка оказалась в большой оранжерее, где были собраны самые уникальные, редкие и чудесные растения Хары. Поющие цветы Аргада встретили ее переливчатой соловьиной трелью, распахнули фиолетовые бутоны. Густой ворс урского душистого горошка встревожено зашевелил серебряными усиками и отпрыгнул к стеклам. Пряные деревья Ночного леса, влажного, дикого, затерянного в безымянных землях, раскинувшихся за Великой пустыней, сияли даже днем. Их полупрозрачная кора горела бирюзой и изумрудами, а узловатые ветви с продолговатыми семенами потянулись к девушке, рассыпая в воздухе душистую пыльцу.

– Ты задержалась, – раздался сухой голос.

Сорита возилась с подснежниками. На Тиа она не смотрела.

– Благословите, Мать, – произнесла ритуальную фразу Ходящая.

– У тебя достаточно благословений от меня. Я много раз просила не пользоваться этими Лепестками, если на то нет серьезных причин. Плетение перемещения пугает растения.

«Сама бы побегала по ярусам, старая ведьма!» – про себя подумала Тиа.

Сорита оторвалась от созерцания подснежников и обернулась. У нее было очень неприятное лицо с широкими крыльями прямого носа, большим квадратным подбородком и низким лбом.

– Не согласна, – с удовлетворением констатировала Мать.

– Верно, госпожа Сорита, – дерзко сказала Тиа, которая уже была не в силах терпеть дурной характер этой женщины. – Свои сбитые ноги я ценю больше, чем цветы.

– Нисколько не сомневалась в этом, – последовал такой же сухой

ответ. – Впредь будь поосторожнее со словами. Свои цветы я ценю гораздо выше, чем твою тщеславную голову.

Тиахватило ума и выдержки промолчать.

– Ты уже не в Долине и давно не моя ученица, но Ходящая из тебя – из вон рук плохая. Ты безответственна, Тиа, – Сорита взяла лейку и направилась к плотоядным выюнам. – Избавилась от моего влияния, но пренебрегаешь своими обязанностями. Вот уже который год милуешься с Ретаром и совсем не продвигаешься вперед. Никаких успехов. Никаких устремлений. Да и целей тоже... никаких. Ты ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы вступить в Совет. Тебе давно за двадцать, а ты так ничего и не добилась. Кроме любви, конечно же.

Ее лицо источало глубочайшее презрение.

– Что плохого в любви? – тут же вскинулась девушка.

– Ничего. Но когда эта глупость мешает жить...

– Мне не мешает!

– Ты слишком неумна, чтобы понять, что для тебя хорошо, а что – плохо.

– Не смейте говорить со мной в таком тоне... Мать!

– Да ну? – она парализовала плетением ринувшийся на нее выюн, и из лейки полилась кровь. – Если ты забылась, то я с радостью напомню, кто я, а кто – ты.

– Я – Ходящая! – глаза Тиа потемнели.

– Пф-ф! Велика важность. Таких, как ты – талантливых, но не слишком тщеславных – сотни. Никто не будет уважать влюбленную дурочку. Люди поклоняются сильным мира сего.

– Таким, как вы? – глаза Тиа метали молнии, но она сдерживалась и была вежлива.

Вежлива из последних сил.

– Разумеется. Ты хочешь уважения? Тогда сделай хоть что-нибудь, чтобы его завоевать. Хватит обжиматься по углам с Альбиносом. Он тянет тебя назад.

– Вы прекрасно знаете, что Ретар – сильнейший Огонек на сегодняшний день, – Тиа положила книги на небольшой стол, заставленный керамическими цветочными горшками.

– Он хорош, Гинора превосходно его натаскала, но парень и в подметки не годится Лей-рону и Олесту. После того, как ты перестала быть моей ученицей, твой Дар так и остался на прежней ступени. Чего ты добилась?

«О, ты бы удивилась, если бы только узнала!» – мстительно подумала

девушка о тех уроках темной «искры», что преподавал ей любовник.

– Ты прочла книги? – внезапно спросила Сорита.

– Да.

– И как ты их находишь?

– Они не лишены интереса...

– Но?

– ...но многое из того, что в них написано, давно изжило себя.

– Займись делом, Тиа! – резко бросила Мать. – Ты уже не моя ученица, но мне жаль видеть, как ты растрачиваешь свой потенциал на глупости. Принимай участие в младшем Совете. Насколько я знаю, тебя приглашали уже четырежды. Это первый шаг на большую дорогу. Советую тебе поспешить с ним.

– Я подумаю над вашими словами, Мать.

– Слишком долго ты думаешь, Ходящая! Карета не будет ждать вечно. Может и уехать. Аленари не намного старше тебя, а уже в высшем Совете. Я думала, тебя интересует власть!

– Я могу идти? – холодно спросила Тиа.

– Иди, – разочарованно поджала губы Сорита. – Хотя нет. Постой. Вижу, что ты сблизилась с Черканой и ее компанией. Держи с ними ухо остро, девочка!

– Потому что они ваши политические противники, Мать?

– Хотя бы поэтому. Если я узнаю, что ты поддерживаешь их – то очень расстроюсь. Тебе понятно?

– Как никогда раньше, – сказала Тиа и вышла через дверь, решив, что терпение Сориты на этот раз исчерпано полностью.

– Злобная! Властолюбивая дрянь! – в сердцах воскликнула она, когда вернулась в свою комнату.

Здесь Ходящая дала волю своей ярости и несколько минок громко ругалась, окружив себя плетением, закрывающим от чужих ушей. В конце концов она швырнула одну из книг Сориты на пол и, успокоившись, рухнула в кресло, закусив губу.

– Как жаль, что ты заняла место, предназначавшееся Алисте рей Валлион, – наконец прошептала она. – Мать Аленари была бы куда лучшей главой Башни, чем ты.

За годы учебы после Радужной долины Тиа ал'Ланкарра сумела прекрасно понять, что представляет из себя Сорита – ту интересовала только власть, возможность держать Совет в ежовых рукавицах и быть поближе к Императору. И, если бы только понадобилось, Мать, не

колеблясь, предала бы любого во имя своих интересов.

Тиа набросила на плечи шаль, отстегнула алмазные заколки, заставив две тяжелые косы упасть на спину, подошла к зеркалу, критическим взглядом оглядела себя и, оставшись довольна увиденным, вновь направилась к Лепесткам Пути.

По дороге она заметила Аленари рей Валлион, на шее которой сверкало кольцо с соколом. Та разговаривала с Ходящей из стана Сориты... Но Тиа сделала вид, что не видит собеседниц.

Миг полной темноты, затем в глаза ударил солнечный свет. Девушка отошла от оранжевых клыкков и приблизилась к окну. Небо Корунна было безоблачным, солнце клонилось к горизонту и его прямые, рыжие лучи били в стрельчатые окна с розовато-желтыми стеклами, окрашивая всю комнату в теплые цвета. Тиа посмотрела на уже припорошенные снегом красные крыши, на грандиозный комплекс дворца Императора и огромный сияющий золотом шпиль Колоса.

Казалось, что творение Скульптора вот-вот пронзит небеса. Глядя на этого гиганта, Ходящая всегда внутренне трепетала. От мощи, спрятанной внутри него, темная «искра» кричала об опасности.

Колос – это то, с чем им придется разбираться после победы. У Черканы и Осо был особый план на его счет.

Все еще испытывая неприятные чувства от увиденного, Тиа вышла из зала и поспешила знакомой дорогой по крытым галереям, ведущим к правому крылу императорского дворца. Люди, встречающиеся на ее пути, поспешно уступали дорогу и кланялись.

Вход, запретный для простых смертных, охраняли вооруженные алебардами гвардейцы в парадных мундирах. Заметив девушку, они вытянулись по струнке, негромко стукнули древками об пол и распахнули тяжелые, сверкающие позолотой двери.

Тиа легким небрежным кивком поприветствовала капитана гвардии, а затем степенно прошла в Покои Силы, проигнорировав широкие, светлые залы с безупречно-чистым, блестящим полом из синского кедра. Ходящей очень хотелось сделать то, что она так любила делать в детстве – разбежаться изо всех сил и прокатиться по гладкой поверхности, словно по зимнему льду. Но, разумеется, она не совершила ничего подобного, понимая, что это не подобающий поступок для ее положения.

Особенно, в императорском дворце.

Она несколько раз повернула, удаляясь от шикарных залов, созданных Каваларом еще до того, как он начал строить Радужную долину, и вышла в просторную часовню Мелота. Резные рамы оказались распахнуты, было

свежо, даже весьма прохладно, сильный сквозняк задул множество лампад и прогнал запах благовоний.

Дверь справа от центрального образа Мелота была приоткрыта. За ней, расположившись между двух каменных стен, пряталась узкая, закручивающаяся серпантином лестница. Тиа, стараясь, чтобы ступеньки не скрипели под ногами, начала подниматься вверх. Уже на середине пути она почувствовала характерный запах. Он постепенно усиливался, и наверху, в маленькой круговой комнате с окнами, выходящими на четыре стороны света, Ходящая, не сдержавшись, поморщилась.

Едко пахло масляной краской и растворителем.

У одной из резных рам Тиа увидела Гинору и остановилась, недоуменно нахмутив брови:

– Здравствуй. А где Ретар?

Волосы учительницы Альбиноса были цвета меда огненных пчел – медно-рыжие, непослушные, дерзко остриженные.

– Привет, – Гинора улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки. – Он упротил меня помочь. Реставрация полотна подходит к концу.

Она отложила широкую кисть, вытерла испачканные в алой и черной краске руки об уже изрядно изгвазданную разноцветную тряпку.

– Но где он сам? – спросила Тиа. – Что-то не похоже на него.

– Я тоже попросила его помочь, – ее зеленые глаза задорно сверкнули. – Рована не найти, так что отдуваться пришлось Ретару. Он присутствует в Радужной долине, помогая с подготовкой к завтрашнему дню, а я – занимаюсь этим.

Она небрежно указала на полотно времен Скульптора.

– Плетением, кажется, было бы проще, – высказала свое мнение Тиа.

– Не рискну, – цокнула языком Рыжеволосая. – Естественные цвета не так просто передать с помощью «искры», если ты, конечно, не Кавалар. Обычное масло справляется гораздо лучше, хоть и медленнее.

– Я рассчитывала застать Ретара здесь, но раз его нет, не буду тебя отвлекать. Хотя я не могу понять, как вы можете думать хоть о чем-то, когда осталось так мало времени... Удачи тебе.

– Удачи, – ответила Гинора, промывая кисть.

Тиа пошла к дверям и внезапно услышала:

– Ты боишься.

Ходящая вздрогнула, остановилась, глубоко вздохнула и, не оборачиваясь, сказала:

– Да. Боюсь.

Рыжеволосая вздохнула, окружила комнату плетением от

прослушивания:

– Нет смысла волноваться, Тиа. Ты не меньше, чем я, понимаешь – «искра» умирает. Сорита толкает Башню в пропасть. Если мы не сделаем сейчас того, что хотим сделать, потом будет поздно. Через месяц она протащит в Совет тех, кто сегодня заправляет здесь. В Корунне. Приближенных к Императору. И мы можем забыть обо всем, чего добились.

– Я все это знаю.

– Тогда ты также знаешь, что время работает против нас. Рано или поздно кто-нибудь ошибется, проговорится, попадется, и нас передавят. Поодиночке. Завтра – наш единственный шанс. Почти все сторонники Матери будут в Долине. У нас появится время. Все готово, и все готовы. Нет причин отступать.

Тиа неохотно кивнула.

– Что тебя гложет? – поинтересовалась Гинора.

– Я не боюсь последствий... Ты же понимаешь... Пойду до конца... С Ретаром... и с тобой... Но я не хотела бы, чтобы дело зашло слишком далеко. До открытого противостояния. Как ты думаешь – такое возможно?

– Я не буду тебе лгать – не знаю. Такой вариант возможен... Черкана его предусмотрела. Но Тальки считает, что если мы быстро изолируем глав Совета, в том числе и Сориту – ничего не будет. Все пройдет тихо и мирно. Недовольных и сомневающихся много. Они выслушают нас, если рядом не будет лидеров. Или те промолчат.

– Ты надеешься, Сорита и другие сделают это по своей воле?

– Я собираюсь сделать все, чтобы было именно так, – зеленые глаза потемнели. – Ты завтра будешь подле учительницы?

– Придется. Но ты должна понимать, если...

– Конечно. Ретар, Митифа, Шалв и Рика будут рядом с тобой.

Тиа мрачно кивнула. Сил пятерых должно с лихвой хватить, что бы там завтра ни произошло.

– Считаешь, у нас нет шансов договориться?

– Ты о Сорите? – Гинора посмотрела на нее пристальнее. – Они небольшие. Если только она не убедится, что наши намерения серьезны и нам нечего терять. Одно я знаю точно – мы не ударим первыми, Тиа.

– Думаешь, меня это успокаивает? Прости, Гинора, но мне не так просто, как тебе, побороть свой страх и свои сомнения. Я не настолько сильна.

Рыжая изящно встала с трехногого табурета и подошла к Тиа вплотную. Бесцеремонно подняла пальцем подбородок девушки, заглянула

в золотисто-карие глаза:

– Порой мы способны на гораздо большее, чем нам кажется. Я вижу, что в твоей душе скрыт стальной стержень. Я знаю, что ты талантлива. Я уверена, что Ретар доверяет тебе. Мне этого достаточно, чтобы не сомневаться в тебе.

– Кажется, ты знаешь меня гораздо лучше, чем я сама себя, – нахмурилась Тиа.

Красивые губы Гиноры тронула легкая улыбка.

– Ты боишься – это простительно. В этом нет ничего преступного и постыдного. Все боятся. Все испытывают сомнения. Но и я, и ты, и наши братья и сестры знают, что это надо сделать. Завтра мир изменится раз и навсегда. К добру или худу это приведет – мне не ведомо. Проиграем мы или выиграем, умрем или победим – сейчас совершенно не важно. Но если мы выживем, если все получится, то через год, пять, десять, пятьдесят лет и ты, и я, будем знать одно – все сделанное нами не было напрасно. Мы поступили правильно.

– Ты настолько веришь в эту истину?

Короткий смешок был ей ответом.

– Если бы я не верила, то вряд ли бы позволила Черкане и Тальки сделать то, что они хотят.

– Считаешь, у тебя бы получилось их остановить?

Учительница Ретара задорно подмигнула:

– В этом деле никогда не узнаешь, пока не попробуешь.

Тиа не знала, что Гинора прочла в ее глазах. Рыжеволосая лишь ободряюще улыбнулась и вернулась к краскам. Взяла тонкий шпатель, размешала желтый цвет, добавив в него немного алого:

– Я не смогу принять решение за тебя, Тиа. Никто не сможет. Выбор должен быть только твоим.

– Это я прекрасно понимаю. И хочу попросить тебя. Не говори о нашем разговоре Ретару.

– Он ничего не узнает.

– Спасибо, – искренне поблагодарила девушка собеседницу и взялась за дверную ручку. От запаха красок и растворителей у нее разболелась голова.

– Постой...

Тиа обернулась.

Вид у Гиноры теперь был серьезным. Больше она не улыбалась.

– Если до завтрашнего утра ты продолжишь сомневаться – отступи. Уйди из Башни, пока все не закончится. Если мы победим – приходи смело.

Никто и пальцем тебя не тронет. Я клянусь. Если же нет... постарайся скрыться. А потом найти свободных носителей. Самородков. Ты будешь единственной, в ком останется смешанная «искра». Она не должна пропасть.

Тиа ничего не сказала. Вышла на лестницу и плотно закрыла за собой дверь...

Тиф открыла глаза. Села, набросила на плечи стертое от времени шерстяное одеяло. Ее трясло. То ли от ночного холода, то ли от сна. Она даже не могла предположить, что ее подлая память настолько долговечна, и она увидит день, предшествовавший Темному мятежу, в таких деталях.

Запахи, чувства, ощущения, эмоции, солнечный свет, играющий с пылинками. Голос Гиноры, один из самых красивых, что она слышала за всю свою безумную, бесконечно-долгую, мерзкую жизнь. Он до сих пор звучал в ее ушах.

Пальцы на руках мелко дрожали, сердце учащенно билось, на душе лежал тяжелый камень.

– Звезда Хары! Что же мы сделали не так? – едва слышно прошептали ее губы. – Где мы ошиблись? В чем? Как это могло привести к такому?!

Брагун-Зан, неприветливый, холодный, пустынный, освещенный тысячами костров и светом огромной, багряной кометы, приблизившейся к самой земле, казался кошмаром. Или мечтой Рована – воротами в Бездну.

– Мир изменился. Но и мы изменились вместе с ним. Слишком сильно изменились.

Ворох тряпок у ее ног зашевелился, и из него выглянул Юми.

– Вот так, собака?

– Не обращай внимания, дружок, – вздохнула Убийца Сориты, – спи.

Вершина Грох-нер-Тохха пульсировала синим и в отблесках этого света, смешивающегося с багрянцем кометы, двигались нелепые тени. Нириты танцевали пляску Теней.

Юми по-прежнему внимательно смотрел на Проклятую, похоже, не думая возвращаться в свою «нору».

– Знаешь... – помедлив, сказала Тиа. – Хочу тебе кое-что рассказать. Думаю, хоть кто-то должен знать.

– Вот так, собака? – наострил уши вейя.

– Уверена, что ты-то можешь сохранить эту тайну.

– Собака, – с достоинством ответил он ей, и уселся поудобнее, собираясь слушать.

– Все считают, будто я подло ударила Сориту в спину. Об этом много

говорили, а меня это нисколько не заботило. До этого нара. В тот день... – она сглотнула комок, вставший в горле. – Все началось слишком быстро. Сорита пыталась прорваться к Лепесткам, чтобы уйти в Долину, привести подмогу. Двоих из нас она убила. Митифа...

Тиф дернула плечом и продолжила:

– Митифе крепко досталось, она была без сознания, Ретару оставалось жить несколько ун, и тогда я вызвала ее на поединок. Лицом к лицу. Среди этих проклятых подснежников. Это был честный бой, кто бы что ни говорил. Запомни это, малыш. А затем наступил бесконечно долгий день... Боюсь, этот будет точно таким же.

– Вот так, собака.

Он сел с ней рядом, прижавшись теплым боком. И вместе с Проклятой стал дожидаться утра.

Глава 19

– Ну что за жизнь? – разочарованно спросил у меня Квакушка. – Уже и повоевать не дают!

– Навоюешься еще, – посулил ему Трехглазый, нюхая пахнущую канифолью тетиву. – Я лично умирать не спешу.

– Мне вчера какой-то умник пытался всучить амулет от магии некромантов.

– И что ты ему ответил?

– Послал в задницу.

– Правильное решение, – сурово сказал Трехглазый. – Я бы еще и морду этому козлу набил, чтобы народ не надувал. Будь у нас такие амулеты, думаешь, мы бы здесь оказались?

– Ага, – опечалился Квакушка. – Жаль, что никаких средств от их мерзкой магии нету.

– Отчего же нету? Есть. Драпать со всех ног, чтобы пятки сверкали.

– Заткнулись, – негромко сказал я. – Услышат рыцари – враз вздернут.

– Тут деревьев нет, – вяло отмахнулся Трехглазый. – Не на чем вешать. Да и не призываю я к дезертирству.

– Поэтому помолчи. Лучше сходи, проверь обозы со стрелами. Еще раз скажи раздающим, что они должны делать.

– Я уже ходил. Говорил.

– Сходи еще раз!

Он, ворча, поплелся вверх по склону, где рядом с катапультами и баллистами, стояли возы.

– Как у тебя, Серый? – окликнул меня Олот.

– Все в порядке. Стрелки готовы.

Седовласый ветеран кивнул, топая вдоль шеренги сидящих на земле людей.

Квакушка продолжил ворчать:

– По мне, так сюда Ходящих надо б еще хоть десяток.

– Было бы неплохо, – процедил я, представив, что с ними устроила бы Тиф.

Со вчерашнего вечера я ее не видел. Она ложилась спать недалеко от наших позиций, в соседнем лагере, а сейчас Убийца Сориты исчезла. Я уже начал волноваться, что она смылась или того хуже – переметнулась на другую сторону. С каждой минкой моя тревога росла, а настроение

портилось.

– А так всего трое... – разочарованно тянул Квакушка. – Да и то, двое из них – Огоньки. Как долго они продержатся против Проклятой?

– Чахотка мертв. Не вижу причин, почему бы не сдохнуть и Митифе.

Рассвело три с лишним нара назад, над землей висел сизый туман, который туманом не был. Впрочем, и дымом назвать эту субстанцию я бы не решился. Какое-то странное дыхание Брагун-Зана, просочившееся из многочисленных трещин в земле, и повисшее между нами и армией Кори.

Первые линии наших войск подходили к этой завесе едва ли не вплотную. Мы же, находясь чуть выше по склону, видели лежащую внизу дымку, так похожую на грозовые облака, если на них смотреть с горных вершин.

Плохая видимость мешала битве, и командиры Митифы выжидали, не решаясь отправлять свои войска вперед. Утром йе-арре сказали, что набаторцев не сорок тысяч, а всего лишь тридцать, хотя, если честно, нам было без разницы. На стороне врага все равно было двукратное преимущество в живой силе, и тьма знает какое – в магии.

Набаторской армии пришлось разделиться на несколько частей, лагеря заняли всю северную часть долины Мертвого пепла, а за холмами остались обозы и арьергард.

– Пиявка, – позвал я отрядного лекаря.

– Все готово, – тут же отозвался он. – Правда, с перевязочным материалом погано.

– Говорят, там около сотни Сжегших душу. Нас постараются выбить в первую очередь.

– Из Бездны у них стрелы, – Пиявка сплюнул, – наконечники не вытащишь.

– Поэтому я тебе и говорю – подготовься хорошенько. Резать сегодня будешь много.

– Мне бы помощников, – тоскливо протянул он. – Один, боюсь, не справлюсь. Кто будет раненых таскать и держать?

– Обратись к Квелло, – посоветовал я. – Пусть выделит людей. Из своих не могу. Каждый лук на счету.

Пиявка отправился искать командира мечников, которые прикрывали моих стрелков.

Квакушка тем временем сходил за кипятком и вернулся с двумя кружками. Одну дал мне. Я сидел, обжигая пальцы о горячий металл, и осторожными глотками пил воду. Ее вкус отдавал пеплом, но я мало обращал внимания на это. Главное, что становилось немного теплее.

Йе-арре рыжими точками нарезали круги в облачном небе, паря над долиной на безопасной высоте, недоступной стрелам Сжегших душу. Летуны были нашими лучшими разведчиками, но сейчас от них мало толку – сизая мерзость скрывала от их взоров поле предстоящей бойни.

Сквозь облака проникал тусклый багровый свет. Комета стала почти такой же яркой, как солнце.

– Если так пойдет и дальше, то она точно рухнет на наши головы, – сказал Квакушка, проследив за моим взглядом. – Эта штука к нам близко, как никогда раньше.

Я вспомнил свой сон, яблоневый сад, тихий вечерний город и удар кометы, а затем пламя, поглотившее весь мир:

– Возможно, уже сегодня тебе не надо будет волноваться об этом.

Он ворчливо согласился с моими словами. Я допил воду, отдал Квакушке кружку и пошел вдоль линии укреплений, разговаривая с солдатами. Все держались молодцами и собирались дорого отдать свои жизни. Я с каким-то странным удивлением понял, что они, как и я, совершенно не боятся будущего. Возможно, потому, что у нас его почти не было...

Кто-то предложил мне поесть, но я отказался. Сизый туман начал медленно и неохотно редеть. На левом фланге, находящемся перед озером с ядовитой водой, возникла какая-то возня, но все довольно быстро стихло. Мы, как ни вглядывались, не могли понять, что там произошло. Гонцы, которых отправил командир нашего крыла, пока не вернулись, и людям приходилось лишь гадать о случившемся.

Я пытался поговорить с Лаэн, чтобы в последний раз убедиться, поступаю ли правильно, рискуя ее жизнью, но совершенно не ощущал присутствия моего солнца, и никто не мог развеять моих сомнений.

У меня почти не было времени подумать о том, что сказала Тиф.

Лаэн – Гинора? Гинора – Лаэн? При здравом размышлении, когда схлынула волна удивления, я понял, что мне это все равно. Я люблю свою женщину и не важно, кто она, или кем была раньше.

Повернув голову, я вдруг увидел идущую вдоль линии обороны Тиа. С души словно камень свалился, и напряжение, преследовавшее меня целое утро, наконец, начало отпускать.

– Соскучился? – усмехнулась она, заметив меня и подходя ближе.

Вид у нее был собранный и сосредоточенный.

– Вроде того. Где ты пропадала?

– Была с самыми главными шишками, – она скривилась. – Господа обсуждали последние приготовления перед боем. Мне досталась почетная

обязанность – внимать.

– И как ты только на это согласилась, – с иронией отозвался я.

– Шен попросил об одолжении. Я решила, что ему нет смысла нервничать перед боем, и провела пару «чудесных» наров с закованными в железо тупицами. Могу заключить, что наши жизни в надежных руках.

– Ты, как всегда, полна яда.

– О да. С радостью выплуну его в лицо Митифе. Как тебе моя личная охрана?

Чуть в отдалении от нее стоял десяток тертых жизнью ребят в серьезных доспехах.

– Не думаю, что они тебе так уж нужны.

– Я тоже. Но мое сердце дрогнуло и не выдержало, когда мне предложили такую заботу. Умереть, спасая мою жизнь. Как это благородно!

Она необычайно много паясничала, что для нее, вообще-то, было не слишком свойственно, и я понял – Проклятая страшно нервничает перед боем. Я сказал ей об этом, но она лишь раздраженно сморщилась:

– Не за себя волнуюсь. За Целителя. Он еще слишком неопытен для таких дел. Да и Рона недалеко от него ушла. Я немного жалею, что не покинула это поле боя и их с собой не прихватила. Теперь придется рисковать их жизнями.

– Что же тебя остановило? – я посмотрел на носки своих сапог. – Почему не отправилась?

– Из-за ненависти, – серьезно ответила Тиф. – К сожалению, она сильнее осторожности и благоразумия.

– Ты слышала поговорку Скульптора?

– О второй могиле для себя? Конечно. Но из-за глупой присказки я не буду отступать. Точнее, не могу себе позволить такой роскоши.

Ее карие, с золотистыми искорками глаза сверкнули.

– А что тебя сдерживало раньше? У тебя было полно возможностей прищучить Корь.

Проклятая нахмурилась еще сильнее, обернулась, чтобы проверить, слышит ли нас кто-нибудь:

– К сожалению, правда открылась только сейчас. Знай я ее раньше – и меня бы не остановила даже Тальки.

Я не поинтересовался, в чем провинилась Митифа, а Тиф сама не стала рассказывать.

– Как ты оцениваешь наши шансы?

– Время покажет, – неопределенно ответила она. – Основная проблема – это Избранные, которые поддерживают Серую мышку. По словам йе-

арре, их не много, но противостоять им кроме меня и двух детей – некому. Убьем Белых – можно будет говорить об удаче. Иначе нас просто вымотают поединками, а когда мы сломаемся, в дело вступит Корь, и нам нечем будет ей ответить.

– Как быстро она догадается, кто ей противостоит?

– В отличие от всех нас, у нее почти нет опыта в таких крупных сражениях, но теперь я уже ни за что не поручусь. Пока я вижу, что она недалёковидна. Я бы на ее месте запустила к врагу пару отрядов мертвецов или еще лучше – «рыб». В ее распоряжении была целая ночь, а она и пальцем о палец не ударила. Если мои догадки верны, у меня появятся возможности преподнести несколько пренеприятных для нее сюрпризов. Надеюсь, это поможет нам если и не вырвать победу, то хотя бы нанести невосполнимый урон врагу. А вот Целителя она почувствует. И довольно быстро. Так что за центр можно быть относительно спокойными.

– В смысле?

– В смысле, Митифа попытается, конечно, нейтрализовать магию Шена, но его и пальцем не тронет. Не такая уж она дура. Так что основные удары пойдут по флангам. Это нам на руку – центр останется сильным. Во всяком случае, на какое-то время... Смотри, туман расходится.

– Вижу.

Сизая дымка прижалась к земле, и из нее выступили обсидиановые колонны, лавовые наросты и вершины флейт Алистана.

Далеко-далеко на севере загудели рога вражеской армии.

– Ну, началось, да поможет нам Бездна, – с каким-то облегчением в голосе сказала Тиа. – Мне надо подняться выше позиций. Буду следить за боем оттуда. Держи стрелу под рукой и постарайся не сдохнуть, Серый. Я бы еще хотела поговорить с Гинорой или хотя бы с твоей женой.

– И ты не кашляй, – пожелал я ей.

– Ползут, будь они прокляты, – Трехглазый упер лук в землю и вглядывался в горизонт.

– Уже прокляты, – сухо ответил ему Квакушка, осматривая стрелы. – Квелло, я за твоим щитом!

– Хорошо, – отозвался мечник.

У его ног лежал тяжеленный башенный щит, поднять который можно исключительно двумя руками. Такой способен спасти от стрел нескольких человек, даже если бьют Сжегшие душу.

У меня под курткой была кольчуга, за время боев я уже успел к ней привыкнуть, а вот шлем пришлось надеть новый, и он немного давил, но я

счел, что это лучше, чем ничего. Колчан ломился от стрел, и еще целый пук висел у меня за спиной, перетянутый тонкой бечевкой. На луке красовалась новая тетива, и оставалось лишь одно – ждать.

Я прищурился, еще раз окинув взглядом метки, расставленные нами по полю два дня назад. Со стороны заметить их было весьма непросто, особенно если не знать, что искать. Поэтому я был спокоен насчет набаторцев – они ничего не обнаружат, да им будет и не до того.

Армия противника медленно приближалась. Кавалерии я не видел – южные полководцы, похоже, уже успели отметить рельеф и понять, что толку от всадников здесь будет мало. Дело решит пехота и магия.

– Почему мы еще живы? – с недоумением спросил Трехглазый. – Где огонь с неба и прочие прелести Бездны?

– Ща допросишься, – мрачно посулил ему Квакушка.

Враги приближались с каждой минкой. Они шли ровным строевым шагом, разделившись на несколько крупных отрядов, каждый из которых был нацелен в разные части нашей обороны.

– Тысяч четырнадцать, – оценил Трехглазый, быстро сосчитав стальные квадраты. – Две линии. Одна поперет, вторая продавит. А где остальные? Ведь их еще столько же. Нэсс, у тебя зрение острее моего. Видишь их?

– Вижу, – откликнулся я. – Вторая волна только выстраивается. Докатятся до нас минок через сорок, если все пойдет удачно.

– А за ними и третья подоспеет, – подтвердил Квакушка и добавил, словно утешая себя: – Ничего. Армия Проклятых уже терпела поражение под Брагун-Заном. Почему бы истории не повториться?

– Все в твоих руках, – мрачно усмехнулся я.

Ветер нам благоприятствовал, и я надеялся, что он продержится еще какое-то время для усиления эффективности нашей стрельбы.

Шеренги ниже и впереди нас зашевелились. Зазвучали резкие выкрики, панцирная пехота пришла в движение, сверкнули в редких солнечных лучах наконечники копий и алебард. Вся линия фронта заволновалась, загремело железо.

Мы готовы к тому, что принесет нам этот день.

До моих ушей долетел едва слышный звук одинокой волынки. Северяне вместе с блазгами и самыми сильными отрядами рыцарей расположились в центре. Где-то там были милорд Рандо, Га-нор, Гбабак и Юми.

Набаторцы приблизились настолько, что стали видны их флаги. Правый фланг первой вражеской линии несколько задержался из-за того,

что южанам пришлось обходить оказавшееся у них на пути озеро.

– Ну, вот и понеслось, – пробормотал я и крикнул своим: – Не стрелять! Сохранять спокойствие!

От основной массы вражеской армии отделился небольшой отряд и, растянувшись в длинную шеренгу, со всех ног бросился к нашим позициям.

– Чтоб тебя, курва! – выругался Квакушка, поняв, кто это такие.

Мертвецов, находящихся под управлением некромантов, было не больше сотни, и для такой массы людей большой угрозы они не представляли. Расчет строился исключительно на страхе, который куксы должны были вызывать. Будь здесь ополчение или люди не закаленные в боях, но уже успевшие повстречаться с ожившими трупами на землях Империи – возможно, воины и побежали бы. Но сейчас все знали – сила в сплоченности.

Стрелы против куксов были бесполезны, поэтому, когда несущимся во весь опор мертвякам оставалось до наших позиций не больше пятидесяти ярдов, копья опустились, а алебарды приготовились сносить головы.

Помощи от наших носителей Дара ожидать не стоило – они не спешили вступать в игру. Покойники, ума у которых не было даже на жалкий медяк, напарывались на выставленные копья, безрезультатно клацали зубами и лишались голов благодаря алебардщикам и воинам с двуручными мечами.

Катапульты и баллисты за нашими спинами выстрелили, посылая смертельные подарки для вражеской пехоты.

Я взял стрелу, способную пролететь максимально возможное расстояние и, наложив на тетиву, прицелился. Она могла стать опасной лишь для тех, кто шел в более легких доспехах за первым рядом латников.

Правый фланг Набатора, наконец, закончил обход озера и, ускорившись, направился туда, где находилась Рона. Они все еще запаздывали и собирались ударить чуть позже, чем их товарищи.

У тех, кто пер на нас, я разглядел ало-черное полотнище. И когда им оставалось пройти не больше четырех сотен ярдов, скомандовал:

– Дуга шесть пальцев! Поправка на ветер – четверть! Огонь!

Моя сотня вскинула луки и выстрелила за мгновение до того, как к нам присоединились стрелки Сорок восьмого и Шерского пехотных полков.

Шум стоял такой, что даже Мелот должен был его слышать у себя на небесах. Железо гремело о железо, люди кричали и богохульствовали. Набаторцы пытались выдавить нас назад, прорвать позиции на правом фланге, бросив на нашу сторону еще два крупных отряда. Я опустошил

четыре колчана, руки начали уставать, но приходилось стрелять, обезвреживая лучников и арбалетчиков противника.

Из центра нам прислали еще двести стрелков, и на какое-то время совместными усилиями удалось подавить огонь сдисских лучников и заняться помощью пехоте. Таранный удар набаторцев заставил наших пошатнуться и отступить назад почти на пятнадцать ярдов. Мы огрызались, сопротивлялись, но натиск оказался слишком серьезным. Я отдал приказ своей сотне хватать луки и отходить вверх по склону до следующей отметки.

Бить оттуда, видя всю толпу сверху, стало гораздо удобнее, чем через головы товарищей, опасаясь задеть своих же и забыв о точности. Из-за того, что расстояние оставалось небольшим, в дело пошли тяжелые стрелы.

Сорок восьмой остался на месте, а лучники Шерского пехотного спуска несколько минок присоединились к нам. Наши ряды смешались, и мы, разделившись на первые и вторые номера, начали вносить в ряды противника смуту. Одна половина стрелков пускала стрелы по крутой дуге, а другая лупила по прямой, метя в белые пятна перекошенных лиц и сочленения.

– Снимайте командиров! – орал я, понимая, что это совсем не просто в такой толчее.

Мне удалось снять знаменосца, двое ребят из Шерского с шестого попадания уложили рыцаря в дорогих доспехах.

Очнулись выжившие лучники сдисцев, четверть наших оказались убиты, еще столько же ранены, но мы забили смерть в глотку южным ублюдкам, и в этот момент наша пехота контратаковала и отбросила противника назад.

...Мой колчан опустел, и мальчишка-подносчик сунул туда новый пук стрел. Я расстрелял его до того, как набаторцы отошли на недосыгаемое для наших луков расстояние, оставив после себя мертвецов.

– Вернуться на позиции! – приказал я, и мы начали спускаться.

Люди Пиявки понесли раненых в палатку, служившую нашему отряду лазаретом. Мечники и алебардчики в это время добивали раненых врагов и оттаскивали мертвецов. Складывая и своих, и чужих в один ряд, рубили головы. Жестоко, но никто не морщился. Все давно привыкли. Люди были научены горьким опытом и знали, что нет ничего хуже, чем поднявшийся у тебя за спиной кукс. Как бы это кошунственно ни звучало – мертвые товарищи менее важны, чем живые.

Я быстро оглядел место сражения. У нас все было тихо. Центр тоже смог отбросить набаторцов, причем сделал это намного раньше нас. А на

левом фланге бой еще продолжался, и несколько подразделений снялись с центральной линии, чтобы ударить южанам в тыл.

– Лучники! – крикнул нам тысячник. – В первые ряды!

– Трехглазый, – сказал я своему помощнику. – Найди снабженцев. Пусть подтянут обозы. Организуй коридор для подносчиков. Потребуется много стрел. Двинулись, ребята.

Из ложбин между Мертвецом, Сонным и Молчуном подтягивались первые резервы. Бой на левом фланге закончился, и потрепанный авангард противника отступил, напоследок поливая наши позиции стрелами.

Мои люди спустились к латникам, встав во второй линии, сразу перед щитоносцами. Здесь резко пахло кровью и кислым потом. Какой-то алебардщик за моей спиной, ругаясь, пытался зачистить от заноз поврежденное ударом топора древко.

– Хорошо поработали, Серый, – похвалил меня оказавшийся рядом Олот. – Этот нар за нами.

Я ничего не ответил, посмотрел на квадраты набаторской пехоты, остановившиеся в тысяче ярдов от нас. У ребят не получилось в первый раз, но не факт, что не получится во второй.

Все же я не понимаю Проклятых. Обладая колоссальной силищей, Митифа могла бы попытаться за полнара смять нас в лепешку или как следует прошерстить ряды, но Корь готова жертвовать жизнями своих людей, лишь бы не тратить драгоценную «искру». Кажется, остаться без Дара – для любого из этих «божеств» самая большая трагедия в жизни.

Один из йе-арре спикировал с неба, опустился перед нами и крикнул:

– Рогачи! Рогачи идут!

– А это еще что за хрень?! – мрачно спросил я у Трехглазого.

Он, встревоженный, как и я, лишь пожал плечами.

– Мерзкие твари! – объяснил щитоносец передо мной. – Некромантово отродье. На перешейках Лины их пустили на нас в первый раз. Пока разобрались – много наших полегло. Такого пока завалишь – задолбаешься.

– Серый! – Олот с надвинутым на глаза шлемом оказался рядом. – Бери двадцатку лучших стрелков и присоединяйся к парням из Сорок восьмого. Будете прикрывать «Рубил».

Я назвал имена, первая линия потеснилась и пропустила нас вперед. Мы подошли туда, где «похоронные бригады» завершали свою работу.

– Кто-нибудь имел с этим тварями дело? – спросил я у своих.

– Угу, – тут же ответил мне дородный солдат. – У них глаза и пасти уязвимы. От боли твари начинают дуреть.

– Но не умирают?

– Неа. Нам надо их отвлечь, а мечники должны разбираться дальше.

– Слышали все? – сказал Трехглазый. – Глаза и пасть.

Кроме нашей группы, из рядов вдоль линии обороны вышли еще около пятнадцати отрядов. Везде были стрелки с двухъярдовыми луками, и воины, вооруженные топорами и двуручными биденхандерами.

А через поле к нам уже двигались восемь скрюченных существ. Высотой они были в пять человеческих ростов, широкоплечие, длинноногие, костлявые и алые из-за содранной с тел кожи. На башках, похожих на лошадиные черепа, ветвились оленьи рога, в руках болтались огромные шипастые палицы.

Шли рогачи неспешно, но их шаги были настолько широки, что мне показалось – твари несутся к нам во весь опор.

– Как жутко жить, – пробормотал Квакушка и шмыгнул носом. – Ходящие сегодня будут что-нибудь делать или весь бой проспят?

Мы с мрачной решимостью следили за приближением чудовищ. К нашим позициям направлялись двое, остальные повернули к центру, и лишь один пошел на левый фланг.

– Сжегшие душу, – тихо сказал я, приглядевшись в летящие над землей оранжевые точки.

Для прикрытия гигантов полководец набаторской армии выпустил пустынных лучников. Раздался звук рога, и я, подчиняясь приказу, скомандовал:

– В строй! Возвращаемся! Живо!

Наши командиры тоже не были дураками, и понимали, что на открытой местности, без защиты, лучшие стрелки мира Хары перебьют нас, как глупых куропадок.

Когда рогачи приблизились на расстояние выстрела, мы осыпали их стрелами, но остановить не смогли. А в следующее мгновение Сжегшие отпустили тетивы. Я едва успел нырнуть под щит. По доскам загрохотал настоящий град, слышались вскрики – не всем из наших повезло. Одна из зазубренных стрел пробила Квакушке бедро навывлет. Он застонал, но я дернул его за плечо, затаскивая в укрытие.

– Зацепили с-с-с... – прошипел он сквозь зубы.

Я хладнокровно сломал толстое древко.

– Жить будешь. Главное, не высовывайся.

– Да куда уж... тут...

Щитоносец матерился сквозь зубы, я пытался остановить хлещущую кровь. Нам не давали высунуть нос из укрытия, не то что ответить.

Внезапно завыл сильный ветер, стрелы стали падать не так кучно, а в

следующее мгновение обстрел прекратился.

– Лекари! – заорал я, выпрямляясь во весь рост.

Двое солдат подхватили Квакушку и понесли вверх по склону. То же самое сейчас проделывали с остальными ранеными. Их, как и убитых, хватало.

Не далее чем в пятидесяти ярдах от наших позиций шестерка нирит сражалась с двумя рогачами, а за их спинами бушевала буря. Серый пепел висел плотной стеной, ограждая нас от шей-за'нов и их стрел. Тиа, наконец-то, взялась за работу.

Нириты, между тем, рвали великанов на куски голыми руками. Получалось у них это здорово. Ближайшая к нам тварь уже лишилась левой руки, и из ее разодранной в нескольких местах грудной клетки хлестала черная жижка. Весь бой проходил в полной, одуряющей тишине, словно уши мне набили ватой. Ни чудовища, ни дочери Громкопоющей во время схватки не издали ни звука.

Палицы то и дело падали на головы нирит, но проходили сквозь дым и искры, не причиняя первым существам этого мира никакого вреда. За несколько минок все было кончено, гиганты оказались повержены. Из облаков над полем боя неожиданно полились тугие струи воды. Они упали на висящий в воздухе пепел, прижали его к земле и превратили в плотную массу, разбить которую можно было только молотком.

А в следующее мгновение в наши ряды ударило несколько больших зеленых шаров. Некроманты сделали очередной ход.

– Дуга три пальца! – крикнул я, и Махоч повторил мой приказ для других.

Беднягу Трехглазого убили еще во время позапрошлой атаки, когда Белые швырнули в нас пылью, растворяющей плоть ничуть не хуже, чем вода в озере нирит, и теперь Махоч стал старшим десятником в моем отряде стрелков.

Резервы были почти исчерпаны, мертвецов и раненых – уйма. За прошедшие полдня мы потеряли около пяти тысяч человек. Наш правый фланг, принявший основной удар, держался из последних сил. Минок пятнадцать назад к нам привели несколько полков с левого, но это были все силы, на которые мы могли рассчитывать.

Катапульти давно разрушили, Сорок восьмого больше не существовало – трое некромантов превратили то место, где стоял отряд, в одну братскую могилу.

Впереди кипела отчаянная рубка. Никто не желал отступать первым.

Мы поливали стрелами спешащий на помощь южанам свежий отряд набаторцев. Стальная стена стремительно катилась на нас, словно волна во время сильного шторма. Чуть дальше, над Сжегшими душу, пролетело несколько сотен йе-арре, швыряя в лучников дротики и горшки с огненным порошком нирит.

Еще один отряд летунов упал из-за облаков на пехоту, атаковавшую центр. То и дело вспыхивала магия, к небу поднимался густой дым пожарищ. Выло, гремело, ревело. Земля вздрагивала.

Очередной колчан опустел. Руки нещадно болели, правое плечо онемело.

В ушах у меня вдруг зазвенело так, что глаза на лоб полезли. Лес обсидиановых колонн, что усеивали весь северо-западный склон Молчуна, взорвался, миллионы острых полупрозрачных осколков, взмыв в воздух, понеслись к наступающим на нас набаторцам и смертельным градом рухнули им на головы. Острые, как бритва, обломки рвали железо, секли плоть. За неполную минку у меня на глазах полегла почти тысяча человек.

Вне всякого сомнения, Тиф должна была собой очень гордиться.

Лиловые муравьи, каждый величиной с руку, поперли из-под земли сплошным потоком и смешали первые ряды нашего левого фланга, давая возможность отборным сотням набаторской гвардии вклиниться в ряды оборонявшихся и попытаться развить успех. На головы тех, кто был в центре, лилась раскаленная ртуть. Зеленые лучи подобранных вплотную некромантов то и дело убивали одного-двух человек.

Блазги и северяне устроили ответную вылазку, ударили ошеломленному противнику, пытающемуся развернуться для поддержки своего центра, во фланг и сбросили в ядовитое озеро.

Небо очистилось от туч, сумерки были не за горами. Мы, уставшие, окровавленные, грязные, были уже не способны думать ни о чем, кроме желания убить как можно больше, прежде, чем успеют убить тебя. Несмотря на темную «искру», то и дело бившую по нашим позициям, мы упрямо цеплялись в эту бесплодную землю зубами и ногтями.

Небеса разверзлись прямо надо мной, какая-то хрипящая тварь, состоящая из теней, рухнула сверху, растопырив когти, но так и не смогла до меня добраться. Серый сгусток угодил ей в грудь, отбросив в сторону.

Набаторцы бросили на наши позиции все оставшиеся силы, и их было достаточно, чтобы похоронить нас, несмотря на то, что Тиф сегодня погубила множество врагов. Три мощных стальных клина направились в центр, собираясь расколоть его. По ним, шипя, били лучи белого света.

Ледяные вихри убивали южан, но ни Шен, ни Рона не могли остановить столько людей – их все еще оставалось слишком много.

Я понимал, что этот вечер станет последним для всех нас, но севшим голосом продолжал командовать уцелевшими лучниками, указывая им новые и новые цели.

Наше крыло, самое потрепанное из всей армии, доживало последние минки. Серые призрачные черепа летали между нами, то и дело вцепляясь в лица зазевавшимся солдатам. Проклятая была не способна спасти и защитить всех. Она и так делала все возможное, чтобы избавить нас от ударов сдисцев, уничтожив большинство из них.

Я выпустил последнюю стрелу, в колчане остались лишь с наконечниками Шена, и заорал, из последних сил напрягая уставшие голосовые связки:

– Стрелы!

– Обозы пусты, Серый, – ответил мне Махоч.

Загудели вражеские рога. Клинья вбились в наш центр, разорвали его на две половины, и в бреши хлынул поток южан, до сих пор еще не принимавших участие в битве. Они теснили наших вверх по склону, и никто не мог их остановить. Левые и правые фланги были связаны битвой.

Какие-то существа были возле Молчуна.

– Стрелки! В первую линию! – приказал я.

Мы убрали луки, взялись за мечи, топоры и секиры, и с ревом бросились вниз по склону, на помощь к нашим уцелевшим товарищам. Некогда сплоченные линии распались, и хаотичная рубка шла, куда бы ни падал взгляд.

Я с мечом и ножом помог алебардщику расправиться с набаторцем, вооруженным моргенштерном, проскользнул под гизармой, плечом ударил в спину какого-то южанина, воткнул нож в ногу другому. Парень в черных латах прикончил арбалетчика, увидел меня и отсалютовал страшным мечом, вызывая на бой.

Прежде чем я успел опомниться, его клинок сверкнул в тусклых солнечных лучах и едва не разрубил меня пополам. Я извернулся ужом, выставил свой меч плашмя, защищаясь от мощной горизонтальной атаки. Удар был столь силен, что у меня онемела рука, и я выпустил рукоятку оружия.

Отшатнулся назад, видя, как южанин поднимает над головой тяжелый полуторник, собираясь меня прикончить. И в этот момент какой-то солдат с окровавленным лицом зацепил огромного набаторца крюком алебарды за шею, рванул на себя и, опрокинув на спину, безжалостно добил.

Еще один черный сражался с Квелло. Я подхватил с земли красную от крови секиру, что есть сил долбанул южанину по колену, прямо в сочленение доспеха. Услышал из-под шлема приглушенный вопль. Даже упав, он пытался защититься, выставив перед собой клинок. Я ударил его в плечо, деформировав наплечник и, кажется, сломав ему кость. Пока Квелло с мечом и щитом не подпускал ко мне бросившихся на подмогу южан, я долбил секирой набаторцу по шлему, пока не смял тот в лепешку, и из-под забрала не потекла кровь.

Рядом некромант, вооруженный посохом и широким мечом, хладнокровно убивал наших. Все вокруг него было усеяно телами, и никто не мог приблизиться к Белому. Арбалетный болт торчал у сдисца из живота, мантия покраснела, но это, казалось, нисколько не смущало колдуна.

Я заметил, как мимо меня пронеслись темные сгустки – это нириты струями черного дыма просочились сквозь хаос боя, обрели свою привычную форму и напали на колдуна с двух сторон.

Тот отшатнулся, что-то выкрикнул, и вокруг одной из дочерей Пепельной девы появилась клетка, прутья которой состояли из бирюзовой воды. Эта штука внезапно сжалась, и водные ячейки разрубили пленницу на множество частей. Та громко вскрикнула, багровые искры с шипением погасли, и дым, потеряв свою обычную форму, стал рассеиваться.

Меч в руках колдуна тоже стал бирюзовым, налился влагой, Белый бросился на уцелевшую нириту, но тут вокруг выросли сразу двадцать дымчатых силуэтов. Они метнулись вперед, словно черные молнии, и от сдисца даже мокрого места не осталось.

Я не знал, что творится на других участках фронта, но благодаря жителям Бругун-Зана мы перестали пятиться, и теперь схватка шла почти на равных.

Правый фланг хоть и отступил вверх по склону вплоть до чудом уцелевших палаток лекаря, но смог сплотить ряды перед следующей атакой. Отряд, в котором было больше двух тысяч южан, сейчас заходил на нас слева с твердым желанием – добить. Еще один, чуть меньше, двигался нам в лоб. А дальше, в потемневшей долине, ждали своей очереди свежие части набаторцев.

Горло першило, глаза щипало от очередного едкого выброса Громкопоющей.

– Ну, фто? Отфоефались? – Махочу во время боя выбили передние зубы.

Центр смяли, оттеснили к горам. Что дальше – даже не знаю, одни мы

остались на прежних позициях. Я хотел ответить ему, но в этот момент земля мелко задрожала, и за спиной ухнуло так, что мы упали на колени и закрыли головы руками, а затем и вовсе растянулись на окровавленной земле, уткнувшись в нее носом. Мне показалось, будто небо треснуло, комета наконец-то рухнула, ударила в землю, та разверзлась, и открылись врата в Бездну...

Глава 20

Огромные барабаны грохотали безостановочно. В ушах звенело, обе армии лежали на земле, забыв о сражении. Дрожь усилилась, что-то вокруг рушилось, а затем раздался взрыв такой силы, что я потерял всякую способность соображать. Что бы Проклятые сейчас не устроили – они выложили на стол очень весомые козыри.

Забыв о возможной опасности, я встал на четвереньки и осмотрелся.

Вершина Грох-нер-Тохха оказалась расколота. Из нее в небо валил огромный серо-черный столб дыма, поднимающийся вверх на несколько лиг. Из грандиозного жерла в воздух то и дело взвивалось грандиозное ало-оранжевое пламя. Через край огромного кратера текла лава и, набирая ход, ползла по северо-восточному склону пробудившегося вулкана.

Но это было еще не все. Сонный гремел в унисон с Громкопоющей. Он, как и старшая гора, плевался огромными, раскаленными глыбами, которые падали по всей долине, разбрызгивая вокруг себя смерть. На Молчуне и возле озера забили кипящие, исходящие паром гейзеры, которые поливали оказавшихся рядом с ними набаторцев, сея среди них панику. Люди, позабыв о битве, бежали прочь.

Отряд южан, что хотел ударить нам во фланг, большей частью рассыпался, но его ядро все еще было опасно. Командиры пытались собрать испуганных воинов, и тут склон у них под ногами надулся большим пузырем, лопнул, и вверх хлестнул сорокаярдовый фонтан лавы. Все, чего он касался, мгновенно вспыхивало. Набаторцы обращались в головешки в мгновение ока, но никому из нас их совершенно не было жаль.

Солдаты постепенно поднимались с земли, пораженно наблюдая за изменениями, произошедшими с Мертвым пеплом, и разгромом, учиненным армии Набатора самой стихией.

– Забери меня Бездна, если я понимаю, что творится, – сипло сказал Квелло. Его лицо было черным от копоти, лишь вокруг глаз оставались белые круги.

– Стро-о-о-ойся! – голоса сотников разнеслись над полем бойни.

Вновь взметнулись полковые знамена. Многие части южан оказались уничтожены неожиданным катаклизмом, но битва была еще далеко не выиграна. Мы встали рядами, плечом к плечу, и под звук боевых труб, мерным шагом, подняв щиты, опустив копья и алебарды, отправились навстречу противнику. К нам присоединились закованные в сталь, похожие

на бронированные желуди, блазги. Я силился рассмотреть среди них Гбабака, но если и видел его, то не смог узнать.

По дороге я и мои люди подбирали стрелы. Мне удалось набрать дюжину.

Земля жгла даже сквозь подошву сапог и конвульсивно содрогалась от каждого выплеска Грох-нер-Тохха. Вулкан, спавший последние тысячелетия, рьяно взялся за дело. Лава добралась до его подножия, обхватила Мертвеца, вырвалась в долину и отрезала от нашего левого фланга мортов, прижав тварей к стене и грозя зажарить через несколько минок.

Ветер уносил гигантское облако пепла на юг, прочь от долины. И я, честно сказать, порадовался. Думаю, если бы сейчас посыпало, то мы просто задохнулись. И так дышать удавалось только с трудом. Легкие горели, а кашель сжимал горло.

– Махоч, – сказал я. – Разбей уцелевших на первых и вторых.

Но нам так и не суждено было продолжить бой. За нас это сделали другие.

По Брагун-Зану разнесся всесокрушающий, ликующий, яростный вопль. Он гремел, множился, разрастался, пока его не услышал весь мир. Из жерла Громкопоющей горы вылетали огненные создания, больше всего похожие на головастиков.

У них были круглые, горящие багрянцем головы и гибкие тритоны хвосты оранжевого цвета. Оставляя за собой шлейф из пламени, они, словно маленькие кометы, ярким морасским фейерверком взмывали в небо и по крутой дуге, воя замогильными голосами, снижались к земле. Падая среди набаторцев, исчезали во вспышках, пламени, дыме и грохоте, от которого и без того беспокойная земля ходила ходуном.

Демоны огня полностью игнорировали наши войска, и мы, вытягивая шеи, смотрели, как уничтожается армия южан. Многие из них, не выдержав, побежали. На поле остались лишь самые верные Проклятой полки, но их было совсем немного.

Одна из тварей пронеслась прямо над нашими головами, и я смог рассмотреть ее. Она, действительно, чем-то походила на головастика. Круглое, сотканное из густого пламени тело с большими выпученными глазами и зубастой пастью, длинный плоский хвост. Кожу лизнуло мимолетным жаром, огненный зверь начал снижаться и врезался в ряды разбегающейся пехоты набаторцев.

Мы, забыв о страхе и нависшей над нами опасности из-за проснувшегося вулкана, ревели от восторга, хлопали друг друга по плечам.

Победа была за нами.

– Ты везучий сукин сын! – сказала Тиф, появляясь рядом. – Я опасалась, что ты уже у праотцов.

За день ее лицо осунулось и постарело лет на тридцать. Краше в гроб кладут.

– Ты мне нужен. Идем. Срочно.

Ее тон заставил меня отказаться от спора. Я лишь сказал Махочу, что он за старшего и поспешил на Проклятой.

– Надеюсь, ты ведешь меня не в жертву приносить?

– Много чести! – фыркнула она. – Митифа. Я намереваюсь ее достать. Кажется, ты стремился к тому же.

– Верно, – в моем голосе прозвучало явное сомнение, и Убийца Сориты кинула на меня мимолетный взгляд:

– Ты стрелу не потерял?

– Нет.

– Хорошо. Возможно, у нас получится.

– Ты выглядишь не слишком сильной.

– Разумеется. Поверь, Кори тоже пришлось несладко. Я вымотала ее ничуть не меньше, чем она меня. Мы на равных.

– Думаю, она, если не дура, давно сбежала.

– Разумеется. Как только появились огненные демоны, Серая мышка дунула прочь, от греха подальше. Но во время боя я умудрилась повесить на нее метку. Какое-то время она будет слишком занята, чтобы ее заметить. Если мы поторопимся, то возьмем Митифу тепленькой.

– Надеюсь, она не устроит нам ловушку, – проворчал я.

Мне не слишком нравилась идея Тиф, но я не хотел отступать, раз появился шанс.

Впереди я увидел лошадей и рыцарей из личной охраны «Огонька». Мне дали коня, и, усевшись в седло, вместе с десятком телохранителей Тиа я начал спускаться со склона в долину.

Оказавшись внизу, Убийца Сориты повернулась к одному из воинов и сказала:

– Благодарю. Больше я в ваших услугах не нуждаюсь. Дальше мы отправимся вдвоем.

– Но, господин, мне приказано защищать вас, – возразил рыцарь.

– И вы с этим прекрасно справились, капитан. Но битва закончена. Если хотите мне помочь – найдите господина Шена и оставайтесь с ним. Всего доброго.

Она прищипорила лошадь, и я направился за нею, оставив недовольных воинов позади.

Заходящее солнце плавилось в огне, едва касаясь угрюмых холмов на западе. За спиной продолжали бесноваться Грох-нер-Тоxx и Сонный. Я несколько раз оборачивался, смотрел на обогранные огнем вулканы, на огненные дорожки лавы на склонах и сизо-серо-черное небо. Зрелище было жутковатым, и любоваться им могли бы разве что только полные психи, да ниристы. У всех остальных возникало лишь одно желание – убежать как можно дальше подобра-поздорову. Сейчас находиться здесь было все равно, что в кастрюле, которую только что поставили на огонь.

Тиф сказала, что армия получила приказ поспешно сниматься с места. Командиры уводили уставших людей на север, подальше от взбудораженной стихии, где не было угрозы обвариться в вырвавшейся из-под земли реке кипятка или получить по голове лавовой бомбой. Теперь сражавшимся с самого утра солдатам предстоял тяжелый и долгий ночной переход в другую часть долины Брагун-Зана.

Мне придется нагонять их позже. Разумеется, если для меня это «позже» наступит.

Почти нар нам с Тиф пришлось продвигаться вперед не слишком резво, объезжая огромные дымящиеся воронки и груды тел. Мертвецов вокруг порой было так много, что лошади шли только благодаря силе Проклятой. Резко и отвратительно смердело обугленной плотью и кровью. Я задыхался, хватал воздух ртом, но от этого становилось еще тошнотворнее. Меня, человека прошедшего Сандонскую войну вдоль и поперек, побывавшего во многих переделках и успевшего повидать за свою жизнь много неприятного и отталкивающего, сейчас откровенно мутило.

Истерзанные, разорванные, изломанные, застывшие в лужах крови, обожженные, обугленные тела воинов валялись грудями, куда бы я ни кинул взгляд. Кости тридцати тысяч набаторцев навсегда останутся лежать в Брагун-Зане.

– У тебя такой вид, словно тебя сейчас стошнит, – нарушила молчание Проклятая.

– Настоящая мясорубка, – сказал я из-под натянутого на нос шарфа.

– Ты не видел, что такое настоящая мясорубка. Во время Войны Некромантов в день умирало и большее число людей. Тогда становилось плохо даже Ровану.

– Не думал, что ему подобное может не нравиться, – кисло ответил я.

– Он страдал исключительно от пресыщения, – усмехнулась Тиа.

Солнце скрылось за холмами, его последние малиновые лучи осветили низкое небо, а затем с каждой уной стали гаснуть. По Мертвому пеплу расплзлись густые тени, притащившие на своем хвосте сумерки – проводников скорой тьмы. И та пришла за ними буквально через десять минок. Но ее власть так и не стала абсолютной. Из-за низко летящей кометы и вулканов со всех сторон лился багровый свет, и ночь походила на Последний день, о котором так любят твердить некоторые жрецы Мелота. Большинство мертвецов к этому времени остались позади, иначе картина была бы еще более жуткой, чем сейчас.

Впереди показалась тускло полыхающая алым туша. Огненный головастик лежал на боку, наполовину зарывшись в землю, и, изредка дергая хвостом, медленно остывал. Его тело покрылось темной каменной коркой, трескавшейся, когда существо пыталось пошевелиться, и сквозь трещины было видно пока еще не угасшее пламя.

Мы обогнули демона по широкой дуге, и Тиф внезапно прищпорила лошадь. Я запоздало крикнул ей, предупреждая об опасности свернуть шею и сломать кости, но она даже не обернулась. Пришлось, ругаясь сквозь зубы, нагонять ее.

Местность оставалась почти такой же неровной, как раньше, разве что воронок больше не было, и кипящая вода с лавой не хлестала из разломов. Никакой дороги, сплошные камни, лавовые наросты и неожиданные провалы. Убиться при такой скачке ничего не стоило.

– Не мчись сломя голову! – гаркнул я Проклятой, когда удалось нагнать ее.

– Время уходит! – Она рассерженно тряхнула головой и громко крикнула, заставляя лошадь, словно зайца, совершить длинный прыжок вперед.

Мой конь проделал то же самое, и я только чудом удержался в седле. А затем ездовые понеслись вперед с такой скоростью, что у меня глаза на лоб полезли. Лишь через несколько ун я понял, что ими управляет Проклятая.

Вцепившись в гриву, я слушал хрипение несчастного животного, в нос била едкая вонь пота. Не знаю, на что рассчитывала Убийца Сориты, но даже глупому Порку должно было быть понятно, что долго такая скачка продолжаться не сможет. Однако минка проходила за минкой, а лошади не останавливались, хотя, по моим расчетам, уже должны были пасть.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы сообразить, что я больше не слышу хрипов животного, и оно давно не дышит. Конь подо мной был мертв, но продолжал лететь вперед. Я похолодел от обычного суеверного ужаса, покосился на Тиф, но та слишком увлеклась плетениями, чтобы

обращать на меня внимание.

Мы неслись сквозь багровое зарево, и мне казалось, что я сплю, столь нереальным было все происходящее. Прошло всего несколько мгновений, а, может, норов, и Тиф резко повернула на запад, к обрывистым утесам, находящимся сразу за обсидиановой рощей.

Я сделал то же самое, и мертвый конь подчинился приказу, последовав за Проклятой. От усталости и боли моя голова грозила взорваться, я весь взмок от напряжения, страшно хотелось пить. Эта дорога давалась мне очень тяжело.

Не знаю, почему Тиа изменила направление, я предполагал, что армия набаторцев находилась за холмами, на северо-востоке, и Митифа, если она, действительно, сбежала, повернула назад, туда, откуда пришла, а не пыталась прорваться на запад. Но счел разумным довериться Убийце Сориты. Она явно знала, что надо делать.

В моей голове в очередной раз мелькнула мысль, что жизнь – удивительная штука. Когда-то мы с Проклятой хотели только одного – прикончить друг друга, а теперь действуем сообща.

Краем глаза я уловил отблеск пламени, резко повернулся и увидел двух нирит. Они бежали в пяти ярдах от нас, двигаясь в том же самом направлении. Дым и багровые искры свирепствовали в их телах, словно гнев застилал им разум. Тиф не обратила на гостей никакого внимания, из чего следовало, что она нисколько не удивлена их появлению.

Когда мы приблизились к утесам, откуда ни возьмись появились еще две нириты. С этим почетным эскортом мы проскакали следующие десять минок вдоль бугристых, похожих на цветы, наростов с каменными выступами.

Я едва не пропустил момент, когда Тиф свернула в какую-то щель между утесами, с трудом направил мчащуюся лошадь за ней следом и оказался в узком каньоне с волнистыми серо-черными стенами. Здесь было катастрофически темно, но я даже не успел испугаться.

Нириты неслись прямо надо мной, упираясь руками и ногами в стены. Они напомнили мне сандонских пауков – ловких, проворных, способных бежать по любой поверхности и в любом направлении. Хозяйки Брагун-Зана источали свет, и его вполне хватало, чтобы осветить нашу дорогу.

Земля здесь оказалась удивительно ровной, но от этого было не легче – карнизы на подступающих с двух сторон стенах и острые выступы без труда могли размозжить голову зазевавшемуся всаднику во время такой скачки. Приходилось смотреть в оба.

Каньон показался мне бесконечным. Он извивался ужом, стены

становились все отвеснее, а дорога все уже. Копыта мертвых лошадей внезапно зашлепали по воде, скопившейся в неглубокой впадине от стекающего сверху ручейка – столь редкого для Брагун-Зана. Еще один резкий поворот, и мы вылетели на холмистую грядку. Комета теперь висела прямо перед нами, сияя ярче солнца, и я увидел скрывающийся за дальним холмом небольшой отряд.

Тиф тоже его разглядела, и заставила лошадей нестись еще быстрее. Галоп перешел в очень быстрый карьер. Мертвые животные передвигались, словно одуревшие сайгураки – огромными, стремительными прыжками. Живое существо никогда бы не смогло двигаться так проворно.

Мы нагоняли беглецов и, как только свернули за холм, в нас полетели четыре ядовито-зеленых сгустка. Два прошли над нашими головами, с грохотом взорвавшись о склон, еще два поглотил щит Проклятой.

Я заметил спешившегося человека в белом, вскинувшего руки. Он попытался устроить нам еще какой-то сюрприз, но две из четырех сопровождавших нас нирит бросились на него, и некроманту стало не до того. Когда я проносился мимо, то увидел, как бирюзой сверкнул водяной меч.

Через две минки нас догнала лишь одна из двух дочерей Пепельной девы.

Путь петлял мимо бездушных, окостеневших холмов. До беглецов оставалось всего ничего, когда внезапно дорога под ногами их коней вспухла, лопнула лиловым пламенем, и взрыв раскидал людей в стороны. Мой мертвый зверь начал останавливаться, зашатался, и я проворно спрыгнул на землю прежде, чем он упал.

Вокруг царил разгром, лежали мертвые и раненые. Я сразу же увидел Корь. Она была единственной, кто остался на ногах, и, найдя взглядом Тиф, тут же ударила чем-то янтарным. Убийца Сориты отразила атаку, метнула плетение в ответ, и Митифа окружила себя похожим на кокон серебристым сиянием.

Тиа грязно выругалась.

Зато нириты, презрев опасность, бросились в этот свет, словно в омут головой. Дочь Ночи быстро прикончила раненых некромантов и гвардейцев, обернулась ко мне и мрачно улыбнулась:

– Она гораздо слабее, чем я думала.

– Ты тоже выглядишь не ах, – я не спускал глаз с серебристой завесы и держал заветную стрелу на тетиве.

Тиф сухо рассмеялась:

– Сейчас это уже не важно. Готовься, Нэсс. У тебя скоро появится

шанс ее прикончить.

– А ты чего ждешь? Не хочешь им помочь?

– Не сейчас. Нириты должны ее измотать. Отойди подальше. Я постараюсь сбить с нее щиты. Мне будет не до того, чтобы защищать тебя.

– Ну, удачи тебе, – искренне пожелал я.

– Проваливай! – совсем не грубо сказала она, направившись к волшебному кокону соперницы.

Я, пятясь, начал отступать, постепенно сходя с дороги и забираясь на пологий склон. Меня немного пошатывало, что и неудивительно, если учесть долгую битву, а затем безумную скачку. Сердце грохотало в ушах почище эльфийских барабанов. Глаза жгло от серебристого света, мне приходилось то и дело щуриться, да ругаться. Я был на пределе, нервы оказались натянуты, и вот-вот должны были лопнуть, так что мне стоило большого труда отринуть все эти мелочи в сторону. Собраться. Стать единым целым со стрелой, луком и будущей целью.

Я стоял на большом камне, ярдах в пятнадцати над дорогой, и смотрел как Тиа, словно тигрица, ходит вокруг сияющей сферы, высматривая брешь в обороне. Прошла минка, началась другая, и вдруг стены, защищающие Митифу, мигнули, а спустя несколько ун медленно погасли, и дорогу начал окутывать сизый дым – все, что осталось от нирит.

Он скрыл Корь, и я не мог стрелять вслепую, опасаясь промазать и даром потратить бесценный наконечник. А затем стало слишком поздно. На безымянной ночной дороге воцарилась Бездна.

Я так и не понял, кто из Проклятых начал первым, а кто подхватил. Но засверкало и загрохотало так, что мама не горюй.

На моих глазах происходил поединок двух великих волшебниц. И у меня не повернулся бы язык сказать, что они слабы. Ничто не указывало на то, что дамочки весь день провели в бесконечных боях. По мне, так их сил хватило бы еще на то, чтобы с легкостью своротить Катугские горы.

Небо налилось ртутью, земля превратилась в стекло, обсидиановые осколки опасно свистели в раскалившемся воздухе. Пламя раскрывалось жемчужными, изумрудными и рубиновыми бутонами, под землей бесновались великаны. Сама смерть в балахоне из пурпурного тлена витала над Тиа и Митифой. И ее бледные спутники – хвостатые полупрозрачные твари – кружили над долиной, завывая, как грешники в Бездне. Один из них пронесся рядом со мной, и пальцы на моих руках онемели так, что я едва не выронил лук.

Я оказался в самом сердце настоящего урагана, и у меня больше не появилось возможности выстрелить. Стрела никогда бы не прошла через

такую бурю. К тому же, я не видел Проклятых – вспышки полностью их скрывали.

Не буду врать. Я не знаю, сколько прошло времени. Но когда это все прекратилось, так же внезапно, как началось, от неожиданности я лишь захлопал глазами. В ушах звенели колокола, а мои глаза тупо смотрели, как две сцепившиеся противницы рухнули на дорогу и покатались вниз по насыпи.

Придя в себя, выругавшись, я горным козлом побежал вниз по склону, оказался на горячей, гладкой, похожей на зеркало земле, заскользил, с трудом перепрыгнул через изуродованный труп некроманта. Остановился на краю насыпи и увидел, что Тиф и Митифа кружат друг против друга, словно волчицы во время поединка. Они то и дело кидались чем-то невидимым, щиты вокруг них постоянно вспыхивали и покрывались рябью, словно взволнованная ветром вода.

Митифа, с обгоревшими волосами, оказалась лицом ко мне, наши глаза на мгновение встретились, и Лаэн оглушительно крикнула в моем сознании:

«Берегись!»

Я взвился в воздух, прыгнул в сторону, больно ударился плечом, услышал, как хрустнуло, сломавшись пополам, древко стрелы... и весь мир затопил ядовито-зеленый свет. Земля содрогнулась, меня, ослепшего, оглушенного, плохо соображающего, подбросило вверх. Тупой удар, кажется, это был отлетевший камень, обрушился на локоть правой руки, и я, вскрикнув от боли, выпустил лук.

Стараясь не потерять сознания, попытался отползти еще дальше.

Внизу вновь загрохотало, и это продолжалось довольно долго, затем внезапно стихло, раздались крики, ругань и остервенелое звериное рычание. Кажется, «искры» истощились и в ход пошли кулаки.

Я с трудом встал на ноги, попытался нашить лук, но безуспешно. Перед глазами прыгали цветные пятна, и я почти не видел ничего вокруг. И вновь что-то случилось. Всего лишь на краткое мгновение стало темно, а потом я пришел в себя, уже лежа на земле.

Было тихо. Так тихо, что я слышал, как скатываются вниз по насыпи мелкие камушки. Ночь. Багровая комета. Тусклые звезды. Я сел, ошеломленно охнул от боли, пронзившей руку. Жалеть себя и проверять, перелом у меня или ушиб, не было времени. Вооружившись «Гасителем Дара», я подошел к краю дороги и осторожно заглянул вниз.

Вначале я ничего не заметил и страшно удивился – куда делись Проклятые, но приглядевшись, понял, что в густой тени под нависающим

камнем лежит человек. Я начал поспешно спускаться к нему, напряженно поглядывая по сторонам и держа нож наготове.

Оказавшись рядом, встал на колени. Убрал клинок обратно в ножны. Удивительно, но Тиф все еще дышала, несмотря на то, что ее горло было перерезано, и земля рядом пропиталась кровью. Рядом с Проклятой валялся окровавленный осколок обсидиана.

Поймав мой взгляд, Тиа попыталась что-то сказать.

У нее не вышло.

Тогда, совершенно неожиданно она протянула мне руку. Я колебался не больше мгновения, сжал ее холодные пальцы и, зная, что все уже кончено, неожиданно для себя сказал:

– Все будет хорошо, Тиа. Я найду ее. Засыпай.

Ее губы тронул призрак улыбки, и в следующее мгновение Тиа ал'Ланкарра, Убийца Сориты, Дочь Ночи, Скачущая на Урагане, та, с кем мне довелось пройти огонь и воду, была мертва.

Глава 21

Я даже не помнил, когда успел заснуть. Просто в какой-то миг все погасло, а затем я очнулся на земле, недалеко от тела мертвого Порка.

Судя по звездам, я проспал не больше нара – до рассвета оставалась еще уйма времени. Мне показалось, что комета стала бледнее и несколько уменьшилась в размерах, хотя этого не могло случиться за такой короткий промежуток. Было холодно, я страшно замерз на острых камнях и когда пошевелился, чтобы сесть, заорал от боли. Казалось, мне оторвали правую руку.

В глазах сразу же потемнело и пришлось, прислонившись спиной к ледяному, шершавому камню, дожидаться, когда пульсирующие черви успокоятся и оставят локоть в покое. Затем я попытался осторожно пошевелить пальцами. Не получилось.

Судя по всему, дело было дрянь. Плечо и предплечье раздуло до размера обожравшегося морского змея, пальцы превратились в толстые сосиски. Кожу пекло огнем.

Допрыгался.

Ранен, вокруг Брагун-Зан, поднимающееся к небу зарево встревоженных вулканов и ни лекарств, ни коня. Судя по моему состоянию, возвращаться назад мне придется вечность.

Я ощутил бесконечную усталость. И еще кое-что.

Как охотничий пес, раз почуявший след, я не мог успокоиться. Найти себе места. Митифа была рядом. Руку протяни. Но судьба не подарила мне шанс, чтобы выстрелить. И когда я спускался к Тиф, она все еще находилась поблизости. Не могла уйти слишком далеко.

Но я слишком ослаблен, чтобы продолжать преследование. И теперь я чувствовал, что мне не будет покоя, пока не завершу дело и не достану Проклятую. Я хотел это сделать еще с тех пор, как Убийца Сориты рассказала мне, что произошло с Лаэн. Рован получил свое. Настал черед Кори.

Внезапно я услышал голоса и стук копыт с дороги. Приближались всадники, но я не вскочил и, тем более, не побежал к насыпи. Это могли быть как свои, так и чужие. Самым разумным в моем случае было просто подождать и понаблюдать, что произойдет дальше.

Меньше минки спустя, я увидел наверху людей, их латы отражали багровые отблески кометы и зарево, поднимающееся на юго-востоке, где за

холмами гремел Грох-нер-Тохх. Ни флагов, ни попон, по которым я мог бы определить, кто это. Лица отсюда разглядеть было невозможно.

Разумеется, они остановились, когда увидели мертвецов и спекшуюся, превратившуюся в зеркало землю. Двое спешили, пошли вперед, один нагнулся, поднял что-то, повернулся, и я увидел свой лук.

– Они были здесь. Ищите!

Я узнал голос Шена и крикнул. Рыцари, обнажив мечи, начали спускаться по насыпи. Наконец, один из них подошел ко мне достаточно близко, чтобы рассмотреть:

– Да, это он, господин Шен!

Я увидел Целителя и Ходящую, спешащих ко мне, и только теперь испытал страшное облегчение от того, что они оба уцелели в страшной бойне возле Громкопоющей горы.

– Дай света, – попросил Шен, склоняясь надо мной. – Отойдите, господа.

На ладонях Роны вспыхнул сияющий апельсиновый шарик, а рыцари стали подниматься к другим всадникам, оставив нас втроем.

– О, Мелот! – ошеломленно произнесла она, только теперь заметив, что за мертвец лежит в пяти ярдах от меня.

Сказать, что они были поражены видом мертвого Порка, значит, ничего не сказать.

– Ей не повезло, – сухо объяснил я. – Митифа все-таки оказалась куда более изворотливой тварью, чем Тиа.

– Так это не ты ее? – прошептала девушка.

– Нет, – я безрадостно улыбнулся. – Дар! «Искра»! А в итоге Проклятые режут друг другу глотки, как последние голодранцы, подобранными с земли осколками. Тиф была права, обсидиан – камень трусов. А, проклятье!

Я неловко повернулся и тут же скорчился от боли, пронзившей руку.

– Ты ранен! – Шен уже стоял передо мной на коленях. – Дай посмотрю, Серый. Рона, посвети, пожалуйста.

Девушка вздрогнула, оторвала взгляд от мертвого тела Тиа и поднесла источник света ко мне.

– Что произошло? С твоей рукой, – уточнил Целитель.

– Не знаю. Корь увидела у меня стрелу и решила, что я слишком опасен. Я едва уцелел. Но осколком, кажется, раздробило кость.

– Придется вспороть рукав, – в его руке появился кинжал, и моя куртка приказала долго жить. Я шипел от боли, но терпел.

Шен устался на рану, как баран на новые ворота, и вид у него был

столь встревоженный, что я не выдержал:

– Ну, чего там?

– Плохи дела, приятель. Тебе здорово досталось. Кость раздроблена.

– Это я понял.

– Но это пустяки, – он осторожно дотронулся до кожи на локте, и меня словно молнией пронзило.

– ...!

– Извини. Будет больно.

– Спасибо, что вовремя предупредил, – просипел я, стараясь избавиться от звезд в глазах. – Ты о чем-то говорил?

– Тебя зацепило плетением Кори. Мы вовремя. Это дрянь не поднялась выше плеча. Еще наров пять, и быть тебе покойником.

– Надеюсь, ты не собираешься отрубить мне руку?

– Нет. Помолчи. Я попробую это исправить.

Из его ладоней потек солнечный свет, и по моему посиневшему предплечью забегали проворные изумрудные ящерки, щекоча коготками кожу.

– Это что-то новое, – сказал я.

– Развиваю опыт, – он усмехнулся и тут же сосредоточенно нахмурился. – Но исцеление займет какое-то время.

– А как вы, вообще-то, здесь оказались, ребята?

Рона переглянулась с Шеном и выдала:

– Ну, мы немного волновались о тебе.

– И о Лаэн, – вставил Целитель.

– Верно. Рыцари из охраны Тиа сказали, что вы куда-то очень спешно отправились, а мы решили проверить, куда именно вас понесло.

Я лишь поднял брови, даже не став интересоваться, как они нас нашли. И ежу понятно, что дело не обошлось без нирит.

– Расскажи, что тут произошло, – попросил Шен, продолжая лечение.

Я с неохотой поведал историю.

Пока я говорил, Рона смотрела на тело деревенского дурачка, и на ее лице неожиданно появилось сочувствие. Вот уж не думал, что при отношении Ходящей к Тиф, она сможет жалеть Проклятую.

Я озвучил это.

Девушка вздохнула, спрятала руки в карманах мешковатой куртки и сказала:

– Я испытываю некоторую благодарность за то, что она сегодня сделала. Многие жизни спасены.

– Мы победили благодаря Дочери Ночи, чего уж скрывать, – заметил

я. – Ее идея с пробуждением Громкопоющей оказалась очень... своевременной. Эти горящие твари устроили набаторцам настоящий разгром... Что?

Я увидел, как изменилось выражение лица Роны.

– Тиа здесь не причем, Нэсс. Пробуждение Грох-нер-Тохха и вызов огненных демонов исключительно заслуга Гиса.

Наверное, в этот момент я выглядел полным идиотом. За всем случившимся, после тяжелого дня боев, я и думать забыл о заклинателе и его рисунке. Значит, Гису удалось то, что не получилось даже у Проклятых.

– Постой! – я вздрогнул, вспомнив, как взорвался склон Сонного, и хлынула лава. – Постой! А, заведи меня Бездна! Там же нельзя было выжить!

– Верно, – грустно кивнула девушка. – Он разбудил вулкан, вытащил этих созданий из Бездны, но сам не уцелел.

Мне было жаль заклинателя. Он здорово помог нам в Даббской Плеши, да и человеком оказался неплохим. То, что он сделал сегодня – достойно большого уважения.

– Думаю, магистр знал, на что шел, пробуждая такие силы.

– Возможно, – Рона, повинаясь жесту Шена, поднесла огонек чуть ближе и оглянулась на дорогу, где терпеливо ждали всадники. – Я очень на это надеюсь, Нэсс.

Повисло тяжелое молчание. Ящерки продолжали заниматься исцелением, небо очень медленно и крайне неохотно светлело на востоке, багряный хвост кометы висел над нашими головами, создавая впечатление, что меж бледных звезд проложена широкая дорога в Бездну.

– Пошевели пальцами, – попросил Шен.

Я сделал, что он велел, и с удивлением заметил – боль почти ушла. Я никогда не уставал удивляться целительскому дару.

– Кажется, получается.

– Еще бы, – усмехнулся он, и физиономия его стала донельзя довольной, даже несмотря на морщинки усталости, собравшиеся вокруг глаз. – Я видел, что вам, на правом, хуже всех пришлось. Хорошо, что ты уцелел.

– И я так считаю. А вы – молодцы. Выстояли против Белых.

– Повезло, – сказала Рона. – Тиф брала на себя основной удар. И отражала большую часть их магии. Да и нириты достаточно быстро их уничтожали. Правда, дочерей Пепельной девы погибло слишком много...

Она пристально посмотрела на тело Порка:

– Что мы будем с ним делать?

– А что ты предлагаешь? – нейтральным тоном спросил я.

– Ну... – она запнулась, нервно убрала волосы, упавшие на щеку, и немного сердясь на саму себя за слабость, ответила. – Как-то не по-человечески ее оставлять так...

– Ее дух мертв, Рона. А тело умерло еще год назад. Перед тобой Порк – деревенский дурачок, которому, видит Мелот, сильно не повезло. Но это не Тиа.

– У нас нет времени, чтобы вырыть могилу, – поддержал меня Шен.

– Этого и не требуется, – вздохнула Ходящая.

В следующее мгновение она что-то сделала, налетел ветер, и тело Порка, превратившись в пепел, поднялось в воздух, закружилось, словно стая мотыльков и разлетелось по Брагун-Зану.

– Думаю, это правильно, – сказала девушка.

Никаких возражений не последовало.

– Все, – на лице Целителя выступили мелкие капельки пота.

Я и сам уже чувствовал, что кости целы, жар покинул тело, а движения перестали причинять боль.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я его.

Распоротый рукав куртки висел бесполезной тряпкой, но его мне было нисколько не жаль. При первом удобном случае найду себе новую одежду. Эта провоняла Мертвым пеплом настолько, что носить ее становилось противно.

– Надо спешить, – сказал Шен. – Нам придется хорошенько постараться, чтобы догнать армию на марше.

Я посмотрел на холмы, за которыми бесчинствовал Грох-нер-Тохх и с сожалением отказался:

– Вам придется ехать без меня, ребята.

– Митифа не дает тебе покоя, – Рона поняла все без объяснений.

Я мрачно кивнул:

– Она не могла уйти слишком далеко. Возможно, я успею ее догнать.

– Нэсс... Послушай... Ты ведь знаешь, насколько это опасно!

– Не сейчас, – нехорошо усмехнулся я. – Иначе я бы уже давно был покойником. Во время драки с Тиф она исчерпала «искру». Именно поэтому ко мне не сунулась и смылась столь поспешно. Опасалась стрелы. Это было ее ошибкой. Теперь я ее достану. Как понимаю, какое-то время мне не стоит опасаться Дара Проклятой.

– Очень краткое время, – уточнила Рона, в глазах которой все еще было сомнение в том, что я собираюсь делать.

– Поэтому надо спешить. Вы сможете дать мне коня?

– Да, – она поняла, что меня не переубедить. – И я считаю, нам стоит отправиться с тобой. Втроем мы справимся с этим быстрее.

Я покачал головой:

– Поверьте, был бы очень рад, если бы со мной оказались Ходящие, но у вас есть более важное дело.

– Что может быть важнее? – изумился бывший ученик Цейры Асани.

– «Выплеск», дружище. Тиф умерла. Часть ее «искры» все еще здесь. А за грядой – десятки тысяч мертвецов. Согласись, будет очень неприятно, если вся эта орава нападет на остатки нашей армии или разбежится по всей округе.

– Я не чувствую ее силы.

– Лаэн говорила, это проявляется через несколько наров. Соберите все, что сможете.

– Это не так-то просто, – насупился Шен. – Тиа лишь однажды рассказывала мне, как делается подобное.

– Уверен, у тебя получится.

Мы вышли на дорогу, я поднял с земли обломок стрелы с бесценным наконечником, а затем и свой лук. Целитель подвел мне своего коня:

– Вот. В седельных сумках есть фляга с водой и кое-какие мелочи. Здесь деньги, – он протянул худосочный кошелек. – Немного, но это лучше, чем ничего. Мы постараемся сделать так, чтобы куксы не поднялись. А потом доведем солдат до Гилзборо. Там не было сражений, говорят, формируется новая ударная армия. Затем попытаемся догнать тебя.

– Вы будете нужнее в бою.

– Это уже нам решать, – улыбнулся Целитель. – Ходящих и Огоньков, думаю, там будет достаточно и без нас. Не обеднеют. Протяни руку.

Я сделал, что было велено, и он словно застегнул на моем правом запястье невидимый браслет. Я, удивленно хмыкнув, обратился к нему за разъяснениями. Целитель улыбнулся:

– Это, конечно, не такая метка, как у Тиф, но работает не хуже. По ней мы тебя найдем. Удачи.

Он пожал мне руку. Затем меня обняла Рона, и я запрыгнул в седло:

– И вам удачи. Надеюсь, увидимся.

Через минку мой конь уже скакал по дороге, ведущей на северо-восток.

К утру пришлось сделать привал, чтобы отдохнуть. Два нара сна возле одного из находящихся здесь во множестве горячих источников пошли мне на пользу, и когда выглянувшее солнце хоть как-то начало прогревать

воздух, я вновь отправился в путь.

Дорога здесь была одна, она вела из Брагун-Зана к озерам, на северо-восток, а затем дальше, к центральным трактам, уходящим на запад и на север – к Корунну. Я не сомневался, что Митифа пойдет именно здесь, только безумцу может стукнуть в голову путешествовать по гребню скалистой гряды, прижимающей дорогу к мертвым холмам.

И не ошибся.

Возле ручья в неглубокой седловине я обнаружил следы женских сапог и отпечаток ладони. На этом месте Проклятая остановилась, чтобы напиться. Не знаю, как она перемещалась, но делала это лишь чуть медленнее, чем я на коне. Кажется, вопреки моим ожиданиям, у нее в рукаве оказался припрятан фокус. Следы были свежими, она пробежала здесь совсем недавно.

Конь внезапно встревожился и остановился. Я нахмурился, стукнул его каблуками, но должного эффекта не произвел. Он лишь всхрапнул и обиженно на меня покосился.

– Забери меня Бездна... – прошептал я, наконец, заметив, как в двадцати ярдах от меня появляется смерч из искр и дыма.

Конь сильнее заволновался, переступил с ноги на ногу, и мне пришлось приложить уйму сил, чтобы его успокоить. Когда я справился с этим и поднял глаза на дорогу, передо мной стояла нирита. Она была чуть больше тех, что я видел раньше. Дым внутри нее был непривычного темно-серого цвета, а искры сверкали золотом.

Я, конечно, порой бываю большим тугодумом, но тут не понадобилось много ума, чтобы догадаться, что передо мной сама Зан-на-кун, Пепельная дева и, если не врут легенды – первая из тех, кто увидел Хару. Множество золотых глаз древнего существа внимательно изучали меня, а я замер в седле, ни жив ни мертв, поняв, почему она пришла.

Я не мог ей противостоять, не мог бороться. Дым нельзя убить, если у тебя нет бирюзового меча некроманта.

Она заговорила, и я услышал голос у себя в голове – тихий, шепчущий, тусклый, словно ветер в стенах всеми забытого брошенного города:

– Мы – дети изначальной тени. Дочери незрячих кайю. И очень плохо умеем прощать. Пять веков назад она убила моих сестер, но вновь осмелилась вернуться сюда, пускай лишь призраком. Тенью тени, что сейчас живет в тебе, человек.

Она внезапно оказалась рядом, и я вздрогнул, стиснув поводья.

– Лишь сегодня я поняла, кто на моей земле. Я никогда бы не простила

и не выпустила тебя. Но мир ждут изменения. Грох-нер-Тохх проснулась, семена огня упали в землю, и скоро будет много новых моих сестер. Я попытаюсь забыть о своих потерях, человек. Меня попросили об этом, и я не смею отказать.

– Кто попросил? – мой голос был хриплым.

Она не сочла нужным мне ответить, переместилась обратно к ручью и, прежде чем исчезнуть, сказала:

– Ты можешь уйти. Скажи ей, что я ее прощаю.

Глава 22

Альга знала, что надо сделать, чтобы тончайший, словно шелк, сплетенный из лунного света щит, играючи выдержал колоссальный удар темной «искры». Она понимала, каким образом можно замкнуть потоки, чтобы сфокусировать всю силу в одну точку. Умела стабилизировать Дар, отвести самые опасные искажения и спасти себя от выжигания.

Она научилась создавать сотни плетений, многие из которых были утрачены во тьме веков, и упоминаний о них не сохранилось даже в библиотеках Башни. Помнила десятки комбинаций, могла сплести в одно целое сочетаемое и не сочетаемое, заставить это работать, вопреки всем правилам и законам. За то время, что прошло с осени, ученица Галир шагнула так далеко в совершенствовании «искры», как некоторые Ходящие не могут за всю свою долгую жизнь.

Разумеется, девушка отдавала себе отчет, что многое из того, о чем она теперь знает, нелегко воплотить в жизнь – потенциала ее «искры» хватит не на всякое плетение. Некоторые из них оказались настолько мощными, что Альга сомневалась, могут ли ими пользоваться даже Проклятые.

Сны. Бесконечные сны, преследующие ее, оказались лучшими учителями, чем наставница Галир. Девушка давно перестала бояться своих кошмаров и больше не ненавидела сдисскую колдунью.

Теперь юная Ходящая ждала ночи, как благословения от того ужаса, что преследовал ее, пока она бодрствовала. Она хотела учиться. Стремилась к этому всей душой. Надеялась, что рано или поздно судьба даст ей шанс и подскажет, как это уже было не раз, каким способом можно избавиться от черного, похожего на скорпионий хвост, браслета.

Но дни сменялись днями, а подсказки, которую она так ждала – не появлялось. Альга знала лишь, что это мерзкое украшение, блокирующее ее «искру», способен снять любой, у кого есть Дар. Но никто из ее похитителей не спешил ей помочь. А Ходящих поблизости не было.

Долгую неделю после встречи с господином Ка они плыли вверх по реке, приближаясь к озерам. Затем, переночевав на окраинах какого-то крупного города, названия которого девушка так и не узнала, отправились по тракту, а потом – по опустевшим лесным дорогам, где днями не встречалось ни единой души.

Маленький отряд продвигался вперед, с каждым нарм приближаясь к Корунну и охваченным войной землям. Господин Ка спешил, его

настроение оставляло желать лучшего, и другие большей частью молчали, стараясь лишний раз не попадаться колдуну на глаза. Нэйл и Маганд оставили их сразу после реки, отправившись куда-то по очередному приказу массивного, светлоглазого господина.

За Альгой все так же присматривал Хирам, и она все больше и больше его ненавидела. Рыжебородый уроженец Золотой Марки с его сальными глазками и мерзким языком был ей отвратителен. Он постоянно находился рядом, и лишь изредка его сменяла молчаливая Грита, глаза которой всегда оставались холодны.

В тот вечер – теплый, густо пахнувший лесным разнотравьем, янтарной смолой, выступившей на древесных стволах от яркого солнца и сладким дымком костра – Альга сидела возле небольшого красноватого камня, поджав под себя ноги, и пристально, исподлобья, следила за своими врагами.

Игла с неохотой таскал хворост и сваливал его в кучу. Грита с Хирамом занимались лошадьми. Господин Ка сидел поодаль от всех, повернувшись к маленькой поляне спиной.

Девушка знала, что колдун опять беседует со своей госпожой. Ходящая бы многое отдала, чтобы услышать, о чем он говорит с ней. Альга прекрасно знала, к кому из Проклятых обращаются – Звезднорожденная.

Девушку до дрожи в коленках пугала возможная встреча с Оспой. Она разумно полагала, что не стоит ждать от грядущей беседы ничего хорошего. Легенды о том, как Палач Зеркал поступает с женщинами, особенно если они не уродины – были известны всем.

– О чем задумалась? – раздался над ее ухом насмешливый голос.

Хирам стоял над ней, улыбаясь во всю свою гнилую пасть.

– О том, как буду тебя убивать, – глухо и ожесточенно ответила она ему.

Рыжебородый весело закудаhtал, схватившись за живот:

– Буду надеяться, что до этого не дойдет. Это всего лишь слова. Ты уже сломлена. Я вижу это по глазам.

Альга лишь презрительно фыркнула.

– Думаешь меня обмануть? – продолжал настаивать уроженец Золотой Марки. – Только не старого Хирама. Ты не связана, но даже не сделала попытки убежать, хотя лес – вот он. Перед тобой. Такая резвая козочка, как ты, и вдруг такая смирная. Почему же ты опустила лапки?

Он склонился над ней, обдав неприятным запахом изо рта, но Альга лишь возблагодарила Мелота за представившийся ей шанс.

– А вот почему! – сказала она и быстро, прежде чем тот успел

отшатнуться, ударила мерзавца в висок припасенным камнем.

В это действие пленница вложила все свое отчаяние, всю боль, всю ненависть и страх. Уже в следующую минку она оказалась на ногах и побежала прочь, даже не посмотрев, что с Хирамом.

До зарослей было рукой подать. Беглянка с треском вломилась в зеленый кустарник и только тут услышала за спиной крик. Что-то взвыло, Альга пригнулась, бросилась в сторону, услышав нарастающее шипение, упала лицом в траву, едва успев выставить руки, пытаясь смягчить падение. Затем перевернулась на спину и прикусила губу, чтобы не заплакать от разочарования.

Она не чувствовала ног. Ни покалывания, ни боли. Вообще ничего. Девушка с очень большим трудом села, попыталась пошевелить пальцами. Но ничего не получилось. Почти сразу же она поняла, что следует бороться до конца и, если не работают ноги, то ползти на руках. Ей хватит для этого упрямства!

Но Ходящей не удалось осуществить задуманное – из-за деревьев появилась Грита.

– Хорошая попытка, – одобрила она действия Альги. – Только опять бесполезная. От меня не убежишь.

Колдунья щелкнула пальцами, и Ходящая охнула – в голени вонзились тысячи иголок, впрочем, почти мгновенно исчезнувших.

– Вставай, – сухо сказала Грита, и девушка почувствовала, как пути твердого воздуха стягивают ей запястья.

Альга с неохотой исполнила приказ, стрельнув глазами в сторону тропы и тут же отказавшись от нового побега. Она понимала, что женщину врасплох сейчас не застать.

– Вперед.

Господин Ка все так же сидел спиной ко всем, оставаясь безучастным к происшедшему. Беседа занимала его гораздо больше, чем неудавшаяся попытка бегства. Игла, забыв о костре, склонился над Хирамом. Он повернул перекошенное от ярости лицо к Альге и выкрикнул:

– Ты убила его, тварь!

Девушка замерла, не донеся ногу до земли, да так и осталась стоять, чувствуя, как холодеют у нее пальцы.

– Проломила ему висок этой штукой! – обратился он к Грите, протянув ей окровавленный камень. – Дай мне эту стерву! Я покажу ей...

– Остынь, мальчик. – Голос колдуньи был способен заморозить вулкан. – Займись костром. Потом похорони тело.

Тот заворчал, словно пес, бросил на Ходящую злобный взгляд и

поплелся к огню, на ходу продолжая ругаться. Альга глянула на мертвеца и села туда, куда ей указали. Грита освободила ей руки и оплела все той же невидимой веревкой левую ногу, привязав к ближайшей березе, словно собачку.

Убедившись, что путы крепки, колдунья направилась к господину Ка и почтительно остановилась в двадцати ярдах от него, дожидаясь, когда он обратит на нее внимание. Через десять долгих минок тот встал с травы, отряхнул колени, мрачно выслушал рассказ помощницы, безразлично пожал плечами. Поступок пленницы его не заинтересовал.

Альгу накормили, напоили, выдали теплое одеяло и словно забыли о ней до самого утра. Девушка не спала. Не могла спать. И то и дело вспоминала Хирама. Только сейчас ее начала бить запоздалая дрожь и накатил ужас. Она убила человека. Убила не Даром, а собственными руками. Это оказалось так... просто, что становилось страшно. Ей начало чудиться, что на ее руках кровь.

Умом она понимала, рыжебородый заслужил свою участь. Но оттого, что все было правильным, ей не становилось легче. До той поры, пока луна не стала клониться к горизонту и бледнеть, Альга сидела, укрывшись одеялом, и дрожала от ночного холода и страха, природу которого она не могла объяснить даже себе.

– Она на тебе, – поутру сказала Грита Игле.

Тот тут же перестал жонглировать ножом:

– Тоже мне радость. Хирам...

– Хирам сам виноват, – не согласилась колдунья. – Цеплялся к ней, вот и напросился. Я его предупреждала.

– Свяжи ее получше, – проворчал наемник. – Не хочу получить по башке булыжником от вздорной бабенки, которую и пальцем нельзя тронуть.

– Тебе не о чем беспокоиться. Она будет смирной, – господин Ка, как всегда, был мрачен. – Иначе я дам тебе кнут, и сможешь пороть ее, пока кожа не сойдет.

Альга тут же поверила в это обещание. Она не знает, где Целитель, и брату Дави ничего не говорили о том, чтобы привезти пленницу целой. Живой – да. А вот целой – не обязательно.

Игла довольно усмехнулся и послал Ходящей многообещающий взгляд:

– Пожалуйте на лошадь, госпожа.

Последнее слово прозвучало, как издевательство.

На этот раз ей связали руки все той же невидимой веревкой, и первый нар Альга испытывала большой дискомфорт, опасаясь упасть.

Господин Ка увеличил темп, они летели по пустым лесным дорогам, через светлые березовые и дубовые рощи, сменяющие друг друга. Пересекли вброд несколько узких речушек с топкими берегами и вырвались в поля. Местность здесь была ровной, как стол, и Альга сразу же увидела, что небо на горизонте темно от дыма.

На первых мертвецов они наткнулись через нар. Люди, судя по одежде, какие-то странники, были утыканы стрелами и, похоже, лежали здесь не первый день. Альга, стараясь не показывать, что ей дурно, заставила себя смотреть только в спину господину Ка.

Они миновали деревню – целую, не тронутую солдатами, но с попрятавшимися жителями. Затем последовало еще несколько поселков, не тронутых войной, и спутники выехали к месту первого сражения.

На земле лежало около сотни тел. Изрубленные мечами и секирами, истыканные стрелами, обожженные магией. Война смяла, проглотила и выплюнула их, тут же забыв, устремившись вперед, туда, где ее ждали новые жертвы.

Следующая деревня на тракте оказалась сожжена дотла. На ближайших деревьях была устроена импровизированная виселица, прогнувшаяся от висящих на ней мертвецов. Жители оказали сопротивление и заплатились за это.

Теперь не проходило и полунара, чтобы они не ехали мимо пепелища или мертвых. Дымы на горизонте выросли, приблизились, превратились в колоссальные столбы, сливающиеся в вышине с сизыми от гари облаками.

Возле перепуганного городка с разрушенным Лысым камнем им повстречался набаторский разъезд. Господин Ка выехал вперед, о чем-то тихо переговорил с командиром южан. Ему тут же выделили сопровождение из четырех солдат, и дорога довольно быстро вывела отряд на центральный тракт этой провинции, идущий до самого Корунна.

Теперь по пути то и дело попадались отряды пеших и конных набаторцев, следующих на север. Множество фургонов и телег с оружием, провиантом и едой двигались в том же направлении. Армия Проклятой рвалась к столице.

И дорого платила за свое продвижение.

В обратном направлении, с севера на юг, тянулись обозы с ранеными. Иногда в телегах, закрытых парусиной, везли трупы.

Спутники не останавливались ни на минутку. Они обгоняли пеших, уступали дорогу гонцам, ехали рядом с кавалерийскими отрядами,

успокаивали лошадей, когда мимо пробежали эбеновые морты с горящими янтарным пламенем глазами. Единственный повстречавшийся им некромант – на черном, как смоль, жеребце – поприветствовал господина Ка как равного.

Возле какого-то городка, из-за огромного количества солдат, на тракте было не протолкнуться. Пришлось поворачивать и искать обходную дорогу через лес, объезжая большой военный лагерь. Рощица – короткая, как летний сон, была преодолена за несколько минок, в нос Альге ударил запах гари, и она задохнулась от увиденного зрелища.

Казалось, что весь мир горит. Два города, расположенные друг напротив друга, на разных берегах реки, пылали, начиная от крепостных стен и заканчивая шпилями храмов Мелота. Пригороды и поля уже были сожжены, а лес на той стороне реки объяло пламя, языки которого, казалось, достигали неба.

Они подъехали к бурой воде, которая была беспокойна от плывущих, словно притопленные бревна, мертвецов. Еще больше мертвых лежало на противоположном берегу. Отсюда они казались совершенно нестрашными, игрушечными, набитыми соломой чучелами. Убитых было столь много, что разум переставал воспринимать, что это когда-то было людьми.

– Несколько полков, – сказал самому себе Игла и покачал головой. – Однако, хорошая получилась мясорубка.

– В смерти нет ничего хорошего, – возразил господин Ка и обвел местность рукой. – Это всего лишь необходимая мера.

– Необходимая для чего? – Альга не смогла удержать свой язык.

Она думала, что колдун ее проигнорирует, но он ответил:

– Для победы, Ходящая. Исключительно для победы.

Мосты на ту сторону частично были сожжены или разрушены, ехать пришлось вдоль реки, вверх по течению, пока не добрались до переправы. Этот путь находился под охраной трех десятков Сжегших душу. На ту сторону бесконечным потоком переправлялись остатки арьергарда армии Аленари.

Оказавшись на другом берегу, отряду пришлось объезжать горящие, превратившиеся в раскаленную топку городские развалины. Жар от них растекался по всей речной долине, стараясь задушить каждого, кто смел подойти к пожарищу слишком близко.

Цепочка воинов двигалась к лесам, объатым огнем. Альга с ужасом смотрела на ревущую стену пламени, на сгорающие, точно сухая солома, деревья, на черное пепелище, на страшные, обожженные трупы, лежащие вдоль дороги. Она натывалась на них, куда бы ни посмотрела, и каждый раз

внутренне содрогалась от ужаса. Война оказалась еще более мерзким и отвратительным зрелищем, чем предполагала девушка.

На ночевку они остановились, сойдя с основного тракта и проехав по проселочной дороге до деревни. Та была небольшой, всего лишь на десяток домов, окрашенных заходящим солнцем и заревом далеких пожаров в алые и оранжевые цвета. Часть местных, увидев приближающийся вооруженный отряд, не стала искушать судьбу и бросилась к спасительной роще. На них никто не обратил внимания. Оставшиеся, среди которых оказался и староста, стучали зубами, но, поняв, что набаторцам нужен всего лишь ночлег, а не их жизни, воспряли духом.

Альгу, по приказу господина Ка, посадили в сарай с дырявой крышей, большим количеством прошлогоднего сена и заросшими древней паутиной балками над головой. Ходящая настолько устала от дороги, что едва держалась на ногах. Вся ее одежда и волосы провоняли гарью, едким дымом и отвратительной вонью горелого мяса. Девушка непрерывно кашляла, ей казалось, что ее горло покрыто смоляной копотью, и она задыхается.

Колдунья вновь привязала ее за ногу, на этот раз сделав «веревку» достаточно длинной, чтобы можно было ходить по сараю. Альга продолжала кашлять и тереть покрасневшие от дыма глаза. Уже в темноте Грита вернулась, принесла масляный фонарь и повесила его у двери, вне пределов досягаемости для пленницы. Поставила перед девушкой тарелку с вареным горохом и копченой индейкой, глиняный узкогорлый кувшин и небольшую плошку.

Она ушла, оставив свет. Ходящая несколько минок тупо смотрела на еду, потом вновь закашлялась и налила в плошку воды. Отхлебнула, с удивлением поняла, что это березовый сок – чуть сладковатый, прохладный, освежающий. Когда кувшин опустел наполовину, она отметила, что кашель прекратился, и проснулся аппетит.

Много позже, когда деревня окончательно уснула, а за балкой робко запиликал одинокий сверчок, Ходящая все еще не могла уснуть. Она выбилась из сил, пытаясь разжечь свою «искру», порвать «веревку», сорвать браслет.

Как и раньше, ничего не получалось.

Рона наказывала Альге быть сильной. И та обещала. Стать такой же, как старшая сестра – умелой, опытной, ничего не боявшейся. Однако, ей не удалось...

– Я неуклюжая дура, – с ожесточением прошептали губы девушки.

Избежать плена и вновь в него угодить! А ведь она самой себе поклялась, что больше не уступит, не даст себя схватить живой.

И что в итоге? Она здесь. В каком-то затянутом паутиной сарае, с мерзкой железкой на запястье, препятствующей ее Дару! И с этим ничего, ровным счетом ничего нельзя поделать!

Быть сильной!!

Наверное, сестра такой и оставалась до конца своих дней. Альга ни на минутку не сомневалась в словах Проклятой. Она знала, что потеряла Рону навсегда, но все-таки не могла заставить себя окончательно в это поверить. И росток призрачной надежды, который теплился в ее душе, губила уверенность в том, что Оспа *не могла* ошибаться.

Быть сильной?

Пламя фонаря задрожало и поплыло. По щекам, грязным от копоти, полились предательские слезы. Альга плакала навзрыд, ее душили рыдания, и пленница уткнулась лицом в сено, стараясь сдержать их.

Смерть сестры сильно подкосила ее. Ходящая начала терять веру в себя, в удачу, и в то, что у всех, кто живет в этой стране, есть хотя бы какие-то шансы на будущее. Рона ушла, и Альга осталась совсем одна в мире. Страшное одиночество и отчаянье давили ей на плечи, вытягивали душу. В эти минки девушке показалось, что бы она ни пыталась делать – все безнадежно, и сопротивляться не имеет никакого смысла. Ее судьба уже предрешена, и она обязана смириться с тем, что должно произойти.

Много позже, чуть успокоившись, Альга села в углу, обхватила руками колени и мрачно уставилась в одну, только ей видимую, точку. Ее лицо распухло от слез, длинные темные ресницы слиплись. Красивые, уже зажившие от удара господина Ка губы продолжали дрожать.

– Я буду сильной... – прошептала Ходящая и повторила громко, с ожесточением: – Я буду сильной! Слышите?! Вы!

Она сделает это ради сестры. Не сдастся. И если нет Дара, то вопьется зубами в холеную шею Гриты. Убьет ее так же, как Хирама. Она не будет овцой, которую ведут на заклание. Будет сражаться до последнего!

Ее природное упрямство обернулось глубочайшей яростью, и чтобы выместить ее, девушка швырнула пустую тарелку в стену. Во все стороны разлетелись глиняные осколки, но гнев это не погасило.

Альга бросилась к выходу, вспомнив о невидимой веревке лишь когда та грубо рванула ее за ногу. Вернулась назад, внимательно изучила балку, за которую была привязана, поняла, что до нее, как и до фонаря, не дотянуться и начала метаться по сараю. Она сама не знала, что ищет. Роясь в сене возле стены, спугнула мышь, наткнулась на ржавую подкову и за

завалом из ящиков обнаружила старые инструменты – разохшийся деревянный молоток, шило без ручки, россыпь погнутых гвоздей и видавший виды топор.

Схватив шило, она кинулась поближе к фонарю, села и снова попыталась сломать защелку браслета. Умом девушка понимала, что это невозможно, но сдаваться не собиралась. Скорпионий хвост оказался крепок, на сегментах не оставалось даже царапин. Отбросив бесполезный инструмент, Альга вернулась за топором. Взвесив его в руке, она задумчиво нахмурилась.

Решение созрело за одну минутку. Она даже не успела испугаться своих мыслей. Лихорадочно повела взглядом, пытаясь найти что-нибудь жесткое, и решила, что для задуманного сойдет и разваленный ящик. Раньше Альга никогда бы не подумала, что отважится на такое, но теперь, когда ее загнали в угол, а до встречи с Аленари остались считанные дни, выбирать не приходилось.

Был всего лишь один способ избавиться от ненавистного браслета, не дающего ее «искре» разгореться, и Ходящая собиралась воспользоваться им немедленно. Пока не передумала или не испугалась.

Положив правую руку на доску, стараясь не закрывать глаза, она подняла тяжеленный топор, но не успела его опустить. Браслет раскалился добела, и Альга, вскрикнув от боли, отлетела на несколько шагов назад.

Из глаз вновь ручьями потекли слезы. Ходящая с ужасом посмотрела на свою руку, ожидая увидеть страшный ожог и обугленную плоть, но кожа оказалась чистой. Ни одного красного пятнышка. Ни одного волдыря. А скорпионий хвост вновь был таким же, как обычно – черным и холодным на ощупь.

Девушка увидела, что топор лежит в пяти ярдах от нее. Она не потеряла желания совершить задуманное и упрямо шагнула к нему опять, но тут же взвыла от боли в руке.

Альгу вновь отбросило назад. Не сильно, но вполне достаточно для того, чтобы расстояние между ней и опасным предметом увеличилось. Зарывав, она поползла к своей цели... и на несколько мгновений потеряла сознание.

В глазахплыли темные круги, невесть когда прокушенные губы болели, но девушка вновь предприняла попытку добраться до топора. И вновь лишилась чувств. На этот раз надолго.

Солнечный луч, теплый и ласковый, падал ей на лицо, словно благословение Мелота. Зашуршало сено под чьими-то ногами, и веки

девушки дрогнули. Она, открыв глаза, приподнялась, опираясь на локти.

– Ты все так же неугомонна, – поприветствовала ее Грита, ставя на землю таз с водой и поднимая топор. – Неужели надеялась, что господин Ка не подумал о подобном варианте? Браслет прекрасно читает твои мысли и знает, что ты хочешь сделать. Скорпион не позволит этому случиться. Игла!

В дверях появился наемник. Колдунья бросила ему топор и недовольно сказала:

– Кажется, я просила проверить сарай, прежде чем она сюда попадет? Совсем обленился, придурок!

Тот попытался оправдаться, но Грита лишь раздраженным жестом приказала ему выйти.

– Ты очень храбрая девочка, Ходящая, – между тем продолжила женщина, разглядев в сене обломок шила и спрятав его в поясную сумку. – Не всякий мужчина решится отрубить себе руку. Умойся. Ты выглядишь жалко. Сейчас я принесу тебе новую одежду. Эти обноски способны напугать даже мертвых.

Колдунья ушла, и Альга сделала то, что ей приказали. Сполоснув лицо едва теплой водой, она взглянула на свое отражение, затем на руку, которую еще вчера хотела отрубить, и ее окатило холодным ужасом. Вчера она едва не совершила непоправимое. Сейчас от одной мысли о том, что могло случиться, ей становилось плохо. Где был ее разум?

Вернулась Грита, принесла чистую одежду – простое, домотканое светло-коричневое платье и белый передник.

– Переоденься. Живее.

Она осталась, и Альге пришлось менять одежду под равнодушным взглядом черноволосой колдуньи. Платье оказалось немного узким в груди, но с этим ничего нельзя было поделать, и Ходящая решила не обращать внимания. Фартук она проигнорировала, оставив лежать на сене. Туфельки пришлось в пору.

Ей вновь связали руки, и опять началось бесконечное путешествие. По дороге все так же шла растянувшаяся на десяток лиг армия, и отряду все время приходилось обгонять пеших воинов. На пути им еще несколько раз встречались сожженные деревни и городки. Дважды Альге приходилось проезжать через поля сражений, но они были гораздо меньше, чем то, на берегу реки.

Здесь были пленные, помогавшие набаторцам, назначенным в похоронные бригады, рыть ямы и грузить мертвецов на обозы. Глядя на это, у Ходящей сжималось сердце. Ей становилось страшно – впереди,

перед Корунном находятся куда более крупные города, и их участи нельзя позавидовать.

К вечеру они достигли границ провинции, а на следующий день Альга вновь увидела, что небо на севере черным-черно. Девушка подумала, впереди их опять ждут пожары. Но ошиблась – медленно и неотвратно надвигалась гроза.

В лагере Аленари отряд оказался за несколько минок до начала дождя. Основная часть армии южан расположилась восточнее, и здесь, в старой дворянской усадьбе, окруженной цветущим вишневым садом, было удивительно тихо. Несущие стражу морты пропустили господина Ка и его спутников без всяких вопросов.

У крыльца поместья стояли гвардейцы в легких латах. Один из них, заметив скачущих по широкой аллее всадников, метнулся в дом и вышел в сопровождении женщины, облаченной в белое.

– Господин Ка, мы ждали вас, – сказала она.

– Здравствуйте, госпожа Батуль, – уважительно поприветствовал ее колдун, покидая седло. – Звезднорожденная сможет меня принять?

– Немедленно? К сожалению, нет. У нее совет командиров. Мне приказано позаботиться о том, чтобы вы ни в чем не знали нужды. Это та Ходящая? – Пронзительный взгляд бледных глаз остановился на Альге. – В ней чувствуется норов. Она укрощена?

– Нет. Я не стал ничего делать до тех пор, пока Звезднорожденная не отдаст своих распоряжений.

– Понимаю. Я и Кадир сожалею о гибели господина Дави. Идемте. Я покажу ваши комнаты.

– Дайте мне слугу. Одна из Круга не должна выполнять его работу.

– Оставьте вежливость. Мне это ничего не стоит. Грита, тебя ведь так зовут? Отведи Ходящую. Гвардейцы покажут, где она может подождать.

Один из воинов поманил женщин за собой и провел по коридору в светлую комнату с большим шкафом и астрономической картой на стене. Грита снова привязала Альгу и оставила ее в одиночестве.

Все попытки бежать оказались бесполезны, и теперь девушке оставалось лишь ждать.

Она пыталась скрыть волнение и страх, но сердце колотилось точно бешеное, а спина была мокрой от пота. Горло мгновенно пересохло, очень хотелось пить, но никто не озаботился оставить ей воды.

За окном ударила молния, следом страшно гроыхнул гром. Вишневый сад зашумел, по воздуху полетели белые лепестки, а затем хлынул ливень. Вода лилась по стеклам, гремела по жестяным

подоконникам и крыше. В одно мгновение стена ливня скрыла от Альги весь мир за окном.

Молнии били каждую минку. Ходящая сидела на неудобном жестком стуле, вслушивалась в непогоду и с напряжением ждала скорой развязки. Но прошло два нара, а за ней так никто и не пришел. Пленница томилась в неведении, с каждой минкой все больше и больше страхась своего будущего. Здесь, в логове Оспы, она чувствовала себя как никогда незащищенной. И только теперь смогла оценить всю глубину своей зависимости от «искры». Без нее она стала слабой. Превратилась в пустышку, которая не представляет никакой угрозы. В маленькую девчонку, не способную противостоять тем, кто оказался сильнее. Ученица Галир ни на миг не сомневалась, что шансов пережить этот день у нее немного.

Она бесполезна для них. Ничего не знает о Целителе и ровным счетом ни для чего не нужна. Аленари от нее никакого толку. К тому же, если истории не врут – Проклятая ненавидит женщин.

Гроза ушла на запад, дождь стал редким и мелким, а затем и вовсе прекратился. Лишь задержавшиеся на крыше редкие капли продолжали падать. В разрыве облаков показался и тут же исчез лазоревый краешек неба. Еще через несколько минок выглянуло солнце, и над вишневым садом, намокшим и свежим, появилась бледная радуга. Альга с удивлением рассматривала ее, словно видела впервые. Забыв о страхе и отчаянии, она наслаждалась этим хрупким чудом, таким же недолговечным, как ее будущее.

Морасский механизм на стене гулко отбил пять вечера, и почти сразу же заскрежетал дверной замок. Появившаяся Грита сняла веревку с ноги пленницы и поманила за собой.

В соседней комнате их ждал некромант. Его одежда пахла мускусом.

– Мне пойти с вами, господин Кадир? – шелковым, подобострастным голосом спросила Грита.

– Нет. Займись своими делами. За мной, Ходящая.

Альга не нашла в себе сил противиться. Весь мир в одно мгновение стал вязким и тусклым, а звуки глухими. Словно тучка опустилась на ее голову, забрав у тела волю. Как будто ею управлял кто-то другой. Она послушно семенила за Белым, видя перед собой его широкую спину и, сохраняя полную ясность сознания, с горечью думала, что похожа на безропотную овцу, которую ведут на заклание.

Он привел ее в зал, где возле дверей из золотистого ясеня стоял почетный караул гвардейцев. Несколько раз стукнул костяшками пальцев о дверную ручку, приоткрыл, заглянул внутрь и провел девушку за собой.

К ней вновь вернулись контроль над телом, полноценное зрение и слух.

– Нет! И еще раз нет! – голос говорившей был приятным, но властным. – Их надо взять в кольцо! Если они прорвутся – у Восточной армии могут возникнуть неприятности, и она выйдет к Корунну позже нас! Пошлите туда всех шей-за'нов! И снимите тысячу «Единорогов» с правого фланга. Пусть прорывают оборону. Мы не должны терять темпа!

Ходящая повернулась на голос и увидела Проклятую. Та, опершись обеими руками о стол, говорила с набаторцем. Оспа оказалась удивительно высокой и прекрасно сложенной женщиной с великолепными серебристыми волосами. Одежда ее была дорогой и изысканной. Платиновая цепь с темно-синими сапфирами идеально подчеркивала длинную шею и опускалась к вырезу платья, заканчиваясь медальоном в виде расправившего крылья сокола.

Пока Альга во все глаза смотрела на отступницу, отрекшуюся от Башни и так похожую на обычного человека, Кадир вышел. Следом за ним поспешил получивший указания военный.

– Иногда мне кажется, что мужчины ничего не смыслят в войне! – раздраженно сказала Проклятая, падая на стул.

– Так и есть, о Звезднорожденная, – произнесла Батуль, удобно расположившаяся в кресле у окна.

– Пришли какие-нибудь сведения от госпожи Митифы?

– Брагун-Зан далеко. Гонец будет не раньше, чем через несколько дней.

– Как твое имя?

Ходящая, встретившись взглядом с прорезями маски Проклятой, вздрогнула. Сухие, жестокие пальцы страха на мгновение сжали ее горло, но она, все-таки смогла произнести:

– Альга.

– Я много о тебе слышала, Альга. Ты очень интересная... личность. Подумать только – убить одного из моих Верных. Не все могут гордиться таким достижением. Обычно бывает наоборот.

Она задумчиво покачала головой, словно все еще не веря в то, что нечто подобное могло произойти. Девушке оставалось лишь молча ждать.

– А как ты разворотила стену, сдерживающую твою «искру»... Господину Ка пришлось воспользоваться этим, – последовал кивок на темный браслет, – чтобы быть уверенным, что ты больше не совершишь чудес. Даже Батуль не способна сделать подобное... Кто стал твоей учительницей после завершения ступеней?

– Госпожа Галир.

– Старшая Наставница? Она была одаренной женщиной. Но я не знала, что она научилась рвать «узы». Ты ведь из неблагородной семьи? А вместе с тем у твоей сестры тоже была «искра». Почти уникальный случай... – Проклятая задумчиво взяла со стола лист бумаги, посмотрела его на свет и отложила в сторону. – Раньше такое встречалось лишь в благородных семействах. Да и то изредка.

– Старая кровь, о Звезднорожденная? – заинтересовалась Батуль.

– Возможно. На что ты так смотришь, девочка?

Альга сглотнула и тихо сказала:

– На вашу маску. Она... она очень красива.

Раздался тихий смех. Проклятая встала из-за стола, подошла к пленнице, изящным пальцем приподняла подбородок девушки и заставила смотреть прямо на себя. Только вблизи Ходящая смогла рассмотреть в темных провалах глаза Аленари – непередаваемого ярко-голубого цвета. Они были прекрасны.

– У тебя очень интересное лицо, Альга. Ты знала об этом? Ну-ну. Не бойся. Это ложь, что я убиваю всех красивых женщин, – она отпустила ее и отошла. – Иначе мне приходилось бы делать это слишком часто. Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Совсем еще ребенок... – Оспа вновь села. – В тебе есть воля, Альга. Мне это нравится. Я слышана от господина Ка, сколько хлопот ты ему принесла, и мне захотелось с тобой познакомиться. Редко можно встретить столь отчаянно сражающихся женщин. Несколько побегов, убийство наемников и носителей «искр». Смерть Верного, наконец. Немногие способны на столь отчаянные шаги.

– Зачем я здесь? Для чего?

– Что ты знаешь о Целителе?

– Ничего. Я с ним никогда не разговаривала.

– А твоя сестра?

– Они вместе учились.

– Она что-нибудь для него значила?

Этот вопрос удивил Альгу.

– Не знаю.

– Я не обязана тебе ничего объяснять, Ходящая. Но проявлю добрую волю и отвечу, почему ты оказалась здесь, а не умерла, как хотел этого господин Ка. Не знаю, что связывало твою сестру и того мальчика, но, возможно, есть вот такой шанс, – она свела пальцы, оставив между ними минимальный зазор, – что в память о той девушке он задумается о жизни

другой. Конкретно – о твоей жизни. И когда я его найду, а я найду, можешь быть уверена, станет немного сговорчивее.

– А если не станет?

– Я, в отличие от тебя, это переживу.

Проклятая звонко хлопнула в ладоши, и появился Кадир.

– Да, о Звезднорожденная?

– Проведи ее к нашей гостье. Им будет о чем поговорить.

Белый взял Альгу за плечо, подтолкнул к выходу, но та обернулась к Оспе:

– Могу я спросить?! Моя сестра. Вы уверены, что она мертва?!

– Иначе я не вижу причин, почему господин Ка не смог найти ее.

На девушку вновь опустилось облако, забирающее волю, и она послушно, точно на поводке, пошла за некромантом. Тот провел ее в дальнее крыло здания, неухоженное, полутемное, и, открыв дверь с тяжелым засовом и решетчатым окошком, втолкнул в комнату.

Дверь захлопнулась. Гроыхнул замок. Ходящая тихо, с отчаяньем выругалась и начала осматривать свою темницу.

Комнатка оказалась совсем небольшой. Здесь было лишь несколько ведер в углу и два матраса с ворохом тряпок. Пол застилала солома. Первым делом Альга попробовала прутья на прочность и, убедившись, что своими силами отсюда не выбраться, с тяжелым вздохом села на ближайшую лежанку, но тут же вскочила, едва не вскрикнув.

Груда тряпья зашевелилась, из нее показалась рука, и с матраса приподнялась изможденная дувушка. У нее были спутанные черные волосы, осунувшееся бледное лицо и больные красные глаза. Узница затравленно посмотрела на Ходящую и вдруг изумленно прошептала:

– Альга?

Та вздрогнула, приблизилась на шаг, непонимающе нахмурилась, не узнавая, и, внезапно охнув, бросилась вперед:

– Мита?! О, Мелот! Глазам своим не верю! Откуда ты здесь?

Она засыпала подругу вопросами, но та лишь качала головой и тихо бормотала:

– И тебя. И тебя теперь тоже убьют... Так же, как Дага...

Мита зарыдала.

Глава 23

Гряда, тянувшаяся вдоль западного горизонта целую неделю, наконец-то закончилась, растворилась среди равнин, словно кусок твердого сахара, попавший в горячую воду. Теперь вокруг меня простирались бесконечные поля, то и дело сменявшиеся лиственными рощами. Я каждый день наслаждался окружающей местностью, в чем не было ничего удивительного – после унылого каменного Брагун-Зана любая яркая краска, любая травинка приводили меня в полный восторг.

Глядя на зазеленевшие леса, подросшую траву, распустившееся луговые цветы, проснувшихся шмелей и отражающую солнце воду, я наслаждался как никогда. Погода была удивительно теплой, если не сказать жаркой. Одурающий холод Мертвого Пепла, казалось, вгрызшийся в мои кости, ушел без следа. Ветер пах свежестью, черемухой и сладким разнотравьем полей. Никакой одурающей подземной вони, никакого пепла, никакого едкого дыма.

Птичья разноголосица начиналась с самого раннего утра и не затихала до той поры, пока ночь не переваливала за середину. Мой конь, так же как и я по горло сытый Брагун-Заном, отъедался на глазах.

Стояли последние весенние дни, и вот-вот должно было начаться бесконечно-длинное лето. Я находился в дороге долго, путешествуя по дикому краю, зажатому с одной стороны Западным трактом и Артагой – рекой, начинавшейся от Катугских гор и впадающей в Великие озера, а с другой стороны – Центральным трактом, на котором сейчас кипели бесконечные сражения. По последним сведениям, что я слышал еще в Мертвом пепле, именно по нему продвигается к Корунну Аленари.

Глушь, где пробирался я, не привлекла набаторцев. Здесь не было ни крупных городов, ни важных для страны дорог. Редкие деревни, глухие и маленькие, не могли заинтересовать южан. Все их мысли были там, на севере, возле столицы. И они разумно полагали, что если раздавить голову, то тело навсегда прекратит сопротивление.

Я двигался споро, не задерживаясь, останавливаясь лишь на ночевки и чтобы дать отдохнуть коню. Дорога, по которой спешила Митифа, здесь была одна. Старая, узкая, заросшая кустарником по обочинам, то и дело превращающаяся в тропу, и все больше и больше забиравшая к востоку. К Центральному тракту.

Я был уверен, что Проклятая прошла именно здесь и движется в том

же направлении, что и я, стремясь как можно быстрее оказаться рядом с армией Оспы.

С каждым днем я все ближе подступал к областям, где шла война, и, оказавшись на тракте, идущем параллельно Центральному, но не таком оживленном, ожидал увидеть самое худшее. Но меня встретили лишь притихшие деревни да слухи. Множество слухов. Самое сложное было отсортировать правду от лжи. Последней, как всегда, оказалось невообразимое количество.

Однако чем дальше я продвигался, тем больше появлялось признаков войны. Ее вечные спутники – трупы – начали попадаться мне все чаще. В придорожных канавах, в оврагах, в лесах, по берегам рек, на деревьях и при въезде в деревни. На кладбищах виднелись свежие могилы. Над оврагами, куда мертвецов сбрасывали десятками, не желая тратить время на их похороны, вилось воронье.

В деревнях я частенько натыкался на висельников. Там были как местные, так и солдаты, попавшие в плен. Никто из жителей не рискнул снимать мертвых, и они достались птицам, насекомым, солнцу и времени. Это не шло на пользу ни покойникам, ни тем, кто жил рядом, ни окружающей местности. Но люди словно свыклись со страшным присутствием, старались его не замечать и не спешили предавать погибших земле. У крестьян были куда более важные заботы – побеспокоиться о полях и не дать семьям умереть с голоду.

Вполне злободневно, если учитывать, что прокатившиеся по краю армии сожрали все подчистую. Соответственно, цены на продукты превысили всякие разумные пределы. Если бы не Шен, отдавший мне свой кошелек, пришлось бы затянуть пояс. А на то, чтобы нормально накормить коня, мне приходилось тратить раз в пять больше, чем на себя. Овес был на вес золота.

Многие поселки оказались преданы огню, и люди в тех, которые уцелели, радовались, что беда обошла их стороной.

На набаторцев я наткнулся лишь единожды, и то, вовремя услышав стук копыт, свернул в лес. Отряд из пяти человек, вздымая пыль, пролетел по дороге и сгинул без следа.

Думаю, на основном тракте сейчас было гораздо оживленнее. Набаторских обозов там должно идти видимо-невидимо. Несколько десятков тысяч человек надо кормить, а это требует усилий и хороших поставок из-за Катугских гор. Набаторское Его Величество должно крупно раскошеляться, чтобы содержать свою армию сытой, одетой и обутой.

Где-то в глубине моей души день ото дня крепла странная уверенность

– встретиться с Корью следует, несмотря ни на что. И я спешил. Но она все время опережала меня, иногда на день, иногда на целых три, двигаясь, словно заговоренная. Проклятая будто летела по воздуху, оставляя мне незавидную роль догоняющего.

Я много раз терял ее след, но каждый раз выходил на него снова. Я искал, выпрашивал, едва ли не нюхал воздух, словно голодный зверь. Питался всевозможными слухами, не гнушался расспрашивать редких путников, встречающихся по дороге, выведывать у немногословных и с опаской поглядывающих на меня местных. И поэтому знал, что все еще плотно сижу на хвосте у беглянки.

Мое упорство было вознаграждено сторицей. То здесь, то там, я натыкался на упоминание об одинокой путнице с короткими черными волосами. Немногословной, резкой и холодной, что останавливалась на ночь то здесь, то там, а затем мчалась дальше, словно за ней гнались все демоны Бездны.

За два дня до праздника, посвященного Мелоту, я въехал в большую деревню, на этот раз, даже не посмотрев в сторону виселицы. Несколько домов на окраине были сожжены, но в остальном поселок оказался целым и невредимым. Никто из жителей не обратил на меня внимания (точнее сделал вид, что не обратил). Я поймал взгляд одного из мальчишек, что околачивались возле здоровенной лужи, где возилась чудом избежавшая зубов набаторцев свинка. Поманил его пальцем. Тот неохотно подошел.

– Охотники среди местных есть?

– А вам зачем, дядя? – спросил он, смешно наморщив лоб.

– Стрел хочу купить.

Мальчишка покосился на мой колчан.

– Не нужны вам охотники, дяденька. Я вам сам стрелы продам.

– Откуда у тебя?

– Нашел, – неопределенно пожал он плечами. – Может вам еще чего надо? Есть меч хороший. Кавалерийский. И секира... немного ржавая, правда.

– Только стрелы. Шесть медяков за десяток. Пятнадцать за двадцать. Если они будут хорошими.

– Идет, – он важно протянул мне руку.

Мне пришлось свеситься с седла, чтобы пожать ее.

– Я принесу в таверну, – сообщил он и побежал так, что засверкали грязные пятки.

Деревенский кабаk был как раз напротив того места, где мы разговаривали. Моего коня повел в стойло парень с хитрым выражением

лица и проворными глазками. На животное он смотрел так, что я положил руку ему на плечо и тихо сказал:

– Что-нибудь случится со скотиной – найду и убью.

Пройдоха побледнел и заверил, что все будет в порядке.

В зале, страшно грязном, душном, пропахшем прокисшим шафом, влажной землей и прогорклым жиром, за единственным длинным столом сидела компания из шести местных. Они все, как один, уставились на меня, словно я был пришельцем из Бездны. В их числе оказался и хозяин этой дыры.

– Еды, – коротко бросил я ему.

– Деньги покажи.

Я крутанул на столешнице сол и прижал его ладонью.

– Как скажете, ваша милость.

– И окошко открой. Дышать нечем.

Он сделал, что было велено, и, кликнув жену, ушел на кухню. Я исподволь разглядывал оставшихся за столом мужчин. Они, как по команде, уткнулись в кружки с шафом. А затем, склонив головы друг к дружке, начали бубнить, будто домовые над крынкой с молоком. Потом вновь обратили взгляды на меня. Один из них поднялся с лавки, подошел ко мне. Сел.

– Слышь. А ты чей будешь?

– Свой.

– А... – недоуменно протянул он, неуверенно посмотрел на товарищей и вернулся к ним.

Они вновь зашушукались. Пришел запыхавшийся мальчишка, положил на стол грязный сверток. Я развернул его, взял одну из стрел, поднес к глазам, проверил оперение. Наконечник все еще был испачкан засохшей кровью.

Я усмехнулся, осмотрел остальные. Их было больше двух десятков всех мастей и размеров. Различные наконечники – бронебойные, зазубренные, широкие, охотничьи, различная длина, различный вес, разное оперение. Среди перьев встречалась набаторская расцветка. На многих стрелах я также заметил старую кровь. Боевые трофеи мальчишек, найденные на полях сражений. Сейчас этого добра должно быть предостаточно.

Из того, что мне притащил юный торговец, годных было штук десять. Все остальные – мусор, не способный показать ни точности, ни дальности. Такие можно выпускать лишь в упор. Шагов на сто. Но я не стал торговаться и заплатил договоренную цену.

– Спасибо, дядечка, – сказал малец и, наклонившись поближе, прошептал: – Ехали бы вы своей дорогой, пока они не опомнились.

Я поблагодарил его за столь ценный совет, но остался на месте. Нет. Мне не нужна была драка, но страшно хотелось есть, и тьма знает, когда мне теперь представится такая возможность. Так что голод победил чувство самосохранения.

Жена хозяина принесла на подносе глубокую тарелку с куриным супом, где плавало не только тесто, но и мясо, толстенный ломоть слегка зачерствевшего зернового хлеба, луковую головку, плошку со сметаной и кружку с ромашковым шафом. Я отдал ей монету, понюхал напиток, пригубил и про себя улыбнулся. Он оказался куда крепче, чем должен быть. Словно туда щедро плеснули рески.

Я принялся неторопливо есть, когда рядом вновь оказался посыльный от местных.

– А свой, это который? Своих сейчас на дорогах развелось, как мокриц под досками. Уже и не поймешь где свой, а где чужой. Если чужой, то за проезд через деревню заплатить надо.

Я достал нож, разрезал кусок хлеба пополам, положил рядом. Человек прищурился, но не испугался.

– Свой, – неопределенно ответил я. – Из армии. Нашей.

Как я и думал, ответ поставил его в тупик и он, проворчав что-то неопределенное, вновь отправился совещаться. Моя тарелка опустела наполовину, когда с лавки встали уже двое. По их решительному виду было понятно, что они, во что бы то ни стало, намереваются срубить с меня денег. Или дать в рыло.

Впрочем, умники почти сразу сели назад, разом потеряв ко мне всякий интерес.

– Вот так, собака! – сказала лохматое зеленоватое существо с лисьей мордочкой, забираясь на стол и поводя по сторонам чувствительным носом.

– Лопни твоя жаба, Нэсс! Мы чуть не опухли, догоняя тебя! – сказал Лук, плюхаясь рядом со мной и бесцеремонно подвигая к себе мою кружку с шафом.

Он сделал большой глоток и скривился:

– Лопни твоя жаба! Зачем с реской-то мешать?!

– Откуда ты тут взялся? – я мучительно соображал, что мне подмешали в суп на кухне, раз у меня начались подобные видения.

– Мелот нас привел, – усмехнулся Лук.

– Вот так, собака! – сказал Юми, вопросительно заглядывая в мою тарелку.

Я вздохнул и подвинул суп ему:

– Угощайся, приятель.

Вейя радостно хрюкнул и с аппетитом зачавкал.

– Хозяин! – крикнул я. – Еще еды! Мне и моему другу.

– И шафа, чистого! – поддержал Лук.

Вошел Га-нор, его синие глаза остановились на моем лице, сверкнули. Северянин кивнул, словно мы не виделись всего нар, и сел рядом:

– Я тоже не отказался бы поесть.

Я отдал соответствующие распоряжения и, наконец, смог сказать им главное:

– Рад, что вы уцелели при Брагун-Зане. Я гадал, что с вами случилось.

– Было жарковато, – Лук потер левое запястье, и я заметил там широкий красноватый шрам. – Ну, ты сам все видел. Мы тоже рады, что ты остался в живых. В отличие от Гиса и Порка.

– А что с милордом Рандо?

– Жив, слава Мелоту. Во всяком случае, был, когда мы его оставили, – Лук подозрительно покосился на компанию местных.

Те, увидев северянина и клинок, который он положил рядом с собой, приуныли и начали потихоньку расходиться. С рыжим связываться никто не хотел.

– Так что вы здесь делаете?

– Тебя ищем, лопни твоя жаба. Шен посчитал, что тебе понадобится помощь.

– Ты отличный следопыт, раз смог меня найти, – оценил я проделанную северянином работу.

– Моя заслуга в этом мала, – улыбнулся в усы сын Ирбиса. – Нас вел Юми.

– Вот так, собака, – скромно потупил глаза вейя, отставив пустую тарелку. – Собака?

Он вопросительно покосился на кусок хлеба и, дождавшись моего кивка, набил щеки, словно хомяк.

– Что с Гбабаком? – опомнился я. – Он на улице?

– Куда там! – безнадежно махнул рукой Лук. – Наш болотный друг ведет блазгов вперед. Они теперь в ударном кулаке вновь сформированной Брагун-Занской армии. Вместе с северянами и уцелевшими под Ульсом рыцарями. Так что ему пришлось остаться. А Юми вызвался помочь. Без него мы бы тебя вовек не нашли, лопни твоя жаба!

– Зверей-то зачем на стол сажать? – проворчала хозяйка, принеся еду.

Но мы не обратили на нее внимания и, сдвинув кружки, стукнули ими друг о друга.

За встречу.

– Люблю конец весны, – негромко сказал Га-нор. – В моих землях к этому времени сходит снег, и тундра горит огнем. Сплошные цветы.

– Вот уж не думал, что тебя могут заинтересовать цветы, – по-доброму рассмеялся я.

Он улыбнулся и пояснил:

– Когда зима начинается с середины осени и снег валит, не переставая, любой яркой краске радуешься, как благословию Уга.

Я кивнул, признавая его правоту. Именно так со мной происходит после Брагун-Зана. Мы сидели на невысоком пригорке, смотрели на небольшое озерцо, по берегам которого уже начал появляться молодой тростник, и на шар медного солнца, медленно клонившийся к горизонту.

Лук и Юми были в лагере, расположенном у воды. Стражник возился с костром, вейя рыл себе нору на ночь. Мы не успели попасть в следующую деревню до темноты и, съехав с тракта, решили заночевать в лесу.

– Думаю, Шен сказал, куда и зачем я поехал?

Северянин задумчиво посмотрел на меня. Кивнул:

– Я знаю, за кем ты начал охоту. Но мы вряд ли сможем помочь. Проклятая – не обычный человек.

– Тогда ты должен понимать, насколько рискованно вам связываться со мной.

– Не более, чем жить в этой стране. Мы рискуем каждый день. Все равно рано или поздно все воины окажутся в ледяных чертогах Уга. Так что нет смысла бояться.

– Но и подставлять свою голову без смысла тоже не стоит.

Вокруг его глаз собрались морщинки:

– Убийца детей – твоя. Я встречался с ней раньше и понимаю, что меч здесь бесполезен. Шанс есть лишь у стрелы. Мы не сможем сражаться с ней. Но пара мечей может помочь лучнику в дороге.

Здесь я был с ним совершенно согласен. Путешествие в одиночку по лихим дорогам – это игра с Бездной в пятнашки. Рано или поздно обязательно нарвешься.

Га-нор встал и, ничего не говоря, начал спускаться в лагерь. Я остался на месте, лениво щурясь и не желая ничего делать до тех пор, пока солнце не скроется за дубовой рощей.

Одиночество, вопреки мнению некоторых – плохой спутник. Так что я

был рад компании старых друзей. За дни путешествия в одиночку я не раз и не два отметил, как привык к компании и людям, с которыми сражался плечом к плечу.

Порой я поражался самому себе, потому что чаще всех своих спутников вспоминал Тиф. Это было удивительно, но временами мне сильно не хватало ее колких замечаний и того чувства опасности, что частенько исходило от Убийцы Сориты. Тиа ал'Ланкарра была сильной личностью. И, побери меня тьма, иногда я начинал сомневаться, что она заслужила смерть. Но Проклятая проиграла и умерла вместе с Порком, в теле которого жила целый год. И теперь ее место там же, где Рована и Тальки – в Бездне.

Когда последние лучи пронзили охряно-желтое небо, я вернулся в лагерь. Отчаянно зевающий Лук уже расстилал свой плащ и раскатывал одеяло. Юми столбиком сидел возле костра, наблюдая, как Га-нор подогревает купленное в таверне мясо.

– Есть не буду, – сказал я, вытаскивая одеяло. – Свою порцию завещаю Юми.

– Вот так, собака! – проникновенно сказал вейя.

Я в мгновение ока стал его самым лучшим другом.

Сквозь полудрему я слышал, как он восторженно пищит и чавкает, затем гремит котелком, а после уснул так глубоко, что больше не слышал возни непоседливого товарища Гбабака.

Я шел сквозь каштановую рощу по узкой ярко-оранжевой тропинке. Деревья, несмотря на то, что были старыми, с изъязвленной серо-черной корой и многочисленными трещинами на стволе, цвели. Пышные свечи белых, словно морская пена, цветов почти скрывали за собой ярко-зеленые острозубчатые листья. Сквозь ветви пиками пробивались солнечные лучи, в них кружилась золотистая пыльца, а на каменных плитках, повинаясь дуновению ветра и движению ветвей, то появлялись, то исчезали солнечные зайчики.

На глаза то и дело попадались порхающие бабочки. От их ярко-голубых и лимонно-желтых крыльев пестрило в глазах. Где-то в кронах щебетали мухоловки. Им вторила одинокая малиновка. Веселый птичий перезвон делал это, и без того умиротворенное место, похожим на Счастливые сады.

Я услышал журчание маленького водопадика и увидел ажурный кованный мостик, перекинутый между берегов широкого ручья. Поток, голубой и прозрачный, срывался с лиловых, заросших белыми цветами

скал и бежал куда-то вдаль, теряясь среди узловатых корней старых каштанов. Проигнорировав мост, я спустился к ручью, встал на плоские, почти утопающие в воде камни, втянул носом запах свежести и аромат неведомых цветов. Песчинки на дне сверкали золотом. Я сложил ладони лодочкой, зачерпнул воды и напился. У нее был удивительный, медовый привкус.

За мостом оранжевая тропинка расширилась. Ветви каштанов переплетались между собой, превращаясь в настоящую крышу над головой. Впереди появился просвет, я поспешил к нему, и тропка вывела меня на склон холма, плавно уходящий далеко-далеко вниз.

От открывшегося вида захватывало дух. Куда ни кинь взгляд – всюду высокие холмы, спускающиеся в плоскую долину, где сверкала петляющая, усеянная десятками островов, могучая река. Все берега, вся земля, все холмы были покрыты толстым ковром розового клевера. Над ним тысячами вились деловито гудящие, полосатые шмели. Лохматые облака, ослепительно-белые, ползли так низко, что порой цеплялись животами за холмистые вершины на той стороне долины.

Тропа постепенно спускалась вниз и ярдах в двадцати от того места, где я стоял, превращалась в бесконечную лестницу. На самой верхней ступени сидел мой давнишний приятель. Рядом с ним лежала старая, потрепанная временем, темно-зеленая сумка.

Когда я подошел, Гаррет подвинулся, приглашая присесть рядом.

– Красивое место, правда? – спросил он у меня.

Я задумчиво посмотрел на него, отметив про себя, насколько уставшее у него лицо.

– Да, – коротко ответил я и принялся наблюдать за ползущими над долиной облаками.

Мне было интересно, что скрывается за ними, но в редких небольших разрывах облаков ничего нельзя было разглядеть.

Словно прочтя мои мысли, поднялся сильный ветер и пробил в пушистой пелене окно, достаточно большое для того, чтобы разглядеть ослепительно-снежную, казалось состоящую из сплошных зубцов, вершину.

– Судя по всему, ты оценил величественность зрелища, – усмехнулся вор.

– Она потрясающая, – смог выговорить я.

Если прикинуть, до пика было несколько десятков лиг – огромное расстояние, но вместе с тем гора занимала все небо на южной стороне горизонта. Значит, она была еще выше. Я просто не мог представить ее

реальную высоту.

– Ведь это не Хара? – спросил я у Гаррета. – Облачные пики намного ниже.

– Это всего лишь сон, – искренне рассмеялся он.

– Но у нее хотя бы есть название?

– Зам-да-Морт... Во всяком случае, такое название у нее было раньше. Я давно не был в этих краях, так что все вполне могло измениться, – из его голоса пропали обычные ироничные нотки.

Он стал сухим и серьезным.

– Ты упустил ее.

Я понял, что речь идет о Митифе.

– Она так важна для тебя? Почему?

– Поймешь, когда придет время.

– А если оно не придет? – с раздражением спросил я.

– Я так не думаю.

Было видно, что он не собирается распространяться на эту тему. Мы продолжали смотреть на сияющую гору, пока ее вновь не затянуло облаками.

– Зачем я здесь?

Он вздохнул, залез к себе в сумку, достал маленькую потрепанную карточку и протянул мне:

– На память.

«Дева». Выцветшей краской на игральной карте была нарисована Лаэн. Я молча убрал ее в свою поясную сумку.

– Похоже на прощальный подарок.

– Возможно... Я уже сделал все, что мог. Нет... Не так... Все уже почти сделано. Благодаря многим. Теперь осталось лишь расплатиться с долгами, и я полностью свободен.

После недолгого молчания я сказал:

– Ты знаешь, вор, даже не догадываюсь, кто ты, но с каждым таким сном во мне зреет уверенность, что ты с легкостью мог бы вернуть мне Лаэн.

Он рассмеялся, и смех его нельзя было назвать радостным:

– Ты преувеличиваешь мои возможности, Серый. На такое не способен и Мелот. К сожалению, я не могу помочь. Тебе все придется сделать самому. И я очень надеюсь на то, что у тебя получится.

Мы посидели еще немного. Все так же колыхался клевер, гудели шмели, блестела река, и по небу ползли бесконечные, пушистые облака.

– Мне пора, – произнес Гаррет, вставая и забрасывая на плечо сумку. –

Хочу сказать напоследок, что я верю в тебя. И в Лаэн тоже верю. Хочу попросить об услуге – приглядывай за Шеном и Роной. Хотя бы какое-то время.

– Обещаю.

Он улыбнулся и вдруг указал мне куда-то вдаль:

– Смотри.

Я прищурился и разглядел среди клевера женщину в алом платье с рыжими волосами.

– Почему Гинора? Почему именно она? Как ей удалось выжить?

– Я обязательно отвечу тебе в нашу последнюю встречу. А теперь мне надо идти. Бывай.

Он направился по тропинке к каштановой роще, а я начал поспешно спускаться по ступенькам. Облака исчезли, солнце в три удара сердца рухнуло за горизонт, и на небо выползла огромная, похожая на сыр, полная луна.

Ее яркий серебряный свет не мог заглушить мириады сверкающих звезд. Было светло, как днем. Мир насытился серебром, тени остывали синим холодом. Над лугами умиротворенно ухали совы, бесшумно скользя на широких крыльях над моей головой.

Я не ошибся – это была Лаэн, хотя у нее были короткие рыжие волосы и шикарное алое платье с открытыми плечами и спиной. Она сидела под старым каштаном с бугристым стволом и высохшими верхними ветвями. С того момента, как я его видел в последний раз, на нем появились свежие, льдисто-огненные листья, совсем маленькие, едва звеневшие.

Я обнял мое солнце, зарылся лицом в ставшие вдруг черными, точно ненастная ночь, волосы. Они пахли вереском, чабрецом и можжевельником. Лаэн обняла меня, и я услышал:

– Весь день вспоминала, как мы встретились первый раз. Еще не забыл?

Я покачал головой.

Конечно, не забыл.

Глава 24

Первый день осени в Альсгаре совпадал с праздником Скульптора. И город, который так обожал Целитель, преображался. Все двери, окна и улицы были украшены цветами. На площадях гремело особенно громкое веселье. Совсем недавно закончился парад, в котором принимали участие Ходящие, и вся южная столица с упоением обсуждала увиденные чудеса.

Вечером Башня обещала грандиозное представление иллюзий, и все с нетерпением ждали этого действия, не забывая угощаться дармовой выпивкой и едой, одним глазом посматривая представления многочисленных бродячих трупп.

Я какое-то время продирался через толпу, запрудившую центральные улицы, затем, поняв, что теряю слишком много времени, свернул в проулок. Здесь тоже было достаточно многолюдно, но идти оказалось гораздо проще. Я петлял по переулкам Гавани, держась подальше от моря и пирсов, где сегодня бесновались моряки со всех судов. Уже с утра я успел наслушаться историй о драках и поножовщине между командами кораблей, перебравшими рески в местных трактирах.

Знакомый путь вывел меня к Старомонетному переулку, и ноздри защекотал упоительный аромат свежей сдобы. Я толкнул дверь под золоченой вывеской в виде кренделя и вошел в лавку.

Продавец поднял на меня вопросительный взгляд.

– Меня ждут, – сказал я, не здороваясь, и хапая с одного лотка еще горячий рогалик.

– Знаю, – глухо сказал мужчина и кликнул из подсобки помощника лихой наружности. – Проводи.

– Давай железку.

Я вытащил из-за пояса у-так, протянул парню.

– Идем.

По длинному узкому коридору, заваленному мешками с мукой, мы вышли в большой внутренний двор, миновали миниатюрный аккуратный садик и оказались возле трехэтажного дома. Здесь провожатый передал меня и мое оружие дежурившему у входа человеку. Мы вошли в дом, поднялись на второй этаж, провожатый остановился у какой-то двери, трижды постучал, дождался разрешения и распахнул створки, пропуская меня в прекрасную, устланную сидскими коврами комнату.

– Здорово, Серый, – сказал мне сидящий за столом краснолицый и

кряжистый мужик.

– Привет, Пень, – поприветствовал я правую руку Молса.

– Верни ему железку, – приказал «булочник» своему человеку.

Я забрал у-так, сел на стул, давая внимательно себя изучить. Некогда лучший гийян Альсары испытывал на мне свой «пристальный» взгляд. Как говорят, многие его не выдерживали. Меня же после Сандона было тяжело смутить.

– Дурак ты, – с некоторым сожалением в голосе произнес он. – Хоть и талантливый.

Я пожал плечами. Пень со скрежетом отодвинул стул и поманил меня за собой. Поднявшись по лестнице до самого верха, мы оказались на чердаке. Широком, светлом из-за множества распахнутых окошек. Здесь все было порядком запачкано голубиным пометом. Птицы ворковали где-то на стропилах. Именно здесь нас ждала Молс.

Уже немолодая женщина, в белом платье, накрахмаленном переднике и чепце, под которым были спрятаны волосы, негромко беседовала с незнакомкой. Той было около двадцати пяти – изящная, гибкая, чуть ниже меня, с красивой фигурой и лицом, и светлыми, заплетенными в толстую косу волосами. У нее оказались удивительные темно-синие, цвета индиго, глаза. Иногда, когда она склоняла голову, они приобретали легкий фиолетовый оттенок.

Я никогда в жизни не видел таких глаз и поэтому смотрел на девушку гораздо дольше, чем этого требуют приличия. Так что она даже приподняла бровь, словно спрашивая, что с ней не так.

– Познакомься, Серый. Это Ласка, – от внимательного взгляда главы альсарской гильдии наемных убийц не ускользнул мой внезапный интерес к ее собеседнице.

Я приветливо кивнул Ласке, та ответила вежливой улыбкой, теперь настала ее очередь с интересом меня изучать. Я проделал ее трюк с бровью и заработал еще одну улыбку.

– Будешь вино? – спросил меня Пень и вытащил зубами пробку, открывая уже начатую бутылку.

Я отрицательно покачал головой. К выпивке, в отличие от него, я был равнодушен. Гийян предложил девушке, но та также отказалась.

– Ты хотя бы в курсе, что у тебя неприятности? – поинтересовалась Молс.

– Судя по тому, как меня встретил Пень – да.

– Но ты совершенно не опасаясь. Какая самонадеянность! Ты новый человек в городе, Нэсс...

– Не соглашусь. Я здесь уже год.

– Всего год, – назидательно поправила она меня. – Ты хорошо проявил себя, хоть и работал на меня всего два раза. Мне не хотелось бы терять столь ценного, пускай и капризного работника. Впрочем, тебе должно было хватить ума обойти Йоха десятой дорогой.

– Я не искал с ним встречи, – огрызнулся я.

– Но оказался у него на пути. Он влиятельный человек. В некоторых районах Альсгары гораздо более влиятельный, чем я, мальчик! – Молс была зла.

И на меня, и на Йоха. На последнего, смею надеяться, больше.

Мне на плечо со смачным шлепком упал привет от голубей.

– Теплая встреча, – проворчал я. – У вас что, более приличного места не нашлось? Хотя бы подвала?

– Подвал занят, он нужен для хранения вина, – Пень налегал на сухое. – Так что там у вас произошло?

– Ровным счетом ничего, – совершенно безразлично отозвался я. – Йох предложил работу. Я отказался. Он расстроился и попытался научить меня жизни. Плеткой. За что получил в зубы. Конфликт был исчерпан.

– Угу! – раздраженно фыркнул Пень. – Если не считать того, что трое его телохранителей теперь мертвее мертвого.

– Ребята бросились на меня с кордами. Пришлось защищаться. Десяток свидетелей могут это подтвердить. Все случилось на Боях.

– Это-то и плохо, – проворчала Молс, сцепив холеные пальцы. – Позор Йоха видели многие. И он этого так не оставит. Рано или поздно тебя постараются достать.

– Я понимаю.

– Мне это не выгодно. Через две недели намечается серьезное дело, Серый. И мне нужна твоя голова целой и невредимой. Так что до этого времени Ласка будет за тобой приглядывать.

Я от удивления потерял дар речи. Девушка, кажется, тоже.

– Это еще зачем? – возмутился я.

– Мы так не договаривались! – с досадой промолвила она.

– Успокойтесь. Оба. Вам давно пора подумать о напарниках. В одиночку работать тяжело и опасно. Вы подходите друг другу. Я это прекрасно вижу.

– Она умеет стрелять из лука? – поинтересовался я.

– Разумеется, нет. Но у нее много иных, скрытых талантов, – как-то странно улыбнулась Молс. – Пока Ласка будет рядом, тебе почти ничего не грозит.

– Я что? Похожа на сторожевую собаку?! – вспылила девушка.

– Совершенно нет, – искренне ответил я, не представляя, как хрупкая девчонка сможет защитить меня от головорезов Йоха. – В общем, так, Молс. Я очень тронут заботой, но, право, не стоит так печься обо мне. Я привык работать в одиночку, к тому же не собираюсь заниматься этим всю жизнь. Напарник мне точно не нужен. А о своей шкуре я вполне могу позаботиться сам. Не впервой. Если разговор закончен, я пойду. У меня очень много дел.

Глава гильдии несколько ун колебалась, но решила не спорить, сдалась и махнула рукой в сторону двери:

– Если ты такой недалекий баран, то проваливай. Но не смей подыхать. Иначе тебе придется вернуться из Бездны, чтобы выполнить контракт.

– Заметано. Бывай, Пень. Удачи, Ласка.

– И тебе, – кивнула девушка. – Береги себя.

– Эй, приятель, – ко мне за стол подсел какой-то тип. – Слышал новости? Высокородным позволили вылезти из Сандона. Ну, не твари ли?

Я мрачно кивнул, так и не поняв, о ком он говорит – о своих, или о чужих. Однозначно тварями были и те, и другие. Первые – потому, что отдали Улорон и часть земель вокруг Гемской дуги. Вторые – оттого что были остроухими ублюдками, место которым гнить в земле. С момента подписания мирного договора прошло два года, и я уже успел свыкнуться с мыслью, что дельбе Васкэ и его мерзкому племени позволено жить. Но тогда я и подумать не мог, что дойдет до такого позора – отдавать Высокородным наши исконные земли.

Для меня и для многих других, прошедших Сандонскую войну, это было настоящим предательством.

– Вот козлы! – продолжал распаляться мужчина. – Стоило ради этого стольким жертвовать?!

Лицо у него было мрачным, впрочем, как и у меня. Новость, со скоростью пожара разлетевшаяся по городу, мало кого обрадовала. Особенно злы были ветераны. Такие, как этот. Или как я.

– Где воевал? – спросил я его.

– Летучая кавалерия. Пятый молниеносный полк.

– Это который под Сактом, на севере торчал?

– Верно. Перехватывали рыжих ублюдков, пытавшихся прорваться к нашим деревням, – улыбнулся он. – А ты?

– «Соколы перчатки». Четырнадцатый пехотный.

Я назвал не свой отряд, а тот, с которым мы сражались плечом к плечу

последние полгода Сандонской компании. «Стрелки Майбурга» были слишком известны, и я не хотел, чтобы вдруг всплыло мое имя. По официальной версии мои кости лежат где-то возле восточных отрогов Катугских гор. Пусть там и остаются.

– Слышал, – кивнул он и поднял руку, призывая хозяина.

Тот, ничего не спрашивая, поставил на стол глиняную пузатую бутылку и два чистых стакана. Ветеран наполнил их реской.

– Ну, что, дружище? За боевое братство?

Я не любитель крепкой дряни и обычно обхожу ее кружной дорогой, но сегодня отказываться не стал.

– За боевое братство, – сказал я, стукнув своим стаканом о его.

Напиток обжег горло, и прежде, чем я успел опомниться, стакан наполнился вновь.

– За тех, кто отдал жизни в проклятом лесу! – провозгласил этот тип.

Но я лишь с сожалением покачал головой и не притронулся к выпивке:

– Извини, приятель. Надо идти.

Он, кажется, обиделся:

– Да ладно тебе, братишка! Одна стопка не задержит тебя надолго.

– Жена не разрешает много пить, – соврал я, вставая из-за стола. – Бывай.

– И тебе удачи, – не слишком довольнo пожелал он, но больше не стал настаивать.

Я покинул портовую забегаловку и пошел по полутемным, быстро пустеющим улицам в направлении Птичьего города. Его многочисленные башни еще были видны на фоне быстро гаснувшего, по-осеннему хмурого неба. Шум моря и гуляющих кабаков отдалился, а затем и вовсе исчез. Я не спешил, но и не медлил, зорко поглядывая по сторонам и держа руку на утаке. Вряд ли мне грозила какая-нибудь опасность в моем районе, но терять бдительность не следовало. Те, кто зарабатывает на пропитание не слишком честными способами, уже должны были выбраться из берлог и отправиться на промысел.

Я старался держаться центральных улиц, где уже появились бригады фонарщиков, зажигающих масляные фонари, и ходили немногочисленные патрули стражи. На воротах между Гаванью и Птичьим городом дежурило всего трое. Они пропустили меня без вопросов, даже не взглянув. Людей здесь толпилось порядком. Все спешили в свои районы.

Я свернул в знакомый переулок, от которого до берлоги моих друзей было рукой подать, и преодолел где-то половину пути, когда услышал шаги нескольких человек. Они шли, не скрываясь, возможно просто двигались

той же дорогой, что и я, но в свете последних неприятностей с Йохом, пускай он и молчит уже целую неделю, я счел за умное прибавить ходу, одновременно прижимаясь к темной стене, чтобы им было тяжелее разглядеть мой силуэт.

К моему вящему разочарованию в конце переулка маячили еще две тени. Я выругался, кляня себя за то, что сегодня выбрал привычный путь. Выхватил у-так, отпрянул в сторону и только этим спас себе жизнь. Метательный нож выбил искру из мостовой совсем рядом.

Решив прорываться, я ринулся вперед – на тех двоих, что перекрывали мне выход, и через пять шагов почувствовал сильный удар в левый бок. Вторым метательным ножом меня все-таки достали.

Удивительно, но боли не было. Вообще.

Моя кровь кипела, я преодолел разделявшее нас расстояние за несколько мгновений, увидел, как силуэт взмахнул рукой, отшатнулся, избежав корда. Топориком ударил его чуть выше предплечья и обратным движением, уже уйдя ему за спину, в затылок, проламывая череп.

Нож второго легко скользнул мне по груди, вспарывая куртку и свитер, я ткнул кулаком левой руки в белое пятно лица, нырнул вниз, избегая смертельного тычка клинком, ранил его в бедро, ударил под колено и, когда он уже начал падать, добил атакой в подбородок.

Для своего ранения я слишком быстро двигался, и теперь стремительно терял силы. В ногах появилась удивительная слабость и, понимая, что дорога каждая уна, я отступил в щель между двух домов до того момента, как до меня добрались двое уцелевших.

Бежать не имело смысла – раненого меня бы догнали в два счета. Оставалось лишь ждать развязки, да подороже продать свою жизнь. Нож все еще торчал в боку и постепенно начинал жечь огнем. Я опасался его вытаскивать, чтобы не истечь кровью.

Они подошли, ничуть не боясь, что я метну свое единственное оружие – у-так.

– Зажги фонарь, – сказал один из них.

– Нет нужды лезть в барсучью нору, если там нет барсука, – проворчал второй, но фонарь зажег.

– Это тот, кто нам нужен. К тому же, он убил Граса и Олта.

В одном из убийц я узнал того, кто пытался меня споить. Он приветливо улыбнулся мне, хотел что-то сказать, но тут, как и его товарищ, почему-то лишился головы. Во все стороны полетели кровавые ошметки, тела нападавших рухнули на мостовую, фонарь разбился, масло вытекло и вспыхнуло.

Я тупо смотрел на мертвецов, одежду которых пожирало освободившееся пламя, и не понимал, что происходит.

– Серый! – окликнул меня женский голос. – Это Ласка. Ты жив?

– Да! – ответил я, привалившись плечом к стене.

В ушах нарастал шум, голова начинала кружиться.

– Я выйду. Не делай глупостей!

– Хорошо.

Пламя погасло, словно его накрыло невидимым колпаком, девушка осторожно выглянула из-за угла, перепрыгнула через мертвецов и поспешила ко мне. В ее руках не было оружия, но я продолжал держать топорик готовым к броску.

– Успокойся. Если бы я хотела тебя убить, ты уже был бы мертв.

Почему-то я сразу поверил ей, убрал у-так за пояс и согнулся пополам. Теперь всю левую половину тела жгло болью.

– Дай посмотрию.

Она оказалась совсем рядом, быстро коснулась легкого пореза на моей груди, проигнорировала его и ощупала рукоять ножа, торчавшего в боку. Я почувствовал едва уловимый запах жасмина.

– Плохо дело, Серый, – голос у нее оставался таким же ровным и спокойным, как раньше.

– Знаю.

– Но не так плохо, как могло бы быть. Прошел в дюйме от почки. Держись. Сейчас я попробую его вытащить.

– Нет! Кровь...

– Ее не будет, пока я рядом. К тому же она не так опасна, как если нож сместится, пока я тащу тебя к лекарю. Готов?

Я не успел ответить и взвыл.

Она отбросила железяку в сторону, и я почувствовал ее пальцы у себя на ране. Они были странно-ледяными.

– Вот видишь. Никакой крови.

Я, пытаюсь справиться с внезапным головокружением, оперся на ее плечо. Девушка не возражала.

– Скоро нагрянет стража. Надо уходить.

– Ты сможешь идти? – спросила она.

Я кивнул и, продолжая держаться за нее, сделал шаг.

– Тебе надо к лекарю.

– Мой приятель отлично врачует раны. Здесь недалеко. Нам направо. Поддерживая меня, она повернула.

– Он живет в Птичьем городе?

– Да. Как ты меня нашла? Следила?

– Верно, – неохотно подтвердила Ласка, выводя меня из переулка на темную улицу. – Молс умеет быть настойчивым.

Я понимающе ухмыльнулся и тут же застонал от боли. Ее холодные пальцы сразу надавили мне на бок чуть сильнее:

– Как ты?

– Пока держусь.

Следующие две минки мы шли в молчании. С каждым шагом, казалось, из меня вытекает сама жизнь, и я все сильнее и сильнее опирался на спутницу.

– Эй! Не вздумай падать! Я тебя не дотащу! Держись.

И я держался. Во всяком случае, какое-то время. Ласка едва ли не волочила меня на себе, тихо постанывая от натуги. Когда мое сознание окончательно стало «плыть», с ее рук словно потекли холодные волны, и я вновь начал соображать.

– Еще переулок, и мы на месте. – Язык ворочался с трудом. Ног я уже не чувствовал. Очень хотелось закрыть глаза и уснуть.

– Не вздумай засыпать, Серый! – резко сказала она, встряхнув меня. – Говори со мной!

– Это были люди Йоха?

– Разумеется. Ловко ты двоих уделал.

– Что толку? Меня все равно зацепили... А что случилось с оставшимися двумя?

– Они потеряли головы, – не вдаваясь в подробности, произнесла она, и я почувствовал на себе ее взгляд.

– Я заметил. В тебе есть «искра»? С каких пор Ходящие помогают Молсу?

– Поговорим об этом чуть позже, – уклончиво предложила девушка. – Почему Молс назвал тебя капризным работником?

– Потому что я редко берусь за дело. Мне не слишком по душе такая работа.

– Ты воевал?

– Да.

– Тот хмырь знал, на что давить. Он едва тебя не напоил.

– Ты и там была? – хмыкнул я, с облегчением увидев впереди по улице знакомый дом.

– У тебя есть имя?

– Нэсс.

– Можешь называть меня Лаэн, Нэсс.

– Пришли. Сюда. Стучи.

У меня уже не осталось сил, чтобы колотить в дверь, но Ласка отлично выполнила мою просьбу, ни на уну не отнимая свою левую руку от моей раны.

– Ты уверен, что здесь есть лекарь? Больше похоже на лавку йе-арре.

– Так и есть.

– Что же они так долго?!

Она вновь забарабанила в дверь, впервые показав признаки волнения.

– Кого ветер принес? – раздался с той стороны сварливый голос.

– Открой, Йуола. Это я.

Грохнул засов, тренькнул медный колокольчик, и мы с Лаской буквально ввалились внутрь, едва не зашибив проворно отскочившую йе-арре. На границе моего зрения шевельнулась огромная тень, и я быстро предупредил:

– Это друг!

– Помоги девочке, пиявка проклятая! – возмутилась Йуола, и Ктатак подхватил меня, помогая выбившейся из сил Ласке.

– Давай его на стол! А, Танцующий! Зачем же ляпать кровью пол! Я его теперь вовек не отмою! Отойди, девочка! Клянусь ветром, не знаю, как ты смогла дотащить этого олуха! Где тебя продырявили, Нэсс?!

– На улице, – буркнул я.

– Кваровь течет, цыпа. Хватит трепаться.

– Будут меня еще всякие бескрылые дураки учить! – проворчала она, гремя инструментами в металлической миске. – Девочка, сходи вон к тому комоду. Принеси мне ножницы. Держи его, партнер.

Блазг прижал меня к столу так, что стало трудно дышать, Йуола поднесла к моему носу пузырек с дрянью, которая так одуряюще-сладко пахла, что мое сознание скривилось от отвращения, запуталось в паутине этой вонь и благополучно погасло, избавив меня от вечной перепалки двух моих друзей. Последнее, что я помнил – густую синеву глаз Лаэн...

– Который нар? – я открыл глаза.

– Почти утро, – сказала склонившаяся над картами Йуола и уточнила. – Третьего дня как ты едва не отбросил копыта и загадил мне всю лавку кровью. Я думала, ты проваляешься еще пару днейков.

Свеча, стоявшая перед ней, оплыла больше чем наполовину. Я, несмотря на то, что бок продолжал болеть, с трудом сел.

– Ты не очень-то рыпайся. Швы разойдутся.

– Жить буду?

– Еще рано об этом говорить. Продырявили тебя хорошо. На стуле, у кровати, чашка. Выпей.

Я сделал то, что она велела, практически не почувствовав вкуса лекарства.

– Ласка ушла?

– Я заставила ее отправиться спать. Сколько можно было с тобой сидеть... – проворчала она и начала тасовать колоду. – Хочешь, тебе погадаю?

– Давай, – согласился я, понимая, что она все равно не отлипнет, и размышляя о том, как кстати у меня появилась нянька из Ходящих, которая что-то должна Молсу, раз так обо мне заботится.

Впрочем, я ничего не имел против компании девушки – мне понравилась ее решительность.

– Хочешь узнать о ней?

– Валяй.

Йе-арре подошла к кровати, протянула мне колоду. Я снял верхнюю карту. «Ключ».

– Прошное? Будущее?

– Прошное.

– Близкое? Далекое?

– Далекое.

– Выбери колоду.

Я указал пальцем на шестую слева. Йуола начала расклад, но довольно быстро остановилась и проворчала:

– Я, наверное, слишком устала. Какая-то путаница. Сплошная несуразица. Боюсь, ничего не получится. Впервые со мной такое. Ее прошное еще более темное, чем у тебя.

– Ну, давай, попробуем узнать ближайшее будущее, – благодушно предложил я.

Меня начало клонить в сон, но я не хотел обижать йе-арре. Карты для Йуолы имели слишком большое значение, чтобы так просто от них отмахиваться.

– Хорошо, – голос у нее все еще был напряжен, и она хмуро смотрела на стол, где лежал незавершенный расклад.

Пришлось все повторить по новой. Выбрать карту (ею вновь оказался «Ключ») и колоду. Йе-арре начала колдовать над ними, бормоча какую-то околесицу, я сполз на подушку и терпеливо ждал.

Прошло по меньшей мере десять минок, прежде чем Йуола как-то странно покосилась на меня и начала собирать расклад в стопку.

– Как дела? – стараясь проявить заинтересованность, спросил я.

– Не считай меня дурой, Серый. Я ведь знаю, что тебе это не интересно, – рассмеялась она.

– И все-таки...

– Ничего необыкновенного, – вид у нее был страшно довольный и совершенно не вязался с ее словами. – Обычная жизнь. Будет жить долго и счастливо и умрет с тобой в один день.

– А я-то здесь при чем? – нахмурился я.

Она весело рассмеялась и на мгновение раскрыла крылья:

– Спи. Тебе сейчас не стоит думать ни о чем, кроме своего здоровья.

Старая курица, сияя от счастья, задула свечу и вышла из комнаты, оставив меня в полном недоумении.

Глава 25

– Мы умрем.

Эти два простых слова стали настоящим проклятием для Альги. Они словно связывали ее, лишали воли к жизни, борьбе и сопротивлению. Каждый раз ей приходилось преодолевать их, чтобы сделать еще один шаг. Не сломаться. Но Мита повторяла их, как зачарованная. Днем и ночью. Нар за наром.

– Мы умрем.

Альга с плохо скрываемой яростью посмотрела на подругу и, как всегда, промолчала. Она не знала, что говорить.

Ругать ее? Просить успокоиться? Солгать, что все будет в порядке?

И то, и другое, и третье, было совершенно бесполезно. Мита сломлена. Ее затравленный взгляд, тихий обреченный плач и дрожащие руки говорят сами за себя. Это произошло несколько дней назад, когда испуганную Ходящую отвели к Проклятой. Вернулась Мита уже такой. В ней не осталось ничего от прежней, жившей в другое время и в другом мире Радужной долины.

Альга с ужасом думала – что, если и ее вот так же отведут к Аленари? В кого она превратится? Кем станет... Такой же дрожащей, не похожей на себя перепуганной мышью?!

Эта участь страшила ее даже сильнее смерти, она не хотела сломаться и жаждала отомстить, хоть и понимала, что последнее гораздо менее вероятно, чем первое.

Быть сильной?

Мелот! Как это тяжело!

Ее заперли, лишили «искры», несколько раз избивали, морили голодом и постоянно обещали, что следующий день станет последним. Господин Ка ходил вокруг нее, словно голодная акула у тонущего корабля, и ждал момента, когда новая игрушка надоеет его хозяйке.

Но Аленари, судя по всему, просто забыла о своей второй пленнице. Ею занимался исключительно Кадир – человек жестокий и вспыльчивый. Порой Альге приходилось расплачиваться за свой острый и неумный язык.

– Она убьет нас. Точно так же, как убила Дага.

Застывшим взглядом Мита смотрела куда-то в пространство.

Альга молча подошла к небольшому окну, распахнула его и, выглянув наружу, полной грудью вдохнула кристально-чистый, свежий воздух,

пахнувший липами и так и не начавшимся дождем. Запах был удивительно душистым, пьянящим. Там, за окном, была недоступная ей свобода.

В который раз за те два дня, что здесь находилась, Ходящая пожалела, что она не йе-арре. Будь у нее крылья – давно бы сбежала отсюда. А сейчас Альга словно попала в сказку, которую когда-то ей и Роне рассказывала мать.

Узница, башня и окно. Вот только у нее не хватит ни времени, ни волос, чтобы сплести лестницу, способную достать до земли. Отсюда до подножия было добрых тридцать ярдов.

Не спрыгнешь...

Единственный шанс – узкий карниз под окном, идущий до водосточной трубы, расположенной в десяти с лишним ярдах – казался Альге выбором самоубийцы. На нем и ногу-то поставить сложно, не то, что пройти такое расстояние, не потеряв равновесия.

Утром девушка почти решилась на этот поступок, но дул сильный ветер, и узница не рискнула пускаться в столь опасную авантюру.

– Она знает, кто я. Теперь все пропало, – дрогнувшим голосом произнесла Мита и вновь заплакала.

Альга тяжело вздохнула, села рядом с подругой и постаралась ее утешить. Но та лишь повторяла, что они умрут. Потом уснула, а Ходящая вернулась к окну и долго смотрела, как западный ветер уносит от притихшего города грозовые тучи.

Большой торговый Траск, расположенный на пересечении двух самых крупных дорог северной части Империи, испуганно сжался, ожидая неприятностей. Даже несмотря на то, что город сдался без боя, а Аленари вынесли ключи на бархатной подушке, все боялись Проклятой. Огромная армия, что остановилась в окрестностях, заставляла мирных жителей дрожать от ужаса. Несколько ближайших деревень горели, а тех, кто посмел возражать озлобленным солдатам – вешали без всяких разговоров.

Набаторцы порядком насытились этой войной, и если на юге были гораздо лояльнее к местному населению, то здесь, на севере, столкнувшись с более ожесточенным сопротивлением армий, которым уже некуда было отступать, озверели.

За дни путешествия в качестве пленницы Альга так и не смогла привыкнуть к пожарищам и мертвецам вдоль дорог. А их было много. Очень много.

Ее и Миту перевозили на разошедшей телеге, заключив в деревянную клетку. Господин Ка и Кадир присматривали за пленницами. Альга ощущала себя каким-то диким зверем, которого везут на потеху публике, и

в дождь, и в зной, и днем, и ночью. Телегу нещадно трясло, пыль висела тяжелой, густой пеленой, разъедала глаза, девушки постоянно кашляли и чихали.

Мимо, отряд за отрядом, проходили воины Набатора. Многие глазели на Ходящих, смеялись и показывали пальцами. Альга старалась не обращать на это внимания, молча посылая проклятья на их головы и пожелания сдохнуть в первой же битве.

Пленниц выпускали из клетки только во время ночевки.

Находящаяся в четверти лиги от Траска армия Аленари готовилась к скорому сражению. Прежде, чем будет открыта дорога к Корунну, южанам следовало разрушить замки и укрепления на подступах к столице.

Мысли Альги перенесли ее в Радужную долину, сейчас находящуюся в руках сдисцев. Все, кто сражался, чтобы спасти школу Ходящих – мертвы. Девушка знала это и раньше, но в глубине души надеялась, что хотя бы кто-то спасся. Однако Мита разрушила эту надежду. Никого из тех, кто остался в Долине, она уже больше никогда не увидит.

Эта мысль заставила ее вновь начать думать о Роне. От одного воспоминания о сестре становилось так больно, что хотелось умереть.

Мита тихонько захныкала во сне и натянула одеяло. Ее мучили кошмары. Альга подумала о своих снах, в которых к ней приходила старая колдунья. В них так и не появилось намека, каким образом снять проклятуший браслет. Там, во сне, его просто не было на руке, и девушка была вольна использовать свою «искру» по своему самому мимолетному желанию.

Она продолжала совершенствоваться, точно губка воду впитывала знания и теперь с легкостью воспроизводила в уме самые сложнейшие из плетений. Ходящая смогла запомнить грандиозное количество вариантов того, что в Башне считалось давно потерянным. В последнюю ночь Альга узнала новую тайну – плетение, которое при попадании в жертву на несколько ун ослабляло его «искру» в сотни раз.

Возможно, знай его ученица Галир раньше – и все сложилось бы по-другому.

Девушка услышала, как по лестнице гремят сапоги. Через минку дверь открылась, вошел Кадир, придирчиво изучил помещение, впустил следом за собой двух набаторцев, которые внесли в комнату графин с водой и две миски с горячей едой.

– Наслаждайтесь обедом. И ужином, – сказал колдун, вальяжно опираясь на посох. – Завтра кое-кто из вас попадет в руки Несущего свет. И он не будет к вам так же добр, как Звезднорожденная. Боюсь, что кое-кто из

вас надолго не задержится в этом мире.

Довольно смеясь, сдισεц вышел, запер за собой дверь, а Альга, поборов желание швырнуть в нее графин, бросилась к Мите.

Та не спала:

– Нас убьют. Теперь нас точно убьют.

– Прекрати! – Альга впервые повысила голос. – Никто нас и пальцем не тронет. Иди. Поешь. Нельзя терять силы.

Но та лишь помотала головой и отвернулась к стене. Ее плечи судорожно вздрагивали.

Альга ела в одиночестве и мрачном молчании. Мысли у нее были нерадостными. Она была порядком испугана, хотя старалась сохранять спокойствие. Когда миска опустела, Ходящая напилась воды и окончательно созрела для побега.

Она не желала попасть в руки Чумы. Тот, конечно, не Чахотка, но одному Мелоту известно, что с ней сделает этот Проклятый. С другой стороны, Оспа, желающая заполучить Целителя, вряд ли отдаст Альгу, хоть та и практически бесполезна для ее планов. Но, возможно, Ходящая порядком надоела Аленари, и та решила, что строптивой девчонке пора поменять хозяина.

Ну, что же. Не бывать этому. Лучше рискнуть. Все равно умирать, так хоть не напрасно.

– Мита. Мита, – она потрепала девушку за плечо. – Я хочу сбежать отсюда.

– Это невозможно, – всхлипнула та. – Перед моей «искрой» стена. Я не могу до нее дотянуться.

– Мы и без Дара с тобой справимся. Здесь, под окном, карниз. Он узкий, но если по нему добраться до водосточной трубы... Там уступы. Мы можем спуститься и попытаться убежать.

– Нет. Нет! Нас поймают! И убьют! Я так не хочу умирать, Альга! Она не пожалеет нас. Как Дага. У него было столько крови!

– У нас получится. Не может не получиться! Возьми себя в руки! Мы не овцы, чтобы умирать здесь! Надо бороться до конца!

– Оставь меня в покое. Я не пойду с тобой, – устало сказала Мита и вновь отвернулась к стене.

Альга, чувствуя страшное разочарование, от которого у нее буквально опускались руки, вновь вернулась к окну. Она не хотела оставлять подругу, да еще в таком душевном состоянии, но, кажется, выбора просто не было. Переубедить Миту невозможно.

До темноты еще было много времени, и девушка приникла к окну,

изучая карниз, стену и кишку трубы с каменными крепежами-уступами. Она старалась запомнить каждый кирпичик, на который придется ставить ногу, каждую трещинку в которую придется вцепляться пальцами. Когда с этим было покончено, Ходящая потратила еще нар на окружающую местность, хотя и так уже прекрасно знала ее.

Западная стена башни, где их заточили, выходила в заросший сад, окружающий пруд с островом, на котором стояла старая беседка. Дальше росли дикие липы, а правее начинались нетронутые поля, врезавшиеся в стену леса в полулиге отсюда. Он и был целью Альги.

За то время, пока она проторчала у окна, внизу всего лишь раз прошел патруль из трех воинов, и ей очень хотелось надеяться, что в момент, когда она окажется на земле, караульщики не будут проходить мимо и не поднимут тревогу.

Девушка решила бежать, как только стемнеет, но вовремя поняла, что в темноте у нее мало шансов спуститься живой по отвесной стене. Выходило, что придется уходить ранним утром, едва начнет светать.

Она легла спать, но каждые несколько минок просыпалась от страха, что проспала. В итоге к середине ночи Альга больше не смогла сомкнуть глаз. По дыханию Миты Ходящая поняла, что та тоже не спит. Тогда она еще раз попыталась убедить подругу, что бегство – это единственный их шанс выжить. До самого рассвета ученица Галир приводила доводы, почему им нельзя оставаться, но ничего не действовало. Мита отказывалась.

Как только звезды побледнели, и начали перекликаться едва проснувшиеся птички, Альга окончательно уверилась, что все бесполезно.

– Дело твое, Мита. А я не могу и не буду здесь оставаться. Никто нам не поможет и не придет на помощь. Свободу надо добывать самим.

Она не услышала ответа и сердито вздохнула. Что ж. Значит, придется думать только о себе. Ходящая подняла подол юбки и заткнула его как можно глубже за пояс, превращая в эдакие бесформенные шаровары. Так карабкаться будет гораздо удобнее, ткань не станет оплетать ноги и цепляться за острые каменные выступы.

Затем Ходящая заплела пышные черные волосы в две косы, разулась и постаралась получше закрепить легкие туфельки между кожаным ремнем и поясницей. Этот вариант она предпочла тому, чтобы выбросить их вниз и подобрать после спуска. Альга не была уверена, что у нее будет время искать разлетевшуюся обувь. Уж лучше так.

Девушка сразу решила для себя, что пойдет босиком. Карниз слишком узок, чтобы вверять свою жизнь туфлям.

Небо стало стремительно светлеть, и Альга, больше ничего не говоря Мите, села на подоконник, повернувшись к свободе спиной, и, держась руками за раму, вылезла в окно. Она осторожно опустила ноги вниз, кончиками пальцев нащупала карниз, поняла, что уверенно стоит на нем и, продолжая держаться руками, осторожно переставила ногу, а затем подтянула к ней вторую.

Окно кончилось неожиданно быстро, и теперь перед ней была сплошная стена. Уткнувшись в шершавую поверхность лицом, шаря руками, стараясь нащупать возможные трещинки и выступы, Альга едва-едва двигалась, ползла, точно улитка, и старалась не думать о высоте и о том, что случится, если она потеряет равновесие. Сейчас ей приходилось доверять лишь пальцам на руках и ногах.

Камень был прохладным и казался очень непрочным. Распластавшись по стене, раскинув руки, Альга продолжала продвигаться, не смея даже повернуть голову и уже жалея, что не бросила обувь в окно. Туфли упирались в спину, отвлекали и нарушали равновесие.

Путь оказался в несколько раз сложнее, чем рассчитывала девушка. Сердце грохотало от волнения и страха. В какой-то момент она уже решила сдаться и вернуться назад, но оказалось, что отсюда до трубы гораздо ближе, чем до окна.

Альга видела, как камни порозовели от первых лучей занимающейся зари.

Труба, с одной стороны облаченная в каменный панцирь, а с другой в решетку, увитую каким-то ползучим растением, оказалась рядом.

Девушке хватило везения удержаться и не упасть вниз. Вцепившись в решетку, словно отчаявшаяся кошка, она начала спуск. Это оказалось ничуть не проще, чем идти вдоль стены. Очень мешали растения, большей частью прошлогодние, а оттого сухие и колючие. На середине пути Альга услышала шаги и замерла, вжавшись в решетку.

Кто-то прошел под беглянкой, отчаянно зевая на ходу.

Едва опасность миновала, она продолжила спуск. Потребовалось больше полунара, чтобы оказаться на земле. Руки дрожали, мышцы выкручивало от усталости. Девушка задрала голову, посмотрела на далекое окно своей темницы и бросилась в сад. Острые камешки и ветки врезались в стопы, но Альга, забыв о боли, бежала прочь, не останавливаясь. Только возле лип она позволила себе остановиться и перевести дух.

Достав туфельки, она обулась и тут услышала за спиной смех и скупые хлопки в ладоши. С холодеющим сердцем обернулась, и увидела довольного Кадира, стоящего в десяти шагах. У некроманта не было при

себе посоха, и одет он оказался не в привычную белую мантию, а в легкую хлопковую рубашу, штаны и остроносые туфли.

– Неужели ты думала, я буду столь небрежен, что не позабочусь об окне? Ты еще не решила прогуляться, а я уже обо всем знал. Ты ловкая, как мангуст, Ходящая. А ведь в какой-то момент я подумал, что не удержишься.

Альга молчала, глядя ему прямо в глаза и вслепую шаря по земле одной рукой. Ее наполовину скрывала липа, и поэтому колдун не видел этого.

– Серьезная высота. Как ты на такое решилась, девчонка?

– Надо всего лишь быть сильной.

Ее пальцы наконец-то нащупали камень.

– И упрямой, – подхватил он. – Господин Ка не зря предупреждал меня насчет тебя. Вставай. Нагулялась.

Она в отчаянье швырнула ему в лицо камень. Некромант инстинктивно, точно обычный человек, закрылся руками и отшатнулся. Альга бросилась прочь, петляя между деревьями. Спустя пять ун с мерзким воем мимо нее пролетела гирлянда черепов, с грохотом врезаясь в несчастные липы и кромсая деревья на тысячи острых щепок.

Несколько из них в кровь расцарапали лицо девушки, она вскрикнула, упала, и вновь бросилась бежать, надеясь, что выбрала правильное направление. До леса было очень далеко, и она не сомневалась, что разозленный Кадир рано или поздно ее догонит. Альга бежала и бежала, слыша вой призрачных черепов, грохот, треск, крики.

В какой-то момент, поняв, что ее настигают, резко изменила направление и нырнула в одинокий куст акации, вжалась в землю, не обращая внимания на шипы, впившиеся в тело. Трава была влажной от росы и пахла липовым цветом. Некромант побежал дальше, направившись в сторону пруда. Он, действительно, был в ярости, лицо его стало совершенно красным и перекошенным. Колдун не заметил ученицу Галир, которая пряталась всего лишь в двух ярдах от него.

Как только враг скрылся, Ходящая проворно вскочила и бросилась в противоположном направлении. Вне всякого сомнения, плетения Кадира не остались без внимания остальных носителей «искры», и скоро здесь будет полно народу. Уйти незамеченной не получилось, шанс скрыться в лесу и избежать очередного плена резво стремился к нулю.

Но Альга не собиралась сдаваться. Если и не выиграет, то хотя бы заставит этих ублюдков побегать.

Она запыхалась, кололо в боку, усталость шептала на ухо, искушая кратким отдыхом. Но Ходящая не стала ее слушать, отмахнулась, как от

назойливой мухи, и вновь устремилаь через заросший сад.

Альга забралась в его самую старую, дикую часть, оказалась возле каменной стены и побежала вдоль нее. Довольно быстро она нашла пролом – упавшее от непогоды дерево разбило глиняные кирпичи, давая девушке возможность выбраться из усадьбы. Альга перелезла на ту сторону, обжигаясь влажной крапивой пробралась через заросли и оказалась на дороге.

Где в следующую уну ее едва не сшибла лошадь.

Всадник в последнее мгновение успел натянуть поводья, подняв животное на дыбы. Передние копыта ударили рядом с головой Альги, и девушка, упав на спину, откатилась в сторону. Она попыталась вскочить и броситься назад, но другой всадник перегородил ей дорогу конем, и, врезавшись в животное, Ходящая вновь упала. На этот раз она ударилась сильнее, чем прежде.

Человек, который осадил лошадь, спрыгнул на землю и, сильно хромая, направился к ней. Подошел, протянул широкую мозолистую ладонь. Альга с удивлением посмотрела на незнакомца. У него было суровое, грубое лицо, коротко стриженные волосы с сединой на висках, крючковатый нос и рыжие усы.

Северянин.

На мгновение она ощутила надежду, что это кто-то из своих. Но почти тут же почувствовала Дар мужчины, и ее улыбка погасла.

«Искра» человека была темной.

Глава 26

«Ласточкин хвост» сменился «Атакующим соколом». За ним последовала «Железная стена», «Плуг» и «Водопад». Острый узкий клинок голубыми молниями рассекал воздух, плел узоры, то и дело сталкиваясь с вражеской сталью, сыпал искрами.

Мужчина двигался осторожно, боком, словно старый, потрепанный жизнью краб, сменив хват на рукояти полторного меча и не спуская глаз с двух своих противников.

«Правосторонний бык», «Дрозд», «Вьющийся шелк», «Каменная юбка», «Язык», «Град», «Черная белка», «Огненная месть». Стойки и удары сменяли друг друга, сливаясь в одно непрерывное движение. Противники пользовались его несколько скованными движениями и пытались достать ударами по ногам. Он отбивался молча, яростно, остервенело. На него наседали, но синеватый клинок продолжал с визгом рассекавать воздух, защищая хозяина.

Наконец, когда боль в колене стала совсем невыносимой, он, шагавший уже с явным трудом, опустил меч, давая соперникам понять, что бой окончен. Те убрали оружие в ножны.

– Как всегда великолепно, господин, – сказал один из них.

– Благодарю. Свободны. Увидимся завтра.

Они поклонились и ушли.

Лей-рон, мокрый от пота, со стянутыми в хвост волосами, прохромал к соснам и сел на землю, отмахнувшись от слуги, притащившего кресло. Достав из-за пояса платок, он тщательно протер морасский клинок, по которому вились похожие на стебли южного выюна узоры. Теперь «Синий лед» редко участвовал в настоящих битвах, уступив место куда более эффективной «искре». Калеке не пристало махать мечом.

Проклятый убрал оружие в ножны и машинально помассировал ноющее колено. Этот жест за долгие годы стал у него привычным. Боль медленно и неохотно покидала неправильно сросшуюся кость, но никогда не исчезала до конца. Лей-рон лег на траву, закинул руки за голову и стал смотреть на кроны сосен и медленно проплывающие над ними облака.

Его притягивала, завораживала и в то же время пугала высота.

Мужчины ничего не должны бояться. Так говорили в его народе много веков назад. Но после Темного мятежа он не единожды просыпался от кошмаров и старался избегать высоты. То падение до сих пор стояло у него

перед глазами.

Его вышвырнули из Зала Совета, сбросили с самой вершины Башни Альсгары, заставив падать в бездну, сквозь горящий воздух, плавающий камень и взлетающие в небеса души убитых носителей «искры».

Мир сошел с ума, воздух стал водою, огонь снегом, снег стеклом, а стекло – раскаленным металлом. Запахи и звуки поменялись местами. Сила, что была освобождена в день мятежа, казалось, перековывала саму вселенную. Башня плакала, словно живая, и ее слезы прожигали в земле и камне огромные ямы, позже превратившиеся в озера. Многие районы Альсгары горели.

В тот день «искры», не выдерживая выплеснутой силы, меняли привычные плетения, искажали и извращали их. Щиты, которые Огонек воздвиг вокруг себя, лопались с каждым ярдом падения. Они трескали, расползались по швам, рвались в клочья, превращались в морскую пену и таяли. Лей-рону потребовалось все его мастерство, чтобы удержать последний, распадающийся под пальцами, словно саван мертвеца, щит. И все равно это не спасло его от того, чтобы стать калекой.

Он лежал на горячей дымящейся земле, среди трупов своих учеников и друзей, умирая от жуткой боли в ноге, и выл от ярости и страха за судьбу Черканы, оставшейся наверху без его поддержки.

Тот, кого потом называли Чумой, пытался ползти, пытался вернуться, но у него мало что получилось. Рухнувшие с небес редко воспаряют обратно.

Ему до сих пор было стыдно за свое поражение. И за свой страх.

Краешек солнца появился из-за правой, самой пушистой сосны, Лей-рон прикрыл глаза, чувствуя на лице тепло лучей, а затем неохотно сел. Краткое время отдыха после тренировочного поединка прошло. Пора заняться делами.

По ножнам неторопливо ползла божья коровка. Проклятый подставил палец, терпеливо дождался, когда насекомое залезет на него, и бережно ссадил на лист ближайшего одуванчика. Затем встал и, хромя, направился к шатрам, разбитым на противоположной стороне большой поляны.

Набаторский гонец терпеливо ждал его. Лей-рон молча протянул руку, взял пакет, жестом отпустил солдата и, пройдя мимо почетного караула гвардейцев, вошел в шатер.

Сел в низкое плетеное кресло и с облегчением вытянул ногу, которую продолжала грызть боль.

– Ты ведешь себя неразумно. Лекарь запретил тебе нагрузку на колено.

Аленари, уже полностью одетая, восседала на кровати и чесала за ухом развалившегося уйга. Тот блаженно жмурил желтые глаза и урчал.

Лей-рон неодобрительно посмотрел на зверя в своей постели и распечатал конверт:

– Ты ведь хотела сегодня поспать чуть дольше, чем обычно.

– Отоспимся, когда выиграем эту войну.

Он цепко взглянул на нее. Раньше ему тяжело было понять, какие эмоции скрываются под холодной маской. Теперь – мог читать по глазам и голосу.

– Что случилось?

Она едва заметно хмыкнула и опустила плечи:

– От тебя всегда было тяжело что-то скрыть. Я говорила с Митифой.

– И?! – он подался вперед.

– Новости безрадостные. От ее армии ничего не осталось. Полный разгром. Она сама уцелела лишь чудом.

Лей не стал давать волю своей ярости, быстро пробежал глазами по строчкам донесения и только после этого сказал:

– Клянусь Угом, для нас это может плохо кончиться.

– Клянусь Соколом, ты прав, – в тон ему ответила Проклятая, и ее изящные пальцы на миг перестали гладить уйга.

– Я всегда считал, что доверять ей армию может стать непростительной ошибкой.

– Не кори себя, Лей. У нас не было выбора.

Он хмуро кивнул и задумался. Тальки и Рован, на которых он так надеялся, умерли гораздо раньше, чем следовало. Их гибель поставила под угрозу всю кампанию.

– Что она сделала? Ее армия была вдвое сильнее. Там было три моих полка. Отличные воины! Как можно было дать себя разбить кучке измотанных солдат и трем десяткам нириг?

– Ну, положим дочерей Пепельной девы было несколько больше, но это не оправдывает поражения. Корь сказала, что Грох-нер-Тохх внезапно пробудилась, и разверзлась Бездна.

Рыжая бровь дернулась, северянин хрустнул пальцами:

– Где она сейчас?

– Направляется к нам. Во всяком случае, так говорит. Но это еще не все плохие новости.

– Продолжай, – он устало и разочарованно махнул рукой. – Вряд ли меня теперь хоть что-то удивит.

– Ее «искру» крепко измотали, она до сих пор не пришла в себя...

– И будет для нас не слишком полезна, – мрачно закончил Чума. – Что-то еще?

– Да. Она убила Тиа.

Лей-рон откинулся на спинку кресла и сокрушенно закрыл глаза. Повисла гнетущая тишина.

– Иногда мне кажется, что это возмездие Уга, – наконец сказал он. – Это очень большая потеря. Я так надеялся, что Дочь Ночи все-таки присоединится к нам. Теперь я понимаю, почему Митифа не смогла выиграть. Тиа выступила против нее?

– Да.

– Как она узнала?

Аленари пожала плечами:

– А как узнали мы с тобой? Корь затащила Ретара в ловушку. Тиа не могла не попытаться отомстить. Было бы странно, если бы она этого не сделала.

Он мрачно потер подбородок:

– Мне жаль Тиа. Я способен понять, почему она была не на нашей стороне.

– Она предала. И умерла, – жестко сказала Звезднорожденная и тут же, смягчившись, прошептала: – Хотя и смогла вырвать победу. Нас осталось всего трое, Лей. Трое людей из другого мира, пытающихся изменить этот.

– У нас все еще может это получиться. Но из-за провала Митифы это будет сложнее, чем я думал. Тылы твоей армии открыты. Укрепи арьергарды и начинай отправлять дальние дозоры.

– Уже. Но тревожиться пока рано. Врагам требуется время, чтобы прийти в себя после битвы, пополнить запасы и набрать ополченцев. Три недели мы можем чувствовать себя относительно спокойно.

– Я не могу себя чувствовать спокойно, когда знаю, что мой план провалился! Митифа должна была отрезать западные дороги и блокировать поставки из Морассии! А теперь мы никак не сможем заткнуть эту дыру... Наш левый фланг полностью открыт, если только морассцы решат вступить в войну! А они думают над этим уже два месяца! Мои шпионы лгать не будут. Воевать на два фронта! Ха! У нас нет на это резервов. – Он вскочил и стал мерить шагами шатер. – Наши силы не безграничны! Они тают с каждым днем! С каждым сражением! С каждой мелкой стычкой в глухой деревушке или на лесной дороге!

Аленари что-то сказала по-сдисски, уйг спрыгнул с кровати и улегся возле выхода из шатра.

– Иди сюда, – Звезднорожденная похлопала рукой по постели. – Ни к чему нагружать ногу. Иначе ты опять и шагу не сможешь ступить. Тебя будут носить в паланкине.

Последние слова Аленари подействовали гораздо лучше всех увещеваний. Лей сел рядом с ней и хмуро продолжил:

– Мы теряем хороших солдат, на их место приходит всякая шваль и необученные идиоты.

– И все же нас пока еще больше, чем их, – мягко напомнила она.

– А толку? Им некуда отступать. Их армия будет сражаться до конца. И в этом кроется опасность. Вчера я получил новые сведения. Почти вся Башня из Альсары через Морассию и Лоска добралась до Корунна.

– А ведь я говорила Тальки, что этих западных мастеров стоило прижать в первую очередь. Захватить мы вначале Гроган и морассцев, и не надо бы было долбиться лбом в Лестницу.

– Узнав о вторжении, Император успел бы стянуть все силы к границам, – покачал седеющей головой северянин. – Да и что теперь жалеть о потерянном? Клянусь Угом, поздно. Но Ходящие – серьезная угроза. Избранных остались единицы. Война забрала очень многих, и воспитанники Башни почти сравнялись с ними в силе. Если так пойдет дальше, мы не сможем долго держать лидерство в «искре».

– Я это прекрасно знаю, Лей, – она задумчиво покрутила печатку на пальце. – Тебе известно, что среди Избранных есть недовольные? Они считают, что у них нет причин умирать за нас и это – не их война.

– Заговор? – встревожился Чума. – Последний был две сотни лет назад. Этот надо подавить точно так же, как прежний.

– Уже сделано. На наше счастье, их было немного, но я не уверена, что смогла достать всех. Что-то мне подсказывает, что голова змеи осталась в Сахаль-Нефуле.

– Считаешь, что это Гафур? – с интересом спросил он.

– Возможно. Никогда не знаешь, кто первым предаст тебя. Гафур возглавляет Круги. Он должен быть недоволен, что его ученики гибнут на севере ни за что ни про что. Но до него отсюда тяжело дотянуться. К тому же, убить его будет не так-то просто. Избранные Высшего Круга, в отличие от нас, могут становиться личами.

– Гафур на такое не пойдет. Он ненавидит личей со времени своего путешествия в земли северян. Но нам нужна победа. Ты права. Следует взять Корунн как можно быстрее. Тогда недовольные поутихнут.

– Что пишут в донесении? – она кивнула в сторону лежащего на полу конверта.

– Последний замок пал два нара назад. Тракт на столицу открыт. Передовые части выдвинуты и сегодня должны закрепиться на рубеже Ганка и Урбага. Разведка докладывает, что сопротивление на этих участках

будет минимальным.

– Хорошо если так. Но Ходящих прибавилось. Могут возникнуть проблемы. Мать с ними?

– Да.

Аленари спрыгнула на пол, босиком прошла к небольшому столику, выдвинула верхний ящик и вытащила оттуда обломок стрелы с белым костяным наконечником.

– Мне кажется, пришла пора воспользоваться этой штукой.

– Я хотел предложить тебе то же самое. Ка займется этим?

– Да. Думаю, он единственный, кто сможет подобраться к Цейре Асани.

Северянин согласно кивнул:

– Эта вещь появилась у нас крайне вовремя. Я рад, что тот лучник промахнулся.

Аленари звонко рассмеялась:

– Ты даже не можешь себе представить, насколько я этому рада. Стрелок у Тиа оказался неважным. Клянусь Соколом, жаль, что Митифа ее убила. Я так надеялась на Лепестки.

– Найди Целителя, и они у тебя будут.

– Возможно. Что до Целителя, то я его уже нашла.

– Он у тебя?!

Ей, наконец-то, удалось поколебать его спокойствие.

– Нет. Он был вместе с Тиа в Брагун-Зане. Митифа почувствовала его «искру». Так что она теперь тоже в курсе, какой козырь был на руках у Дочери Ночи.

– И какие шаги ты предпримешь?

– Никаких. Дави мертв. Остался один Ка. Я не рискну последним из своих Верных, когда Мать рядом. Она слабее нас, но вокруг нее сплотились остальные. Цейру Асани следует убить во что бы то ни стало. И если это получится, у Ка появится новое задание. Во всяком случае, теперь мы знаем район поиска. Что? Ты не одобряешь?

– Клянусь Угом – нет. Целитель может наворотить бед. Его надо взять сейчас же. Я отправлю на его поиски своих людей. Если ты, конечно, не возражаешь.

Аленари помолчала, словно советуясь сама с собой, и неохотно промолвила:

– Если только ты обещаешь взять его целым и невредимым. Он очень важен для нас. И для меня.

– Думаешь, я этого не понимаю? – рыкнул северянин. – Поверь, я

прекрасно знаю, сколь ценен носитель подобного Дара. С него и волос не упадет. Я отправлю несколько отрядов в сторону Брагун-Зана. Быть может, кому-нибудь повезет. Теперь, что касается наступления.

Он сплел в воздухе карту, и та, сияя, повисла перед ними, показывая дороги, леса, озера, города, деревни и поля.

– Удар надо наносить одновременно. Вот по этим направлениям, – Лей указал пальцем на пыльные тракты, выющиеся по земле Империи. – Во всяком случае, вплоть до Йорбарга. Здесь сосредоточено несколько полков северян и тяжелой рыцарской конницы. Нам следует взять их в клещи, прежде чем они успеют опомниться. Затем мои силы выступят вперед и маршем двинутся к Корунну. Это один дневной переход. Ты отправишься сразу за мной, с разницей в два нара.

– Почему не вместе? Почему не впереди?

– Потому что если моя идея с Колосом не сработает, я не собираюсь забирать в Бездну еще и тебя!

Эти слова заставили ее задуматься и присесть на краешек кровати.

– Думаешь, у нас не получится? – осторожно спросила она.

Северянин вздохнул, лег, положил голову ей на колени:

– Ты все прекрасно знаешь и сама. Колос никогда не использовали. Считается, что он способен уничтожить врагов, подошедших к стенам города. Правда ли это – никто не знает. У Скульптора было множество творений, и не все из них оправдали его ожидания. Возможно, Колос – один из таких. А может, и нет. В любом случае, им нужно управлять. Император может и не справиться.

– Ему ничего не надо делать. Даже если он не помнит – помнит кровь. Все готово к ритуалу?

– Да.

– Девчонка тебя ждет. Забирай в любое время, – ее пальцы нежно перебирали его рыжие волосы.

– Ни к чему, – он наслаждался каждым мгновением, находясь рядом с ней. – Мои шпионы притащили на аркане еще одного. У него тоже есть серебро в волосах и гораздо больше, чем у твоей пленницы. Мне хватит его.

– Ты просто никогда не любил убивать женщин! – рассмеялась Оспа.

– Не вижу в этом ничего плохого! – расхохотался он в ответ. – Женщины должны жить и рожать воинов, а не умирать в войнах. Ты так и не поняла мой народ.

– Ты прав. Иногда мне тяжело понять суровых северян. Порой ты бываешь таким сентиментальным, любовь моя.

– И давай я проявлю еще немного сентиментальности, – улыбнулся он. – Не убивай Ходящую.

– Беглянку?

– Именно.

– Почему ты просишь за нее? – ее голос остался ровным, словно они говорили о погоде.

Он посмотрел ей в глаза и спросил в ответ:

– А ты не поняла?

Аленари вздохнула и снова погладила его по волосам:

– Потому что эта наивная девочка – точная копия молодой Черканы? Те же глаза, та же фигура, волосы, то же лицо. Такая же настырная и упрямая. Даже голос похож. Хотя... столько времени прошло. Я забыла, как звучал ее голос.

– А я помню. Он, действительно, такой же. Эта маленькая Ходящая вся похожа на Черкану. Словно дочь.

– Очень странно, когда оживают призраки, правда? Словно твой Уг совершил чудо, – прошептала она.

– Да. Странно, – Лей-рон нахмурился. – Ты не ревнуешь?

– Нет, конечно. Я слишком хорошо тебя знаю. Совесть мучает тебя до сих пор, мой старый воин. Думаешь, если эта девушка останется жить, тебе станет легче? Ты перестанешь винить себя в том, что Черкана умерла из-за тебя?

– Не знаю, – искренне ответил северянин.

– Хочешь, я отпущу ее? Прямо сейчас?

– Ведь у тебя были на нее свои планы.

– Да. У меня были мысли на ее счет.

– Тогда не торопись, – он пошевелился, меняя положение вновь заболевшей ноги. – Просто не губи без нужды. И не позволяй Кадиру больше ее избивать. Не будь он твоим Избранным, я бы убил его. Бить женщин низко.

– Хорошо. Я приструню его. А что прикажешь делать с кровью Сокола? С этой Митой.

– Оставь ее у себя. Если я потерплю неудачу, у тебя будет шанс все исправить.

– Не говори так. – Голос Проклятой дрогнул. – Не говори. Все будет хорошо. Осталось совсем немного.

Он ничего не ответил, и ее пальцы продолжили гладить его рыжие, поседевшие на висках волосы.

Глава 27

Если ты видел одну войну, можешь считать, что видел их все. Сколько бы ни прошло лет – они не меняются. Все те же пожары, все те же мертвецы, все то же воронье, те же свежие и неаккуратные могилы вдоль дорог. Начинающийся голод, разлитый по деревням страх, зверские цены, лихие люди, способные убить за один лишь косой взгляд или пару изношенных сапог.

Чем дальше мы продвигались на север, вглубь разоренных войной земель, тем мрачнее и безнадежнее вокруг становилось. Казалось, что смерть властвовала во всей стране – на каждой дороге, в каждом поселке и городе. Ее смрад преследовал нас повсюду. Он тяжелым духом висел в воздухе, отравляя лесную красоту, он пробирался в родниковую воду, убивал вкус еды, пропитывал одежду, пугал лошадей.

– Словно едем по огромному кладбищу, лопни твоя жаба! – как-то сказал Лук, кривясь от омерзения.

Его слова были недалеко от истины. Погост, кладбище, некрополь, могильник. Это можно было называть разными словами. Факт оставался фактом. Такого количества мертвецов я не видел за всю Сандонскую войну. Жара, дикое зверье и насекомые делали свое дело. Мы повсеместно натыкались на останки, от вида которых должно было пробрать даже некроманта. Иногда они попадались в такой глуши, куда, казалось, люди не заходили последнюю тысячу лет. Но и набаторцы, и наши везде щедро обогрили землю кровью и накормили воронье.

За неделю путешествия мы четырежды натыкались на места грандиозных побоищ, где поработали сталь и «искра». Я – черствый человек, успевший повидать много мертвецов во времена своей молодости в Сандоне. Тогда нам приходилось быть такими же жестокими, как Высокородные. Но то, что нам открывалось сейчас, видеть оказалось очень непросто.

Хуже всех приходилось Юми. Парень, с его чувствительным носом, откровенно страдал. Он приуныл, потерял аппетит и мученически пищал о «собаке». Вейя изо всех сил пытался исполнять свою работу, но, в конце концов, потерял след, и мой последний шанс догнать Митифу растворился в смраде старых пожарищ и гниющих трупов.

– Есть ли смысл оставаться на тракте? – поинтересовался Лук.

– Митифа спешит к Корунну. Там должны быть Чума и Оспа, видишь

же, как они здесь надели. Если искать Проклятую, то впереди. Нам еще может повезти, – ответил я ему.

– Вот так, собака, – Юми был в пессимистичном настроении, но тоже хотел верить, что у нас все получится.

Стражник недовольно вздохнул, однако спорить не стал. Понимал, что раз уж подвизался на столь безумное дело – настаивать на отступлении в середине пути не имеет смысла.

К вечеру, когда жара спала, мы увидели в долине, прячущейся за раскидистыми ивами у реки, сожженную деревушку. Она зияла черной проплешиной среди зеленой травы и полного природного благоденствия. Во всяком случае, так казалось со стороны. Мы не стали приближаться, взяли восточнее и нашли вполне уютное место для ночевки среди могучих дубов.

– Уже два дня – ничего, – сказал мне Га-нор. – Последнее поле битвы мы видели у того сожженного города, где искали переправу.

Я пожал плечами:

– Здесь не за что сражаться. Да и где тут оказывать сопротивление набаторцам? Вот дальше – начнутся крупные города и замки, там южане застрянут, и мертвецов опять будет выше крыши.

– У нас с едой плохо, лопни твоя жаба, – Лук помешал деревянной ложкой в котелке.

– Не удивительно, – заметил я. – Армии разорили край. Осенью здесь начнется настоящий голод.

– В любом случае будет неплохо, если ты кого-нибудь завтра подстрелишь, – буркнул Лук, понюхав стряпню, – и у нас появится мясо.

– Ничего не обещаю.

– Вот так, собака.

Юми чихнул и потер нос. Кажется, к нему вновь возвращался аппетит.

Я с неохотой жевал свою порцию и разговаривал с Лаэн. Мне было мало наших бесед во сне, хотелось слышать ее голос постоянно. Но это происходило крайне редко. Едва уловимый шепот моего солнца очень часто оказывался лишь моим воображением. И в такие минки мне вновь начинало мерещиться, что ее нет – несмотря на все, что сказали мне Тиа и Гаррет. Несмотря на то, что произошло со мной в городе на болотах. Кто-то сказал, что надежду потерять очень легко. Я соглашусь с ним. Верить в, казалось бы, несуществующее – весьма тяжело.

– Надо решить, что делать дальше, Нэсс, – Га-нор отвлек меня от угнетающих мыслей.

– Я искал Митифу. Хотел нагнать ее и прикончить, когда она была

слаба после Брагун-Зана. Но с тех пор прошло слишком много дней. Время упущено. Вряд ли она так же беспомощна, как и раньше. А, следовательно, подходить к ней ближе чем на лигу – опасно для здоровья.

– Жизнь вообще опасна, лопни твоя жаба. Ты хочешь отступить?

Я не хотел. Разум говорил мне, что все бесполезно. Сердце кричало, что я не должен сдаваться. И надо было принимать решение.

– Нет. Поворачивать назад бессмысленно. Вряд ли впереди нас будет ждать Митифа, но там Корунн. Мы можем вновь присоединиться к своим. Солдаты им в любом случае понадобятся.

– Вот так, собака!

Юми готов был воевать хоть сейчас. Но мнение Лука оказалось куда более пессимистичным:

– Пока мы доберемся до столицы, там все уже закончится.

– Это знает только Уг. Если воины будут доблестны, Корунн может сражаться и год.

– Когда у них под стенами аж трое Проклятых?! Лопни твоя жаба, если бывают такие чудеса!

– Будем продолжать держаться этого тракта, – подытожил я. – Хвала Мелоту, он пуст.

– Угу. Как же! – стражник с сожалением посмотрел на дно опустевшего котелка и вытер руки. – Здесь полно набаторцев. Патрулей, разъездов, гонцов, оставших от армии. И дезертиров, конечно же.

– Ты, как всегда, приукрашиваешь, – ухмыльнулся в усы Га-нор.

– Я?! – тут же возмутился Лук. – Я, лопни твоя жаба, ничего никогда не приукрашиваю!

– Вот так, собака? – с большим сомнением поинтересовался Юми и с пренебрежением начал вычесывать розоватое пузо.

Лук от такой наглости потерял дар речи.

– Ты явно забыл о второй дороге, что в дне пути на восток, – напомнил я ему. – Вот там, действительно, южан полно. Она идет напрямик к Лестнице Висельника, вдоль озер, и, полагаю, сейчас на ней не протолкнуться от набаторцев. Армия должна питаться, и восточный тракт – лучший выбор для снабжения.

– Эта дорога по сравнению с ним – прогулка, – поддержал меня Га-нор. – Я тоже считаю, следует двигаться дальше. Ведь до Корунна недалеко?

– Меньше недели пути, – прикинул я. – Если, конечно, набаторская армия обойдет западные города и замки. Иначе мы можем застрять и на месяц, прежде чем доберемся до столицы. Петлю придется закладывать до

границы с Морассией.

Северянин со стражником начали обсуждать планы на следующий день. Я посидел с ними, затем решил дойти до реки. Юми увязался со мной, бодро поскакав впереди. Его лисьи уши вслушивались в вечернюю тишину, а чуткий нос ловил малейшие дуновения ветерка.

Дубы здесь были старыми и высокими. На земле валялись уцелевшие после набега диких свиней прошлогодние желуди. Я вышел из рощи в тот момент, когда нижний край огромного солнца надежно зацепился за горизонт. Вейя скрылся в высокой траве, миновал короткую лужайку, спугнув уже спустившихся на ночлег мелких птиц, которые с возмущенными криками упорхнули в безоблачное небо. Юми добрался до берега и жадно припал к воде. Я даже отсюда слышал его чавканье.

Потом, явно не удовлетворившись содеянным, он, благостно пища про собаку, начал принимать водные процедуры, плескаясь, фыркая и гоня волну, словно какой-то кит.

Я присел, сорвал длинную травинку, оплел вокруг пальца, словно кольцо, и стал думать о том, как хорошо нам было с Лаэн, когда мы были вместе...

Лишь с последним проблеском солнца мы с Юми направились обратно к лагерю.

Всю ночь мне снилась какая-то дрянь, я ворочался, несколько раз просыпался и смотрел на мириады звезд над головой, слушая тихий храп Лука. Под утро мне под бок приполз продрогший вейя. Вся его шерстка стала мокрой от росы и я, пожалев бедолагу, укрыл его своей курткой. Он благодушно хрюкнул, свернулся клубочком и умиротворенно засопел. Через какое-то время уснул и я.

Лаэн, рыжая, словно лиса, прыгала ко мне через гигантскую пропасть, на дне которой ревели багровые пламя, плюющиеся в червонное небо сонмом искр. Мне не хватало сил, чтобы досмотреть ее прыжок до конца. Я бросался к ней, но до края было так далеко, и я не успевал. Лишь слышал ее наполненный отчаяньем крик, когда она падала вниз.

А затем все повторялось вновь и вновь. И так до бесконечности.

Прыжок. Падение. Крик.

Пытке не было конца. И на место отчаянья пришла ярость. Я озверел и готов был убить того, кто так шутит с ней. Рванув вперед, слыша, как мир трещит по швам и, видя, что уже не успеваю, я прыгнул следом за ней и схватил ее за руку...

В следующее мгновение я уже стоял на коленях на краю пропасти,

пытаясь вытащить мое солнце.

– Я удержу тебя! Я удержу! – крикнул я ей.

Она улыбнулась...

И я проснулся.

Безостановочно кричал коростель, фыркали лошади, шумела роща, весело переговаривались люди, восторженно пищал вейя.

– Проснулся, лопни твоя жаба! – ухмыльнулся Лук. – Я уж думал, что ты маковый отвар выпил, приятель. Никак не мог тебя разбудить.

Я пробурчал что-то невнятное, жмурясь от высоко поднявшегося солнца. Его лучи били мне прямо в глаза, и от этого страшно болела голова, словно вчера я серьезно набрался рески. Так что мне стоило некоторого труда оценить обстановку и понять, что людей в лагере прибавилось.

Шен, Рона и милорд Рандо, несмотря на все мои сомнения, нас все-таки нашли.

– С Брагун-Зана прошло около месяца. Время быстро пролетело, – сказал Шен.

– Да ну? – удивился я и нахмурился. – Даже не заметил.

Мы ехали чуть позади остальных, негромко разговаривая друг с другом. Целитель за те дни, что мы не виделись, еще больше возмужал. В лице появились резкие черты, губы сжались в суровую линию. Глаза, когда он думал о чем-то своем, порой становились холодными и колючими. Шен отпустил бороду и усы, так что мне пришлось привыкать к его новому образу. А еще парень стал гораздо выдержаннее, чем был раньше. Во всяком случае, не огрызался на каждое слово с видом оскорбленного подростка.

– В какой-то момент я стал бояться, что мы вас никогда не догоним.

– Зачем тебе это вообще понадобилось?

– А? – он недоуменно посмотрел на меня, затем, поняв, о чем я, рассмеялся. – Ты все никак не привыкнешь, что перестал быть одиночкой... Люди должны помогать друг другу.

Я прислушался к крикам перепелок в траве, посмотрел на спину милорда Рандо, ехавшего впереди, затем сказал:

– Даже не знаю, что и думать. Наверное, я должен быть невероятно польщен оттого, что двое магов и рыцарь оставили все, чтобы сопровождать меня.

– Ты затеял серьезное дело. Которое является важным не только для тебя одного. Возможно, тебе понадобится помощь.

– Не обижайся, дружище, но мне думается, что Митифа в состоянии

всех нас прихлопнуть одной рукой ун за пять.

– Вероятно, так оно и есть, – не стал отрицать Шен. – Но за те пять ун, что она потратит на нас с Роной, у тебя будет шанс пронзить ее черное сердце. Впрочем, я надеюсь на несколько иной исход.

– Блаженны мечтатели, ибо они первыми окажутся в царстве Мелота, – пробормотал я, намекая на тщетность надежд Целителя. – Четверо, пятеро или десяток – для нее не будет играть роли. Если Корь окажется в полной силе, она прожует нас и не заметит, как это сделала с Тиф. В прямом поединке одолеть ее невозможно, если, конечно, ты не знаешь какого-нибудь чудо-плетения.

Он промолчал.

– Значит, существует только один вариант. Выстрел с большого расстояния. Если повезет.

– Вот-вот, – сказал он и лишь улыбнулся обернувшейся Роне.

Ходящая тоже изменилась. Мужская одежда, кинжал на поясе, неровно отросшие волосы. На нижней губе у нее появился маленький белый шрамик, а глаза стали такими же, как у Шена – иногда холодными, иногда настороженными и часто – встревоженными. Осанка тоже стала другой – Рона больше не была той неуверенной и испуганной девчонкой, которую мы подобрали на равнинах Руде.

– Сны больше не мучают ее?

– Нет. Кажется, я смог избавить Рону от последствий встречи с Проказой.

– Это хорошо. Расскажи, что произошло, когда я уехал.

– Мы чуть не чокнулись, – усмехнулся бывший ученик Цейры Асани. – После Тиа и некромантов осталось столько силы, что я едва не лопнул, ее собирая. И все равно много пришлось оставить. Нириты обещали нейтрализовать поток пламенем из Громкопоющей.

– То есть сейчас ваши «искры» горят ярче, чем прежде?

– Лишь на время, Нэсс.

– Что с войсками? Слышал, набирают новые силы?

– Да. Весть о победе разнеслась быстро. Уцелевшие отряды из наших разгромленных полков присоединяются к новой армии. Да и добровольцев из числа местных прибавилось. Победа над Проклятой многих заставила вновь поверить в счастливую звезду.

– Только, к сожалению, с нами больше нет Гиса и Грох-нер-Тохха под боком. Жаль, что армия не успеет к Корунну вовремя.

– Она туда и не идет.

– Да ну?

– Когда я уезжал, пришел пакет. В столице прекрасно понимают, что к ним не успеют. Поэтому приказано отбить Лестницу, перекрыть тракты, уничтожать набаторские обозы с провизией и оружием. Так что Проклятым будет не слишком комфортно во время осады.

О да. Без еды много не навоюешь.

– Как вы ушли?

Шен насупился:

– Почти сбежали. Утром услышали, что с запада к нам скачет отряд, в котором почти десяток Ходящих из тех, что приплыли из Альсгары. Так что в обед мы уже мчались сюда.

– Ты ведь понимаешь, что рано или поздно вы столкнетесь с ними нос к носу?

Он помрачнел еще больше и кивнул:

– Конечно, понимаю. Мы будем готовы к этому.

– Хорошо, если так, – несколько неуверенно сказал я. – ...Ладно, с вами мне все понятно. А что здесь делает он? – Я кивнул на рыцаря. – Зная Рандо, я был уверен, что он-то точно свой отряд не оставит.

– У него не было выбора. Милорду Рандо крепко досталось в последний нар сражения под Грох-нер-Тоххом – серьезно задело плетениями колдунов. Мне приходится применять свой Дар каждый день, чтобы он не умер.

– Он не выглядит больным.

– Физически он силен, как и раньше. Но сердце может остановиться в любую минку. Так что ему оставалось либо поехать с нами, либо отправляться в Счастливые сады.

– То есть теперь ему всю жизнь придется быть рядом с тобой?

– Нет, – рассмеялся Шен. – Я вылечу его, хотя это и очень медленно. Думаю, к концу лета он уже придет в норму. Ему крупно повезло.

– Что ты оказался рядом? О, да.

Какое-то время мы ехали в молчании.

– Ты будешь смеяться, но мне не хватает Тиф, – вдруг признался Целитель.

– Не тебе одному.

Лук, ехавший первым, свернул с дороги, объезжая стороной очередное сгоревшее поселение. Пробравшись через поле с вытоптаннами посевами, мы оказались недалеко от заброшенного кладбища.

– Вот так, собака! – настороженно сказал Юми.

И, решив не искушать судьбу, мы взяли еще левее. Хорошенько поплутав по молоденьким березовым рошицам, выбрались на тракт, и

почти сразу же с него сошли, вовремя услышав приближение большого отряда.

Набаторские кавалеристы пролетели на огненно-рыжих лошадях, подняв в воздух тучи пыли, и сгнули за ближайшим поворотом.

– Куда они так спешат, лопни твоя жаба?

– К Корунну, – мрачно произнес милорд Рандо.

Он, взяв пример с Шена, брился последний раз тьма знает когда, хотя и следил за своей бородой куда лучше, чем Целитель. Русая растительность нисколько не скрывала аристократическую рожу рыцаря, и даже черный платок, повязанный на голову на манер гроганских моряков, не мог никого сбить с толку.

Дальше, до самой темноты, никаких приключений не было. Мы решили не рисковать и не останавливаться в большой деревне. Проехав по ночной дороге еще четверть лиги, ушли в поля, где и встали на ночлег.

Перед сном долго разговаривали, обсуждая дальнейший маршрут и делаясь историями о том, что с нами происходило. Я отправился на боковую уже за полночь, но так и не лег.

– Нэсс? Мы можем с тобой поговорить? – тихо спросила Рона.

Я посмотрел на нее, затем на Шена. Оставил в покое одеяло и сказал:

– Конечно. У вас вид, как у двух заговорщиков. Случилось что-то серьезное?

Мы отошли подальше от лагеря, в поле, где остановились среди высокой травы, от пыльцы которой горчило в горле.

– Я хочу помочь тебе и Лаэн, – осторожно произнес Шен.

– В смысле? – не понял я. – Каким образом?

Вместо него ответила Ходящая:

– Благодаря Тиа. После нее осталось много силы. Мы собрали, что смогли, и теперь хотим поделиться этим с твоей женой.

– Для чего?

– Ну, – она неуверенно посмотрела на Целителя и еще более осторожно, чем он, произнесла: – Мы надеемся, что если ее дух получит немного силы, ей будет проще.

– И?..

– Не тупи! – нахмурился Шен. – Ты будешь в состоянии с ней общаться.

– О! – вот и все, что я сказал.

Предложение было привлекательным. Но у меня имелись некоторые сомнения.

– Вы знаете, как это сделать?

– Не совсем... – неохотно ответил Целитель.

– Очень обнадеживающе, – ровно отметил я эту новость. – Вы уверены, что нам следует это совершить?

– Решать исключительно тебе. Но сейчас наши «искры» ярко горят, и это наилучшее время. Другого шанса можно дожидаться годами, – Рона заплела волосы в две короткие смешные косички.

– Тиа рассказывала мне, что надо делать. Конечно, не для Лаэн, она еще о ней не знала. А так. В теории, – продолжил Шен. – Речь шла о несколько другом, но принцип должен быть тем же самым. Я в этом уверен.

– Это опасно?

– Для тебя?

– Для нее!

– Нет. Конечно, нет. По идее, это не представляет угрозы. В крайнем случае – больно будет только тебе.

– Тогда не вижу причин, чтобы не попробовать. Давайте, ребята. Делайте, что нужно.

– Делать будет Шен, – улыбнулась Рона, хотя голос у нее стал напряженным. – К сожалению, я не Целительница.

– Не волнуйся. Все будет отлично, – подбодрил я ее.

Она искристо рассмеялась и нервным жестом поправила пояс:

– По идее это я должна утешать тебя и просить не волноваться.

– Я вполне доверяю Шену, потому и не беспокоюсь.

– С каких это пор? – пробурчал он себе под нос, но было видно, что парень польщен моей похвалой. – Сядь, Нэсс, если не хочешь грянуться оземь в самый неподходящий для этого момент.

Я сделал, что мне было велено, вдохнул горечь травы и пахнущий парным молоком ветер. Луна ползла от облака к облаку, стрекотали цикады.

– Готов? – спросил он.

– Да, – мои ладони стали влажными.

Вот ведь! А мне казалось, что я совсем не волнуюсь.

– Рона...

– Я проконтролирую поток, – поспешно сказала она, и взяла меня за плечи, тревожно засопев в ухо, обжигая кожу дыханием. От нее пахло чем-то пряным, терпким и очень приятным.

Шен опустил голову напротив, глядя мне на переносицу. Я не знал, что он там желает рассмотреть, но чувствовал, как горячие пальцы Ходящей все сильнее и сильнее впиваются мне в плечи, уже начиная причинять боль.

С моим зрением что-то случилось, и теперь вместо Целителя я видел лишь сияющий контур. Вначале тусклый, едва различимый, он с каждым

ударом сердца наливался светом до тех пор, пока на него стало невозможно смотреть. Я поспешно закрыл глаза, стараясь забыть о ломоте в висках, о ярком свете, пронзающем даже сквозь закрытые веки, о Роне, что-то шепчущей мне...

Это кончилось столь же внезапно, как и началось. По небу все так же путешествовала луна, а цикады орали, не умолкая, словно это был последний день Хары. Трава вокруг нас пожухла, а Шен стал бледным и потным, словно его заставили взбежать на вершину Грох-нер-Тохха, таща блазга на закорках.

– Ну, что?! Получилось?! – жадно спросил я у него.

– Это ты мне скажи! – устало произнес он, вытирая рукавом намоченный лоб.

Я позвал Лаэн. Десять долгих ун ничего не происходило, а затем я различил тихое:

«Благослови Мелот! Наконец-то! Спасибо, Шен!»

Я едва не подпрыгнул от радости. Хотел сказать Целителю, но тот уже сам все понял и улыбался, словно ему подарили тысячу соренов:

– Я услышал, Нэсс. Я услышал!

Глава 28

Рога затрубили в унисон с грохотом барабанов, едва начал алеть рассвет. Альга подняла тяжелую от недосыпа голову с куртки, служившей ей подушкой, и прислушалась. Казалось, что гудело само небо. Рев заглушал крики солдат и резкие команды набаторцев.

Мита не спала – сидела, забившись в угол и, кажется, плакала. Альга страшно устала от чужих слез, но сделать, к сожалению, ничего не могла. Она встала, подошла к окну и, встав на цыпочки, выглянула наружу. По улице маршировали тени, от лезвий алебард и длинных наконечников пик отражались первые, еще очень слабые лучи пробуждающегося солнца.

– Что происходит?

– Разве ты не видишь? – Мита шмыгнула носом. – Они идут на штурм Корунна. Сегодня война закончится.

– Это еще неизвестно! – запальчиво возразила Альга. – Альсгара держится до сих пор, хотя прошел уже почти год!

– Теперь нас точно убьют, – Мита закрыла глаза, и по ее ввалившимся щекам потекли крупные слезы. – Мы им станем не нужны.

– Мы им и так давно не нужны! Ни ты, ни, тем более, я! Но, как видишь, до сих пор живы! Чума не забрал тебя, хоть ты и боялась этого. Он о нас даже не вспомнил и теперь со своей армией впереди. Идет в битву! С нами ничего не случится.

Но губы подруги обреченно шептали про смерть. Альга, вздохнув, обняла девушку:

– Послушай, что я тебе скажу. Все мы когда-нибудь умрем. Это неизбежно. Бояться каждую минку всю жизнь невозможно. Ты все равно не убежишь от смерти.

Мита в ответ лишь всхлипнула, но девушка продолжила, и ее голос стал еще более уверенным, чем раньше:

– Если мне суждено умереть, если они захотят меня убить, то я буду сражаться до конца. До последнего вдоха. И ни одна тварь с темной «искрой» не посмеет потом сказать, что меня убили, как покорную овцу! Я – Ходящая и буду бороться!

– Ты забыла, что нам нечего им противопоставить. У нас нет «искры».

– У нас есть зубы, ногти и кулаки! Чтобы впиться им в шею, в лицо, выцарапать глаза! Хотят нас убить?! Пусть! Но они заплатят за это!

Она сказала это с такой горячностью, что, кажется, смогла растопить

стену недоверия, отчуждения и страха Миты. Во всяком случае, та посмотрела на подругу странным, наконец-то осмысленным взглядом и тихо сказала:

– Мне очень страшно.

– Мне тоже, – призналась Альга. – Но надо быть сильной, хотя это очень непросто.

Она вновь вспомнила о Роне, и ее сердце сжала тоска. Насколько все было бы проще, если бы сестра сейчас оказалась рядом. Она-то уж точно знала бы, что следует делать!

Несколько раз Альга пыталась рассказать Мите, на запястье которой не было браслета, как можно попытаться дотянуться до «искры». Но та не желала слушать. Одна мысль о боли приводила ее в истерику. Кадир хорошо обработал Ходящую.

Альга с яростью подумала о пахнущем мускусом некроманте. Теперь она не переносила этот запах и, едва только ощущала его, ее начинало колотить. В день, когда девушка так неудачно бежала и выскочила на Проклятого, Кадир был в ярости.

Он появился из зарослей крапивы с красной перекошенной рожей, ругаясь на гортанном сдисском наречии. Заметив Чуму, колдун подавил гнев, поклонился, но когда с формальностями было покончено, и северянин с усмешкой отдал ему беглянку, впился в густые волосы Альги жестокими пальцами и рванул на себя так, что девушка взвыла от боли.

Она упала на землю, больно ударившись коленом, из глаз брызнули слезы. Некромант хотел пнуть ее ногой, но Проклятый не дал. Его широченная, похожая на лопату ладонь отвесила Кадиру такую оплеуху, что тот едва не улетел обратно в кусты.

– Не смей! – рявкнул Чума.

Перепуганный и порядком обескураженный некромант стал извиняться, но о нем словно забыли.

– Поедешь со мной! – безапелляционно заявил северянин Альге, которая все-таки не выдержала и теперь плакала от обиды и разочарования, что ее побег не удался.

Тихо свистнув, Проклятый подозвал лошадь, которая подбежала к нему, словно собачка. Забрался в седло, протянул руку и помог девушке сесть позади. От него пахло едким потом, медвежьей шкурой, грубо выделанной кожей и хвоей.

– Надо говорить, что я буду зол, если ты выкинешь со мной такой же фокус, как с этим червяком? – спросил он, не оборачиваясь.

– Нет, – тихо ответила Ходящая.

Он, кажется, остался удовлетворен ее ответом.

В усадьбе их встретила Батуль. Она цепко, но без тени недовольства посмотрела на девушку, которую привез Чума, и преклонила колени перед Проклятым.

– Приветствую вас, господин Лей. Звезднорожденная ждет.

Тот мрачно кивнул, спрыгнул на землю, взял Альгу за талию и легко, словно пушинку, снял с лошади.

– Где вы ее держите?

– Я покажу, – еще раз поклонилась Батуль.

Тяжелая лапа северянина легла на плечо Ходящей и не грубо, но настойчиво подтолкнула вперед. Альга, опустив голову, покорно пошла обратно в свою темницу.

Оказавшись в «камере», рыжеволосый с суровым видом изучил ее, мельком, без всякого интереса, глянул на вжавшуюся в стену Миту, подошел к окну. Перегнувшись, посмотрел вниз.

Батуль молча указала Альге на ее матрас. Девушка выполнила приказ – забралась на свою лежанку с ногами, мрачно, исподлобья наблюдая за мужчиной. Тот вдруг повернулся и посмотрел на нее в упор. Усмехнулся, отчего его суровое, морщинистое лицо внезапно стало почти дружелюбным:

– Отчаянная смелость, девочка. Я бы не рискнул. Она причиняет вам массу неприятностей, Батуль?

– Именно так, господин. Это не первый ее побег. Она убила брата господина Ка.

– Дави? Превосходно.

Ходящая недоуменно нахмурилась, не понимая, почему он остался доволен услышанным.

– Потрудись объяснить Кадиру, что я буду очень недоволен, если он продолжит быть грубым без нужды.

– Обязательно.

На окне появилась сияющая решетка.

– Второй раз тебе может не повезти, и ты свернешь себе шею, – пояснил пленнице Проклятый и, не прощаясь, вышел.

Потом, путешествуя в клетке, Альга еще несколько раз видела его. Он ехал бок о бок с Аленами далеко впереди. Почти неделю огромнейшая армия подтягивалась к Корунну пока, наконец, не был назначен штурм.

Вновь запели рога, и Ходящая, очнувшись от воспоминаний, встала. Мита сжалась в комок и нервно кусала ногти, казалось, пребывая где-то

очень далеко. Альга в который раз с холодком ужаса подумала, что не дай Мелот такое сделают с нею. Она ни за что не желала превращаться в то, во что превратилась подруга. Теперь она словно знала двух Мит. Ту, что училась с ней в Радужной долине, и эту – сломленную и забитую.

На улице совсем рассвело, небо стало затягиваться облаками, и погода начала быстро портиться.

Альга чутко вслушивалась, ни на минку не отходила от окна, но до столицы отсюда было несколько лиг и потому оставалось лишь гадать, началось ли сражение.

За ними пришли через нар. Хмурый Кадир, благоухая мускусом, стремительно вошел в комнатушку в сопровождении Иглы и Гриты. Он холодно глянул на Альгу и, ткнув наверху посоха в дрожащую Миту, процедил:

– Взять эту.

Девушка не сопротивлялась. Лишь кричала и плакала. Игла довольно грубо стянул ее с кровати, связал руки обычной веревкой и толкнул к выходу:

– Пошла.

Но ноги отказали пленнице, и наемник, вздохнув, взвалил ее на плечо и вышел вместе со своей ношей.

– Пойдешь сама или тебя тоже придется нести? – спросил колдун у Ходящей.

– Куда?

– Тебя желает видеть Звезднорожденная. Немедленно. И мне было приказано притащить тебя хоть живой, хоть мертвой. Я предпочитаю последнее. А ты?

Он злился на нее за свой страх перед брошенным ему в лицо камнем, желал отыгаться за это, но был слишком хорошо вышколен, чтобы без причины переступить через приказы стоящих выше него.

Альга решила не искушать судьбу, не сопротивляться и даже отказалась от того, чтобы плюнуть южанину в лицо. Грита с ласковой улыбкой набросила ей на шею невидимую веревку, словно Ходящая была норовистой лошадкой.

Ветер дул такой же холодный и пронизывающий, как на дороге к перевалу Клыка Грома. Лето мгновенно сменилось ледяной осенью. Альга страшно замерзла, но никто не позаботился дать ей что-то более теплое, чем тонкое платье. Грита окружила себя легким сиянием, и ветер ее больше не трогал, а Игла и Кадир просто не обращали на него внимания.

Солнце давно скрылось за тяжелыми низкими облаками, с неба падали мелкие холодные капли, очень быстро сменившиеся настоящим проливным дождем, и люди мгновенно вымокли до нитки.

От небольшого городка, находящегося поблизости с Корунном, Альгу с Митой везли чуть больше двадцати минок. Местность Ходящей была знакома – бесконечные поля и редкие холмы раскинулись на многие мили вокруг столицы. На один из таких холмов, охраняемый набаторскими гвардейцами, Кадир и привел пленниц. На вершине был разбит большой синий шатер, вокруг которого находилось множество людей.

Аленари, в темной мужской одежде, с прямой спиной восседала на массивном, украшенном серебром и слоновой костью троне. Ее не пугала непогода, так как прямо над Проклятой тускло сиял похожий на грибную шляпу купол. Он, словно огромный зонт, защищал от дождя всех, кто находился вокруг Сестры Сокола на расстоянии двадцати ярдов. Водопады лились с его краев, и широкими ручьями стекали по пологому склону холма вниз.

Девушек толкнули под «крышу». Здесь оказалось удивительно тепло, и ветер больше не охлаждал кожу. Мита увидела Аленари, села на землю и, сжавшись в комочек, заплакала уже в который раз за неполный день.

Ученица Галир стояла прямо, стараясь не стучать зубами от холода и не обращать внимания на липнущую к телу мокрую, ледяную одежду, на текущие по лицу с волос капли и насмешливые взгляды нескольких некромантов. Она знала лишь Батуль, сейчас стоящую по правую руку от Оспы. У ног Звезднорожденной лежал уйг.

Аленари, не глядя на вновь прибывших, наблюдала за тем, как мокнет под дождем ее армия. Десятки черных квадратов, тысячи людей ожидали приказа к наступлению, чтобы присоединиться к уже выступившим силам Лея. В ясную погоду отсюда должны быть хорошо видны далекие стены и огромные башни Корунна, но сейчас их скрывала дождливая пелена.

На миг Ходящей почудилось, что она различила тусклый, едва уловимый золотой блеск Колоса, но это был не более чем обман зрения.

– Подойди, девочка – поманила ее пальцем Проклятая.

Альга помедлила. Нахмурившийся Кадир чувствительно ткнул девушку в спину и прошипел:

– Промедление может стоить тебе жизни!

Альга подошла и постаралась не отводить взгляда от черных провалов глаз холодной маски. Оспа едва слышно фыркнула:

– Ты похожа на продрогшую мышь.

Ветер выпорхнул у нее из-под сапог, окутал щиколотки Альги, обвил

колени, добрался до груди и накрыл теплым, пахнущим лавандой облаком. Потом исчез точно так же, как и появился, высушив одежду и волосы, словно ученица Галир вовсе не была под дождем. То же самое он сделал с Митой, но та, казалось, даже не заметила, слишком напуганная близостью одной из Отступивших.

Оспа взглянула в сторону Миты, сокрушенно покачала головой и сказала на древнем имперском языке, том, который теперь знали лишь благородные да немногие из Ходящих:

– Очень печально, что та, в ком течет такая же кровь, как у меня, оказалась столь слаба к испытаниям.

Мита не ответила, лишь еще сильнее втянула голову в плечи.

– А вы бы смогли такое пережить?! – выпалила Альга прежде, чем успела подумать.

– Ты смелая. И глупая, – сухо сказала Аленари. – Но... понимаешь квадик. Я вновь удивлена. Тебя научила ему Старшая наставница?

– Да. Я...

– Говори со мной на квадике, раз не можешь просто держать язык за зубами! – резко бросила Звезднорожденная.

– Да. Она просил... она просить мой... слова правильно ставить... запоминать. Говори... ла, что это не вредить... не вредно... полезно, – с трудом подбирая слова, произнесла девушка.

– Твой акцент ужасающ! – Однако, было видно, что Оспе доставляет удовольствие общение на древнем языке. – Мой преподаватель, мир его праху, наверное, умер бы еще раз, если бы тебя только услышал. Как ты считаешь?

Альге понадобилось несколько ун, чтобы понять, о чем ее спросили:

– Несомненно.

– Сколько ты учила высокую речь первых Соколов?

– Два лет... годов.

– Года. Ты путаешь окончания.

– Года, – послушно повторила Альга.

Она уже была не рада столь пристальному вниманию к своей персоне.

– Сколько наров в день?

– Два. В неделю.

– Не удивительно, что ты изъясняешься, как попрошайка с улицы!

Она отвлеклась, так как прибыл гонец с донесениями. Проклятая выслушала его, отдала распоряжения и вновь обратилась к пленнице:

– Возвращаясь к твоему вопросу, девочка. Я пережила нечто гораздо более суровое, чем пара разговоров с Кадиром. Можешь мне поверить.

Ходящие не отличались добротой ко мне. Но, как видишь, это можно перенести. Кажется, у нынешних потомков Соколов кровь стала гораздо жиже.

Альга открыла рот, намереваясь спросить, но вовремя прикусила язык. Проклятая заметила это и благосклонно позволила:

– Спрашивай. Мне скучно, а разговор с тобой забавляет.

– Вы попал... в пленение в Войну Некромантов? Я не видела такого в истории.

– И не увидишь. Да, это было на второй год.

– Почему они вас не убить?

– О! Так быстро лишиться себя удовольствия от перековки мятежницы? Не смей меня! Эта забава должна была доставить Башне море удовольствия. Ничуть не меньше, чем Ровану его мертвые игрушки.

Она вновь отвлеклась на очередного гонца, и Альга хмуро думала, что Ходящие из прошлого – тупые себялюбивые дуры. Надо было бить, пока имелась такая возможность. А теперь те, кто когда-то взял Аленари в плен, уже пять веков лежат в земле, а Оспа живет всех живых.

Девушка с сожалением перевела взгляд на дрожащую Миту. Потомок Сокола? Альга знала, что ее подруга из благородных, но и подумать не могла, что та принадлежит к высшей знати.

– Вдохни этот свежий воздух, девочка, – Оспа вновь перешла на общеимперский. – Чудесный дождь. Знаешь, что в наше время означают такие дожди?..

Альга знала и мрачно молчала.

– Мать убита сегодня рано утром. Господин Ка отлично поработал. Теперь Ходящим в Корунне придется тяжело.

И вновь девушка не произнесла ни слова. Новость была очень плохой, даже несмотря на то, что Альга не любила Цейру Асани. Без Матери с ее яркой «искрой» остальным будет непросто сражаться. Пленница вновь ощутила ненависть ко всему, что несло в себе тьму. Тьма разрушала ее мир и ее жизнь, и она ничего не смогла с этим сделать.

– Смерть одной Ходящей не спасет вас от гнева Колоса.

Проклятая тихо рассмеялась:

– Ты, действительно, считаешь, что мы бы приблизились к Корунну, если бы творение Скульптора представляло для нас угрозу? Лей позаботился о том, чтобы Колос не был опасен.

Альга с ужасом подумала о том, что Проклятые могут управлять защитником столицы. Хотя... если бы они могли, от Корунна бы уже мало что осталось.

– Колос не будет подчиняться тебе! Он совершает лишь то, что его просит сделать истинная кровь! А не та, которую принуждают!

Альга с удивлением воззрилась на Миту, произнесшую эти слова.

– Подумать только, – усмехнулась Аленари, и в ее взгляде появился интерес. – Стена заговорила. Все-таки тебя можно пронять, и в тебе есть что-то от Сокола.

Мита опустив голову, бормотала:

– Никто не способен повелевать Колосом, кроме истинной крови, которая это делает лишь по своему желанию. Лишь Император и пятеро самых близких по крови могут быть уверены...

– ...что Колос ответит на их приказы и уничтожит врагов страны, – перебив девушку, процитировала Аленари. – Ничем не подтвержденные сказки, чтобы дальние ветви Сокола не смели приближаться к творению Кавалара и не заняли трон. Кровь одна, девочка. Не важно, сколько ее в нас – капля или океан. Кровь одна. И Колос узнает ее. Или того, кто завладел ею. Он будет подчиняться. Уже подчиняется. Так что выбрось из головы то, что тебе так долго внушали.

Мита хотела что-то сказать, но на нее надвинулся Кадир и она, сжавшись, умолкла.

Прибыли несколько набаторских офицеров, Оспа слушала доклады. Альга отстранено смотрела на непрекращающийся дождь, на дымку, поднимающуюся над зелеными полями, на одинокие холмы, похожие на спины огромных слонов, и бесконечную, колоссальную, покорную воле Проклятых армию.

Минки таяли одна за другой, офицеры ушли, а Аленари, казалось, потеряла интерес к своим пленницам и, сгучающе опершись на подлокотники кресла, чего-то ждала. Альга очень хотела, чтобы все это закончилось как можно скорее, но время растянулось, превратившись в бесконечность.

– Зачем мы здесь? – наконец не выдержала девушка. – Для чего? Когда вы нас убьете?

– Я обещала Лею сохранить тебе жизнь, – Аленари даже не посмотрела на нее. – Это его маленькая прихоть, и мне не сложно ее исполнить. Так что твое время пока не пришло, юная Ходящая. И, надеюсь, не придет.

Очередной вымокший гонец на уставшей лошади привез донесение. Оспа мельком взглянула на бумагу и приказала офицерам:

– Начинайте!

Воины, обрадованные тем, что ожидание подошло к концу,

поклонились и бросились из-под купола под проливной дождь. Вскоре, захлебываясь, загудели рога, и глухо зарокотали барабаны. Армия дрогнула и двинулась вперед.

– Конец истории, юная Ходящая, – в голосе Аленари появилась странная печаль. – К вечеру начнется новая. Без старой Башни и тех, кто рвал Дар на части.

Альга, в груди которой появился необъяснимый холод, сжав кулаки, смотрела на то, как тысячи воинов идут вперед и исчезают в дымке, отряд за отрядом. Она до боли в кончиках пальцев желала обрушить на головы врагов гром, молнии и пламя Бездны, но не могла ничего сделать. Ненавистный браслет лишал ее права бороться с помощью «искры».

Девушка резко отвернулась от зрелища, за которым безучастно наблюдала Проклятая. Она не желала, чтобы та видела в ее глазах слезы отчаянья. Только не это!

– Будь сильной, – прошептали губы Альги. – Не смей раскисать!

Она увидела, как по склону, раскидывая копытами влажную грязь, взбирается рыжий конь с намокшей гривой и жалким, словно ободренным хвостом. Всадник кутался в длинный плащ, а капюшон был низко надвинут на его лицо. Никто не задержал незнакомца, и когда он остановился на вершине, Кадир, выскочив под дождь, взял жеребца под уздцы.

Человек вошел под купол, скинул капюшон, и Альга увидела, что это женщина. У нее были черные волосы, серые пронзительные глаза и красивые черты лица. Ходящая прищурилась и почувствовала темную «искру».

Дар был сильным. Очень сильным, почти таким же, как у Оспы, и гораздо ярче, чем у Чумы.

– Ты не спешила, Дочь Утра, – поприветствовала ее Аленари. – Все уже началось без тебя.

– Меня задержали дела, Звезднорожденная, – сухо ответила Митифа, мельком взглянув на Ходящих. – Пора перевернуть страницу?

– Да. Выступаем.

Унылое серое утро пронзило золотое зарево. Столб света ударил высоко в небо, пробивая тучи и испаряя дождь, а затем далеко-далеко впереди рухнул на землю и побежал по ней, словно солнечный зайчик. Даже отсюда был слышен оглушительный грохот.

Багровое пламя взметнулось вверх сплошной стеной, но тут же осело и появилось в другой стороне.

– Колос! Колос проснулся! – в ужасе закричала Батуль.

Вновь по земле стегнуло плетью губительного света, и она

содрогнулась и взвыла от боли. Альга расширенными глазами смотрела, как пламя, вырвавшееся на свободу за стенами Корунна, реет по ветру, словно огромное знамя.

– Ты же сказала, что у Лея получилось! – лицо Митифы исказила гримаса ярости.

Аленари не ответила. Она вскочила с трона и смотрела, как гибнет армия Чумы.

Безжалостный луч стегал из стороны в сторону. Ударило. Загрохотало. Вспыхнуло.

– Сокол! Сжался! Только не он! – простонала Аленари.

Мита за ее спиной разразилась зловещим, страшным смехом. Альга подумала, что подруга окончательно сошла с ума.

– Никто не способен повелевать Колосом кроме истинной крови Сокола! Никто!!

Бледный Кадир сильно ударил девушку ногой в грудь, и она, охнув от боли, оборвала смех. Творение Скульптора продолжало убивать, и оставалось только догадываться, скольких оно уже успело уничтожить.

Митифа очнулась первой:

– Надо уходить! Слышишь?! Надо уходить, пока не поздно! Пока еще не все потеряно! Отзывай армию! Командуй отступление!

Звезднорожденная словно не слышала ее.

Толстый, похожий на гигантскую змею луч прилетел с севера, со страшным ревом упал в двух тысячах ярдах от них, прожигая в земле и стройных квадратах набаторских тысяч широкую черную полосу, а затем ударил в основание холма.

И мир Альги затопило золотое сияние.

Глава 29

«Они – отличная пара. Рона очень талантливая девочка, и у нее уникальная „искра“. Ни у кого раньше я не видела столько света».

«Света?! – удивился я. – Мы говорим об одной и той же Роне? У той, что сейчас с нами, после глупости Шена и уроков Тиф тьмы не меньше, чем у тебя».

«Я о душе».

«О».

Она рассмеялась, почувствовав мое сомнение:

«Есть хорошие люди. Есть плохие. И тех, и других – не так сложно распознать. Я рада, что у Шена получилось вылечить Ходящую после перековки. Это можно назвать чудом».

Здесь я с ней был совершенно согласен. Разница между той Роной, что мы повстречали в плену у Проказы, и нынешней – видна невооруженным глазом.

«Да. Она далеко ушла с тех пор, как связалась с нашей компанией», – пошутил я.

Лаэн вновь рассмеялась, и я улыбнулся, радуясь ее хорошему настроению. Мы разговаривали с Лаской сутками, не уставая от этого, едва выкраивая два-три нара на сон. Мы так соскучились по беседам, что теперь наслаждались каждой уной общения друг с другом.

За дни, что прошли с тех пор, как Шен дал моему солнцу силы, мы успели многое вспомнить и обсудить. О том, что было, о том, что есть, и о том, что, возможно, когда-нибудь будет с нами.

Говорили и о Гиноре. Оказалось, Лаэн потрясена новой информацией не меньше, чем я.

«Я узнала об этом вместе с тобой, в момент, когда сказала Проклятая. И не представляю, как это возможно. Но Тиф похоже, действительно, права. После моей... смерти появились чужие сны, воспоминания, знания. Люди, которых я никогда раньше не видела, места в которых не бывала, плетения, которым меня никто никогда не учил, чувства, запахи, ощущения... мечты. Все чужое и в то же время мое. Это очень странно. Они внезапно всплывают в моей памяти, не представляясь, ничего не говоря, и вновь исчезают, словно призраки».

Я помнил, как она испугалась в том городе на болоте, где когда-то побывала Гинора. Наверное, это и вправду ужасно, когда ты чувствуешь,

как переживаешь то, чего с тобой никогда не было и думаешь, что сходишь с ума.

«А Гинора? – спросил я. – Что с ней?»

«Мне нечего тебе ответить. Даже если я – часть ее, или она – часть меня, то я не чувствую этого. Конечно, если исключить воспоминания, которые мне не принадлежат».

Лаэн не знала, какие цели ставила рыжеволосая Проклятая. Не представляла, к чему это должно привести. Иногда ей становилось страшно оттого, что она не могла разобраться в себе, вдруг на какую-то часть ставшей другой. Женщиной, родившейся больше пяти веков назад и принимавшей участие в Темном мятеже.

Пугало ли это меня? Нисколько. Лаэн была жива и со мной – это самое главное. Мне совершенно безразлично, что в ней есть частичка Гиноры.

Мы заночевали в маленьком городке, каким-то чудом совершенно не тронутым набаторской ордой. Армия южан прошла чуть восточнее этих мест, а два передовых отряда сдисцев, проводивших разведку, почему-то не решились подъезжать к городским стенам.

Стража впустила нас лишь благодаря милорду Рандо, хотя я думал, что опять придется ночевать в полях. Было новолуние, улицы оказались темны, немногочисленный гарнизон – недружелюбен и серьезно вооружен. Воины проводили нас до таверны, ближайшей к воротам. Она была маленькая, тесная и пустая – путников здесь не видали уже несколько недель, так что нам были рады, хотя поначалу и отнеслись с подозрением к такой разношерстной компании.

Из-за летней жары окна в зале открыли нараспашку, было слышно пиликанье сверчков и отдаленные разговоры стражников у ворот. С Юми произошла заминка, хозяин требовал, чтобы «зверя» выгнали за дверь, но Лук быстро разрешил ситуацию, пообещав уйти в другое заведение, если будут обижать его лучшего друга.

Шен с Роной, отказавшись от ужина, сразу отправились спать. Га-нор тоже решил пойти на боковую, напоследок пожелав стражнику ни с кем не играть в кости. Тот обиженно возмутился, что в этой сонной деревне приличного игрока днем с огнем не сыщешь. Сплошные тараканы.

Еда, как я и думал, продавалась втридорога. Но никто из нас не возмущался – давно привыкли. К тому же милорд Рандо решил нас угостить, а мы и не отказывались. Юми получил самую большую миску и, чирикавая, словно воробушек, стал упоительно чавкать.

Рыцарь попросил принести еще свечей, отказался от вина и взялся

играть с Луком, к вящей радости стражника. Приятель Га-нора просто сиял от восторга, когда смог обуть партнера на несколько солов. Теперь на кону стоял целый сорен, и я перекидывался ехидными замечаниями с Лаской, пытаюсь понять, мухлюет стражник или ему, действительно, везет?

– Вот так, собака! – Юми, увлеченный азартом Лука, в нетерпении бежал по столу туда-обратно, распушив хвост.

– Что ты мельтешишь, лопни твоя жаба? – возмутился стражник. – Сглазишь. На. Посиди спокойно хотя бы минку.

– Вот так, собака!

Лук сунул в лапы вейи кусок хлеба, скрепляя соглашение, и затряс стаканчиком с костями.

«Продует», – убежденно сказала Лаэн.

Кубики покатались по столу. Один из них ударился о кружку, остановился, несколько раз крутанувшись на грани, и лег, показав «двойку». Другой замер на «тройке».

– Не густо, – с видимым сочувствием произнес рыцарь.

– Вот, лопни твоя жаба! Это ты виноват, приятель! – расстроился Лук.

– Ба...бак, бабака! – с набитым ртом обиженно сказал Юми и опустил уши, показывая, что он-то точно здесь ни при чем.

У рыцаря оказались две «тройки», и сорен, вместе с отыгранными солами, вернулся обратно к хозяину.

– Пойду. Пройдусь, – буркнул стражник и вышел во двор.

Вейя, обнюхав кости, чихнул, укоризненно посмотрел на милорда Рандо, и в этот миг у ворот загудели рога.

Мы мгновенно оказались на ногах. Рыцарь схватился за меч, я метнулся к окну, подхватив лук и колчан.

– Юми! Верни Лука!

– Вот так, собака!

Га-нор уже сбегал с лестницы с обнаженным клинком. За ним спешили заспанные Рона и Шен.

– Что случилось?!

– Не знаем!

К реву рогов присоединился звон колокола на храме и вопли на улице.

– Неужели набаторцы все-таки решили заглянуть на огонек?!

– В подвал! В подвал! – вопил перепуганный хозяин таверны, подпихивая к люку голосающую от ужаса жену, тащившую на себе какие-то узлы.

По улице кто-то с топотом пронесся, но в темноте я ничего не разглядел.

– Надо идти к воротам! – резко сказал милорд Рандо. – Попытаться удержать их. Госпожа Рона, Шен! Ваша помощь будет очень кстати.

В зал влетел Юми:

– Вот так, собака! Вот так, собака! Собака! Собака! Собака!

За ним, с паузой в три уны, ввалился Лук с изумленной рожей и огромными, круглыми, счастливыми глазами:

– Проклятых разбили! Корунн устоял!

Уп-уп-уп! Уп-уп-уп!

Маленький пестрый удод кричал где-то за полем. Его голос разносился над дорогой, вплетаясь в концерт крупных зеленых кузнечиков. Лишь изредка эти крики заглушала «Вот так, собака». Юми скакал впереди, иногда сбегая на обочину и скрываясь в высокой траве, распуская окрестных насекомых.

Переждать полуденную жару отряд остановился в одной из березовых рощиц. Лук прихватил котелок и спросил, не хочу ли я добраться до реки. Делать мне было нечего, до воды, казалось, недалеко, и я согласился прогуляться.

– Не стал я ничего говорить Шену и госпоже Роне, лопни твоя жаба, – сказал стражник, когда мы отошли на достаточное расстояние, – но по мне, придурок был этот их Скульптор!

– Зато ты умник, Лук, – рассмеялся я. – Держи и дальше язык за зубами. Башне твои слова вряд ли понравятся. Чем тебе не угодил Кавалар?

– Кто?

– Скульптор.

– А. Глупостью своей. Чем же еще?

– Вот так, собака! – согласился Юми, высовывая обсыпанную пылью рожицу из травы.

– Все ведь слышали, что случилось. Колос не позволил Проклятым подобраться к столице! Одна такая штука меньше чем за десять минок сожгла целую армию. Ух! Не завидую я набаторцам, лопни твоя жаба!

– Ну, так Скульптору надо сказать спасибо, – промолвил я. – Не создай он Колос, и все наверняка закончилось бы плачевно.

– А подумать немного дальше, Нэсс? – стражник постучал себя по лбу кулаком. – Отчего бы не сделать несколько таких штук? И не поставить их возле Лестницы Висельника, Клыка Грома, а еще лучше – у Врат Шести Башен. Да южане вместе со своими отвратными колдунами к нам и сунуться бы не решились! Остановили бы их еще у границы. Сколько жизней можно было спасти!

– Ты у нас в стране самый мудрый, Лук, – язвительно заметил я. – Все остальные, конечно же, до такого додуматься ну никак не могли.

– Это ты о чем? – подозрительно нахмурился он.

– О том, что после Колоса Скульптор ничего не мог строить целый год, а потом и вовсе умер. К тому же, творение Кавалара не подчиняется первому встречному. Вряд ли Император сидел бы всю жизнь у Врат Шести Башен, ожидая, когда нагрянут набаторцы.

Лук обиженно насупился, а я продолжил:

– Кровь одного из его племянников, которой, по слухам, воспользовались Проклятые, не принесла желаемого результата. Враги знали, чем рискуют, но их обнадеживали старые предания о крови Сокола, однако, как теперь стало ясно, они оказались не точны.

«Все несколько сложнее, Нэсс, – поправила меня Лаэн. – Неужели ты думаешь, Проклятые бы так рисковали, если бы имелся хоть один шанс на неудачу? Не забывай, у Скульптора с Императором отношения были далеки до идеальных. Более того, существует версия, что Башня убрала Кавалара с молчаливого одобрения Сокола».

«То есть, раз между ними пробежала кошка, Скульптор оставил лазейку для себя?»

«Вот именно!»

«Вот на что опирались Проклятые, когда шли к Корунну», – догадался я.

«Скульптор оставил черновики, где указывались основы плетений, способных связать Колос, при условии наличия крови кого-нибудь из Соколов. Эти бумаги были доступны некоторым Ходящим вплоть до Темного мятежа. Потом они пропали и нашлись у Митифы».

«Не сомневался в этом. И в чем же она ошиблась?»

«Вот уж не знаю, она ли. Усмирением Колоса заведовала Тальки. Ошибка была в ее плетении, хотя Проказа даже не сомневалась, что все делает правильно. Но я могу предположить, где она споткнулась», – я почувствовал ее усмешку и сказал:

«Давай, выкладывай».

Лук, между тем, продолжал доказывать справедливость своей позиции по поводу Колоса и недоуменно косился на меня из-за моего слишком долгого молчания. Я в ответ лишь пожал плечами и состроил скучающую физиономию. Дальнейший спор с ним мне был не интересен, в отличие от мысленного разговора с Лаэн.

«Митифе передала бумаги Гинора».

Я хохотнул, на этот раз вслух, и стражник вопросительно посмотрел на

меня. Пришлось заверить его, что с головой я все еще дружу.

«Твоя учительница подсунула Проказе пустышку»?

«Много хуже. Отправляясь к болотам Эрлики, она отдала неправильные расчеты и выкладки, к которым не смогла подкопаться даже Целительница. По ним она и достроила дом, который в итоге рухнул, утянув некоторых за собой».

Да уж. Вокруг Корунна теперь огромное кладбище, где сложили голову несколько десятков тысяч человек. Лей погиб, уцелевшие силы, которым отрезали бегство на запад, отступают на восток, преследуемые по пятам нашими частями.

«Но почему Гинора так поступила?»

«Наверное, по той же причине, что и инсценировала свою смерть. Смею думать, после того, как она разочаровалась в войне и тех способах, какими остальные преследовали свою цель – она решила их остановить. Знала, что когда-нибудь война повторится, и, возможно, Проклятые смогут дойти до столицы. Гинора не хотела того, что должно было случиться дальше».

«Уничтожение светлой „искры“?» – уточнил я.

«Да».

«Это очень весело».

«Весело?! Почему?» – удивилась Лаэн.

«По сути дела, страну спасла Проклятая».

Она ничего не ответила, видимо молча кивнув.

«Но Гинора ведь знала, как обезвредить Колос?»

«Верно».

«А тебе она сказала?»

Повисла странная тишина, и я различил едва слышный вздох:

«Нет, Нэсс. Она не говорила. Но я знаю. Ее память, та, что показывает мне плетения, не скрыла и это».

Я хмыкнул. Нар от нара не легче. Надеюсь, никто кроме нас ничего об этом не узнает. Иначе неприятностей мы не оберемся.

«То есть, если ты только захочешь и у тебя будет кровь... к примеру такая, как у милорда Рандо, Колос подчинится?»

«Полагаю, так. Но все это в теории, если Гинора не ошиблась и рассчитала верно. Если же нет – меня поджарит точно так же, как и Лея с его армией».

На этом наш разговор прервался. Впереди, за деревьями, блеснула река. Мы вышли к берегу, Лук, тащивший четыре фляги, стал наполнять их водой, кряхтя и отмахиваясь от привязавшегося к нему одинокого слепня.

Юми с интересом наблюдал за этим неравным боем, комментируя излюбленной «собакой» каждую попытку стражника прихлопнуть надоедливое насекомое.

Я сел на травку, расшнуровал высокие ботинки и с удовольствием вытянул ноги.

– Уп-уп-уп! Уп-уп-уп!

Скосив глаза, я разглядел на ветке пестрокрылую птицу с оранжевым хохолком. Хотел бы я быть таким же беззаботным, порхать по полям, вопить в свое удовольствие и ни о чем серьезном не думать.

Мы не знали, куда двигаться дальше. Армии Проклятых, раздробленные на несколько частей, отходили на восток, огибая озера с севера и намереваясь добраться до Лестницы Висельника раньше наших войск. Южан ждет большой сюрприз – те, кто уцелели под Брагун-Заном, не допустят ошибки прошлого и перекроют перевал, оказавшись наковальной, а те, кто идет от Корунна – станут молотом.

Митифе и Аленари придется попотеть, чтобы уцелеть. Но нам сейчас гнаться за армией южан – бесполезно. Если они двигаются северной кромкой озер, то мы все равно будем отстающими, даже попытавшись обойти их с юга. Проклятые оказались вне нашей досягаемости.

«Знаешь, я не нахожу себе места», – сказал я Лаэн.

«Оттого, что так и не добрался до Тихони?»

«Да. И не могу с этим смириться. Из-за козней лживой гадины ты едва не погибла. Меня просто тянет прикончить Корь. Иногда это желание так сильно, что оно меня самого пугает».

«Иногда приходится проигрывать и уступать провидению, Нэсс. На этот раз удача не на нашей стороне. Сейчас на Проклятых объявлена охота. Митифа сделает все, чтобы вырваться, она должна быть озлоблена и давно не так слаба, как после драки с Тиф. У тебя нет шансов. Никаких. Пусть Ходящие все сделают сами».

О да. Башня не забудет гибель Цейры Асани так просто и постарается отомстить даже Проклятым – чтобы другим было неповадно. Но лично я смертью Матери не опечалился нисколько. В былое время она крепко нас прижала, и прижала бы еще сильнее, будь у нее такая возможность. А теперь Ходящим придется поискать себе новую главу и, думаю, они отлично погрызутся друг с другом, прежде чем вручат новой Матери Синее пламя.

Шен, услышав о гибели Цейры Асани, ничего не сказал, и я так и не смог понять, расстроился он или нет. А вот Рона опечалилась. Она все еще продолжала считать себя Ходящей, несмотря ни на что.

Лук набрал первые две фляги, оттащил их поближе ко мне и пошел за новой порцией воды.

– Вот так, собака! – встревожено сказал Юми, встав в траве столбиком и посмотрев в сторону деревьев.

«Опасность, Нэсс!» – крикнула Лаэн.

Но я не успел сообразить, что к чему. Из-под ветвей вырвалось что-то алое, пролетело рядом со мной и с грохотом взорвалось возле реки, где только что стоял Лук, подняв вверх целый столб воды.

Я даже не стал пытаться выстрелить. От кромки деревьев приближались два некроманта. Один из них – тот, у кого на посохе было три позвонка, оказался ранен. На его грязной, местами порванной мантии засохла кровь, а лицо было бледно. Второй колдун выглядел моложе первого. На его хилссе я разглядел один позвонок.

– Снимай одежду. Живо! – приказал раненый.

Я оглянулся, подумав об одном – Юми, давно оставшийся без ядовитых колючек, скрылся и теперь, наверное, уже мчится за помощью.

От лагеря бегом до реки минки четыре, пять. В принципе, можно продержаться. Раз меня не убили сразу, то, значит, не убьют и еще какое-то время.

Белые слишком заметны в своих мантиях. Сейчас, после поражения под Корунном, они вполне разумно опасаются неприятностей, и лучший способ их избежать – найти менее приметную одежду и постараться затеряться среди населения.

Я, не спеша, расстегнул пуговицы на рубашке, медленно снял ее и едва успел взяться за ремень на штанах, как вокруг все вспыхнуло, загрохотало, раздались крики. Я проворно повалился ничком, пережидая бурю и будучи уверен, что победа окажется на нашей стороне.

Когда все стихло, я приподнял голову и увидел, что раненый колдун лежит мертвее мертвого, а второй, спутанный по рукам и ногам какими-то рдяными то ли змеями, то ли червяками, дергается в бесполезных попытках освободиться.

– Мы почувствовали всплеск, – сообщил Шен.

Рона все еще была в седле, а он, спрыгнув, склонился над мертвецом. С каким-то отстраненным удивлением я подумал, что совершенно забыл о лошадях. А Целитель с Ходящей – нет.

Из-за деревьев появились запыхавшиеся Га-нор с рыцарем, в сопровождении Юми.

– Где Лук? – резко спросил у меня северянин.

Я хотел сказать, что мне очень жаль, но в этот момент от реки

донеслось:

– Лопни твоя жаба! Да помогите же кто-нибудь, наконец!

Сын Ирбиса и милорд Рандо бросились на голос и выволокли Лука из воды. Мокрый, весь опутанный ряской, он был покрыт грязью и какой-то клейкой алой дрянью. Она тягучими «соплями» свисала со стражника, то и дело падая в траву.

– Думал сдохну, лопни твоя жаба! – мрачно сказал он, нехорошо поглядывая на связанного некроманта.

– Что это за гадость? – скривившись, спросил я.

От Лука разило так, что хоть падай и умирай.

– Тебе бы помыться, – задумчиво бросила ему она, спрыгивая на землю.

Тот, согласно ворча, вновь пошел к реке.

Милорд Рандо несколько раз взмахнул мечом и решительно направился к пленному колдуну. Все проводили рыцаря взглядами, но никто и не подумал остановить. Белый слишком опасен, чтобы дарить ему жизнь.

Молодой некромант несколько ун смотрел, как приближается его смерть, и внезапно взвизгнул:

– Отпустите! Я заплачу́!

Рандо вскинул клинок.

– Я скажу, где Госпожи! Они не там, где все думают!!

Мое сердце подпрыгнуло и ухнуло, когда я понял, кого он имеет в виду.

– Стой! – заорал я, но рыцарь и сам не спешил опускать меч.

«Кажется, удача нам все-таки сопутствует», – пробормотала Лаэн.

Я был склонен полностью с ней согласиться.

Глава 30

Альгу окружал туман. Такой густой и белый, что напоминал ей сметану. Хоть бери ложку да черпай, пока не насытишься. Девушка сидела на корточках, обхватив колени, и боялась шевельнуться. Маленькая мшистая кочка, островок среди безбрежной черной воды, приютивший Ходящую, была на удивление невелика. Любое неосторожное движение грозило падением.

Холод и сырость пробирали ее до костей. Она мелко дрожала и, не зная, что делать дальше. Выпускница Долины не помнила, как здесь оказалась, но точно знала, что выхода отсюда нет – плыть, не видя берега, бесполезно.

Туман висел так долго, что Альга устало закрыла глаза, а потому не могла заметить, как белая пелена начинает редеть. Она отступила от кочки вначале на ярд, потом – сразу на три, стала стремительно бледнеть, все больше и больше обнажая спокойную водную гладь.

До ушей Ходящей долетел тихий всплеск, и она открыла глаза. Спустя пять ун, он повторился и стал раздаваться с одинаковой периодичностью. Девушка встала, вгляделась в дымку и довольно скоро различила в ней темный силуэт. Изящная лодочка пронзила расплзающийся туман и, подгоняемая редкими взмахами весел, заскользила вперед с грацией лебедя.

Она остановилась напротив Альги, и та узнала толстую колдунью из Радужной долины. Ту, которую она убила. Ту, что приходила в снах.

Ходящая хотела ударить плетением, но почувствовала на руке знакомую тяжесть, увидела на своем запястье черный, похожий на скорпионий хвост, браслет. И тихо застонала от разочарования.

Облаченная в белую мантию старуха не спешила нападать. Колдунья пошевелилась, устало набросила мятый капюшон на редкие, выцветшие волосы.

– Остальное придется постичь самой. Мне больше нечему тебя научить, девочка.

Она взялась за весла, и лодка начала медленно удаляться в сторону вновь подступающего тумана. Пораженная, Альга следила за ней, не в состоянии вымолвить ни слова. Дар речи вернулся к ней, лишь когда Белая скрылась из виду.

– Нечему?! – вскричала ученица Галир. – Скажи, как снять это!!!

Она вскинула руку с браслетом. Но ответа не было. Всплески

постепенно отступали, становились все тише и тише, а затем и вовсе исчезли. Налетел туман, окружил, окутал, смял. Альга в отчаянье закричала, и вязкая стена насмешливо поглотила ее крик. В следующее мгновение девушка, не удержав равновесие, рухнула в ледяное, черное озеро забвения...

Альга проснулась в слезах и несколько долгих минок смотрела на едва видимые во мраке поперечные балки низкого потолка, стараясь забыть последние мгновения кошмара.

Где-то там, у крыши, большая паучиха свила сложную ловчую сеть и теперь терпеливо ждала жертву. Ходящая подумала, что она тоже угодила в вязкую, расставленную Проклятыми паутину, вырваться из которой нет никакой возможности.

Она накрепко застряла в полупрозрачных, серебряных нитях и чем сильнее начинала биться, тем сильнее запутывалась. Браслет, избавиться от которого оказалось невозможно, держал намертво, связывал, не давал пользоваться «искрой».

У нее не осталось ничего, кроме упрямства, гордости и желания сражаться до конца. Но и то, и другое, и третье в любой миг у нее могут отобрать, как это уже сделали с Митой. Скоро паучихе надоест наблюдать за бьющейся в силках жертвой, и она приползет прикончить ее.

С каждым днем в Альге зрела все большая уверенность, что нар, когда за ней придут, близок. Сейчас она нужна Аленари меньше всего. Обуза, от которой следует избавиться как можно скорее.

Ходящая не знала, почему за нее просил Лей, но не надо иметь много ума, чтобы понять, что Проклятая не будет держать слово. Особенно если тот, кто просил, уже мертв. Глупо надеяться, что ее вот так просто отпустят – Аленари свидетели не нужны.

Продвигалась она тайно, с маленьким отрядом, и без жалости уничтожала лишние глаза и уши. Альга видела, что случилось с теми небольшими лесными деревушками, которым не повезло попасть на путь Оспы.

Проклятая спешила. Она уже вошла в лес, являющийся природной границей между Империей и Морассией, протянувшейся почти на сотню лиг на с юга на север. Альга слышала беседу Иглы с Гритой – бежать оставалось два или три дня. А, значит, нары Ходящих сочтены. Проклятая не будет больше тянуть. Даже ради слова, данного погибшему Лею. Конечно, если оно для нее хоть что-то значило.

– Быть сильной. Сражаться до конца, – эти слова давно заменили

пленнице молитву.

Она резко села на вонючей соломе и вытерла тыльной стороной ладони мокрые от слез щеки. В сарае, где они с Митой проводили ночь, все еще было темно. Утро только-только начиналось, и бледный свет, сочащийся через маленькое окошко у крыши, едва давал возможность разглядеть ближайшую к Альге стену.

Весь прошлый вечер девушка потратила на то, чтобы отковырять от одного из бревен длинную острую щепку. Работа остановилась на половине, когда она сломала несколько ногтей и вогнала под них множество заноз. Теперь пальцы распухли и болели от любого прикосновения, но девушка упорно продолжала ковырять стенку, чувствуя, как по рукам течет кровь.

Она старалась не думать о боли, иногда поглядывала на свернувшуюся клубочком, беспокойно вертевшуюся во сне Миту, очень изменившуюся в день, когда проснулся Колос. Подруга перестала повторять, что они умрут, прекратила плакать и шарахаться от каждого шороха и взгляда. Замкнулась в себе, порой нарами не произносила и слова. Иногда ее разбирал беспричинный, зловещий смех, и тогда Альге становилось особенно жутко. Поэтому она почти перестала общаться с Митой и старалась держаться особняком.

Ходящая начала думать, что после случившегося под Корунном Мита сошла с ума. В этом не было ничего удивительного. Альга сама едва не чокнулась от страха, когда Колос ударил в основание холма, лишь чудом промахнувшись по ним. Казалось, ее облило горячим золотом. Она даже не поняла сперва, что это ее собственная «искра» едва не превратилась в солнце и не спалила ее дотла.

Творение Скульптора не только убивало воинов и выжигало носителей Дара, но и разрушало другие плетения, словно острый нож тонкую веревку. Никто и ничто не могло противостоять ему. Даже сила Проклятых.

Альга мало что запомнила в тот страшный нар, когда армии Проклятых перестали существовать. Ужасный луч ползал по земле, сжигая разбегающихся в ужасе людей, воздух выл и сгорал в багровом пламени вместе с живыми и мертвыми. Ослепшую, находящуюся на грани паники Ходящую тащил за шкурку ругающийся Игла. Ему помогала растерянная Грита.

После этого была долгая, утомительная скачка куда-то на юго-запад. Альга почувствовала, что на какое-то время после удара Колоса браслет потерял силу, но не смогла применить свой Дар. «Искра» до сих пор пребывала в ужасе и не отзывалась. Кавалар, кем бы он ни был при жизни,

создал совершенное разрушительное оружие.

Когда к вечеру в Альге вновь проснулся Дар – бороться стало поздно. Черный браслет налился силой и отрезал свою хозяйку от «искры».

Теперь единственным оружием Ходящей была злополучная щепка, поэтому девушка продолжила отдирать ее от старой бревенчатой стены.

Мита тихо вскрикнула во сне, а затем внезапно разразилась то ли смехом, то ли рыданиями. Альга посмотрела на нее с тревогой и осторожно подула на израненные пальцы. Они выглядели ужасно, и в некоторые моменты казалось, что даже боль, причиненная господином Дави, не идет ни в какое сравнение с тем, что она сейчас испытывает. Ходящая попыталась вытащить занозы зубами, но у нее ничего не получилось. Стало только хуже.

Она постаралась отключиться от боли и начала думать о приятном. Например о том, что ей удалось добыть себе оружие. Щепка была длинной, острой, похожей на стилет. И такой твердой, словно сделана из стали, а не из дерева. Девушка не отказала себе в приятном удовольствии помечтать, как вгоняет эту штуку одному из тюремщиков в ногу. Или, если повезет, в глаз.

Ходящая удивилась собственной кровожадности, но ничуть ее не испугалась. Эти люди заслуживали смерти. Альга даже не представляла, насколько сильно может ненавидеть своих тюремщиков. Их, владеющих темной «искрой», жестоких, идущих до конца, в том числе и по трупам невинных, порой и людьми-то назвать было сложно.

Девушка спрятала щепку в складках длинной юбки и принялась ждать рассвета. Спустя полнара проснулась Мита. Она вздрогнула, распахнула глаза, подозрительно уставилась на Альгу. Та выдержала взгляд, равнодушно привалившись к стене.

– Они лишили меня «искры» и хотят убить, – глухо сказала Мита, глядя на девушку из-под черных, нечесанных волос, упавших ей на лицо.

– Меня тоже, – напредила ей Альга.

Мита сосредоточенно кивнула:

– Никто не способен повелевать Колосом, кроме истинной крови Сокола! Какой свет, Альга! – Мита мечтательно закатила глаза. – Я чувствовала его разум в своей крови. Он слышал меня и говорил со мной. И из-за меня не посмел ударить по вершине холма, убить Проклятых. Как жаль!

На улице забрежал и тут же умолк пес. В оконце сочился свет, разгоняя мрак в помещении.

– Это было так прекрасно! Его золотые пальцы коснулись моей

«искры», – Мита с блаженным видом прикрыла глаза. – Он шептал мне, что все будет хорошо. Что защитит меня и покарает тех, кто причиняет мне зло. Ах, как бы я снова хотела услышать его голос, ощутить его тепло!

Альга подумала – какое счастье, что она не слышала никаких голосов. А то, что она испытала на своей шкуре, назвать «теплом» не повернулся бы язык. Бездна и та должна быть холоднее.

Во дворе вновь залаял пес, на него кто-то шикнул, и под окном раздались шаги. Альга вздрогнула, встала, прижимая правой рукой щепку к юбке. Мита, напротив, вжалась в стену, сгорбилась и притихла.

Вошел Кадир в потертой и неприглядной одежде имперского солдата. Лицо у колдуна было уставшим, осунувшимся и от него больше не пахло мускусом. Он мельком взглянул на сгорбившуюся Миту, презрительно усмехнулся и, в два шага оказавшись рядом с Альгой, вцепился правой рукой ей в шею.

– Давно мечтал это сделать, – жестоко прошипел он.

Некромант оказался непередаваемо силен. Он встряхнул ее как котенка и девушка выронила щепку, вцепилась изломанными ногтями врагу в лицо, стремясь дотянуться до глаз, но тот словно бы и не заметил этих жалких трепыханий.

И вдруг Мита, бросившись в ноги колдуна, дернула его на себя. Тот потерял равновесие и стальные пальцы разжались, выпустив Альгу. Пребывающий в ярости сдисец ударил Миту по лицу кулаком и швырнул в нее плетением.

От темной «искры» у Альги перехватило дух, но она, не теряя времени даром, подхватив с грязного пола щепку, с криком бросилась Кадиру на спину.

Ее удару позавидовали бы даже гийяны. Она нанесла его не думая, и деревянный стилет, войдя легко, словно раскаленная игла в мягкий воск, пронзил шею врага насквозь.

Девушка тут же выдернула свое оружие, не успев поразиться упругой алой струе, ударившей в воздух, соскользнула со спины некроманта. Тот, зажимая правой рукой рану, развернулся, посмотрел на нее выпученными от ярости, боли и удивления глазами и уже оседая на землю, сплел пальцы в узел.

Ходящая вновь почувствовала темную «искру», отшатнулась назад, споткнулась о тело погибшей Миты, упала на спину, и это спасло ее от повторения участи подруги. Серая хмарь прошла над ней, с грохотом разворотив стену.

Крыша, не удержавшись, сползла куда-то набок, внутрь упали балки

перекрытия. Одна из них едва не раздробила Альге ногу, другая похоронила под собой и без того уже мертвого колдуна. В воздух взметнулась едкая пыль, и девушка, чихая и кашляя, поползла на четвереньках прочь – туда, где ее ждала свобода.

Глава 31

На траве выступили тусклые, ледяные бусины росы. Они впитывались в одежду и холодили кожу. Я скосил глаза, посмотрел на Рону, притаившуюся в зарослях папоротника. Девушка мерзла, прислонившись спиной к могучему грабу, но стоически терпела неудобства, почти не двигаясь.

Сквозь ветви над моей головой было видно небо. Оно медленно расцветало, становясь болезненно бледным, словно брюхо речной рыбы. На хуторе тихо и как-то неуверенно подал голос петух. И вновь наступила тишина, лишь ветер перепрыгивал с кроны на крону бесконечного леса.

Мы продвигались по нему уже пятый день, лишь благодаря Юми и мастерству северянина находя тропы, по которым прошли Аленари и Митифа. Проклятые решили обвести всех вокруг пальца, и им это вполне удалось.

Пока разрозненные отряды разбитых под Корунном армий в панике бежали к Лестнице Висельника, где у набаторцев еще оставались силы, Корь и Оспа, понимая, что все потеряно, отправились совсем в другом направлении.

Избранный, решивший, что достаточно послужил Проклятым и теперь пора позаботиться о себе, знал, куда так стремятся Аленари и Митифа, и никто из нашего отряда не колебался, как поступить. Мы повернули на юг, а затем на запад, к Нейтральной полосе, и гнались за ускользящими отступницами уже вторую неделю. Положа руку на сердце, мало кто из нас верил, что их можно догнать. Но хотя бы попытаться сделать это – стоило.

Добравшись до леса, мы потеряли сутки, путешествуя вдоль его кромки, чтобы найти нужную тропу. Помогла одна из деревень, точнее то, что от нее осталось – пепелище и мертвецы. Проклятые шли по земле, словно выходцы из Бездны, уничтожая на своем пути все живое.

Еще дважды разоренные поселки указывали нам, что мы движемся в правильном направлении. И нынешней ночью отряду все-таки удалось нагнать Митифу и Аленари. Теперь следовало сделать то, о чем раньше мы лишь говорили – убить их. Однако гораздо проще желать уничтожить Проклятых, чем сделать это. Даже при условии, что у меня есть две стрелы и «Гаситель Дара».

Действовать нахрапом здесь бессмысленно. Поэтому мы решили не лезть на рожон, наблюдать и ждать подходящего случая.

Хутор был совсем небольшим – пять домов, окруженных кривыми, поставленными наспех заборами, да с десятков сараев и курятников. Мы лежали ярдах в сорока от поселения, на краю леса. С моего места был виден один из домов, два сарая и узкая лесная дорога, уводящая на запад.

Еще в темноте Га-нор обошел хутор и обнаружил тропу, тянущуюся вдоль ручья до большой вырубki, а затем ныряющую в чащу. На ней устроили засаду Лук, Шен и милорд Рандо, на случай, если враги выберут другой путь, и я упустих их отход.

Сухо забрежал пес, и я порадовался, что ветер дует не от нас. Не хотелось бы встревожить собак.

– Ты решился? – спросила у меня Рона.

Я отрицательно покачал головой:

– Нет. Стрелять наобум не буду. Ты можешь поставить ловушку на их пути?

– К сожалению, не смогу. Мне нельзя касаться «искры». Проклятые слишком близко. Они почувствуют, если кто-то рядом начнет плести.

Уже почти рассвело, но на хуторе ничего не происходило. Никто не спешил отправляться в путь спозаранку.

– Вот так, собака, – шепотом сказал Юми, вылезая из зарослей дикого шиповника.

Следом за ним бесшумным призраком появился ходивший на разведку Га-нор:

– Они там. Если судить по лошадям – четырнадцать человек. Я видел нескольких воинов и Белого. Но, клянусь Угом, некромант там не один.

– Юми, иди к милорду Рандо, – попросил я. – Следи за тропой.

Он чирикнул и скрылся за деревьями, проворный, точно белка.

«Почему бы Колосу не избавить нас от массы проблем и не прибить Оспу с Корью?» – раздраженно сказал я Лаэн.

«Колос не всемогущ. Не то, что те артефакты, что были до него».

«Ты о чем?» – спросил я, поглядывая на хутор.

«Гинора говорила, что Колос нельзя назвать полноценным творением Скульптора. Будто бы Кавалар взял идею его создания в древних книгах, написанных еще до Раскола. Колос – бледное подобие того, что уничтожило Западный материк. Смотри! Белый!»

– Колдун, – одновременно с Лаэн произнесла Рона.

Я глянул на идущего вдоль забора мужчину в драном мундире имперской тяжелой пехоты. Он ничем не напоминал некроманта. При нем даже посоха не было.

Вновь загавкал пес, человек шикнул на него и, отворив дверь, вошел в сарай.

Га-нор нахмурился. Мы втроем напряженно следили за распахнутой дверью.

Примерно ун двадцать ничего не происходило, а затем Рона встревоженно произнесла:

– Он воспользовался Даром!

– Зачем? – северянин нахмурился еще сильнее.

– Не знаю.

Она подобралась, словно кошка, готовая броситься на собаку, и, прищулив глаза, следила за зданием, едва ли не дрожа от напряжения.

Развязка наступила через пятнадцать ун. Неожиданно глухо грохнуло, с сарая сорвало крышу, словно над ним пролетел ураган, и в одной из стен появилась широкая брешь. В небо взметнулся столб сероватой пыли.

– Клянусь Угом, это всех переполошит! – прорычал сын Ирбиса.

Из разрушенного сарая, сгибаясь в три погибели, появилась длинноволосая девушка в порядком истрепанном платье. Я толком не успел ее рассмотреть, но тут Рона ахнула:

– Спаси меня Мелот! Это же Альга!

Она рванулась вперед, но я вовремя схватил ее за плечо:

– Куда?!

Ходящая рванулась:

– Пусти! Там Альга! Моя сестра!

У нее были такие глаза, что я разжал пальцы, и Рона бросилась из-под прикрытия деревьев к поселку. Не знаю, как здесь могла очутиться ее сестра, но думать об этом не было времени. Альга, между тем, метнулась в другую сторону, через хутор, к лесу, где сидела вторая половина нашего отряда.

Пришлось бежать следом.

Га-нор, впервые на моей памяти, не сдерживаясь ругался самыми грязными словами. И было от чего сквернословить – маленький хуторок начинал напоминать растревоженное осиное гнездо. Осы пока еще не поняли, что к чему, но это – вопрос одной минки.

Какая-то девица, появившись из-за плетня, не замечая нас, собрала из воздуха ледяное копье и швырнула в сестрицу Ходящей. Но та вовремя юркнула за дом, и кристаллы льда посекали стены и выскочившего из дверей мужика.

Рона зарычала и атаковала колдунью, отвлекая ее внимание от девчонки на себя. Замерцали бледные щиты, засверкали плетения.

«Еще одна! Нэсс, скажи ей, что справа еще одна!» – предупредила меня Лаэн.

– Справа еще одна, Рона! – крикнул я.

Какая-то старушенция с хилссом, количество позвонков которого я не успел сосчитать, едва нас не угробила, но Ходящая вовремя получила предупреждение. Мы оказались в пузыре с толстенными стенками, спасшими от первого удара.

– Вместе, Грита! – каркнула старая ведьма.

Не знаю, что должно было случиться, но тут с другого конца деревни подоспели Шен, Лук и милорд Рандо.

Целитель сцепился с отвлекшейся от Роны каргой, а Ходящая продолжила схватку с девицей, крикнув мне:

– Найди ее, Нэсс! Слышишь?! Найди!

– Га-нор, прикрывай Рону! – крикнул я. Из-за домов на нас выскочил отряд врагов. Набаторцев было человек восемь, к Ходящей бросились двое, остальные направились к отряду Шена.

Я уложил четырех противников, расстреляв их с безопасного расстояния и, боясь зацепить своих, опустил лук.

Роне все-таки удалось прикончить сдису, и теперь она вступила в схватку с противницей Шена. Старуха была не чета девчонке и пока, казалось, без особого напряжения отражала атаки сразу двух носителей «искры».

Я, помня о том, что где-то рядом должны быть Митифа и Аленари, и удивляясь, что они до сих пор не вступили в игру, побежал к другому краю хутора, туда, где в последний раз видел сестру Роны. И здесь нос к носу столкнулся с круглолицым парнем в выпущенной из порток крестьянской рубахе.

Я едва не пропустил удар ножом в солнечное сплетение. Второй клинок он держал обратным хватом и постарался достать меня на обратном движении. Я парировал его руку луком, выбив из нее оружие, ткнул кулаком в лицо, но этот «простак» ловко откатился в сторону, вскочил и вытащил из сапога еще один нож взамен утраченного.

Он оказался хорошим бойцом. Чувствовалась серьезная школа. Его не смущал мой лук, который я сейчас использовал, как боевой посох. Парень вертелся угрем на коротких, крайне опасных для меня дистанциях, не давая мне возможности воспользоваться своим оружием в полную силу.

Он умудрился перерезать тетиву. К тому же я заработал глубокий порез на внешней стороне правого предплечья. Затем повезло мне, и я, словно дубиной, разбил ему «плечом» лука лицо, а вторым концом подсек

ноги и дал по голове еще раз, чтобы он не дергался. Все остальное было делом нескольких мгновений.

Когда я поднял взгляд от его тела и посмотрел в сторону леса, то увидел женщину в черном платье. Она быстро шла по тропе прочь от поселка в сопровождении знакомого мне по Радужной долине зверя.

Я ничего не смог сделать – тетивы на луке не было. Пока я натягивал новую, Аленари скрылась за деревьями прежде, чем я успел вытащить из колчана стрелу.

– Забери тебя Бездна! – выругался я, бросаясь следом за Оспой.

«Ты забыл о девушке», – напомнила мне Лаэн.

«Разве Проклятая не важнее»? – спросил я, на ходу затягивая порез сорванным с шеи платком.

«Аленари – не Митифа. Мы ищем Корь», – напомнила она мне.

Лаэн была права. К тому же Рона попросила меня о помощи, и я не могу от этого отмахнуться. Мне надо найти Альгу, пока ее кто-нибудь не прикончил. Палачу Зеркал придется подождать.

Я бросился по следам девчонки. За спиной грохотала магия. Рона и Шен продолжали сражаться.

Темные «искры» вспыхивали повсеместно. Альга чувствовала бесконечные обращения к Дару и слышала несмолкаемый грохот и надсадный вой. За ее спиной кипела серьезная битва, и девушке оставалось лишь гадать, что там происходит, и кто с кем сцепился. Колдуны явно не поделили что-то серьезное, раз устроили драку между собой.

Ходящая была не против, если все они сдохнут точно так же, как и Кадир. Туда им и дорога. В Бездне хватит места для каждого носителя тьмы.

Девушка бежала сломя голову, не разбирая дороги, разумно полагая, что сейчас всем должно быть не до нее.

Лес, яркий, светлый, уютный, родной и дружелюбный, казалось, приветствовал ее. Альга несколько раз меняла направление и не останавливалась до тех пор, пока вокруг не наступила тишина. Солнце било сквозь изумрудную завесу, освещая заросшую молодым папоротником тропку, ведущую в неглубокую ложбину.

– Надо идти. Нельзя останавливаться, – сказала самой себе Альга и направилась по дорожке, то и дело озираясь по сторонам.

Ей было ужасно жаль погибшую Миту. Подруга, от которой она никак не ожидала помощи, спасла ей жизнь, но потеряла свою. Знать, что из-за тебя кто-то умер, было так невыносимо, что Ходящая с трудом сдержала

слезы. В смерти Миты была виновата исключительно она.

Альга спустилась в ложбину, где тек вялый ручей, плоские камни возле которого поросли мхом. Земля была мягкой, влажной, и следы девушки быстро заполнялись водой. Тропка поворачивала до тех пор, пока девушка не потеряла всяческое представление о направлении, а затем растворилась в кустарнике. Ей пришлось идти через лес, и через какое-то время она поняла, что окончательно заблудилась.

Ходящая узнала знакомый ручеек, камни, увидела свои оплывшие следы на сырой земле и разочарованно застонала. Она бегала по кругу! Вместо того, чтобы удаляться от хутора, находилась все еще слишком близко от него!

Альга не стала задерживаться и корить себя за ошибку. Это можно сделать и позже. Сейчас главное – скрыться. Поэтому девушка выбрала новое направление, показавшееся ей самым безопасным, и быстро пошла вперед. Прошло около пяти минок, когда за спиной она услышала тихое, угрожающее рычание и поспешно обернулась, а затем сделала шаг назад.

Принадлежащий Аленари зверь стоял на противоположном краю небольшой лесной прогалины. Он низко опустил голову, поднял верхнюю губу, показав страшные, ослепительно-белые зубы. В горле уйга клокотало.

Альга затравленно огляделась, ища спасения, но тут же поняла, что далеко ей не убежать. Поблизости не было ни одного дерева, на которое удалось бы забраться. Не спуская глаз с твари, девушка продолжила пятиться назад.

Она даже не успела удивиться или испугаться, когда на тропу из подлеска, с треском ломая кусты, выскочил вооруженный мечом широкоплечий молодой мужчина. На его висках она увидела такие же серебряные волосы, как у Миты и Оспы.

– За меня! – рявкнул он ей и повернулся к зверю, выставив перед собой клинок.

Уйг зарычал громче и начал меняться. Он вспыхнул, словно звезда, стал в два раза больше прежнего и обернулся синим сгустком пламени, в котором с трудом можно было различить страшную пасть, длинный крысиный хвост, выпученные белесые глаза и мощные когтистые лапы.

Альга взвизгнула, воин выругался, но не дрогнул:

– Что бы ни случилось, держись у меня за спиной!

Синий метеор, источая мертвенно-бледный свет, налетел на мужчину и с воем отскочил в сторону, когда меч ударил по нему. Незнакомец хладнокровно крутанул длинный клинок вокруг запястья, сбрасывая с потемневшего лезвия голубое пламя, и вновь застыл в защитной стойке,

внимательно следя за противником.

Зверь напал снова, Альга зажмурилась от яркой вспышки, когда металл встретился с плотью. Тварь опять оказалась отброшена и стала медленно кружить вокруг людей, выискивая брешь.

Уйг попытался схватить человека за ногу, но тот вновь отогнал зверя.

– Отступаем к деревьям, – сказал незнакомец. – Попробуй залезть наверх. Я его задержу.

Ходящая кивнула, даже не сообразив, что он, занятый схваткой, не видит ее.

«Пес» Аленари прижался к земле, готовясь к прыжку. Но неизвестный воин опередил его, швырнув кинжал в холодное пламя. И пока тварь выла, пытаясь вытащить из бока стальную иглу, схватил Альгу за руку и побежал прочь.

– Быстрее!

Метеор догнал их и налетел, словно вихрь. Мужчина бросился в сторону, увлекая за собой девушку. Альга почувствовала, что где-то рядом коснулись «искры», и крикнула, но было уже слишком поздно.

Из-за стены деревьев вылетел ослепительный по своей силе, похожий на копье, луч чистейшего белого света. Он ударил в бок уйга, развоплотив существо в клочья бледного синего тумана, быстро исчезающего в воздухе.

Альга увидела, как из-за деревьев появился колдун, но воин, вместо того, чтобы сражаться с ним, прикрыл глаза рукой, облаченной в перчатку, и сказал:

– Клянусь Соколом, Целитель! Я едва не ослеп!

– Буду считать, что ты сказал спасибо, милорд, – улыбнулся незнакомый некромант.

Альга ошеломленно переводила взгляд с одного на другого. Судя по всему, они были знакомы. Она внимательнее присмотрелась к темному и была поражена, узнав в нем ученика погибшей Цейры Асани. Шен очень изменился с тех пор, как она видела его последний раз в Радужной долине, но, без сомнения, это был он. Хотя его «искра» оказалась далеко не так светла, как прежде.

Ходящая не знала, как это возможно, но сейчас перед ней был враг. Такой же, как Кадир, такой же, как Проклятая.

Девушка затравленно посмотрела на воина, поняла, что тот не станет защищать ее от предателя, что они заодно, и начала отступать. Но Шен, словно бы и не заметив этого, с улыбкой подошел к ней:

– Здравствуй, Альга. Помнишь меня? Мы встречались в Долине.

Она неохотно кивнула, ожидая от него любого подвоха. Целитель

нахмурился, переводя взгляд на ее правое запястье:

– Это он тебя блокирует?!

– Да, – тихо ответила девушка.

– Дай посмотрю.

Она протянула руку, уже совершенно не понимая, что происходит. Ловкие пальцы некроманта пробежали по черным сегментам, и голубые глаза потемнели, став холодными.

– Он на плетении. Это займет какое-то время.

Воин, которого Целитель назвал милордом, тем временем хмуро смотрел на изумрудное полотно леса, словно ожидая, что оттуда выскочит еще десятков уйгов.

– Поторопись. Здесь небезопасно.

Шен применил какое-то незнакомое Альге плетение, и она едва не отшатнулась, вновь ощутив густую, черную тьму в его «искре». Замок щелкнул, браслет ослаб, и Целитель, не скрывая своего отвращения, бросил артефакт на землю.

Ходящая задохнулась от восторга, когда ее «искра» вспыхнула, и девушку затопило тепло. Она уже начала забывать, как это прекрасно – касаться Дара. На нее нахлынуло такое счастье, что на несколько кратких, почти неуловимых мгновений, она ощутила всю радость жизни.

– Проклятье!

Она вернулась на землю, увидев, как отшатнулся воин с мечом. С браслетом, так долго сковавшим ее запястье, происходили изменения. У него появились ноги, клешни и суставчатый хвост. Шен, не раздумывая, швырнул в стального скорпиона зеленый сгусток, и Альга едва сдержалась, чтобы не ударить по Целителю плетением.

Сначала девушка все-таки хотела разобраться, почему они решили ей помочь.

Скорпион перевернулся на спину, засучил лапками, ударил хвостом, а затем вновь оказался на животе и целеустремленно бросился к Альге. Она сохранила хладнокровие, набросила на него сеть и выжгла. Но тварь даже не дрогнула.

– На него не действуют плетения. Ни твои, ни мои! – буркнул Шен, страхивая с пальцев изумрудные искры и делая шаг назад.

Ходящая повторила его движение. И в этот момент к «насекомому» подскочил воин с мечом. Клинок разрубил металлический панцирь, тварь закрипела, забилась в судорогах, и мужчина раздавил ее остатки сапогами.

– Что это было? – спросил он у Шена, когда все было кончено, и на земле остались лишь сплюснутые металлические пластинки.

– Не знаю, – сказал Целитель, с настороженным интересом изучая обломки. – Возможно, Рона сможет нам что-нибудь объяснить.

Услышав имя погибшей сестры, Альга вздрогнула. И, щедро зачерпнув жар пробужденной «искры», бросила в чужаков плетение.

Ощущения от леса были неприятные. Он казался настороженным – застывшим в ожидании скорых неприятностей, словно к его границам подошла большая артель лесорубов. Я крался по краю тропы, стараясь не выходить на открытые и светлые участки, слушал резкие крики редких перепуганных птиц и поглядывал на следы.

Девчонка оказалась проворной и успела вволю набегаться. Судя по всему, она неслась, ни о чем не думая, словно перепуганный заяц, пытающийся оторваться от охотничьей своры, и в итоге наломала дров. Ее мотало, как лист на ветру, без всякого направления и цели. Сестра Роны заплутала, пошла по кругу, вернулась на тот же участок, к ручью, покрутилась на месте, и пошла обратно к хутору.

Я поспешил следом.

– Вот так, собака!

Впереди вынырнул из травы Юми. За ним бежала запыхавшаяся Рона.

– Ну, что? – спросила она у меня.

– Не нашел. Как в поселке?

– С ведьмой мы справились.

– А Проклятые?

– И след простыл. «Искра» там! – она указала на запад.

– Хорошо. Идем. Но осторожно. Следы твоей сестры ведут как раз туда.

– Вот так, собака!

Вейя понесся первым, а мы поспешили следом за ним.

– Там, кажется, идет бой, – через несколько минок сказала Ходящая. Какая-то гибкая ветка хлестанула ее по лицу, оставив на левой щеке красную полосу, и Рона прижала ладонь к пылающей коже. – Да! Светлая «искра»! Там Альга!

– Послушай, ты уверена, что это твоя сестра? – спросил я, перепрыгивая через поваленный ствол и уже начиная подумывать о том, чтобы оставить тяжеленный лук где-нибудь здесь. – Ты не ошиблась?

– Нет. Это она.

– Но что она делает тут? С Проклятыми?

– Узнаем об этом позже, как только найдем ее и уберемся подальше.

Мы выскочили на узкую звериную тропку и почти сразу же увидели

Шена и милорда Рандо.

Рыцарь стоял, немного покачиваясь и держась за голову обеими руками. Его меч лежал в траве. Шен тихо ругался сквозь зубы.

– Ну, у тебя и сестренка, скажу я тебе, – простонал Целитель, обращаясь к Роне. – Она словно озверела.

– Что здесь произошло?! Где Альга?!

– Только что я видел ее живой и здоровой. Мы вытащили ее из пасти уйга, а она приложила нас чем-то очень тяжелым. Бездна! До сих пор в глазах двоится.

«Скажи, что ему повезло, – подала голос Лаэн. – Она могла их убить. Шен до сих пор забывает про свою новую „искру“. Для любой Ходящей это хуже, чем красная тряпка для быка».

– Не надо мне было снимать с нее тот артефакт, пока мы все не объясним, – пробормотал Целитель.

Милорд Рандо коротко пересказал, что произошло, и Рона решительно заявила:

– Я найду ее и все расскажу. Меня она выслушает.

Я хотел спросить, где Га-нор с Луком, но девушка, ни на уну не задерживаясь, устремилась прочь, и мне пришлось броситься следом за ней.

Юми вел Ходящую вперед, уткнувшись носом в мох. Мы ломились сквозь подлесок, словно стадо неуклюжих лосей. Потом залезли в непролазный ельник и минок через шесть наткнулись на раздваивающийся след.

Я опустился на корточки, изучая отпечатки туфель и сапог. Первые, вне всякого сомнения, остались от обуви Альги. Вторые могли принадлежать только одной из Проклятых. Я сказал об этом Роне.

– Она пошла за Альгой? – голос Ходящей прозвучал неожиданно спокойно, но лицо сильно побледнело.

– Нет, – я покачал головой. – Колдунья прошла здесь раньше. Видишь? Твоя сестра наступила на ее след. Дальше их дороги расходятся. Проклятая направилась влево, а Альга много правее. Вон к тем елям.

– Думаю, нам надо разделиться, – решила Рона. – Я смогу найти сестру сама, с помощью Юми.

– Вот так, собака, – подтвердил вейя.

– Ты уверена, что это нужно делать? – я не хотел оставлять ее одну.

– Да, – решительно кивнула Ходящая. – Если есть хотя бы малый шанс убить одну из них, ты должен им воспользоваться.

В душе царило полное смятение. Альга чувствовала вину за то, что сделала, и утешала себя только тем, что всего лишь оглушила мужчин. У нее не поднялась рука убить тех, кто спас ее, пускай они и ввали про Рону, чтобы она поверила им.

Беглянке, забравшейся в густой ельник, чтобы пройти дальше, то и дело приходилось отводить в сторону тяжелые, колючие, заросшие темно-зелеными пахучими иглами еловые лапы.

В какую-то уну ей послышалось, будто за ней кто-то идет, и девушка прыгнула в сторону, проворно юркнув под надежную защиту нижних ветвей. Спустя четверть минки мимо прошел человек, и Альга узнала господина Ка. Он не заметил ее. Ходящая на всякий случай выждала несколько минок, опасаясь, что это какая-то хитрость, и лишь потом бросилась в противоположную сторону.

Она споткнулась, не удержала равновесие, упала в траву полную алой, душистой земляники. Тут же вскочила. И услышала крик:

– Альга! Стой! Альга!

Вздрагнув, она посмотрела на бегущую к ней девушку и отшатнулась, закрыв рот руками.

Ходящая с ужасом смотрела на собственную сестру. У этой была другая прическа, волосы короче тех, что помнила Альга, и мужская одежда.

Девушке показалось, что она сходит с ума. Мертвые не могут воскреснуть. Если только за ними не стоят некроманты.

Ходящая прищурилась, ощутила в той, кто была так похожа на сестру, темную «искру», и весь ее страх, все сомнения, вся нерешительность исчезли, сменившись лютой яростью. Кем бы ни была эта незнакомка, ей не следовало принимать образ Роны!

Меж рук разозленной девушки появился большой, похожий на человеческий глаз, низко гудящий шар.

– Не подходи! – крикнула она, понимая, что не может швырнуть плетение в колдунью, так похожую на ее сестру. – Не подходи!

Лже-Рона замедлила шаги, а затем и вовсе остановилась, недоуменно нахмурившись:

– Альга. Это я. Рона. Что с тобой?!

– Не смей произносить имя моей сестры, темная!

Та огорченно покачала головой и сделала маленький шажок в сторону Ходящей:

– Это я. Дай мне объяснить. Выслушай!

– Нет! Не буду! Не буду слушать! Замолчи! Ты – наваждение!

Та в ответ осторожно подняла руки:

– Успокойся, пожалуйста. У меня нет оружия. Я не причиню тебе вреда.

Она не касалась «искры», но Альгу это ничуть не успокоило. Ее была крупная дрожь.

– Я понимаю, что ты испытываешь, увидев «искру». Я и сама не рада тьме в ней. Но она ничего не изменила во мне. Я – Рона. Твоя старшая сестра. У нас один отец, и я знаю тебя, сколько себя помню. Мы вместе жили в Корунне, а затем учились в Радужной долине. Я скорее убью себя, чем причиню тебе вред.

По щеке Альги скатилась одинокая слезинка.

– Не подходи, – едва слышно прошептала она и почти умоляюще закончила. – Пожалуйста.

Теперь их разделяло всего несколько шагов, шар в руках младшей сестры гудел рассерженно и гневно, от него пахло грозovým ветром.

– Спроси у меня, что угодно. Спроси то, что знали только ты и я.

Под ногой Роны оглушительно хрустнула ветка, и Альга, вздрогнув от неожиданности, атаковала. Шар, взвизгнув, вырвался из ее ладоней и с грохотом врезался в плотный, угольно-черный щит. Девушек отбросило друг от друга. Альга больно ударилась, в кровь разодрав ладони, и тут же бросилась прочь, подальше от создания Проклятой, так сильно похожего на ее сестру.

До моих ушей долетел ослабленный расстоянием грохот. Он спугнул с ветвей птицу и она, захлопав крыльями, улетела. Я проводил ее взглядом, гадая, кто мог применить Дар и против кого.

«Рона и Альга, – сказала мне Лаэн. – Плетение девочки я узнала. А у ее сестры единственная светлая „искра“ на ближайшие лиги».

«Они живы»?

«Надеюсь, что да», – в ее голосе мне послышалась тревога.

Я проворчал что-то невнятное. Если младшая сестренка напугана новыми способностями Целителя и Роны, то она способна выкинуть любую глупость. Ходящие очень болезненно реагируют, если рядом с ними находится кто-то, умеющий создавать темные плетения.

«Шен сделал глупость. Не стоило спешить с освобождением ее Дара», – буркнул я.

«Думаю, у Роны получится ее убедить», – примиряюще сказала Ласка.

Я сел на одно колено, разглаживая траву и недоуменно хмурясь. Еще следы! На этот раз, судя по размеру – мужские. Человек двигался в том же направлении, что и мы с Проклятой. Я стал осторожнее, сбавил темп,

пошел параллельно предполагаемому направлению и довольно скоро увидел незнакомца.

Он оказался высоченным, широкоплечим и очень массивным. Светлые волосы, густая борода, суровое лицо. За спину у него была перекинута сумка, на поясе висел длинный кинжал.

«Осторожнее! У него темная „искра“», – предупредила Лаэн.

Ну, что же. Мне не в первой убивать таких, как он. Я обогнал его, нашел удобную для выстрела позицию, остановился за орешником и, наложив стрелу на тетиву, стал ждать.

Когда он появился на тропе, я приготовился, выбрав для себя ориентир – ствол ближайшего клена. Как только некромант минует его, можно стрелять. Но внезапно Белый сделал шаг в сторону и скрылся за деревом. Я повел луком следом за ним, однако, вопреки моему ожиданию, с другой стороны тропы колдун не появился.

Забери меня Бездна! Я счел себя самым умным, а между тем он с легкостью меня вычислил! Я тут же сменил позицию, переместившись на пятьдесят ярдов в сторону и пытаюсь зайти в тыл к врагу, отрезав от тропы.

Но и это оказалось бесполезно.

Он исчез, словно растворившись в воздухе.

«Берегись. Он рядом. Я чувствую „искру“».

«Можешь указать, где?» – я вглядывался в зеленую листву, силясь рассмотреть противника.

«Нет. Не могу. Не успеваю... Он все время перемещается. Очень стремительно...»

Я остался хладнокровен, понимая, паникой делу не поможешь. Удивительно, что этот тип не использовал на мне какой-нибудь фокус из своего смертельного арсенала. Думаю, он без труда мог прихлопнуть меня точно муху. А вместо этого решил поиграть в прятки.

Внезапно Лаэн заговорила быстро-быстро, глотая окончания слов:

«Нэсс, у нас проблемы! Оставь его! Уходи отсюда! Сейчас! Этот тип тебя прикончит!»

Я мгновенно ее послушался и минки четыре занимался тем, что во весь дух неся прочь от злополучной тропки, где из охотника чуть не превратился в добычу.

«Кто он»? – я дышал, словно загнанный зверь.

Бегать по пересеченной местности с тяжелым боевым луком еще то удовольствие. Почти то же самое, что таскать блазга у себя на закорках.

«Он Белый. Некромант. Но уже не человек. Проклятые называют таких Верными. Они их ищейки и первые из слуг».

«Как ты поняла, кто он такой»?

«Не я. Память Гиноры. Берегись!»

Чужак появился из разреженного воздуха прямо передо мной, ударил в грудь, и я отправился в полет, закончившийся на другом конце поляны. Парень возомнил себя кошкой, а меня – мышонком, с которой можно весело поиграть. Он ошибся. Я – уж точно не мышка. Скорее крыса. А крысы, как известно, имеют свое мнение об играх с кошачьим родом.

Некромант вряд ли ожидал, что я так быстро приду в себя после удара. Ну, что же, не только он один полон больших сюрпризов. Я выстрелил с земли, всадив стрелу ему в бедро и едва не порвав себе связки на руках, когда натягивал тетиву.

Он зарычал, одним движением сломал древко и, увидев, что я уже на ногах, внезапно ускорился, превратившись в размытый силуэт. Я сосредоточенно опустошал колчан:

– Свинка-свинка, где ты бродишь...

Стрела пролетела много дальше цели, и я взял новое упреждение.

– Свинка-свинка...

Вновь мимо.

– Где ты ходишь...

Третья прошла в опасной близости от серого вихря, в последний момент изменившего направление.

– Поскорей беги к кормушке, отрубей там... до макушки...

Я мог бы собой гордиться. Пять стрел из такого лука за столь короткий отрезок времени – достижение неординарное. Впрочем, когда на тебя несется такое, поневоле начнешь пошевеливаться и делать то, что казалось невозможным в обычной жизни.

Пятой я его все-таки достал, что и не мудрено – стрелять пришлось практически в упор.

Вот тут шутки кончились. Он взревел, мгновенно преобразился, превратившись в нечто черное, хищное, похожее на пантеру. Лаэн закричала, он навис надо мной, с яростью вырвал из моих рук лук, переломил толстенный брус, словно тонкую сухую палочку.

Наверное, я очень разозлил этого урода тем, что смог дважды продырявить его нежную шкурку. Удар когтистой лапы должен был оторвать мне голову, но я вовремя пригнулся, крутанул на пятках и взвыл, когда когти, казалось, вырвали у меня из спины кусок мяса.

Колдун опрокинул меня на землю, навалился сверху, намереваясь прикончить и... сдох сам. Мой «Гаситель Дара» по рукоять вошел ему под подбородок.

Как я уже говорил – у крыс есть собственное мнение на счет игр, которые следует вести с кошками.

Альга вышла к широкой реке, сжатой с двух сторон дремучим лесом. Берега были высокие, обрывистые, песчаные. В них селились ласточки, сейчас во множестве носившиеся над самой водой.

Девушка ощутила всплеск темной «искры», услышала душераздирающий крик боли. Этот голос она узнала бы из тысячи. Кричала Рона.

– Это ловушка, – попыталась убедить себя Ходящая. – Я должна быть сильной. Не поддаваться...

Но на этот раз «молитва» не сработала. Альга понимала, что поступает неправильно, но когда лес огласил новый крик, страшнее предыдущего, решительно направилась в сторону, откуда он раздавался. Пусть все ложь, пусть эта девушка всего лишь похожа на ее сестру, пусть в ней темная «искра», но если Альга сейчас уйдет, то никогда себя не простит. Крики Роны будут преследовать ее до конца жизни.

Ходящая направилась вдоль речного берега, словно во сне миновала рощу молодых кленов и остановилась на ее границе. Впереди была большая, заросшая желтыми лютиками и залитая теплым солнечным светом поляна.

Рона висела над землей, зажата в узкую, тесную клетку. Черные, влажно поблескивающие прутья пульсировали, словно сосуды какого-то чудовища. С них на землю капала слизь.

Зрелище было таким отвратительным, что Альгу едва не стошнило. Рядом с пленницей стояла Аленари, повернув к ней прекрасный холодный лик маски.

– Лучше убей меня, гадина! – крикнула Рона.

Клетка тут же съежилась, и девушка взвыла так, что у прятавшейся Ходящей сжалось сердце. Это никак не могло быть иллюзией. Сейчас Альга почти поверила, что перед ней ее сестра, хоть это и было невозможно. И не потому, что так сказала Проклятая, а из-за темной «искры». Рона, которую она знала, никогда бы не предала Башню. Могла ли она настолько измениться?

– Через несколько минок. Не раньше. А пока ты все-таки ответишь на мои вопросы. Кто ты? Почему я тебя не знаю? Кто учил тебя темному Дару? Сколько вас еще? Что вы здесь делаете?

Рона, стараясь не касаться прутьев, плюнула в Оспу, но промахнулась.

В следующее мгновение она опять закричала от боли, а Альга,

подчиняясь наитию, выскочила на поляну. Ходящая ударила в мерзкую клетку плетением, с радостью почувствовав, как вспыхнула освобожденная «искра» сестры, и швырнула следующее заклинание в ненавистную маску.

Проклятая играючи отбила удар и ответила, но девушка была готова к этому и встретила смерть во всеоружии, окружив себя плотным коконом из щитов. Она побежала, вслепую швыряя в Оспу плетение за плетением. Рона подхватила ее атаку и напала на Аленари с другой стороны. Две темные и одна светлая «искра» сияли, точно три солнца.

Альга забыла о времени. Она стала с сестрой единым целым, одним неразделимым существом, действующим заодно, преследующим лишь одну цель – уничтожить женщину в белой маске.

Земля содрогалась, воздух выл и плавился от переполняющей его силы, лютики вяли, сохли и чернели, клены лопались, вода в реке бесновалась, а испуганные стрижи, не успевшие убратся подобра-поздорову, сгорали в воздухе, словно мотыльки от пламени свечи.

День сменялся ночью, а лето зимой. По небу летел парад планет, почти исчезнувшая комета махнула багряным хвостом из глубин вселенной, покрывалась инеем и рассыпалась стеклянным порошком.

Альга сочиняла плетения на ходу, комбинируя, добавляя, смешивая казалось бы несовместимое и сочетая не сочетаемое. Все, чему она научилась в снах, девушка применила в этом бесконечно долгом бою, и Аленари, пусть она была во много раз сильнее и опытнее, приходилось ни на уну не забывать об обороне.

Но Проклятая оставалась Проклятой.

Ее «искра» была гораздо ярче, чем у противостоящих ей Ходящих и иссякала гораздо медленнее. Альге и Роне с каждым разом было все сложнее отражать удары Звезднорожденной и они, не сговариваясь, стали отступать к лесу, огрызаясь плетениями.

Насилюя «искру», рискуя выгореть, на пределах своих сил и возможностей, Альга швырнула в приблизившуюся Проклятую ослабляющим Дар плетением, с сожалением вскрикнула, когда поняла, что промахнулась. Но Сестра Сокола, явно не ожидавшая от сопливой девчонки такого, отшатнулась и усилила магическую защиту, стянув на нее всю свою силу.

Альга едва не погибла, когда зубчатый гребень рухнул на нее с неба, собираясь разорвать на несколько частей. Рона предупредила ее возгласом, оттолкнула плечом, и левая рука ее вспыхнула, скрываясь под слоем толстой чешуйчатой брони. Старшая сестра прикрыла младшую и себя золотым рыцарским щитом.

Щит впитал в себя тьму, лопнул солнечными зайчиками, стеганул осколками по дымящейся, выжженной поляне, Рона вскрикнула, ее рука повисла плетью. Пытаясь отвлечь внимание от сестры, Альга бросила в воздух ворох изумрудных змеев. Они превратились в распахнувших крылья сов и закружились вокруг Звезднорожденной.

В этот момент на поляну выскочил взъерошенный Целитель. За ним появились уже знакомый ей благородный и еще двое воинов. С рук ученика Цейры Асани сорвалось ослепительное копье света, заставив воздух дрожать, а все, что видел глаз, троиться.

Раненая Рона вместе с сестрой вновь усилили натиск, и пока Проклятая нейтрализовала их нападки, одна из сов изловчилась и сорвала с лица Аленари маску. Подчиняясь наитию, Альга сплела из солнечного света множество зеркал, запустив их в хоровод вокруг противницы. Та, страшно закричав, закрыла изуродованное лицо руками и разбила ненавистные зеркала. Все до единого. Но, занимаясь этим, ослабила защиту, и Альге удалось прорвать щиты и задеть Сестру Сокола.

Легко раненая Аленари ответила. На девушек упал сокрушительный молот, по Целителю хлестнуло рубиновыми щупальцами. И вновь закрутилась магическая схватка, в которой Альга потеряла счет времени.

В какой-то момент ее начали одолевать сомнения, вскоре сменившиеся настоящим отчаяньем. Оспа оказалась в сотни раз сильнее, чем она думала, и продолжала наступать.

– Бежим! – крикнула Альга Роне. – Бежим!

Та лишь гневно тряхнула опаленными волосами:

– Нет! Нам некуда бежать! Мы сможем победить только вместе! Втроем! Смотри! Похоже, она щадит Шена!

Альга уже и сама это заметила. Проклятая лишь отбивала атаки Целителя, пыталась сбить его с ног и заблокировать «искру». Поэтому Шен встал впереди девушек, защищая их.

Повернув к Роне перекошенное от напряжения лицо, он крикнул:

– Рона! Давай вместе! Как мы учились!

Альга ощутила, как Целитель и сестра сплетают свои «искры» в единое целое, и впервые в жизни не почувствовала отвращения к тьме. Они нанесли удар... и неожиданно защита Аленари поддалась.

Проклятая отшатнулась, земля под ее ногами встала дыбом, словно разгневанный зверь, лопнула чистым, белым светом и увлекла Звезднорожденную следом за собой.

Мир не умер. Не разрушился. И даже, кажется, не покачнулся. Хотя

всего лишь минку назад думалось, будто пришли последние мгновения вселенной. То, что слышали мои уши и видели глаза, не поддавалось разумному описанию.

Но теперь наступила тягучая тишина, и сизый дым, обдирая горло, повис меж притихшими кленами. Кто-то сражался с Проклятой, и я до одури боялся итога этого сражения. Лаэн тоже нервничала, и поэтому я поторапливался, хотя спина болела нещадно, вся рубаха и большая часть штанов пропиталась кровью. В голове у меня неприятно шумело, и я чувствовал себя так, словно в меня врезалась съехавшая с горы, груженная булыжниками, телега.

«Шен жив, – внезапно и очень обрадованно сказала Лаэн. – Потерпи немного. Он тебе поможет».

Я постарался идти быстрее и выбрался на поляну, откуда раздавались голоса, держа лук наизготовку. Здесь все было черным-черно от копоти, земля спеклась в корку. Деревья, что уцелели, завязало узлом. Их листва стала темно-фиолетовой, точно безумный художник решил потратить целый океан ненужной ему краски. Часть берега обвалилась, и край обрыва был рваным, словно рана на моей спине.

Милорд Рандо стоял на самом краю и внимательно вглядывался в воду, словно оттуда ему должно было прийти одно из откровений Мелота.

Лук с Га-нором, потрясенные и сейчас удивительно похожие друг на друга, хлестали из фляги реску, опустошая последние запасы. Альга плакала, Рона пыталась ее утешить. Шен колдовал над рукой Ходящей. Все трое были бледнее смерти и, казалось, вот-вот шлепнутся в обморок.

Старина Юми, надутый от собственной важности, с опаленной шерсткой, вертел в руках какой-то белый предмет.

– Вот так, собака! – поприветствовал он меня и показал свою находку.

Я присвистнул. Это была маска из гроганского серебра.

– Сдохла! – пояснил мне вейя. – Вот так, собака!

У меня не было сил удивляться ни внезапному увеличению его словарного запаса, ни тем более гибели Проклятой. Я чувствовал странное отупение.

«Нэсс! Иди к Шену! Ты потерял слишком много крови»! – встревожилась Лаэн.

«У него очередь, – буркнул я, усаживаясь рядом с Юми, пробуящим лик Аленари на зуб. – Я потерплю».

Подошел Лук, сунул мне в руки полупустую флягу. Я глотнул, закашлявшись наклонился. Стражник увидел мою спину, его глаза стали круглыми, и он тут же позвал Целителя. Шен, оказавшись рядом, выругался

и занялся лечением, хотя, на мой взгляд, оно ему самому требовалось.

Я молчал, щурился, вдыхал прогорклый запах гари, слушал шум уцелевшего леса и разговор Альги и Роны.

– Я думала, ты умерла. Она сказала, что ты погибла. Ее слуга не смог найти тебя по плетению. Они говорили, что не могли ошибиться. Как это получилось?

«Немудрено, что Верный ее не нашел, – заметила Лаэн. – Аленари запомнила одно из плетений Роны еще когда столкнулась с вами в Радужной долине. Тогда ее „искра“ была светлой. А когда появилась тьма, цвет и рисунок плетений изменились. Так что у выроodka, которого ты прикончил, не было никаких шансов отыскать Ходящую».

Я передал слова Лаэн, не обращая внимания на то, что Альга смотрит на меня, словно на привидение, и сказал:

– Шен.

– Помолчи, пожалуйста.

– Ты уверен, что она мертва? – не успокоился я.

– Очень на это надеюсь. Был выплеск «силы». Достаточно серьезный, чтобы мы ему поверили. Вряд ли она выжила.

– Хорошо, – сказал я и прикрыл глаза.

И тут же едва не подлетел.

– Да что с тобой такое?! – возмутился Целитель.

– Митифа! Бездна нас всех возьми! Мы совсем выкинули из головы Митифу!

– Забудь, – успокоил он меня. – Ее здесь нет.

– То есть как?! – опешил я.

– Альга сказала, что она ушла шесть дней назад. Здесь была только одна Проклятая. Митифу мы упустили.

Глава 32

– Ну, что? Кончилось лето, лопни твоя жаба, – проворчал Лук, поглядывая на вечерние тучи.

Два долгих дня безостановочно шел дождь, и уже с неделю язык бы не повернулся назвать погоду теплой. Середина второго месяца осени в окрестностях Альса оказалась очень неуютным временем.

Вода упорно долбила по моему капюшону, руки мерзли. Я правил парой лошадей, тащивших наш фургон, и беседовал с моим солнцем. Иногда приходилось напрягаться, чтобы услышать ее голос – с тех пор, как Шен поделился с Лаэн силой, прошло много времени, и в последние недели она сильно ослабела, все чаще и чаще проваливаясь в «сон». Мы оба знали, что рано или поздно наступит день, когда мы вновь потеряем возможность общаться друг с другом.

Ни я, ни она не могли себе позволить просить Целителя о помощи – слишком многое сейчас поставлено на карту. Мы почти достигли цели, за которой так утомительно гнались все это время. И тратить Дар Шена и Роны на нас – безумное расточительство.

Рядом со мной на козлах сидел Лук. Он нахохлился под плащом, задумчиво потирая ладонь левой, покалеченной руки. Неделю назад мы напали на отряд набаторских всадников, и завязавшийся бой сложился для стражника неудачно – один ловкий южанин все-таки его достал. Шену удалось залечить рану и восстановить три пальца из пяти. Но спасти мизинец и безымянный палец у Целителя не получилось.

Впрочем, стражник, к нашему всеобщему удивлению, даже не расстроился. Во всяком случае, виду не показывал и клялся жабой, что в состоянии управляться с кистенем и одной рукой.

Мы ползли по размокшей дороге, вдыхая аромат листвы поникших от дождя желтых кленов, и поглядывали на стоящие в запустении поля, тянущиеся по правую руку от тракта. За ними темнел лес.

– Что будем делать, если и на этот раз пусто? – внезапно спросил Лук.

Я направил лошадей в объезд большой лужи и, подумав, ответил:

– Не отчаиваться.

Он беззлобно рассмеялся, ткнул меня кулаком в плечо:

– Веселая у нас жизнь, а, Серый?

Я улыбнулся в ответ. Стражник нервничал, и его можно было понять. Дело, при всей кажущейся простоте, было рискованным.

– Все сложится удачно, – уверенно сказал я, глядя на неприветливые тучи. – Почти приехали.

– Ну, не пропади, лопни твоя жаба, – прошептал он и поплевал через плечо.

Впереди показалась большая деревня. Мы медленно подъезжали к ней, поглядывая по сторонам. Большинство домов здесь были новыми, совсем недавно отстроенными вместо старых, сгоревших еще прошлым летом, когда набаторцы только вторглись в страну. Возле въезда в поселок нас поджидал патруль.

Солдаты из местного гарнизона, в количестве пяти человек, подошли к нам.

– Капюшоны откиньте, – приказал один из них.

Они убедились, что наши рожи не похожи на набаторские, и несколько расслабились.

– Кто такие? Откуда? Куда?

– Торговцы. Из Корунна. Едем в Альс.

– Что в фургоне?

– Гвозди, молотки, топоры, рубанки, скобы. Город начинает отстраиваться, такой товар в цене.

– Проверить, – приказал воин, и его подчиненный полез внутрь.

Мы с Луком терпеливо ждали. Старший патрульный увидел, что у стражника недостает пальцев и поинтересовался:

– Воевали?

– А кто в наше время не воевал? – вопросом на вопрос ответил Лук.

– Все, как они сказали, – проверявший фургон солдат спрыгнул на землю.

– Теперь покажите мне какую-нибудь бумагу и милости просим, – гораздо дружелюбнее сказал командир.

Я вытащил из-под плаща кожаный чехол, протянул ему. Бумага у нас была, благодаря связям милорда Рандо. Военные коменданты герцогу не отказали. Воин быстро глянул на печать, убрал немного намокший документ обратно в футляр, вернул нам.

– Проезжайте.

– Где здесь можно остановиться?

– Таверна «Дубовый лист» прямо по улице. Или постоялый двор «Сметанный кот». Это на другом краю.

Мы въехали в поселение. К этому времени окончательно стемнело, дождь усилился, и наш фургон полз в полных потемках, так что никто и не заметил, когда к нам запрыгнули человек и его спутник.

– Вот так, собака! – шепнул Юми.
– Какие новости? – спросил я у северянина.
– Они в «Сметанном коте», – сказал насквозь промокший Га-нор. – Похожи на тех, кого мы ищем.
– Слава Мелоту, – пробурчал Лук.
– Предупреди остальных, – попросил я сына Ирбиса, и тот молча растворился во тьме.
Спустия уну за ним спрыгнул вейя.
– Ты спокоен, как гов в спячке, – отметил стражник.
Я в ответ лишь подогнал лошадей.
Сердце у меня глухо стучало. Сегодня. Все решится сегодня. От этого дня зависит каким будет мое... наше завтра.
Во дворе постоянного двора горело три фонаря. Встречать нас вышел сам хозяин, и мы быстро, почти не торгуясь, договорились с ним о комнате и ужине.
Потом, ругаясь на отвратительную погоду, войну и Проклятых, вместе с конюхом распрягли лошадей и отвели их в стойло, где было на удивление тепло, пахло навозом и свежескошенным сеном.
Кроме наших, здесь было еще три кобылы. Одна из них привлекла мое внимание. У нее были белые бабки и белая звездочка во лбу.
– Красавица, – сказал я, погладив ее по морде.
– А то! – хмыкнул конюх, обтирая намокшую шкуру животного. – Не чистокровка, конечно, но выносливая.
– Чья?
– Купить хотите? Вряд ли. Госпожа какая-то благородная со своими людьми. Проездом из Корунна. Не продаст.
Он отошел в сторону, и я тихо спросил у Лука:
– Видел?
– Угу, лопни твоя жаба. Та самая, которую она купила неделю назад. Парень не обманул. Следок-то оказался верным.
Я зловеще улыбнулся, и он, понимая меня без слов, пошел в здание. Поговорив с конюхом, в общем-то ни о чем, и еще раз проверив фургон, я отправился следом. Плечом толкнул тяжелую дверь, снял длинный плащ, повесил возле входа, рядом с другими, чтобы стекла вода. Остановился и осмотрелся.
Зал оказался построен в виде подковы, охватывающей огромный очаг и стойку перед ним. Две внушительные люстры с множеством свечей давали достаточно света, и лишь в самых дальних углах властвовал приглушенный полумрак.

Пахло готовящейся снедью, немного подгоревшим жиром и медом с гвоздикой, которые, как видно, здесь добавляли в шаф и вино.

Людей оказалось битком. Местные, собравшиеся перед сном пропустить кружечку шафа, солдаты из гарнизона. Гул их голосов наполнял постоянный двор дружелюбным и уютным рокотом. Возле камина, то и дело подстраивая струны, играл на лютне опрятный старик. Несколько человек резались в кости за небольшим квадратным столом.

– Эй, компаньон! Сюда! – окликнул меня Лук и помахал рукой.

Я тут же оценил его выбор и похвалил про себя за сообразительность.

Стол стоял почти в самом углу, рядом с тем, за которым, прячась в тени, сидели трое – женщина и двое мужчин. Когда я приближался, один из них поднял на меня внимательный взгляд, и Лаэн тут же едва слышно шепнула:

«Темные. Все трое. Это они, Нэсс»!

«Они тебя не услышат»? – напряженно спросил я, чувствуя, как сердце застыло.

«Нет».

У нас получилось! Мелот! У нас получилось! Мы все-таки нашли ее!

Дурацкий повод для ликования, наверное. Обычно люди радуются совершенно противоположному – тому, что Проклятые далеко от них.

– Лучшего места не нашел? – недовольно и громко спросил я у Лука. – У огня было бы теплее.

– Зато здесь поспокойнее, – он знал, что следует говорить.

– Кому ты заливаешь?! – возмутился я. – Я с улицы слышал, как стучат кости в стакане. Опять спустишь все свои монеты и начнешь кланчить у меня.

– Я сегодня обязательно выиграю.

– Ладно, – махнул я на него рукой. – Тьма с тобой. Твои деньги.

Я расположился так, чтобы видеть всю компанию за соседним столом, но смотрел совсем в другую сторону. Туда, где на лютне играл старик.

Женщина сидела ко мне спиной всего лишь в трех ярдах. На одно краткое мгновение во мне вновь проснулись сомнения, и я пожалел, что эту тварь нельзя убить.

Во всяком случае, сейчас.

Чего проще – подойти сзади и вогнать ей в шею «Гаситель Дара». Впрочем, это будет самоубийством. Ее телохранители не похожи на сонных сурков.

Мы с Луком заказали еду и выпивку, попутно обсуждая завтрашнюю дорогу, возможные цены на товар в разных частях страны, и

прислушиваясь к разговорам посетителей.

Основная тема бесед, конечно же, касалась войны. Ее обсуждали с воодушевлением, что и не удивительно. Прошедшее лето сложилось вполне удачно. После того, как Колос устроил разгром набаторцам, наши прошли по уцелевшим южанам, словно саранча по посевам пшеницы. Остатки войск Чумы были загнаны в болота Эрлики, где и сгинули, как некогда армия Гиноры.

Жалкие крупицы полков Аленари были разметаны по всему северу. Их били все, кому не лень, и лишь немногим удалось прорваться Лестницей Висельника. Собравшаяся армия во главе с Императором перешла Катугские горы и устроила набаторцам, оставшимся в южной части страны, веселую жизнь.

Те почти не сопротивлялись, учитывая, что многие некроманты в отсутствие Проклятых не желали сражаться, а мечтали лишь об одном – побыстрее покинуть страну. Так что у обычных солдат было мало шансов на равных противостоять Ходящим.

К началу осени большая часть юга оказалась освобождена. Мы гнали набаторцев к Вратам Шести Башен, сбрасывали их в Устричное море, долбили на Перешейках Лины. Но основные бои шли в Улороне и Сандоне. В отличие от южан, Высокородным отступать было некуда. И я очень надеялся, что остроухие навсегда останутся гнить под сенью своих любимых дубов.

Про Проклятых тоже судачили. Здесь знали лишь о гибели Чумы и Чахотки. Про то, что Тиф, Оспа и Проказа уже в Бездне, а Корь в бегах – молчали. Некоторые поговаривали, будто все они уже давно смылись в Сдис.

Я неторопливо ел, Лук отправился резаться в кости. Женщина продолжала сидеть за столом, почти не разговаривая со своими соседями, и я начал бояться, что она совсем скоро отправится спать. Но усилием воли заставлял себя не спешить.

Со скукой на лице закончил ужин, заказал себе еще шафа, почти не глядя в полумрак и думая о том, что ей все-таки не удалось обхитрить всех. За несколько дней перед смертью Тиф сказала мне, что Митифа – самая опасная из уцелевших. Не по силе. По коварству. Что она может обвести вокруг пальца любого, хотя раньше Дочь Ночи была иного мнения о способностях Кори.

Так и оказалось. «Тихоня» стала последней из Проклятых и выжила там, где другие давно сложили голову. Она выждала, пока наша армия и Ходящие увлекутся преследованием, и поехала по тем дорогам, где ее

никто не ждал и не искал.

Но, несмотря на всю свою хитрость, Митифа слишком стремилась побыстрее убежать, а спешка, как известно, заставляет совершать ошибки...

Посетители постепенно расползлись по домам. Осталось лишь четверо напивавшихся солдат за столом у стойки, игроки в кости и те, ради кого мы с Луком проделали этот путь. Шаф в моей наполовину опустевшей кружке давно успел остыть. Я попросил еще одну свечу, достал из воловьей сумки книгу и начал читать, неспешно перелистывая страницы.

Это была идея Лаэн. Она вытащила ее из памяти своей учительницы.

Корь тут же услышала шорох страниц под моими пальцами.

– Что ты читаешь?

Я поднял на нее удивленный взгляд, замешкался на мгновение и протянул книгу через стол. Один из мужчин, повинувшись едва видимому движению изящной ладони, взял ее из моих рук и передал спутнице.

– «Сказания о странных землях и существах их населяющих» Ромдуса Гроганского? – произнесла она, глянув надпись на обложке. – Довольно редкий экземпляр в наше время.

Она передала книгу своему человеку, и тот вернул ее мне.

– У меня их было два, госпожа, – сказал я, вновь открывая ту страницу, на которой остановился.

– И где же теперь второй?

– Продан.

– Ты продавец книг?

– Я? Нет, госпожа. Я просто торговец. Продаю все, что попадает мне в руки. В том числе и книги. Быть может, она вас заинтересовала? Готов уступить по сходной цене.

Она тихо рассмеялась:

– Благодарю. Я путешествую налегке.

– А. Ну, если вы все-таки передумаете, или вас интересуют еще какие-нибудь книги, найдите меня. До завтрашнего утра я буду здесь.

– У тебя при себе есть другие? – в ее голосе появилась заинтересованность.

«Спокойнее, Нэсс! – предупредила меня Лаэн. – Спокойнее. Не переигрывай».

– Не слишком много, госпожа. Я бы сказал – не так много, как хотелось бы. – Я послал ей улыбку. – У знающих людей книги всегда пользуются спросом. Мне кажется, что вы из таких.

– Ты судишь о моем любопытстве слишком поспешно, – капюшон и

полумрак почти скрывали ее лицо, и я видел лишь очертания скул, спинку носа, подбородок и отражавшееся в глазах пламя свечей. – Впрочем, я хочу взглянуть на них.

– Они в моем фургоне. Сейчас принесу.

Я набросил на плечи плащ и вышел под дождь.

«Ты была права».

«Митифа не может сдержать свою страсть к книгам. Это ее единственная слабость», – отозвалась Лаэн.

«Ты думаешь, у нас получится?»

«Я очень хочу в это верить», – шепнула Ласка.

Я взял из фургона фолианты и вернулся обратно.

– Присаживайся к столу, – пригласила меня Проклятая.

Здесь уже стоял лишний стул. Я поймал взгляд Лука, брошенный на меня украдкой. Сел, поставив на стол тяжеленную сумку, неторопливо развязал тесемки и подозвал служанку.

– Принеси свечи.

Никто из сидевших рядом не возражал. Девушка обернулась в мгновение ока, поставила на стол бронзовый подсвечник, и только теперь я увидел лицо Митифы. Портрет в Башне не врал – эти черты я бы узнал из тысячи. Единственное изменение – шикарные длинные волосы были острижены коротко, как у пажей. Серые глаза, большие, обрамленные густыми черными ресницами, внимательно изучили мое лицо. Я остался бесстрастен и выложил на стол стопку книг.

– Вот. К сожалению, здесь не все. Часть осталась в другом фургоне, у нашего с Луком партнера.

Она быстро разобралась, что к чему, разложив книги по стопкам. В одной было всего лишь две штуки, в другой, не представляющей для нее интереса – все остальные.

– «Парад планет» и «Трактат о постройках старых эпох». Очень интересно. Откуда они у тебя?

– Война, – сказал я и развел руками.

Это можно было понимать как угодно: нашел, украл, купил по дешевке, получил в подарок.

Книги стоили целое состояние. Добыть их оказалось не так просто, особенно при наших хилых финансах. Выручил Лук, отдавший за них кольцо с изумрудами, доставшееся ему в качестве награды за услугу Башне. Скользкий тип, получивший эту безделушку, принес нам требуемое глубокой ночью. Он не был похож на коллекционера и не знал истинную стоимость того, что мы заказывали. А мы не были щепетильны и не стали

спрашивать, где он добыл книги.

– Сколько ты за них хочешь?

– «Парад» отдам за сто соронов. «Трактат» – за восемьдесят. Если возьмете обе – скину десятку.

Она тихо рассмеялась, сбрасывая с головы капюшон:

– А ты, и вправду, продавец и знаешь цены. К сожалению, у меня нет с собой таких денег. Есть ли у тебя на продажу что-нибудь еще?

Я вновь залез в сумку, достал перетянутую бечевкой провощенную бумагу, толкнул ей через стол:

– Если вы истинный коллекционер, то вас может заинтересовать пара страниц на древнем языке.

Она ловко развязала веревку, развернула бумагу и осторожно достала пожелтевшие листы. Я увидел, как вытянулось ее лицо. Но в следующую уну Проклятая уже справилась с собой и, придвинув подсвечник, начала читать.

Я, улыбаясь про себя, вновь позвал служанку и попросил мятного шафа.

Неспешно отхлебнул пенистый напиток.

Каков шанс найти в огромной стране нужного тебе человека?

Не слишком большой.

Каков шанс найти того, кто не желает, чтобы его обнаружили?

Еще меньше.

А если этот кто-то к тому же владеет темной «искрой» и прожил на свете не одну сотню лет?

Я бы сказал, что нулевой. Пустота. Дырка от бублика. Уж проще обнаружить на дороге императорские регалии и алмазную перевязь, чем такого человека.

Ее искали десятки соглядатаев Башни, рыская по дорогам Империи, но повезло только нам.

Мы выпрашивали, слушали, выжидали. У Катугских гор, на перевалах, в закрытом порту Лоска, в северной части равнин Руде.

Ей ни к чему было стремиться к Вратам Шести Башен. Через центральную крепость, где теперь полно Ходящих, не проскочишь. Она пережидала травлю в глухомани, а затем, если конечно не дура, должна была отправиться к границе с Золотой Маркой и найти подходящий корабль.

Я бы сделал именно так.

Неделю назад она купила свежих лошадей, а сегодня, после почти трех месяцев погони, Митифа Данами сидела передо мной.

Корь прилипла к тексту, беззвучно шевеля красивыми губами. Глядя на нее, я внутренне поежился. За красивой оболочкой скрывалась страшная тварь, сдисская сколопендра, умная и хитрая, и мы все были немного ненормальными, раз решились раздражить ее. Но если у других из нашего маленького отряда был выбор – заигрывать с Проклятой или отступить подобра-поздорову, то у меня и Лаэн его не было. Нам приходилось идти до конца.

– Где ты это взял? – Корь, наконец, соизволила оторвать взгляд от страниц.

Не удивительно, что они ее заинтересовали. Когда я предложил использовать такую наживку, Рона была не слишком довольна. Большое кощунство – взять и вырвать несколько страниц из дневника Скульптора. Но Ходящая, как и я, понимала, что если крупная рыба клюнет, то только на нечто особенное и очень-очень вкусное. Так что, скрипя сердце, она отдала мне на растерзание заметки Кавалара. Я выдернул оттуда пять страниц, клятвенно пообещав вернуть их в целостности и сохранности.

– Купил у хороших людей, госпожа.

Она покачала головой, и через ее лоб пролегла вертикальная морщинка, а глаза стали холодными и колючими:

– Ты лжешь, торговец.

Один из ее телохранителей пошевелился, а я рассмеялся:

– Конечно, лгу, госпожа. Так ли это важно, откуда ко мне попали эти бумажки?

– Важно, – отрезала она. – Попробуй ответить еще раз.

Я сделал вид, что колеблюсь, затем наклонился к ней и шепотом произнес:

– Несколько недель назад мы с партнерами нашли тела. В лесу. Среди них была и Ходящая. Это оказалось в ее вещах.

– Продолжай.

Я откинулся на спинку стула, пожал плечами и, оправдываясь, сказал:

– Я не люблю наживаться за чужой счет, но дело касалось дорогих книг, и я решил, что мертвой они уже без надобности.

– Это все, что ты нашел? – ее пальцы нежно гладили желтую бумагу.

– Нет. Не все. Я посчитал, что если и продавать это сокровище, то постранично. Вряд ли у кого-то хватит денег, чтобы купить целую книгу эпохи Скульптора. Обычно такие вещи предпочитают продавать и приобретать частями.

Девушка кивнула, принимая разумность моих доводов, но по ее глазам было видно, что она бы с радостью убила меня за то, что я порвал

бесценный экземпляр.

– Я куплю у тебя всю книгу.

Я хмыкнул, почесал в затылке:

– Вы ведь понимаете, что даже эти страницы стоят гораздо больше, чем те две книги, что вас заинтересовали?

– Понимаю, – холодно ответила она. – Но на эту вещь я деньги найду. Разумеется, если ты не будешь слишком жаден.

– Мне надо посоветоваться с партнером.

Я встал из-за стола и поманил Лука. Опасаясь быть подслушанными, мы вышли на улицу, в непроглядную темень.

– Ну, как, лопни твоя жаба? – прошептал он. – Это она?

– Да.

– Забери меня Мелот! – непонятно, чего было в этой фразе больше – страха или облегчения. – Получилось?

– Еще не знаю.

Стражник поежился и поплевал через левое плечо:

– Главное, чтобы не сорвалось. Иначе нас разберут по косточкам, а после заставят подносить вино.

Мы вернулись назад, и я вновь сел на пустой стул.

– Восемь сотен соренов, госпожа.

Она задумчиво склонила голову:

– Ты разумен. Мне это нравится. Принеси ее.

– Сперва мне хотелось бы взглянуть на деньги.

Митифа неприятно поджала губы, но кивнула одному из своих колдунов. Тот протянул мне небольшой матерчатый мешочек. Я развязал шнурок, глянул внутрь, покачал головой:

– Я плохо разбираюсь в драгоценных камнях, госпожа. Это урские алмазы?

– Верно. Думаю, ты в состоянии представить их стоимость.

Я с задумчивым видом выкатил один из бледно-голубых камушков на ладонь, посмотрел на тусклые, необработанные грани, выразил на лице некоторое сомнение.

– Ты получишь шесть штук. Это больше, чем восемьсот имперских золотых.

Вот интересно, она, действительно, заплатит или убьет меня сразу, как только получит желаемое? К чему ей заключать честные сделки?

– Хорошо, – вздохнул я, с видимым сожалением убирая камешек в мешок. – Мы заключим сделку завтра.

Она недовольно подняла соболиные брови, и я объяснил:

– Я уже говорил, что часть книг во втором фургоне. Наш партнер опережает нас на несколько наров. Он должен был остановиться в соседней деревне и дожидаться меня и Лука. Завтра утром мы сможем забрать у него остальные страницы книги.

– У меня нет времени ждать. И не думаю, что нам с вами по пути.

Ну, вот и первый провал. Впрочем, я предполагал, что будет именно так. Она не дура, чтобы ехать в ловушку.

– Что вы предлагаете?

– Ночь длинна, торговец. Ты успеешь вернуться к утру.

Я задумчиво постучал пальцем по столешнице, стараясь придать лицу вид растерянный и в то же время алчный.

Довольно быстро алчность победила.

– Это разумно. Если мы поспешим, то с рассветом будем здесь.

– Твой друг останется, – сказал некромант.

– Нет, – отрезал я, глядя в глаза Митифе. – Мы поедем вдвоем. Ночью в такое лихое время дороги для одиночки опасны. Я, конечно, хочу получить деньги, но не желаю потерять жизнь.

– Хорошо, – согласилась она. – Езжайте вместе.

Я быстро убрал книги обратно в сумку. Затем туда же под пристальным взглядом Кори перекочевали страницы из дневника Скульптора.

Я позвал Лука и вышел прочь, пока они не передумали.

До соседней деревни было больше трех наров, но нам не требовалось туда добираться. Дождь поутих, хотя ветер усилился и бесновался в древесных кронах, срывая с них листья. Дорога оказалась ужасной, мы порядком замерзли, к тому же я до сих пор волновался, что все сорвется.

Лук молчал, говорить нам было не о чем. Ловушка, подготовленная Ходящими, стала бесполезна. Остался лишь последний вариант, от которого лично я был не в восторге – атаковать Проклятую в лоб. А ведь мы так надеялись, что этого можно избежать!

Когда впереди показался перекресток, отмеченный Лысым камнем, я свернул на узкую лесную дорогу.

– Смелая она все-таки тварь, – негромко, но с едва уловимым уважением, произнес Лук. – Ей бы прятаться, а она сидит в таверне. И это когда ее ищут Ходящие.

– Никто ее здесь не ищет, Лук. Только не в такой дыре. Перед нами и солдатами обычная незнакомка. Благородная госпожа с охраной. К тому же, довольно далеко от мест, где идут бои. Или ты думаешь, что теперь на улице хватают каждую женщину? Митифа мало чем рискует.

Намокшие ветви склонились к самой дороге, и нам то и дело приходилось пригибаться к лошадиным гривам. Я придержал лошадь и крикнул. Из мрака тут же выступил человек.

– Свои, – быстро сказал Лук.

– Мы одни, – добавил я.

– Это она? – спросил Га-нор, убирая меч. – Убийца детей?

– Да.

– За вами нет хвоста?

– Поди разбери в такую погоду, лопни твоя жаба.

– Вот так, собака! – мокрый, похожий на общипанную кошку Юми побежал по дороге в том направлении, откуда мы только что приехали.

До маленькой сторожки добрались через несколько минок. Здесь, под навесом, где хранились дрова, нас ждали милорд Рандо и замерзшая Альга.

Шен уже давно вылечил рыцаря от последствий плетения некромантов, но потомок Сокола остался с нами. В общем-то, как я полагаю, по двум причинам. Он довольно быстро осознал, что победу в войне можно ковать и не возглавляя отряд кавалерии. Поучаствовать в еще одном избавлении мира от Проклятой – вполне достойное дело.

Вторая причина была куда прозаичнее первой. И сейчас она стояла рядом с рыцарем, укутавшись в его необъятный плащ.

Поначалу с Альгой оказалось непросто. Она была упрямой, к тому же дичилась темной «искры» Шена и Роны. Надо полагать, ей было тяжело переломить себя и вновь увидеть за Даром обычных людей и понять, что они не плохие. Рона частенько разговаривала с сестрой, вот уж не знаю о чем, но радости эти разговоры девушкам не прибавляли.

Однако со временем Альга как-то свыклась с мыслью, кто рядом с ней, и старалась не обращать внимания на новые способности бывших воспитанников Радужной Долины. Я еще раз получил подтверждение, что человек, в том числе и Ходящая, может привыкнуть ко всему – даже к близкому присутствию темной «искры».

Любовь к сестре победила ту непримиримость, что внушила Башня. А узнав о нашем решении добыть голову Митифы, сестрица Роны и думать забыла о возвращении к Ходящим. Проклятых, доставивших ей столько страданий, она люто ненавидела.

– ...Где Рона с Шеном? – спросил я, спрыгивая на землю.

– В доме. Мы ждали вас не раньше рассвета. Что случилось? – встревожено спросила Альга.

– Проблемы, – коротко сказал я. – Пойдемте внутрь. Расскажу.

Бледное солнце, словно мыльный пузырь всплыло над полями и, застыдившись, скрылось в облаках. Дождь кончился, над землей начал собираться туман.

Нам не стоило надеяться выманить Митифу. Даже ее любимыми книгами. Она оказалась гораздо менее доверчивой, чем мы рассчитывали. Все-таки Тиф была права – перехитрить Корь невозможно. Не знаю, что ее насторожило и спугнуло, но, когда мы вернулись, Тихони и след простыл.

Митифа не стала мелочно гоняться за нами и выяснять, кто мы, а решила убраться от греха подальше. Кажется, разочарования от этого не испытали лишь Га-нор и милорд Рандо. Они развили бурную деятельность и в конце концов один из местных мальчишек-пастухов, указал нам, куда уехала Проклятая.

Проигнорировав тракты, Корь повернула в лес. Северянин быстро нашел следы, но мы так и не бросились в погоню.

– Не нагоните, – сказал пастушок, копаясь у себя сумке. – Она уже далеко. С проводником ушла. Это вам, почитай, теперь лошадей надо загнать, а второго такого человека, как Наск, чтобы лес знал, в деревне нет. Заплутаете. Лучше уж через поля, по тропке, что мимо урочищ идет. Не только через два дня сравняетесь с ней, но еще и обгоните.

– А чего же она по ней не пошла? Раз короче?

– Не знаю, дядька. Мне госпожа не докладывала. Сказала в лес, значит в лес.

Мы в тревоге гадали – получится ли у нас опередить Митифу? Выйдет ли она там, где мы ее ждем, или найдет другую, более удобную дорогу?

Я ругал себя, что затянул со всем этим. Следовало убить тварь, когда была такая возможность. В таверне, «Гасителем Дара». Но из-за Шена, который оказался гораздо хуже, чем демон-искуситель, я промедлил. В итоге мы обхитрили сами себя, и теперь Проклятая будет настороже.

Мы прибыли вовремя, едва не убив лошадей, которые остались живы лишь благодаря способностям Ходящих. Северянин сразу направился к кромке леса и, вернувшись, сказал, что не увидел следов копыт. Теперь нам оставалось лишь ждать в засаде, надеяться, и молиться.

Пользы от мечей милорда Рандо и Га-нора, а также от кистеня Лука было немного, о чем им без обиняков заявил Шен. Против носителей темной «искры» такое оружие – не более чем насмешка. Поэтому воины вооружились арбалетами.

– Стреляйте только по некромантам. Проклятую не трогать! – в десятый раз за нар предупредила их Рона.

Я остался с ней. Шен расположился чуть в стороне вместе с рыцарем и

Альгой.

Теперь самым серьезным риском для нас было то, что Проклятая почувствует «искры» девушек прежде, чем мы успеем хоть что-то сделать. Лишь за Целителя можно не волноваться – он для Митифы не читаем до тех пор, пока не коснется Дара.

Лук с Га-нором отвели лошадей почти на шесть сотен ярдов назад, спрятали их в небольшой роще, а затем присоединились к Шену и Альге.

С моего места, между ветвей орешника, было прекрасно видно тропу, на которой должна показаться Проклятая. Это лучшая точка, чтобы сделать выстрел, если у Целителя и сестры Роны что-то пойдет не так.

Новый лук, гораздо более легкий, чем прежний, лежал у меня на коленях. Я пытался дозваться Лаэн. Но безуспешно. Последняя наша беседа исчерпала ее возможности, и теперь я остался в оглушающей тишине.

Сандон научил меня ждать, и я сидел не шевелясь, полуприкрыв веки перед встречей с неизбежным.

Я вспоминал тот день, когда погибла Оспа и когда мы решали – стоит ли связываться с уцелевшей Проклятой?

Так ли нам нужна ее смерть?

Так ли важна для меня месть, когда у меня снова есть Лаэн?

Я был почти готов отступить...

И тогда Шен сказал, что мы должны это сделать, чтобы помочь не только своей стране сейчас, но и всем, кого Митифа еще убьет в будущем, потому что обязательно постарается добиться своего.

Никто из нас не желал повторения этой войны. Все, несмотря на опасность, были готовы рискнуть своими жизнями. И я не смог остаться в стороне.

Тем вечером я подошел к Роне и Шену.

– Я сумею справиться с Митифой, – сказал парень.

Я вздохнул и посмотрел на него долгим взглядом:

– Буду с тобой откровенен, дружище. Я сомневаюсь в твоих силах. О, нет. Конечно, вы не дети. Вы многое умеете, но против Кори... – я с сомнением покачал головой. – У нее за плечами вековой опыт, а ты хоть и Целитель, но все равно недоучка... В схватке с Митифой погибла Тиф. А Аленари раскатала бы вас в лепешку, если бы не хотела сохранить тебе жизнь.

– Но мы победили, – возразил он. – И, между прочим, мы уже сражались против Митифы в Брагун-Зане. И тоже взяли верх.

– У тебя плохая память, Шен, – вздохнул я. – Ты забываешь, что основной там была Тиа. И разве не ты говорил мне, что Дочь Ночи оказалась удивительно сильна для того тела, в котором была. Едва ли не сильнее Кори. Или это не так?

– Так.

– И все равно мы бы проиграли, если бы в дело не вступил Гис и не пробудил вулкан. Сейчас с нами нет ни Алого, ни Убийцы Сориты. И, даже несмотря на то, что она вас здорово поднатаскала, Митифа размажет вашу дружную команду по стенке. Новички не могут одолеть опытного мастера.

– Во-первых, мы не новички, – с достоинством сказала Рона. – Во-вторых, не собираемся драться в открытую. Ее надо заманить в ловушку.

Я постарался, чтобы мое лицо не казалось очень кислым:

– Шен. Ведь ты не дурак. Потенциал ее «искры» огромен. Она будет черпать из нее даже после того, как вы все полностью исчерпаете себя.

– Верно, – сумрачно кивнул Шен. – Но ты кое о чем забываешь. У меня есть «Копье света». То самое, которое развоплотило Тиф. Оно ломает любые щиты. При удаче, это можно сделать быстро.

– Боюсь, что одного туза в рукаве недостаточно.

– У меня будет дополнительный резерв силы.

– И где ты его возьмешь? Что-то я не вижу рядом с нами Огоньков. Послушайте, ребята. Вам незачем меня в чем-то убеждать. И я, и Ласка, будем с вами до конца. Но просто я хочу, чтобы вы полностью представляли возможные последствия этой затеи.

Шен усмехнулся, протянул руку и указал на «Гаситель Дара» у меня в ножнах:

– Вот мой Огонек.

Я молча смотрел на Целителя, не понимая, куда тот клонит.

– Я очень много думал о природе этих артефактов, – произнес он. – Им несколько тысяч лет. По словам Тиа, их создавали серые маги прошлого – еще те, кто жил на Западном континенте... А теперь скажи мне – ты знаешь, что происходит, когда умирает носитель «искры»?

– Все знают, – буркнул я. – Дождь – от светлых, покойники – от темных.

– Верно. Частичка Дара, не вернувшаяся в Счастливые сады или Бездну, остается в нашем мире. Но почему ничего не происходит, когда кто-то применяет стрелы или этот нож? Что было с Проказой и Чахоткой?

Я продолжал недоуменно хмуриться, а Целитель довольно улыбнулся:

– Артефакт втягивает силу «искры» в себя... – Целитель похлопал ладонью по белому клинку. – Она все еще здесь. Я уверен в этом.

Я прищурил глаза:

– Хочешь сказать, что у меня в руках сундук с сокровищем?

– С бесценным сокровищем, если быть точным. «Гаситель» копил его тысячи лет. Тальки, Осо, Кавалар и другие, неизвестные нам носители «искр». Весь их потенциал, все их возможности прячутся в этом маленьком ножике. Представляешь, что это такое?!

Я представлял. Надо думать, останься жив Рован и догадайся он о возможностях «Гасителя Дара», он бы локти кусал, что оставил эту штуку в шее Проказы!

– Он как десятки, сотни Огоньков. Я собираюсь вытащить из него силу погибших и обратить ее против Митифы. С этим потенциалом у нас есть шанс победить. Положить Проклятую на лопатки!

– И ты можешь это сделать?

Он тут же перестал радоваться и с сожалением ответил:

– В теории. Я перепробовал несколько сотен плетений. Рисовал их. Принцип почти тот же, что и во время пробуждения Лепестков...

Он осекся, поняв, что сболтнул лишнее, и я насмешливо поднял бровь, скрывая удивление:

– Продолжай, приятель. Я вижу, ты просто кладезь информации.

– Мы давно хотели рассказать, – мягко сказала Рона, сглаживая неловкость.

– И то радует, – хмыкнул я.

– Я обманул Тиф, – признался Шен. – Это знание было не для нее.

– То есть, ты умеешь их пробуждать?

– Я знаю, как это сделать, – уклончиво ответил Целитель. – Надо всего лишь попросить их проснуться, как сделал я, когда нас прижала Аленари. Плетение совсем простое.

Он нарисовал в воздухе какой-то вычурный завиток, и Рона с сожалением сказала:

– Совсем простое? Ты не прав. Оно очень сложное и доступно лишь тебе. Целителю. Ни у кого другого не получится так замкнуть силы на Доме Любви. Совершенный узор... но очень нестабильные точки выхода.

Он просиял, но тут же скромно отметил:

– Оно еще очень грубое. Над ним работать и работать. Иначе, воспользовавшись, можно отправиться к гову на кулички.

Я прочистил горло и напомнил:

– Так что насчет «Гасителя Дара», умник?

– Плетение, которое на нем надо использовать – очень похоже на это. Я попробовал на днях, и он отозвался.

Я не стал спрашивать, когда Шен успел это проверить, если учитывать, что нож всегда висит у меня на поясе. Но, услышав в его голосе сомнение, поинтересовался:

– И в чем же дело?

– Отзыва мало. На «Гаситель» следует настраивать собственную «искру» и делать это за несколько ун до начала схватки.

– То есть, ты до самого последнего момента не будешь знать, сработает эта штука или нет?

Он посмотрел на меня:

– Я знаю, что он сработает.

– А почему бы не убедиться в этом наверняка пораньше?

Целитель замялся, затем сказал:

– Я не уверен, что смогу остановить поток и вновь замкнуть его.

Я перевел взгляд на Рону:

– То есть, вы собираетесь вышвырнуть бесценный клад буквально в воздух?

Против этого я не возражал. Что там будет, и чего не останется в ноже – меня не интересовало, лишь бы он выполнил свое прямое предназначение.

– Но это еще не все, – сказал Шен. – Ты говорил про тузы в рукаве. Так вот мой последний – мы не должны убивать Митифу. Я хочу вернуть Лаэн. Вселить в тело Проклятой. Сделать то, чего хотела для себя Убийца Сориты.

Первым моим желанием было расхохотаться. Темная «искра» явно не пошла ребятам на пользу, и ненасытность их желаний перешла все возможные границы. Но, заглянув в серьезные глаза Целителя, я понял, что он не только не шутит, но и верит в свои слова.

– Тебе не кажется, что ты вываливаешь на нас с Лаэн слишком много новостей для одного дня?

Он пожал плечами:

– Я давно это задумал. Тиф очень старалась помочь мне понять, как это делается. Пришло время осуществить планы.

– Значит, давно? – я почувствовал, что закипаю. Лаэн, в отличие от меня, сидела тихо-тихо. Едва дыша.

– Сразу после Брагун-Зана, – негромко ответила Рона. – Именно поэтому мы и отправились за вами.

– Отрадно слышать, что о ваших намерениях мы узнаем только сейчас, – с сарказмом произнес я.

– Не хотел давать вам с Лаэн ложную надежду, – оправдался

Целитель. – Вдруг у меня ничего бы не получилось.

– У тебя и так пока еще ничего не получилось. Так когда же появилась мысль, что ты можешь это сделать, человек полный загадок?

Он улыбнулся:

– В день, когда мы впервые встретились с Тиа и едва ее не прикончили, ударивший луч света выжег в моей памяти это плетение. Захотел бы не забыть. Конечно, я сильно доработал его. Теперь «искра» перенесшегося не будет разгораться долго, да и контроль над телом не понадобится восстанавливать несколько недель, не говоря уже о белых глазах. После гибели Тиф в Брагун-Зане, я подумал, что тело Кори – идеальноеместилище для Лаэн. Оно отлично помнит тьму и свет. То, о чем говорила Дочь Ночи. И это лучше, чем какая-нибудь сумасшедшая.

– Отлично, – вкрадчиво сказал я. – Допустим, я верю, что мы найдем Проклятую. Верю, что ты побьешь Митифу одной левой. Верю, что вернешь Лаэн к полноценной жизни. Верю, что все пройдет гладко. Но что, если ты потерпишь неудачу? Что тогда, о великий Целитель грядущего?

– Если ты поймешь, что дела складываются совсем неважно, – беспечно отозвался он, – то убьешь Проклятую одной из тех двух стрел, что лежат у тебя в колчане. Мы с Роной достаточно измотаем ее, чтобы у тебя появилась такая возможность.

Я кивнул.

Я согласился.

В тот день у нас с Лаэн вспыхнула нереальная надежда. И в то же время все мы понимали, что, возможно, мне своими руками придется лишиться Ласку новой жизни.

Рона нервничала. Водила языком по пересохшим губам и смотрела туда, где прятался Шен.

– Как ты можешь оставаться таким спокойным? – тихо спросила она меня, когда прошло уже больше нара.

Я хотел пожать плечами, но передумал и ответил:

– Война тренирует разные способности. В том числе и проявлять терпение. Сейчас от меня ничего не зависит, так зачем волноваться? Это лишь помешает мне. Я стану несдержаннее и выдам себя раньше времени. Или промахнусь. А это приведет нас лишь к одному – смерти.

– Наверное, я просто переживаю за сестру.

Я прикрыл глаза и улыбнулся:

– Ты считаешь, что она нуждается в твоей защите?

– Я старшая и обязана заботиться о ней.

– Эта девочка выжила в плену у Проклятых и помогла уничтожить одну из них.

– Да ты прав. И все-таки... – она вздохнула.

Я заметил, как над лесом закружилась встревоженная сорока, и негромко сказал:

– Едут.

Рона подалась вперед и прищурилась:

– Я чувствую четыре «искры».

Когда они появились на тропе, я быстро окинул всадников взглядом. Все – сдисцы. Если у Митифы и был проводник, то из чащи он не вышел, что не удивительно. Проклятая на этот раз не оставила свидетелей. Она ехала второй, сразу за широкоплечим некромантом, который хотел, чтобы Лук остался на постоялом дворе.

– Два колдуна используют щиты. Да поможет нам Мелот.

– Лучше пусть нам поможет Шен, – прошептал я, в последний раз проверив тетиву.

«Все будет хорошо», – сказал я Лаэн. И тихо ответил за нее сам себе то, что всегда говорила Ласка: «Будь осторожен».

Закрыв глаза, я отвернулся. Сейчас я бессилен. Первый шаг должен сделать Целитель. Его «Копье света» плавит магическую защиту лучше всего. Но смотреть на то, как он бросает эту ослепительную белизну – значит потерять зрение на несколько бесценных мгновений.

Даже сквозь сомкнутые веки пробился жгучий свет, раздался запоздалый грохот, и пришло время действовать.

Все четыре лошади, а также один колдун были убиты наповал. Ударили болты Лука, Га-нора и милорда Рандо, сразив еще одного Белого. Альга, выскочив из-за деревьев, накрыла Проклятую и оставшегося некроманта рубиновой сетью и сразу же метнулась в сторону.

Она, Рона и Шен вступили в схватку, и тут завывало так, что я, не удержавшись на ногах, рухнул на содрогающуюся в корчах землю. Над носителями Дара раскрылся жемчужно-белый цветок огромных размеров. Его лепестки загнулись, слиплись между собой, преобразовываясь в сферу, и в небо, испаряя облака, ударил толстый столб света. Сфера раздулась до невероятных размеров, дрогнула, начала движение, закрутилась... и превратилась в смерч. Магия сражающихся гремела в его чреве, сверкали всполохи молний.

– Что нам теперь делать? – сквозь душераздирающий вой возопил Лук, потрясая бесполезным арбалетом.

– Назад! – крикнул Рандо.

Га-нор схватил излишне любопытного, а теперь возмущенно протестующего Юми за шкирку и потащил прочь.

И вовремя.

За неполных две минки смерч расширился ярдов на пятьдесят, все время заставляя нас отступать перед жемчужной стеной. В высоту он сравнялся с центральным храмом Мелота в Альсгаре, а затем переплюнул его в десять раз. Мы уже не могли стоять, земля подлетала в воздух на ярд, лопалась трещинами и стонала, точно живая.

В небе распустился новый, похожий на огромный зонт, цветок, его лепестки оторвались и разлетелись во все стороны лучами. Из крутящейся воронки выпала женщина в окровавленном и разорванном платье.

Я узнал Рону. Митифе удалось выбить ее из поединка.

Га-нор с Луком бросились к Ходящей и попытались увести ее на безопасное расстояние. Но девушка вырвалась из их рук, ринулась назад и замерла перед кружащейся стеной, не в силах ее преодолеть. Ей, как и нам, оставалось только ждать.

Когда свет в воронке погас, смерч растворился в воздухе, и на траву толстой серой периной упал прах.

Но бой не закончился. Альга отползала в сторону. Шен, хромая, кружил вокруг потрепанной Проклятой, безостановочно атакуя ее. Митифу шатало, как во время сильной качки, но она не собиралась проигрывать.

Проклятая что-то сделала, Целитель упал, выставив перед собой руки, и плетение, которое должно было его убить, отлетело в сторону, взорвавшись у леса, где тут же начался пожар.

Митифа ударила еще раз. И еще. И еще.

Проклятье! Проклятье! Проклятье!

Я поднял лук.

Рона атаковала, отвлекая внимание Кори от Шена и давая тому возможность подняться, чтобы вновь вступить в схватку. Я следил за боем, удерживая стрелу на тетиве. Мое время пока не пришло. И, надеюсь, не придет.

Альга лежала без движения.

Милорд Рандо, презрев опасность, бросился в самую гущу сражения, взял на руки потерявшую сознание Ходящую и вынес, чудом разминувшись с летящими во все стороны сгустками пламени.

Рона, скрестив руки перед лицом, удар за ударом отражала атаки Проклятой. Шен попытался хлестнуть противницу светящимся кнутом, но та с легкостью уклонилась от него. А затем весь мир потонул в сливовой вспышке, зазвенели хрустальные колокольчики, в воздух взмыли серые

тени птиц...

Когда я смог что-то видеть, Шен и Рона оказались повержены на спекшуюся от жара землю, а Митифа медленно шла в сторону деревьев.

Я тихо и зло зарычал.

Выхода не было. И выбора тоже не было.

На этот раз Корь не сбежит!

Я поднял лук, метя ей промеж лопаток, но не успел разжать пальцы.

Рона, встав на колени, вскинула руки, Проклятая споткнулась... Целитель в дымящейся одежде бросился к Митифе, прижал к ее шее «Гаситель Дара» и накинул на нее изумрудную сеть.

Ходящая оказалась рядом со мной. Ее лицо было покрыто сажей, из носа текла кровь.

– Скорее, Нэсс! У нас меньше минки! Она сейчас придет в себя!

Я вместе с ней побежал к Шену:

– Что мне надо делать?!

– Ничего. Мы справимся, – сказала Рона, а потом неожиданно, подняв руку, прижала к моему лбу теплую ладошку.

...И я уснул.

Полная луна, словно корабль Золотой Марки, величественно плыла по небу от звезды к звезде. Пахло прелой листвой, свежей родниковой водой и дымом костра. Огонь едва горел, бросая мне на руки бледные блики. Несколько ун я пытался понять, на каком свете нахожусь. Пошевелить ни рукой, ни ногой не получалось. В душе царила полная пустота. Я позвал Лаэн, но ответа не было.

– Очнулся? – в поле моего зрения появился Шен.

Выглядел он, прямо скажу, неважно. За его спиной стояла Рона, худая и бледная как смерть.

Я осторожно сел.

– Судя по тому, что мы все еще живы...

Я не закончил и проследил за их взглядами. Митифа лежала совсем рядом со мной, укрытая сверху теплым одеялом. Ее грудь медленно вздымалась.

– У тебя получилось? – прохрипел я, с застывшим сердцем.

– У нас получилось.

Поверить в это было тяжело. Нереально. Невозможно. Но я поверил.

– А Корь? – спросил я.

– Корь? – усмехнулся Целитель. – Корь отправилась туда, где ей самое место – в Бездну.

– Ты уверен?

– Более чем. В этом теле теперь горит «искра» Лаэн, а не Проклятой.

Я посмотрел на Митифу... на Лаэн:

– С ней все в порядке?

Шен подошел к Ласке, положил ей на лоб ладонь, засиявшую мягким солнечным светом:

– Сейчас она набирается сил. Но скоро очнется. Тогда вы сможете поговорить. Мы пойдем. Нам тоже следует поспать.

– Я не буду, – помотал я головой.

– Разумеется, – понимающе улыбнулся он.

Они ушли, а я остался рядом с ней до самого утра.

Когда холодная луна побледнела и скрылась, а на востоке разгорелась заря, мое солнце тихо вздохнула, открыла темно-синие глаза и улыбнулась.

Глава 33

Солнце было ярким и жгучим, как это частенько бывало в Альсгаре весной. Я шел вдоль берега моря, по мелкой влажной гальке, перепрыгивая через кучи гниющих бурых водорослей, выброшенных еще зимними штормами, и с наслаждением вдыхал резкий морской запах. Стальные волны накатывали на берег, разбивались белоснежной пеной, разлетались холодными хлопьями и предупреждающе рокотали о том, чтобы я не подходил ближе.

Одиноким, облезшим за зиму рыбацкий ялик глубоко врылся килем в гальку. Все остальные лодки давно ушли в море, охотиться за кефалью. Проходя мимо, я заглянул в него, увидел старые поплавки, обрывки сетей и пробитое дно.

Я миновал опустевшую Портовую сторонку, где на пирсах кричали городские мальчишки. Махали удочками, спорили, смеялись, ловили морских собак. Возле самой кромки воды в холодной гальке копался старик с корзиной – собирал пустые розоватые ракушки для поделок. Он оторвался от работы, проводил меня безучастным взглядом. Я приветливо кивнул ему, и, промедлив мгновение, старикан ответил тем же.

По шатким доскам я выбрался наверх, на параллельную берегу улицу с кучей кабаков и трактиров, сейчас еще полупустых, ждущих вечера, когда рыбаки и матросы наводняют приморскую часть города и начнется гулянка.

Мне надо было добраться до нового порта, расположенного на другой стороне бухты, возле заново отстроенного после войны форта – и дальше ковылять по берегу не хотелось. Я пошел по улицам, старым, привычным, как всегда забитым гомонящим, суетсящимся, спешащим по своим делам народом. В небе кружили носящиеся по своим делам рыжекрылые йе-арре.

Я поправил вещевой мешок на плече. Он был старый, потертый, латанный и такой грязный, словно много дней провалялся в какой-то дыре. Так оно и было. Он пролежал почти два года, с того самого дня, как я спрятал наши с Лаэн деньги. Если честно, за всем, что случилось за эти долгие, тяжелые месяцы, я успел забыть о соренах, а когда вспомнил, не был уверен, что наш тайник уцелел. За такой срок случиться могло что угодно. Но тайная кладовая возле старых прибрежных скал прошла испытание временем и войной – вещевой мешок Ласки оказался на месте. Это радовало. Деньги в Золотой Марке нам пригодятся.

Мимо проехало несколько подвод с лесопилки. Лежащие на них груды

досок пахли свежей смолой. Город, особенно его восточная часть, до сих пор отстраивался после долгой осады. Так что молотки стучали безостановочно. Иногда даже ночью.

Война закончилась. Очередная страница истории перевернута. Башня, конечно же, не преминула воспользоваться смертью Проклятых в своих целях. По всему выходило, что колдунов завалили исключительно благодаря самоотверженности Ходящих. Император тоже отличился и собственноручно снес Лею голову. Разумеется, в честном поединке.

Лет через десять эти сказки станут вполне себе незыблемой истиной. Впрочем, я плевать на это хотел.

На овощном рынке была обычная толчея, и я сделал крюк, проскочив давку по Старомонетному переулку. Прошел мимо большого пепелища, на месте которого раньше находилась булочная. От заведения нашей с Лаской знакомой ничего не осталось, и винить в этом надо было не Рована и его армию, а местных жителей. Во время осады цены на хлеб выросли в несколько раз, Молс сидела на мешках с мукой, явно не собираясь ими делиться, несмотря на указ Наместника, вот и поплатилась за жадность. Как я слышал, в одну из ночей здесь стало смертельно жарко.

Я не испытывал никакой радости от случившегося. Правда, и печали тоже не было. Молс и Пень рано или поздно должны были нарваться. Вот это и произошло.

Через четверть нара пути, миновав ворота гавани, я вновь увидел мачты парусников и вышел к морю. Здесь, как и в других частях Альсгары, царила деловитая суeta – с ближайшего к берегу баркаса сгружали бочки.

Лаэн, Шен и Рона уже должны были вернуться из своего похода на крышу храма Мелота, но я не стал спешить. До отплытия корабля оставалось еще несколько наров.

В портовой толчее я сразу заметил знакомое лицо. Человек поманил меня за собой и, не дожидаясь, свернул в подворотню. Я, не раздумывая, пошел за ним.

Двор заканчивался приставной лестницей, ведущей на крышу. Сверху открывался прекрасный вид на море, гавань и корабли.

– Присаживайся, – пригласил меня Гаррет.

Он сидел на карнизе, свесив ноги, и щурился на яркое солнце. Рядом лежала его выдавшая виды зеленая сумка. Вор потянулся к ней, вытащил бутылку вина и два хрустальных бокала. Один протянул мне.

Я взял невесомый, казавшийся сотканным из света фужер, терпеливо наблюдая, как мой собеседник сражается с пробкой.

– Эта бутылка долго ждала своего часа.

– Прости, чего?

– Нара, – поправился он и показал стершуюся этикетку, на которой я не смог различить ни единой буквы. – Видишь? Вино разлили в день, когда родился Скульптор. Ему почти тысяча лет.

Я иронично поднял бровь:

– Ты уверен, что за эти годы оно не превратилось в уксус?

Он рассмеялся:

– Разумеется, уверен! Неужели ты думаешь, я собираюсь напоить тебя какой-нибудь гадостью?!

Он наполнил бокалы густым темно-лиловым вином, пахнущим терпким виноградом.

– За что пьем? – спросил я.

Он на мгновение задумался, а затем отсалютовал мне:

– За надежду!

Вино оказалось превосходным. Даже такой «ценитель», как я, это понял. Вор довольно зажмурился, цокнул языком:

– Хороший все-таки урожай был в том году.

– Боги являются к людям во сне? – неожиданно спросил я.

Он рассмеялся, догадываясь, куда я клоню:

– Разве что только к сумасшедшим.

– То есть...

– Никому не пожелаю быть богом. У этих ребят столько проблем. Все чего-то просят, требуют, жалуются. Пыльная работенка. Забот полон рот. Нет, приятель. Это не по мне. Я предпочитаю слушать ветер и следить за тем, на кого он укажет.

Я не слишком понял, о чем он, и зашел с другого конца:

– У йе-арре существует легенда.

Гаррет небрежно отмахнулся:

– Я сам сочиняю такие по пять раз на дню. Я – не бог, и покончим с этим.

– Право, жаль, – пробормотал я. – Только-только собрался назвать тебя Мелотом.

Он искренне расхохотался:

– Ты несколько опоздал. Надо было обращаться с этим к настоящему Мелоту, а не ко мне.

Заметив недоумение на моем лице, он пояснил:

– Старина Лерек так и не смог убедить вас не лезть в лапы к Проклятой. Он, знаешь ли, порой любит покататься по миру на своей телеге.

Я с иронией подумал, что могучий жрец такой же бог, как я Высокородный, и допил вино:

– То есть все, что сейчас со мной происходит – не сон.

Гаррет с усмешкой ущипнул меня. Я дернулся, ругнулся.

– Не слишком-то похоже на сон, да? – спросил вор и протянул мне бутылку. – Как твоя жена?

– Лучше, чем прежде.

– Это хорошо, – серьезно кивнул он. – Я рад.

– Кто ты? Скажи.

Вор вздохнул:

– Тот, кто создал все это. – Он небрежно указал рукой на небо, воду, солнце.

Я задумался и осторожно уточнил:

– То есть... бог?

– Да дались тебе эти боги! – раздраженно бросил Гаррет, забрав у меня бутылку. – Как будто без них нельзя обойтись! Вовсе не надо быть богом, чтобы создать мир. Впрочем, возможно, у тех, кого ты так называешь, это получилось бы гораздо лучше, чем у меня.

Улыбка у него была невеселой, а глаза сразу же стали усталыми:

– Когда я был очень молод и глуп, одна моя знакомая как-то спросила – какой бы я создал мир, будь у меня такая возможность? Я ответил, что сделал бы землю, где вокруг горы золота и нет никаких стражников. Она долго надо мной потешалась. Говорила, что от вора ничего иного и не ожидала. Тогда я сказал, что сделал бы так, чтобы всем было хорошо. Никто не должен страдать и ни в чем нуждаться. И вновь она смеялась. Потом, много лет спустя, я понял, что она была права. Законы мироздания сильнее тех, кто создает по ним. Нельзя сделать мир без боли, ненависти, смерти и крови. Нельзя создать мир без света, радости, надежды и любви. Иначе он получится ущербным.

Он помолчал, сделал глоток, вернул мне бутылку и продолжил:

– Я старался, но творение получилось неудачным. Возможно потому, что Хара – в чем-то отражение своего создателя, а он не идеален. Что взять с обычного вора?

– Всегда есть шанс все начать заново.

Гаррет рассмеялся:

– Ты даже не понимаешь, что сказал. Чтобы начать новое, следует уничтожить прежнее. Вряд ли ты этому обрадуешься. Впрочем, я никогда на это не пойду. Не привык бросать начатое на полпути, знаешь ли. Этот мир раздирают войны, но в нем все же много хорошего. Поэтому я пытаюсь

его спасти.

– А ему что-то угрожает? – я смотрел, как одна из шхун, подняв паруса, медленно выходит из гавани.

Он загадочно пожал плечами:

– Основа Хары – «искра». Магия. Но в последнее время она стала покидать этот мир. И он начал разрушаться. Я бы этого очень не хотел. Поэтому Хару надо вернуть к изначальному состоянию.

– Ты говоришь о Серой школе?

– Серая школа – лишь первый шаг.

– Но это шаг к уничтожению! – возразил я ему.

– С чего ты так решил? – удивился он.

– Люди, живущие почти вечно, да еще и обладающие сокрушительной силой, вполне могут счесть себя равными... богам.

Он вновь поморщился, услышав это слово, но я продолжил:

– То-то будет весело, когда таких бессмертных станет несколько сотен. Или тысяч. Рано или поздно они чего-нибудь не поделят, и все закончится очень печально. Например, очередным выжженным материком.

Он задумчиво кивнул:

– Нельзя жить вечно, Нэсс. Это нарушает законы мироздания. Конфликты возможны, не спорю, но думать об этом пока рано. А о том, что изначальная, серая магия приведет к катастрофе... Я скажу тебе так – пока тьма и свет были единым целым, Хара расцветала и жила в относительном мире. Но люди всегда найдут себе проблему. Их споры, что лучше – свет или тьма – привели к Расколу. А Раскол завершился гибелью Западного материка и всем тем, что мы имеем сейчас. «Искры» оказались разделены, и спустя тысячелетия от магии прошлого осталась лишь память, да и то – обрывки.

– Но раз ты смог создать Хару, то, наверное, мог бы и остановить прежних людей в самом начале той истории.

– Мог. Но не стал. Или не уследил. Уже не помню, если честно. Проблема долгоживущих и не слишком мудрых людей – скука и любопытство. Я решил посмотреть, что будет дальше без моего вмешательства. А мир начал умирать. Ему не хватало серой «искры». Магия уходила сплошным потоком, не видимым для одной человеческой жизни, но заметным поколениям.

– И тогда ты решил возродить ее? Старый Дар? Скульптор – ведь это ты подсказал ему с чего начать?

– Ты не зря читал его дневник, – усмехнулся вор. – Я искренне считал, что от появления серой «искры» будет только лучше, но благими

намерениями выстлана дорога в Бездну. Кавалар не понял, не смог, не увидел пути. Я писал о любви, но он взял в основу своих плетений лишь силу и боль. Лишь два Дома из трех оказались в его Даре.

– Но он многого достиг.

Гаррет оглянулся назад, туда, где на вершине холма высилась Башня, построенная великим магом прошлого.

– Не спорю. Он был талантлив. Целитель возродил «искру», но она оказалась ущербной. Извращенной. Слишком темной, чтобы ее можно было назвать серой. Идеала не получилось, Кавалар сошел с ума, затем его убили, весь план полетел в Бездну, а Хара продолжила медленное увядание.

Я выпил, передал бутылку, сказал:

– А затем появились Проклятые.

– Рано или поздно это должно было случиться, – вздохнул Гаррет. – Кавалар оставил записи, как пробудить «искру». И хотя те, кого ты называешь Проклятыми, были правы в том, что пора менять основу Дара, они не смогли этого сделать из-за ошибки Скульптора, посчитавшего, что любовь – это слишком размытая, непонятная основа по сравнению с силой и болью. Вместо того, чтобы соединить все грани, они обратились к Бездне, и вновь разразилась война. «Искра» изменила их, как когда-то изменила Целителя. Их Дар стал гораздо более ущербен, чем у тех, кого теперь называют Ходящими и некромантами. Хотя, конечно, он был не в пример сильнее, чем у других.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но он меня опередил:

– Знаю, о ком ты скажешь. О Гиноре. Рыжей удалось разорвать порочный круг. Именно поэтому Лаэн стала первой настоящей «искрой» из прошлого за тьма знает сколько тысячелетий. А ее учеником стал серый Целитель. Они не несут в себе червоточины, что жила в Проклятых, и способны вернуть в Хару изначальную магию.

– Как у Гиноры получилось избавиться от тьмы? Это потому, что она перестала сражаться?

Гаррет фыркнул:

– Это было бы слишком просто. Когда Проклятая нашла твою Лаэн – девочка умирала. Гиноре пришлось пожертвовать половиной своей оставшейся силы ради другого человека. Ей пришлось перелить в ребенка часть своей личности, отдать частичку себя, и из-за этого намного ускорить свою гибель.

– Но в то же время получить шанс выжить, – сказал я. – Ведь теперь ее «я» в Лаэн.

Он пожал плечами:

– Я бы не назвал это жизнью. Но важно другое. Проклятая пожертвовала собой осознанно. И она полюбила девчонку, стала считать ее своей дочерью. В какой-то степени после всего случившегося именно так и было. Любовь, мой друг, прекрасное чувство. И в чем-то даже целебное. Даже для ущербной «искры». В день, когда Гинора спасла Лаэн, она коснулась Дома Любви. Того самого, что был недоступен Скульптору.

– Так просто? – прошептал я.

Он погрозил мне пальцем:

– А вот это было как раз не просто. Скорее невозможно. Я узнаю этот подозрительный взгляд.

Он улыбнулся, и я хмыкнул:

– Что-то мне подсказывает, что без тебя и здесь не обошлось. Это ты подсказал Проклятой, что следует сделать, чтобы спасти ребенка?

– Опосредованно, – небрежно ответил он, с сожалением глядя на остатки вина. – Признаться честно, я не предполагал, что из этого хоть что-то может получиться.

– И теперь у тебя есть серый Целитель, который создаст школу?

– Это еще неизвестно. К тому же, он есть не у меня, а у этого мира. Что получится в итоге – покажет время. Время, Нэсс, лучший судья, чем мы все вместе взятые.

– Не понимаю я тебя, вор. Раз ты так много знаешь, умеешь и можешь, то почему бы самому все не сделать? Не возродить «искру»? Не спасти мир? Ведь ты на это способен. Я уверен. Что? Есть какие-то правила, чтобы ты этого не касался?

Он взял сумку, стряхнул с нее несуществующую пылинку, на мгновение задумался:

– Правила? Нет никаких правил. Правила и жесткие рамки – не для Хары. Я дал этому миру свободу и не желаю ее отбирать. К тому же, когда ты всесилен, приходится придумывать ограничения. Не для мира. Для себя. Иначе жизнь теряет всякий смысл, если в любое мгновение можно достать луну с небес.

– Но почему мы? Почему я, а, к примеру, не Шен? Ведь он же Целитель! – возмутился я.

– Если ты считаешь себя менее важным в этой картинке, то ошибаешься. Ты – человек, который вспоминает о своей совести... Иногда. А это уже немало. Не все на это способны в наше смутное время. Не говоря уже о том, чтобы любить по-настоящему.

– Как будто я один такой.

Он усмехнулся:

– Возможно. Помнишь, что писал в своем дневнике Кавалар? Он знал о значении любви, но, к сожалению, так и не смог ее испытать. Я строил этот мир на любви, я вложил ее в Хару. Любовь является основной, самой сильной магией. Благодаря ей выжила Лаэн. Ее дух остался с тобой лишь из-за вашей любви. И поэтому она возродилась в этом Доме.

Я подумал над этим. Кивнул.

– Нам с Лаской повезло, что рядом был Шен.

– Вам с Лаской повезло, что малыш оказался добросердечным и понял, что такое любовь, гораздо быстрее Кавалара. Только такой Целитель способен совершить осмысленный перенос духа из тела в тело, а не как это было с Тиф – по нелепой случайности. Впрочем Тиа ал'Ланкарра сыграла свою роль в этой истории, и с ней я уже расплатился.

– Этот мир придуман...

– Ради чего? – резко оборвал он меня, но я промолчал, и он негромко сказал: – Возможно, весь этот мир был придуман только ради вас двоих. Кто знает?

Он встал с насиженного места, перебросил сумку через плечо, посмотрел на солнце:

– Мне пора. Я приходил попрощаться.

– И что теперь? Хара спасена? – с любопытством поинтересовался я у него.

– Ну, по крайней мере, у нее появился какой-никакой, а шанс, – улыбнулся вор. – Одно могу сказать тебе точно – эта история подошла к концу. Но будут и другие. Бывай, Серый, и держись ветра. Он выведет.

Гаррет похлопал меня по плечу и пошел прочь. А я остался сидеть на крыше, щуриться на солнце, смотреть на гавань и голубей, взлетевших в небо.

Глава 34

Когда в дверь постучали, мастер Ильфа не удивился, хотя нар был уже поздний, за окном стемнело, и лавка давным-давно была закрыта. Старый морасец ждал покупателя и поэтому впервые за сорок лет изменил собственным привычкам и не лег спать засветло. Заказчик был странный, да и запросы у него оказались существенные, но он платил очень серьезные деньги, и на все капризы можно было закрыть глаза.

Деньги делали сварливого мастера Ильфа гораздо более терпимым к окружающим.

Нетерпеливый стук повторился, морасец затушил все свечи, кроме одной, как этого требовал клиент, и раздраженно крикнул:

– Иду! Иду!

Шаркая ногами, он поспешил к двери, вытирая руки о фартук и ворча под нос о торопыгах, которых во время его молодости никогда не было, поднял засов и отступил в сторону, приглашая позднего гостя войти.

– Все готово, – сказал мастер, кашлянув в кулак. – Конечно, были проблемы с материалом. Этот металл и раньше-то встречался крайне редко, а когда сто лет назад последняя шахта в Грогане истощилась, так и вовсе днем с огнем не сыщешь. Пришлось побегать. Старые связи порой начинают приносить свои плоды, когда этого уже и не ждешь.

Заказчик, облаченный в тяжелый черный плащ с глубоким, непроницаемым капюшоном, аккуратно, один за другим, положил на стол шесть крупных, больше перепелиного яйца, урских бриллиантов – вторая часть оплаты за работу морассца.

Даже в свете одинокой свечи голубоватые камни были подобны слезам богов, и внутри них пульсировало живое пламя. Мастер Ильфа степенно кивнул, убрал сокровища в мешочек, мельком взглянул на старое кольцо на пальце клиента – настоящую редкость – и сказал:

– Польщен, что вы платите, даже не оценив моей работы, госпожа.

– Ваша репутация говорит сама за себя.

У нее был прекрасный голос, немного странный, но приятный акцент и очень чистое произношение. Морасский не был ее родным языком, но говорила она на нем практически идеально. Старик подумал, что жаль, он так и не смог рассмотреть лица незнакомки.

– Подождите, пожалуйста, минку. Сейчас я принесу ваш заказ.

Он зажег вторую свечу, прошаркал в соседнюю комнату, достал из

кармана ключик на цепочке, отомкнул потайную дверцу в стене и достал шкатулку из белого синского кедра. Принес, поставил перед незнакомкой.

– Вот. Все ваши пожелания были учтены. Мерки оказались идеальными.

Повинуясь едва заметному жесту изящной руки, он откинул крышку, чтобы женщина смогла увидеть лежащую на черном бархате прекрасную белую маску из гроганского серебра.

Капитан Даж, владелец шхуны «Огнерожденный» стоял недалеко от грот-мачты и, облокотившись на планширь^[3], шурился, наблюдая, как заканчивается погрузка припасов. Грузчики закатывали на борт последние бочки, матросы вернулись с берега и теперь бурно обсуждали вчерашнюю гулянку, подружек и скорое плавание.

Подошел Рюк, сказал, что все пошлины уплачены, начальник порта подписал разрешение на отплытие. Даж довольно кивнул ухмыльнувшемуся помощнику, сам довольно осклабился, пробормотав про тухлую селедку.

Никто из его команды не думал, что еще когда-нибудь вернется в Альсгару. После того, как в последний раз их взяли за перевозкой пылицы счастья, «честные торговцы» чудом сохранили корабль и свободу. В тот день когда Рован напал на город, им удалось под шумок вырваться из пылающей гавани. Тогда Даж клялся морскими кракенами и всеми ветрами, что и близко не подойдет к берегам Империи, пока его хорошенько не забудут. Но все сложилось иначе, и после захода в порт Грогана их наняли, чтобы перебрасывать через Устричное море припасы и оружие в осажденный город.

А спустя полгода именно «Огнерожденный» смог проскочить мимо набаторских охотников и отвезти Мать и Ходящих из Совета в Лоска. Так что теперь все прежние прегрешения контрабандистов в Альсгаре были забыты, и они начали жизнь с чистого листа.

Нынешний поход в Золотую Марку обещал стать прибыльным предприятием из-за редких северных товаров, перекупленных за бесценок у какого-то паршивого каботажника. Впрочем, это не помешало прижимистому Дажу не забывать и о других выгодах и взять к себе на борт четырех пассажиров. Лишних соренов, как известно, не бывает.

Сейчас эти четверо стояли на берегу, совсем недалеко от шхуны, и дуящий от берега ветер прекрасно доносил до капитана их слова.

С двумя из них старый морской волк уже имел дело. Тот самый светловолосый тип, а вместе с ним и молодой парень, что были на шхуне в

день, когда она на всех парусах неслась из подожженного набаторцами города. С тех пор многое изменилось. Паренек, в тот раз все время страдавший от качки, возмужал, и Даж поначалу даже не узнал его. А вот светловолосый остался таким же, как прежде – хмурым, малоразговорчивым и опасным.

Женщины, путешествующие с ними, были капитану незнакомы. Обе молодые и улыбчивые, они всегда находились рядом со спутниками или же о чем-то тихо беседовали между собой. Куда делась та, что была с Серым в прошлый раз – Даж спрашивать не стал. В чужие дела, особенно дела подобных людей, капитан старался без нужды не лезть.

Новая женщина ничем не напоминала прежнюю. Лишь глаза у нее, как и у прошлой, были цвета глубокого моря – нереально синие.

– Их там очень много! – восторженно сказала русоволосая девушка. – Целая библиотека! Настоящий кладезь знаний! Кавалар нашел для нее отличное место!

Разговор о фолиантах шел уже несколько минок и не представлял для Дажа никакого интереса. Он мало интересовался книгами, если, конечно, они не касались мореплавания и судоходства.

– Жаль, что нельзя увезти их все с собой, – посетовала говорившая.

– Того, что у тебя в мешке, вполне хватит, – успокоила ее синеглазая женщина.

– Вот так, собака!

Троица, провожавшая пассажиров «Огнерожденного», была весьма колоритной. Рыжий варвар, воин с поврежденной рукой и маленькая болтливая зеленая не то белка, не то крыса, не то кошка. Подобных тварей раньше капитан никогда не видел.

– Куда вы теперь? – спросил у них светловолосый.

– Думаем все-таки побывать в Корунне. Тогда ведь не сложилось, лопни твоя жаба. А тут милорд Рандо приглашал к себе в гости.

– Будете у него, не забудьте передать Альге, что мы ее ждем, – попросила девушка, восторгавшаяся книгами.

– Конечно, госпожа, – сказал северянин.

– Ты и соскучиться не успеешь, Рона, – улыбнулась синеглазая. – Она будет с нами уже в начале осени.

Та кивнула и сказала что-то так тихо, что Даж не расслышал.

– А после Корунна? – спросил Серый.

– К Вратам Шести Башен. Теперь нам есть куда вернуться, – ответил воин, и его рыжий приятель согласно кивнул.

– Вот так, собака! – пискнул зверек.

Снова подошел Рюк и отвлек капитана от разговора пассажиров. Даж выслушал доклад, кивнул, отдал последние распоряжения, а когда вновь обратил свое внимание на берег, пассажиры уже попрощались с троицей и поднимались на шхуну.

– Когда отплываем? – спросил Серый.

– Отходим, – поправил его капитан. – Через полнара. Если ветер не переменится.

Мужчина поднял взгляд к небу и потянул носом воздух:

– Не переменится. Сегодня он нам сопутствует.

Я открыл глаза, привыкая к полумраку, царящему на второй палубе. На шхуне была единственная каюта, и капитан уступил ее нам за соответствующую плату, а мы с Лаэн отдали Шену и Роне, расположившись в закутке, возле спуска в трюм.

Моего солнца рядом не было, но прежде, чем встать, я несколько минок пролежал не шевелясь, чувствуя как «Огнерожденного» качает на волнах, слушая храп матросов и скрип корабельной снасти.

Уже несколько месяцев мне не снилось ничего необычного, и когда я просыпался, мне частенько казалось, что я все еще сплю, а на самом деле нахожусь где-нибудь в снегах Катугских гор или в сердце болот, или в Брагун-Зане. Порой было очень тяжело заставить себя поверить в то, что все уже позади.

Двухнедельное плавание в Харог, столицу Золотой Марки, подходило к концу. По словам Дажа, сегодня мы должны прибыть на место. Я встал, нашарил сапоги, обулся, вышел из огороженного натянутой парусиной угла и осторожно направился вдоль палубы к трапу, стараясь не задевать спящих в подвесных койках матросов.

По пути я в который раз думал, что мне не хватает оставшихся в Империи Лука, Га-нора, Юми. Да и Гбабака – тоже. Вот уж не думал, что такое вообще может быть.

Мы попрощались с друзьями в гавани, и никто не знал, встретимся ли когда-нибудь.

Наверху было раннее утро, в небе висела легкая дымка, свежий ветер, сильный и резвый, надувал косые паруса, подгоняя «Огнерожденного». Капитан Даж стоял у штурвала, пара человек из команды исполняли приказы горластого Рюка. Я огляделся и увидел Лаэн на баке. Она сидела в одиночестве, подставив лицо попутному ветру, развевающему ее волосы, и смотрела на покрытое белыми барашками волн море. У нее на коленях лежала одна из книг, взятых в тайной библиотеке Скульптора, скрытой в

храме Мелота, где мы когда-то провели ночь.

Увидев меня, Ласка улыбнулась и помахала рукой. Помахав в ответ, я поспешил к ней. Подошел, обнял, поцеловал, зарылся лицом в душистую гриву волос.

– Почему не спишь? – спросил я ее.

– Томлюсь в ожидании, – отозвалась она. – Хочу увидеть Золотую Марку первой. Мы слишком долго в нее стремились, чтобы я пропустила этот момент.

Я рассмеялся, кивнул на книгу:

– Смогла отнять у Шена игрушку?

– Они с Роной вчера торчали под фонарем допоздна. Целитель говорит, что, кажется, понял, как можно вырастить новые Лепестки Пути. Смотри!.. Смотри!

Она разом забыла о книге, вскочила, подалась вперед. Я взял ее за руку, и мы вместе увидели, как из-за горизонта появляется берег новой земли. Ветер, когда-то пойманный за хвост, все-таки донес всех нас почти до последней черты.

Февраль – июнь 2008

Москва

Глоссарий

Алая Палата (Алый Орден) – подчиняется Наместнику. Заклинатели-демонологи, входящие в состав Ордена, борются с прорвавшими реальность мира Хары созданиями Бездны, а также с духами и призраками. В отличие от Ходящих, заклинатели не обладают «искрой», и их умение основывается на ритуальной магии, эликсирах, формулах и символических рисунках. Глава Алых – магистр Ордена.

Альсгара – крупнейший город южной Империи. Основан более тысячи лет назад на скалистом уступе недалеко от Устричного моря. Основной рост и развитие получил при Скульпторе, который отстроил два крупных храма Мелота, три первых кольца крепостных стен, Башню Ходящих, подземные катакомбы для стока вод, дворец Наместника и многое другое.

Бездна – по поверьям мира Хары, именно сюда попадают души грешников. Населена демоническими созданиями, которые порой умудряются прорваться во «внешние миры». Именно Бездна дает «тепло» «искрам» тех, кто обратился к темной стороне Дара.

Блазги – раса, живущая в Великих блазгских болотах на юге Империи. Большая часть блазгов никогда не покидает родину и крайне редко приходит в человеческие города.

Блазги считаются отличными бойцами. Во время Войны Некромантов они встали на сторону Империи и сформировали Болотный полк, ставший одним из самых эффективных и боеспособных подразделений Второй Южной армии. Имеют отталкивающую внешность, человеческая речь для них очень трудна, поэтому овладевают ею лишь единицы.

Блазги проходят несколько степеней развития. Период младенчества – неразумные лигины, похожие на огромных плотоядных головастика. Лягушата – период детства. Сийри – период юношества, когда все особи имеют одинаковый (женский) пол. В конце этого жизненного отрезка у половины сийри происходит трансформация в мужские особи. Далее следует период весали – распределение мужских молодых половозрелых особей по кастам: рабочие, строители, охотники, воины, жрецы, руководители, воспитатели, торговцы, вершители и говорящие с Квагуном.

Каста воинов носит название Кваг.

Болота Эрлики – расположены за Катугскими горами и занимают обширные территории на востоке северной части Империи. Знамениты тем, что именно в них во время Войны Некромантов вместе со своей армией погибла одна из Восьми Проклятых – Гинора.

Брагун-Зан (Мертвый пепел) – каменистые пустоши на севере Империи. Здесь произошло одно из решающих сражений в Войну Некромантов. Номинально входят в состав страны, хотя живущая здесь раса нирит считает себя свободным народом. Центром Брагун-Зана является Грох-нер-Тохх (Громкопоющая гора) – спящий вулкан.

Великая Пустыня – огромная территория за Сдисским королевством.

Великий упадок – период времени между смертью Скульптора и Войной Некромантов. Занял около пятисот лет. Именно в эти века Ходящие потеряли множество секретов Искусства и лишились возможности создавать новые плетения.

Война Некромантов – война, разразившаяся после Темного мятежа и захватившая всю южную и часть северной Империи. Армия Проклятых сражалась против армии Империи и Ходящих. К магам-отступникам присоединились Сдис и Набатор. Война длилась пятнадцать лет и полностью обескровила юг страны.

Итогом борьбы стало поражение Шести (одной из причин проигрыша послужила гибель Холеры). Они ушли в Сдис, а затем за Великую Пустыню. Империя, в свою очередь, потеряла территории за Самшитовыми горами, которые отошли Набаторскому королевству.

Воронье Гнездо – мощная крепость, защищающая дорогу на Альсгару с востока.

Врата Шести Башен – неприступная цитадель, перекрывающая единственный проходимый перевал в западной части Самшитовых гор. Это самый удобный путь в Империю с юга. Крепость отстроена Скульптором около тысячи лет назад. Ни разу не была взята штурмом.

Высокородные – раса лесных жителей – эльфов, живущая в лесах

Сандона и Улорона. Несколько веков Высокородные воевали с Империей за восточную часть Самшитовых гор и перевалы, ведущие на юго-восток в Необжитые земли. Череда войн закончилась тем, что эльфы были изгнаны вначале из Улорона, затем взяты в кольцо в Сандоне и разгромлены на Гемской дуге. Королю Высокородных – дельбе Васкэ – пришлось подписать мирный договор, хотя некоторая часть Домов этого племени была против союза с Империей.

У Высокородных семь Великих Домов: Дом Земляники (в данный момент Правящий), Дом Росы, Дом Ивы, Дом Тумана, Дом Бабочки, Дом Лотоса и Дом Искры. В каждый Дом входит пятьдесят Высокородных семей.

Эльфы считают стрельбу из лука недостойной мужчины, поэтому этим оружием у них пользуются только женщины (Черные лилии).

Вышестоящие – название колдунов-некромантов Восьмого круга, самых сильных магов Сдиса. Вышестоящие держат в своих руках всю власть над страной, подчиняясь лишь Проклятым.

Гаш-шаку – второй по величине город южной Империи. Родина Скульптора, построившего здесь оборонительные укрепления. Именно поэтому некоторые называют его город Кавалара.

Гемская дуга – название местности недалеко от Сандона, где произошло последнее крупное сражение между людьми и Высокородными, закончившееся победой Империи и подписанием мирного договора между двумя расами.

Герка – город в Самшитовых горах. Был оставлен во времена Войны Некромантов. Номинально до сих пор принадлежит Империи, хотя вот уже пять веков является заброшенным.

Гийян – мастер-убийца. Слово произошло от блазгского гийянджаггарраттанда – «убийца, которому платят награду».

Дети Ирбиса (сыны Ирбиса) – название одного из семи кланов северян, живущих в Льдистых землях, на севере Империи. Кроме клана Ирбисов, существуют кланы: Снежных Белок, Медведей, Сов, Куниц, Лосей, Волков.

Избранный – человек, прошедший Круг Некромантов – магическую школу Сдиса.

Йе-арре – раса крылатых существ, попавших в земли Империи после того, как часть их племени превратилась в Сжегших душу. Раньше жили за Великой Пустыней.

Йе-арре в течение многих веков живут с людьми бок о бок. Ткани, созданные этим племенем, высоко ценятся во многих странах, и именно благодаря этому товару Сыны Неба преумножают свое богатство.

Книга Призыва – главная книга заклинателей, в которой собраны основные заклятья по борьбе с демонами.

Круги Сдиса – школа некрмантов Сдиса. Состоит из восьми кругов. Последний считается высшим. Колдунов, дошедших до него, Проклятые берут в ученики.

Лепестки Пути – созданные Скульптором порталы, способные перемещать людей на немыслимые расстояния за несколько мгновений. Порталы могут активировать только опытные Ходящие. Скульптор до самой смерти не раскрыл секрета создания Лепестков, и больше никто из магов не сумел сотворить новые порталы.

Считается, что во время Темного мятежа Мать Ходящих, Сорита, усыпила центральный портал, а вместе с ним и остальные порталы – и с тех пор они перестали действовать. Все попытки «разбудить» их оказались безуспешны.

Лес Видений – дикие земли на границе Болот Блазгов и Самшитовых гор. Практически не исследованы людьми.

Лесной край – территория от Болот Блазгов до восточных отрогов Самшитовых гор, занимающая большую часть юга Империи.

Лестница Висельника – создана за триста лет до рождения Скульптора магами прошлого. Кавалар изменил и усовершенствовал ее, создав рукотворный перевал через Катугские горы в виде узкой лестницы с огромным количеством ступеней и укреплений. Ведет на север Империи из южных областей.

Морт – порождение магии колдунов Сдиса. Создания, не живые, но и не мертвые, собственноручно отрубают себе нос, уши, язык, и наносят на лицо уродливые шрамы. О жестокости, живучести и изворотливости мортов ходят легенды. В землях Империи эти существа не появлялись со времен Войны Некромантов.

Морассия – страна, славящаяся на весь мир Хары своими мастерами-оружейниками, а также ювелирами и изобретателями.

Набатор – большое и сильное королевство за Самшитовыми горами. Враждует с Империей за ее юг, который на заре времен принадлежал Набатору.

Нириты – раса, обитающая в Брагун-Зане. Поклоняется горе Грохнер-Тохх. Довольно лояльно относится к людям, хотя и не признает себя подданными Империи. Ниритами правит королева, которую называют Занна-кун (Пепельная дева).

Огоньки – маги, использующие светлый Дар. В отличие от Ходящих не способны создавать сложные плетения заклинаний и управлять Лепестками Пути. Однако, умеют передавать жар «искры» другим магам, тем самым усиливая их.

Окни – большой город, находящийся между Катугскими горами и Перешейками Лины.

Перешейки Лины – две каменистые тропы, проходящие через Болота Шетта. Естественная преграда к Лестнице Висельника и Окни, охраняющая юго-восток Империи.

Повелители – так называют Проклятых колдуны Сдиса.

Приграничный край – территория между Империей и Набатором. Считается землями Набатора, но из-за огромного количества говов, населяющих этот участок Самшитовых гор, не обжита.

Про́клятые – восемь Ходящих-мятежников, уцелевших после Темного мятежа. Корь – Митифа Данами (Серая мышка, Тихоня, Дочь Утра, Стиллет Востока, Убийца детей). Лихорадка – Ретар Ней (Альбинос,

Старший). Оспа – Аленари рей Валлион (Палач Зеркал, Звезднорожденная, Сестра Сокола). Проказа – Тальки Атруни (Отравляющая Болото, Мать Тьмы, Дарующая жизнь, Мрак Пустыни). Тиф – Тиа ал'Ланкарра (Убийца Сориты, Дочь Ночи, Скачущая на Урагане, Пламя Заката, Клинок Юга). Холера – Гинора Рэйли (Бич Войны, Лисичка, Рыжик, Рыжая). Чахотка – Рован Ней (Владыка Смерча, Сын Вечера, Топор Запада). Чума – Лей-рон (Несущий свет).

Рейнварр – самый большой лес Империи, расположен на северо-востоке, за Катугскими горами, недалеко от болот Эрлики.

Сандон – леса на востоке Империи, у Самшитовых гор, населенные Высокородными.

Сжегшие душу (шей-за'ны) – народ, родственник йе-арре. Живут за Великой Пустыней и являются непревзойденными лучниками. По легендам Сынов Неба, шей-за'ны пошли против своего бога, именуемого у этих народов Танцующим, и были наказаны. У них отобрали души и крылья.

Скульптор – Кавалар, величайший маг в истории Хары.

Сорита – Мать Ходящих, погибшая во время Темного мятежа.

Счастливые Сады – по поверьям мира Хары, в них уходят души праведников. Именно из Садов черпают силу для своих «искр» носители светлой стороны Дара.

Темный мятеж – был поднят группой Ходящих, желавших изменить правила обучения и владения магией. После мятежа восемь уцелевших магов-отступников стали именоваться Проклятыми.

Улорон (Страна Дубов) – первая родина Высокородных, леса у Катугских гор, отвоеванные Империей у этой расы и возвращенные после заключения мира в обмен на восточную часть Самшитовых гор и Восточные земли.

Хилсс – посох некроманта. Этот магический артефакт получается в результате череды сложных ритуалов и является полумертвой-полуживой вещью, магия которой пробуждается, только если ее владелец «связывает»

свою душу с посохом и отдает ему часть Дара и жизненных сил. Набалдашник посоха создан в виде черепа, в точности копирующего череп того, кто управляет хилссом в данный момент.

Ходящие – маги, использующие светлую «искру». По мастерству плетения заклинаний значительно превосходят Огоньков. Также умеют управлять Лепестками Пути, но не могут передавать часть жара от своей «искры» другим.

notes

Примечания

Флейта – кованая решетка или же полые заостренные трубы, используемые вместо нее. Опускалась после закрытия ворот и использовалась как дополнительное защитное укрепление.

Приветствую вас, звезда моей жизни.

Планширь – деревянные перила поверх судового леерного ограждения или фальшборта.